

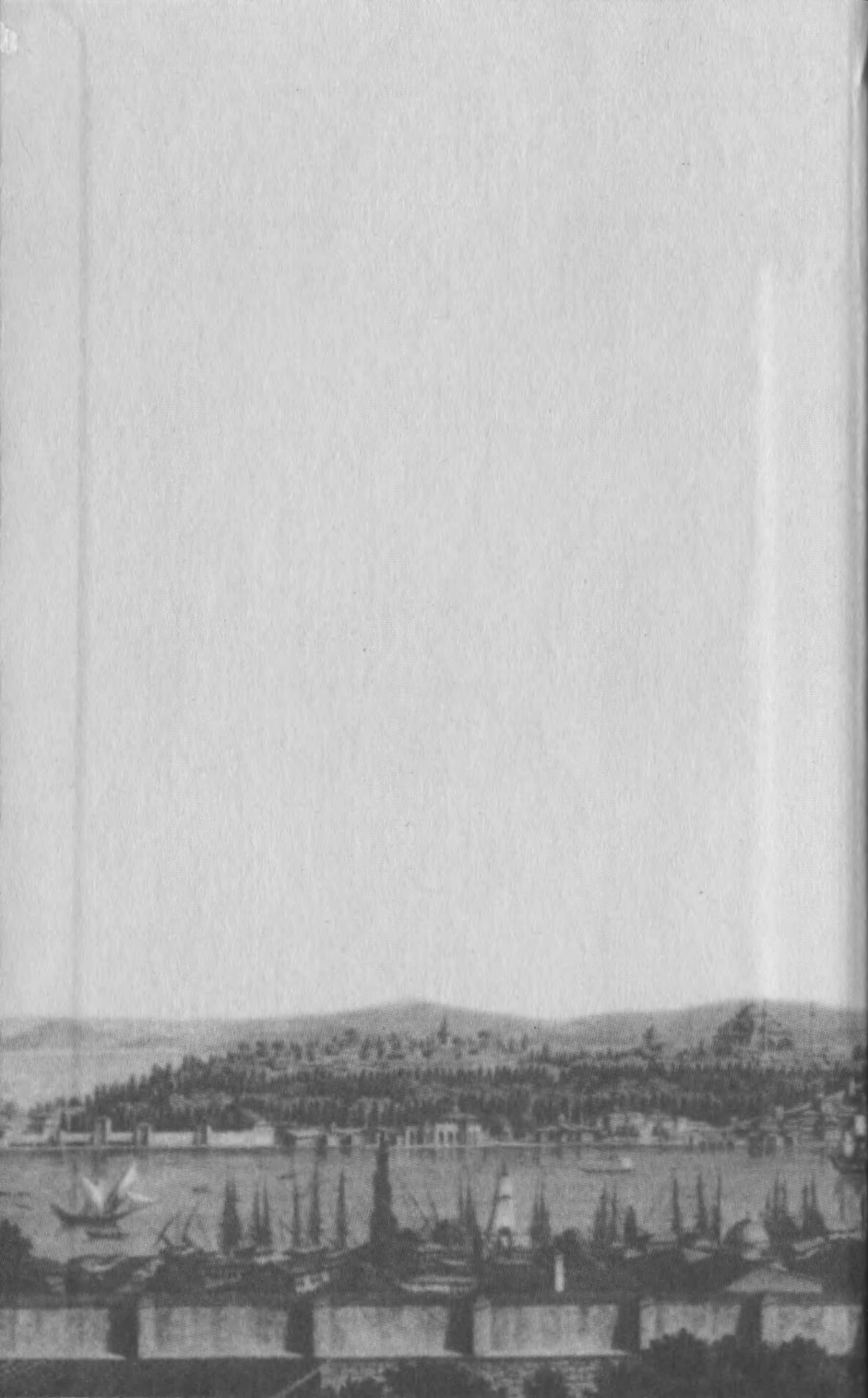
Робер Мантран

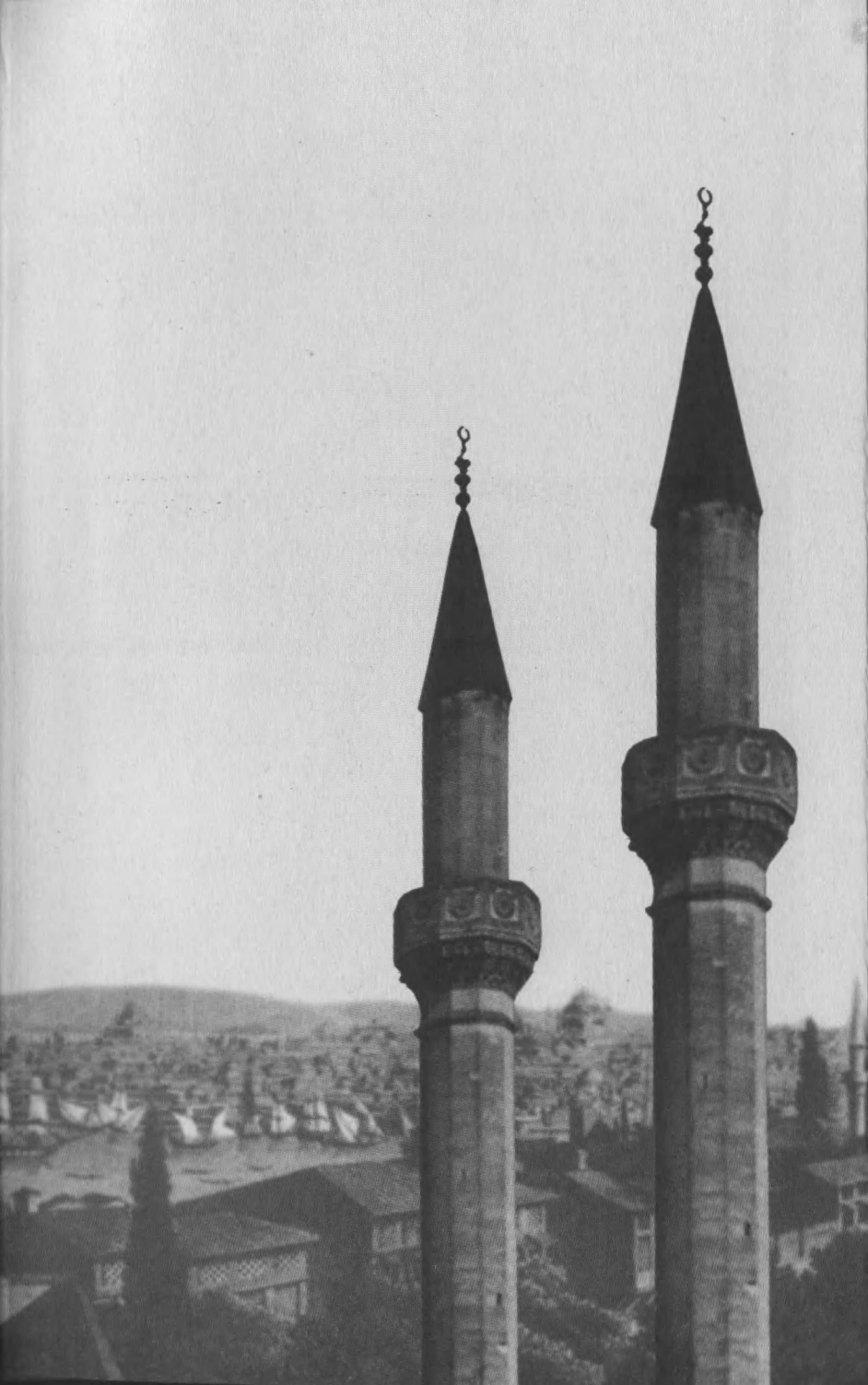
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

СТАМБУЛА В ЭПОХУ СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Робер Мантран

Robert Mantran
ISTANBUL AU SIECLE
DE SOLIMAN
LE MAGNIFIQUE

HACHETTE

ЖИЗНЬ

СТАМБУЛА
В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

УДК 94(560)“653”

ББК 63.3(5)4

М 23

Перевод с французского
Ф. Ф. НЕСТЕРОВА

Вступительная статья
М. С. МЕЙЕРА

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

Перевод осуществлен по изданию:
Mantran R.
Istanbul au siècle de Soliman le Magnifique.
Paris: Hachette, 1994

- © Hachette, 1994
- © Мейер М. С., вступительная статья, 2006
- © Нестеров Ф. Ф., перевод, 2006
- © Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2006
- © «Палимпсест», 2006

ISBN 5-235-02803-1

Мне доставляет удовольствие представить российскому читателю работу выдающегося французского востоковеда Робера Мантрана о жизни столицы Османской империи в период правления самого знаменитого турецкого султана Сулеймана (1520—1566), того самого османского правителя, которого в Европе принято называть Сулейманом Великолепным.

Настоящая публикация вряд ли будет первой книгой для россиян, все более живо интересующихся современной Турцией и ее историческим прошлым. На книжных прилавках сегодня немало различных путеводителей по всей Турции и отдельно по Стамбулу. Совсем недавно вышла в переводе на русский язык небольшая обзорная монография Дж. Льюиса, где в популярной форме рассказывается о политической, хозяйственной и духовной жизни османского общества. Тем не менее я уверен, что книга Р. Мантрана найдет в нашей стране многочисленных и внимательных читателей, ибо Стамбул XVI—XVII веков был центром самобытной и блестящей цивилизации, которая сыграла важную роль в истории человечества, но для наших современников остается малознакомой и скрытой пеленой мифов и легенд.

Р. Мантран известен в научных кругах как один из лучших специалистов по истории Османской империи. На протяжении многих лет своей жизни он плодотворно работал в

Институте восточных и славянских культур и общего языкознания университета Экс-ан-Прованса (Марсель 1) над восточными и европейскими источниками по истории мусульманского мира, в частности Турции и арабских стран средиземноморского бассейна, заслужив звание почетного профессора этого университета. Свидетельством признания высокого авторитета Р. Мантрана было его избрание на пост председателя Международного комитета по доосманским и османским исследованиям. Среди многочисленных публикаций ученого особо выделяется его капитальный труд «Стамбул во второй половине XVII века, очерк институциональной, экономической и социальной истории»¹, выполненный на основе материалов османских и французских архивов. Робер Мантран одним из первых западных османистов отказался от традиционных сюжетов, связанных с описанием военных походов, дворцовых интриг и противоборства великих держав по поводу наследства «больного человека Европы», как называли в XIX веке Османскую империю. Он обратился к изучению жизни османского общества в Средние века и Новое время. Сегодня вопросы социальной истории, связанные с экономическим и культурным развитием разных слоев и этнорелигиозных групп, входивших в состав населения Империи, составляют основное направление исследований ведущих специалистов по турецкой истории.

На базе своих архивных изысканий Р. Мантран написал и обращенную к более широкой читательской аудитории книгу, которая ныне публикуется на русском языке. Впервые она вышла в свет в 1965 году под названием «Повседневная жизнь Стамбула во времена Сулеймана Великолепного и его преемников (XVI—XVII века)»². В основу перевода положено второе издание, доработанное автором и вышедшее в 1994 году. Значимость книги Мантрана можно оценить, сопоставив ее с опубликованной в то же время работой другого видного специалиста по истории стран Ближнего и Среднего Востока Бернарда Льюиса «Стамбул и османская цивилизация»³. При раскры-

тии избранной им темы Б. Льюис использовал традиционный для западных ученых метод исследования, основанный на сопоставлении свидетельств европейских современников и османских хронистов. В своем предисловии к французскому переводу данного произведения Р. Мантран высоко оценил работу, проделанную его коллегой, особо отметив, что в ней широко представлены сведения османских хроник⁴, но сам пошел иным путем. Учитывая высокую степень субъективности свидетельств придворных летописцев и ограниченность знаний европейцев об Османской империи, он сделал упор на документальные материалы, собранные им в турецких архивах. Вполне очевидно, что степень достоверности полученной информации, а следовательно, и уровень доказательности авторских выводов во втором случае несомненно выше, чем в первом.

Обе названные выше книги Р. Мантрана в свое время произвели на меня, тогда еще аспиранта Института восточных языков при МГУ, очень сильное впечатление, определив и направление моих дальнейших исследований по истории Турции, и выбор источников. Однако с того времени прошло уже 40 лет. Они отмечены настоящим «бумом» исторических публикаций по Османской империи, существенно расширивших наше видение и понимание процессов, которые переживались этой державой. Сегодня мы должны признать, что дихотомия «расцвет-упадок», которая лежала в основе взглядов Р. Мантрана и других ученых тех лет, представляет собой упрощенную интерпретацию османской действительности XVI—XVII веков. Нет достаточно убедительных свидетельств, что уровень как хозяйственной, так и духовной жизни в османской столице XVII века был существенно ниже, чем в предыдущем столетии. Точнее было бы сказать, что повседневная действительность существенно изменилась в результате дальнейшей эволюции основных институтов Османской державы. В этих условиях не могло быть и речи о возвращении к порядкам XVI века. Подобная ситуация современниками воспринималась как свидетельство

упадка державы, но для историков очевидно, что перемены обеспечили длительное ее существование. Так османская ситуация в указанные столетия выглядит сегодня, но трудно сказать, как будет она осмысливаться нашими преемниками спустя еще 40 лет. В одном читателю можно заверить: исторические материалы о Стамбуле и его жителях, обнаруженные и введенные в научный оборот французским историком, будут и в дальнейшем составлять прочную основу подлинных знаний об Османской империи и ее столице.

*Доктор исторических наук,
профессор М. С. Мейер*

Во вторник 29 мая 1453 года по завершении победоносного приступа, в ходе которого турецкие войска овладели Константинополем, султан Мехмет II, прозванный с того памятного дня Завоевателем (Фатих), вступил в греческую столицу через Пушечные ворота (Топкапы). Медленно проехав на боевом коне через весь город, на улицах которого византийцы оплакивали смерть близких и гибель своей империи, он наконец спешил перед базиликой Святой Софии. Войдя в величественное здание, владыка османов сотворил благодарственную молитву и повелел обратить церковь в мечеть. В пятницу 1 июня султан, в окружении пышной свиты из высших представителей мусульманского духовенства и военных чинов, впервые совершил торжественный обряд большого пятничного богослужения. Константинополь, называемый турками Костантиние или Истанбулом¹, уже вечером дня завоевания был провозглашен столицей Османской империи. Султанской резиденцией он фактически стал только в 1457 году, когда завершилось строительство султанского дворца, заложенного около форума Феодосия.

Так в истории великого города на Босфоре была перевернута страница. В новую эпоху Стамбулу, уже успевшему стать турецким, еще предстояло войти в роль достойного наследника греческого Константинополя. Ныне,

после четырех с половиной веков турецкого присутствия, отличить одни от других исторические составные элементы города, понять, где закончился Константинополь и где начался Стамбул, не то чтобы трудно, а просто невозможно. Мехмет Завоеватель и последовавшие за ним султаны не собирались порывать преемственность, соединяющую их столицу со столицей Византии. Они не могли не отдавать себе отчета в том, что пришедшая из прошлого совокупность географических, человеческих и экономических факторов продолжает определять жизнь столицы и в их время. Вместе с тем, добавим уже мы, это никогда не прерывавшееся воздействие прошлого на настоящее не создавало непреодолимого препятствия на пути глубоких изменений в той же столичной жизни, а именно в таких ее областях, как политика, религия, общество, искусство. С полным основанием можно утверждать, что османские султаны, особенно в XVI веке, выступали как градостроители в роли преемников великих византийских императоров, от Константина и Юстиниана до Михаила Палеолога, и внесли достойный вклад в общее дело превращения Константинополя в поистине царственный город древнего и нового мира.

При Сулеймане Великолепном и его ближайших преемниках город, как и вся Османская империя, переживал свой час славы; именно этот «час» и вошел в историю под именем «века Сулеймана»*, именно к нему восходит большинство описаний европейскими путешественниками красот и чудес турецкой столицы. По ним, а также по турецким документам, которые ныне открыты вниманию историков, мы можем воспро-

* Солиман, Сулейман, Соломон — это *одно и то же имя*, которое разные народы произносят по-разному, но которое восходит к одной и той же наполовину исторической, наполовину легендарной личности царя Израиля. Еврейский *Соломон* обратился в арабского *Сулеймана*, а последний — в турецкого *Салимана*. Впрочем, турки не совсем отказались и от арабского варианта имени своего великого султана: большую мечеть, построенную в Стамбуле *Салиманом* Великолепным, они называют *Сулейманийе*. Вообще говоря, все или почти все турецкие имена в рассматриваемую в книге эпоху — арабские по своему происхождению, но не по своему произношению. В переводе они (за исключением имени самого Сулеймана Великолепного) приведены в соответствие именно с их произношением. Так, араб. *Ахмад* передан как *Ахмет*, араб. *Мухаммад* — как *Мехмет* и т. д. — *Прим. пер.*

известии достаточно близко к исторической реальности многие составляющие стороны того мира, что слишком долго оставался окутанным покровом тайны и потому служил неисчерпаемым источником всякого рода легенд и фоном для самой экзотической приключенческой литературы. Тщетно было бы искать в этом фольклоре и в этих авантюрных повествованиях хотя бы тень истины — пламенное авторское воображение оставляет слишком мало места реалиям.

Вместе с тем приходится признать, что собственно документация, документация в прямом смысле этого слова, дошедшая до нас непосредственно из века Сулеймана Великолепного, довольно скудна. Зато ее скудность щедро возмещается обилием информации о Стамбуле следующего, XVII века. Информации, к слову сказать, очень разнообразной и часто более объективной. Нет причин ее игнорировать. В области градостроительства, как и в прочих областях столичной жизни, перемены в жизни Стамбула, произошедшие в течение XVI и XVII веков, едва различимы, если различимы вообще. Они никак не отмечались жителями столицы тогда, никак не фиксируются историками теперь. Пусть же читатель не удивляется, если к описанию Стамбула XVI века будут привлечены более поздние источники. Почерпнутые из них сведения подтверждают, уточняют или дополняют информацию, дошедшую до нас прямо из той эпохи, что служит для нас предметом исследования, — из эпохи царствования Сулеймана Великолепного.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

*От Византия до Константинополя
и далее до Стамбула*

Во все времена Босфор служил проходом как между Средиземным и Черным морями, так и между Азией и Европой. Вызывает удивление то, что место будущего Константинополя не привлекало к себе внимания ни мореходов, ни кочевников, переходивших с континента на континент, вплоть до первых веков последнего тысячелетия до нашей эры, когда какие-то фракийские племена осели на берегах бухты Золотой Рог. Даже само основание Византия, на акрополе которого турецкие султаны возведут позднее свой дворец, окружено легендами, а сквозь их пелену реальные исторические факты вырисовываются очень смутно. Событие это имело место, по-видимому, около 658 года до н. э. С тех пор город мало-помалу расширялся, несмотря на вынужденное участие в конфликтах сначала между мидийцами и греками¹, затем между самими греками. Наконец наступили мирные времена, когда город попал под римскую десницу. Уже под властью римлян он превратился в один из важнейших торгово-транспортных узлов на пути между Средиземноморьем и Черным морем. Разрушенный Септимием Севером (196 год н. э.) и им же, впрочем, восстановленный из развалин, Византий достиг вершины славы, когда победитель Лициния Константин Великий превратил его в столицу восточ-

ной части Римской империи. Освященный в 330 году и вскоре нареченный Константинополем и «Новым Римом»² он получил мощный импульс к развитию вместе с огромным престижем, еще более возросшим, когда он после падения Рима и Западной империи остался единственной столицей — как имперской, так и христианской.

Феодосий II надежно защитил столицу от внешних нападений, окружив ее поясом могучих крепостных стен, которые выдержали натиск и аваров, и персов, и арабов³. Мало-помалу она превратилась в крупный город с многочисленным населением и множеством великолепных архитектурных сооружений. Среди них несравнимой жемчужиной, вершиной зодчества был всеми признан храм Святой Софии, возведенный в VI веке императором Юстинианом. Но превратности политических судеб приносили городу беду за бедой: борьбу фракций, мятежи, восстания, религиозные расколы, иконоборчество. Столица даже оказалась в руках крестоносцев (1204), которые устроили массовое избиение мирных жителей и разграбили ее сокровища⁴. Когда Михаил VIII Палеолог вернул Византии Константинополь (1261), то это был уже город с поредевшим населением и как бы сжавшийся со всех сторон. Несмотря на усилия династии Палеологов возродить былое величие имперской столицы (то были последние золотые лучи заходящей византийской цивилизации), Константинополь так и не смог полностью оправиться от учиненного погрома. Собственно греческая территория Империи постепенно сокращалась по мере захвата ее болгарами, сербами и венграми на западе и турками на востоке. Соответственно сокращались и поступления в имперскую казну. К тому же генуэзцы, обосновавшиеся в Галате на северном берегу Золотого Рога, стали вместе с венецианцами посредниками в торговле Византии с внешним миром, лишив тем самым базилиевсов львиной доли доходов. В конце XIV века османский султан Баязид I, властелин Малой Азии, Фракии и Болгарии, предпринял было осаду Константинополя, но первая попытка турок овладеть столицей Византии оказа-

лась безуспешной. Спасло Константинополь чудо. Вторжение Тамерлана в Анатолию, поражение Баязида в битве под Анкарой (1402) и вызванный этим распад турецкого государства подарили Византии отсрочку в пятьдесят лет.

Казалось ли тогда грекам, что опасность устранена полностью? Они, по всей видимости, так и не поняли того, что их нежданное спасение было делом исторической случайности, которая приостановила, но не могла остановить османов в их стремлении к высшей цели — завоеванию Константинополя.

Однако они должны были отдавать себе отчет в том, что ранее покоренные балканские народы так и остались под властью султанов, и в том, что государственное единство османов, пошатнувшееся в Малой Азии, оказалось быстро восстановленным. Еще одна попытка турок под водительством султана Мурада II овладеть Константинополем (1422) не могла, казалось бы, не раскрыть грекам глаза на размеры нависшей над ними угрозы и не побудить их к принятию самых радикальных мер ради собственного спасения. В действительности же произошло прямо противоположное. Турки сняли и осаду, и блокаду столицы, но сделали это лишь после подписания договора о мире и дружбе между базилевсом Мануилом II и султаном Мурадом II — договора, который поставил Византию в положение вассала, а султана сделал ее сюзереном. Но греки были довольны: очередная беда, как бы то ни было, миновала.

Предпоследний базилевс Иоанн VIII все же попытался спасти остатки своей империи. Надеясь получить помощь от Запада, он взял курс на сближение с Римом⁵, но ни православное духовенство, ни народные массы столицы не пожелали последовать за ним по этому пути. «Лучше турки, чем латиняне!» — таков был ответ Константинополя. Генуя и Венеция настолько были поглощены собственными проблемами, что им было не до помощи Византии. Последний крестовый поход, предпринятый против турок, плачевно закончился под Варной (1444). У греков не оставалось даже надежды на предотвращение нового натиска османов.

Последний император, Константин XI, поднялся на престол при драматических обстоятельствах. Противники союза с Римом вели яростную кампанию против императора и против партии филокатоликов; влиятельная фракция аристократии выступала против обращения к Западу с просьбой о помощи какого бы то ни было рода. И это — в то самое время, когда войска османов приближались к Константинополю и устанавливали его блокаду. Напротив «Анатолийской крепости» (Анадолу Хисар), возведенной еще Баязидом I на азиатской стороне Босфора, Мехмет II, ставший султаном в 1451 году, велел построить на европейском берегу «замок Европы» (Румели Хисар), после чего уже ни один корабль не мог пройти по проливу без соизволения турок. Вскоре османская армия окружила город.

Несмотря на все призывы о помощи, Константин XI получал в качестве подкрепления лишь обещания да добрые слова сочувствия. Правда, в конце концов все же прибыло семь сотен генуэзских солдат, но это все! Стоит также добавить, что жители генуэзского пригорода Галаты отказали грекам в помощи. 2 апреля 1453 года примерно сотысячная армия османов, обеспеченная мощной артиллерией, замкнула кольцо осады. Византийцы смогли выставить всего несколько тысяч солдат, к тому же плохо вооруженных. Борьба оказалась неравной. В распоряжении Мехмета II был также большой флот, часть которого по его приказу вошла в Золотой Рог для бомбардировки города с моря. После полуторамесячной осады на рассвете 29 мая турки пошли на приступ. Через несколько часов вооруженные силы греков были разгромлены, император убит, город завоеван. Вскоре и Галата сдалась на милость победителей. Больше не было столицы Византии, хотя остаток империи еще продолжал сопротивление на Пелопоннесе; некоторое время существовала греческая Трапезундская империя.

Весть о падении Константинополя вызвала в христианском мире взрыв эмоций, заговорили о новом крестовом походе против турок. Но и на этот раз все свелось к словам, и ровно ничего сделано не было. Судьба византийской столицы была решена: ее греческим господам пришлось уступить место господам турецким.

Турецкий марш

Взятие Константинополя султаном Мехметом II означало важный этап в осуществлении плана, который упорно проводился в жизнь османами вот уже в течение столетия, а именно — воссоздания ушедшей в небытие Византийской империи, в которой турки были бы господами. С конца XIII века — века распада державы Сельджукидов в Малой Азии⁶ — из множества фактически самостоятельных турецких эмиратов, возникших на анатолийской земле, постепенно выделяется и набирает силу эмират османов, то есть потомков Османа. Отсюда же пошел и этноним этой тюркской ветви — османы, оттоманы (первое имя — самоназвание турок, последнее — их европейское именование). Расположенный первоначально в северо-западном углу Малой Азии вдоль реки Сакарья⁷, он расширился затем за счет византийских владений, а потом и за счет соседних турецких эмиратов. Султан Орхан, основав свою столицу в Брусе (1326), вскоре сделался хозяином южного побережья Мраморного моря, затем, воспользовавшись смутой в империи Палеологов, послал свои войска на европейский континент (1354)⁸. Тем самым был сделан решительный шаг: отныне государство османов перестает быть только азиатской державой. Свои европейские претензии оно предъявляет, стремительно захватив Фракию и перенеся столицу в ее главный город — Адрианополь (1367). Цель была ясна: турки поставили своей задачей овладение всей территорией Византийской империи и завоевание Константинополя. К концу XIV века они вплотную приблизились к ее решению, так как Болгария, Македония, Сербия признали их господство, а сами они уже осаждали столицу Византии.

После катастрофы под Анкарой сыну Баязида Мехмету Челеби (Мехмету I) потребовалось десять лет, чтобы восстановить османское единство, а вслед за ним — и Османскую империю, которая, стоит заметить, в тот смутный период не испытала никакого покушения извне на ее европейскую часть. После восстановления ос-

манского могущества возобновляется и османская экспансия — при Мехмете I и Мураде II создаются все необходимые предпосылки для ее успеха. Мурад II, умирая (1451), оставляет своему сыну Мехмету II процветающую империю, многочисленную и дисциплинированную армию, а также систему гражданского управления, соответствующую поставленным перед нею задачам.

Новый султан, утвердив свою власть⁹, немедленно приступил к осуществлению самой дорогой его сердцу задачи — к окончательному уничтожению Византийской империи путем завоевания ее столицы. Которое и свершилось 29 мая 1453 года. Когда после трехдневного грабежа Константинополя турецкая армия и флот были выведены за его пределы, город лежал в развалинах и являл библейскую «мерзость запустения». Однако великие султаны XV—XVI веков вовсе не собирались предоставить его столь жалкой участи. Ими была проведена огромная работа по восстановлению и обновлению города, которая должна была превратить Константинополь, ставший Стамбулом, в первый город старого континента.

Организация власти

На следующий же день после завоевания Мехмет II прежде всего озаботился показать всему миру, что старый христианский город превратился в мусульманский: не только Святая София стала мечетью, но и большинство церквей разделило ее судьбу; ислам одержал верх над христианством, причем более старая религия приняла, казалось, решение своей судьбы без ропота.

Перед новыми властителями вставали неотложные проблемы: нужно было взять в свои руки аппарат городской администрации, установить надзор над греками, восстановить крепостные стены, здания правительственных и муниципальных ведомств и частные дома, вновь заселить город, возродить его хозяйственную жизнь. Завоеватель поспешил приступить к решению этих задач. Он сразу же учредил должность *визи-*

ря, ответственного за поддержание в городе порядка; утвердил избрание нового православного патриарха, ответственного за поведение оставшихся в Стамбуле греков; заключил соглашение с итальянскими торговыми городами; поселил в столице анатолийских турок и греков с островов Архипелага и Малой Азии¹⁰. С переездом в новую столицу султан, впрочем, не спешил. Администрация Османской империи не могла, конечно, сразу же покинуть прежнюю столицу (Адрианополь), а сам он пожелал обосноваться лишь в такой резиденции, которая соответствовала бы его достоинству. Только зимой 1457/58 года султан переехал в Стамбул, и только тогда этот город стал столицей Османской империи не только де-юре, но и де-факто. Ею он и останется вплоть до революции Ататюрка и провозглашения Турции республикой в 1920 году.

Помимо политической столицы османов Стамбул становится и центром всего мусульманского мира. В начале XVI века султан Селим I предпринимает завоевание Сирии и Египта. В Египте, уничтожив правление мамелюков, он делает своим пленником аль-Мутаваккиля, наследника аббасидских *халифов* и поэтому *имам* (главу) всемирной исламской общины, не исключая и самого султана. Признание за Мутаваккилем этого статуса не помешало Селиму отослать царственного пленника в Стамбул и заточить его в Семибашенном замке. О том, как в тюрьме обращались с последним из Аббасидов, можно только догадываться. Фактом же остается только то, что Мутаваккиль публично отрекся от своего титула в пользу османского султана, который с тех пор стал именовать себя халифом и повелителем правоверных. Стамбул, таким образом, превратился в столицу вдвойне — не только Османской империи, но и Халифата. В отличие от Каира и Багдада, город на Босфоре никогда, правда, не был центром мусульманского богословия. Однако роль двойной столицы (которую он вплоть до 1924 года достойно играл)¹¹, возвысила его престиж в глазах мусульман всего мира. Стамбул от Константинополя унаследовал и третью роль — в нем находится резиденция Вселенского патриарха православной церкви, первого среди православных патриархов.

В любой из периодов своей истории столица Османской империи представляла собой словно бы уменьшенную копию, модель Империи в целом. Империя же была очень пестра как по своему этническому составу, так и по природным особенностям входивших в нее стран. И страны эти словно бы отрядили своих представителей для заселения соответствующих кварталов Стамбула. Он, однако, при всей этнической пестроте населения все же оставался в основе городом турецким — турки составляли в нем самую большую этническую общину, которая главенствовала над всеми прочими, хотя вряд ли по численности своей превышала их, взятых в совокупности. Стамбул являл собой также, так сказать, синтез всей Империи благодаря своим административным учреждениям и сосредоточению элитных воинских формирований, а также в силу своей ведущей экономической и интеллектуальной роли, которую неизменно играл.

Административная централизация выражалась в том, что султан сосредоточивал вокруг себя, — следовательно, в столице — визирей и подчиненные им ведомства. А именно — казну, финансовое ведомство, ведомство по управлению провинциями, командование армии и флота. Султан оставался всегда верховным главой всего этого разветвленного управленческого аппарата, однако он мог делегировать свои полномочия по управлению *великому визирю*. Точно так же в своем командовании армией он опирался на *агу янычар*, а в руководстве флотом — на *капудан-пашу*. Все эти функции обуславливали присутствие в столице значительного числа гражданских чиновников и людей военных, всех чинов и званий. Те и другие, так или иначе, прямо или косвенно, но все же были связаны с дворцом. Их присутствие превращало город в настоящий человеческий улей, целиком и полностью посвятивший всю свою деятельность службе единственному господину и повелителю — султану. Из столицы правители провинций, даже тех, что пользовались относительной автономией, ожидали решений и в столицу посылали доклады и доходы. Не следует забывать и о том, что Стамбул, будучи местом пребывания султана,

тем самым был и местом пребывания иностранных послов¹². Именно здесь решались вопросы имперской внешней политики и завязывались политические и экономические связи с иностранными державами.

Можно, стало быть, сказать, что Стамбул от имени султана воспринял все prerogatives столицы базилиевсов, Константинополя, видоизменив их в соответствии с турецкой системой правления.

Стамбул — интеллектуальный и экономический центр

Султан в своей ипостаси халифа выступает в качестве духовного главы всех правоверных, однако на деле этот титул имеет скорее декоративный характер, то есть не влечет за собой практических последствий. В соответствии с природой ислама религиозная и судебная власти переплетены теснейшим образом. Хотя духовенства, аналогичного христианскому клиру, в исламе нет, имеются лица, в обязанности которых входит надзор за тем, чтобы религия уважалась, и особенно за тем, чтобы с юридическими нормами, полученными в результате толкования Корана, постоянно согласовывались как официально провозглашаемые правительственные акты, так и деятельность индивидов, социальных и экономических групп. Выполнение этих функций в столице поручается *кадиям* Стамбула, Галаты, Эюба и Ускюдара — все они находятся в подчинении *муфтия* Стамбула, носящего титул *шейх-уль-ислам*. Этот высокий сановник — гарант уважения к религии, так как он полномочен наложить вето на любое решение, на любое постановление правительства, если они, по его убеждению, не соответствуют закону ислама: его одобрение в самом деле необходимо для провозглашения нормативного акта или закона, издаваемых по воле султана.

Шейх-уль-ислам, *кадиаскер* (армейский судья) и все кади более низких ступеней — выпускники *медресе*, высших учебных заведений в системе исламского образования. В *медресе* студенты, избравшие своей специальностью богословскую науку, погружаются в изучение исламской догматики и исламского закона

(*шариата*). Особенно высок был авторитет тех стамбульских медресе, которые обязаны своим возникновением султанам Баязиду, Мехмету Завоевателю и Сулейману Великолепному¹³.

Слава Стамбула как святыни ислама еще больше возросла после сооружения в нем ансамбля мечетей, которые входят в число самых прекрасных в мусульманском мире. Султаны XV—XVI веков решили, что этот город, бывший ранее одним из главных центров христианства, должен стать символом триумфа ислама, превратившись в столицу мусульманской империи. Он им и стал, так как возведенные ими мечети — мечеть Баязида, Сулейманийе, Селимийе, мечеть Шехзаде, мечеть Ахмета и множество других — по праву считаются шедеврами зодчества.

Между тем как в Иране и арабских странах искусство, равно как и интеллектуальная жизнь, падает до нулевой отметки¹⁴, Стамбул становится самым крупным культурным центром. Артисты, писатели, поэты (некоторые султаны сами охотно предавались сочинению стихов), историки, миниатюристы, каллиграфы получают моральную и материальную поддержку властителей и придворной знати и в благодарность разносят славу о столице по всему исламскому миру и даже за его пределы. Сказанное в первую очередь относится к XVI веку, который можно назвать *«золотым веком Османской империи»* или же *«веком Сулеймана»*. В эту пору Империя — на вершине своего могущества, она достигает максимума своей территории; султан богат и может собрать к своему двору архитекторов и писателей отовсюду, откуда ему только заблагорассудится. Стамбул живет в роскоши, и нет такого визиря, ни крупного чиновника, ни вообще сколь-либо значительной особы, кто не пожелал бы оставить свидетельство своего богатства и своей щедрости. Чаще всего меценаты посвящают немалые средства возведению культовых зданий и сооружений общего пользования во славу ислама и на удовлетворение нужд верующих. И так как архитекторы и художники (оформители), которым доверена эта важная и почетная миссия, люди тонкого вкуса, Стамбул покрывается замечательными

памятниками, которые поныне остаются бесстрастными свидетельствами той грандиозной эпохи.

Их успех предопределен прежде всего тем, что Османская империя купается в роскоши; благодаря завоеваниям доходы казны растут, и султан имеет возможность без ущерба для государства тратить часть поступлений на помпезное строительство. Он располагал достаточными средствами, чтобы привлечь в столицу лучших зодчих из провинций, в том числе и только что завоеванных. Мусульмане и христиане сотрудничают и соревнуются в деле ее украшения и возвеличения. С XVI века все больше людей Запада предпринимают путешествия по странам Востока, и среди всех городов, которые им довелось посетить, они неизменно выделяют Стамбул. Именно из столицы Османской империи привозят они самые яркие впечатления¹⁵.

Эти люди Запада — прежде всего официальные лица: послы, консулы, главы торгующих в пределах Империи купеческих корпораций. Они же — первые востоковеды, знатоки античности и естествознания. В Стамбуле постепенно оседают купцы, прибывшие в поисках рынков сбыта европейских товаров и скупки произведенного в странах Азии для перепродажи в Европе. Торговый путь через мыс Доброй Надежды даже в XVI веке еще не используется столь интенсивно, чтобы составить конкуренцию традиционным коммерческим маршрутам. Для европейских торговцев существовала еще одна приманка — богатство важных лиц Империи, тратившееся в существенной своей части на приобретение предметов роскоши. К тому же Стамбул переживает эпоху ускоренного демографического роста, увеличение численности населения ведет к возрастанию импорта продуктов питания. Нужно было также поставлять сырье для ремесленного производства, материалы для arsenалов, армии, строителей. Таким образом, Стамбул превращается в центр экономического притяжения, и все слои населения испытывают на себе благодетельное воздействие экономической конъюнктуры. Так как война — самое широкое поле для приложения сил и к тому же любимое занятие турок, победы и завоевания увеличивают престиж не

только султана, но и его народа и столицы. Даже греки Стамбула, вынужденные жить под турецким законом, — даже они испытывают некоторую гордость за грозную репутацию «их» города.

Но вот турецкая армия терпит на полях сражений первые неудачи. И как только завоевания прекращаются, приток добычи иссякает. Тогда-то обстановка в городе мало-помалу начинает меняться к худшему. Конечно, в конце XVI века изменения эти пока еще почти неощутимы, хотя турецкий флот и терпит очень серьезное (однако вовсе не безнадежное) поражение при Лепанто (1571), хотя экономический или, вернее, финансовый кризис отметил собою последние годы столетия. В конце концов, государство все еще достаточно устойчиво, чтобы пережить эти невзгоды без большого ущерба для себя. Гораздо серьезнее то обстоятельство, что турки, воспитанные на идее превосходства ислама и мусульманского общества над христианским, не прилагают ровно никаких усилий, чтобы добиться обновления своего мира, приспособить свою Империю к новым условиям существования. Между тем условия эти все больше и больше дают знать о себе: богатства Америки притекают в Европу и модифицируют экономические структуры Запада, который обретает новую организацию, развивает многоотраслевое производство, укрепляет торговлю, перестраивает старый порядок. Испания, а вслед за ней Франция, Англия и Нидерланды превращаются в динамично развивающиеся нации. И каждая из них стремится в конце XVI века изменить в свою пользу течение событий и экономический обмен.

Нельзя сказать, что Османская империя испытала последствия всего этого немедленно, но бесспорно то, что великий порыв XVI века исчерпал себя к началу следующего. И это видно прежде всего на Стамбуле после Ахмета I, который правил в начале XVII века¹⁶. Прекратилось строительство больших мечетей, если не считать пары исключений; для завершения постройки Ени Валиде потребуется целых шестьдесят лет! И в провинции, и в столице множатся бунты, главными участниками которых, по крайней мере вначале, становятся янычары; но затем в них все больше и боль-

ше втягиваются члены ремесленных и торговых корпораций — явный знак того, что далеко не все идет, как надо. Даже почтение к султану подвергается испытанию: в течение XVII века четыре султана были свергнуты с престола и два из них — преданы смерти¹⁷. Фаворитизм делается общим правилом государственного правления, и глубокие трещины показываются на здании, которое возводилось султанами с великим тщанием на протяжении трех веков. Политический упадок сопровождается интеллектуальным и художественным застоем, но это не мешает Стамбулу оставаться великой метрополией ислама и сохранять первое место среди городов старого континента; в этом качестве он по-прежнему предмет обожания, даже зависти. Турецкую империю боятся несколько меньше, чем в предыдущем столетии, но она все же сохраняет репутацию мощной военной державы, и никто пока не рискует напасть на нее. Только к концу XVII века Австрия и Россия осмеливаются предпринять против нее первые приступы. Перед этим османы, правда, осаждали Вену, но то была уже лебединая песня: после поражения под австрийской столицей неудачи преследуют турецкую армию, делаясь при этом все более и более серьезными. Сама же Турция превращается в игрушку западных держав, в «больного человека», которого Европа намерена лечить по-своему¹⁸.

Тем не менее фактом остается то, что эта отныне немощная империя до своего одряхления долго играла в истории Старого Света видную роль, и то, что «османская цивилизация» — отнюдь не пустое слово. Наглядным свидетельством тому и служит Стамбул. Он навсегда останется центром притяжения всех, кому дорого искусство и кто наделен чувством прекрасного.

ГОРОД

Общий вид

«Константинополь построен на почти треугольном мысе, один из углов которого вдается в море, омывающее ту часть европейской суши, что расположена напротив места древней Халкедонии, называемой ныне Кадикей, то есть город кади; другим своим углом он, словно сговорившись с природой, пытается сузить Босфор Фракийский — да так, что в нем, как говорят, слышна переключка петухов с противоположного, азиатского побережья»¹. К этому чрезмерно общему описанию, принадлежащему перу итальянского путешественника Пьетро делла Валле, который посетил эти места в начале XVII века, француз Грело полвека спустя добавил следующие уточнения: «Тот вдающийся в море язык суши или, если угодно, тот полуостров, на котором расположен Константинополь, начинает выступать из суши в окрестностях Семибашенного замка, чтобы затем вытянуться между двумя морями вплоть до того места, где построен дворец Серая; территория города по форме своей напоминает большой полукруг, описанный вокруг порта; на севере она достигает маленькой речки (реки Сладкие Воды Европы. — *P. M.*), впадающей в море. Впрочем, о форме можно спорить. Одни полагают, что чертеж Константинополя походит на треугольник; другие предпочитают ви-

деть в нем восьмиугольник, третьи — арфу, четвертые — рог изобилия, широкая часть которого упирается в сушу, а узкая — оmyвается с двух сторон водами Черного моря и Пропонтиды...»²

Замечательное местоположение Константинополя поражало всех без исключения европейских путешественников, и все они возносили ему хвалу, не забывая при этом упомянуть о гармонии между ландшафтом и памятниками зодчества, а также об огромной выгоде, которую город извлекал из своего порта. Задолго до того, как город вырос и расцвел, именно возможность найти здесь надежное укрытие для судов от бури предопределила выбор первых жителей этих мест, подтвержденный последующими поколениями. От входа в Дарданеллы до выхода Босфора в Черное море нет ни одной удобной гавани, кроме глубокого и защищенного устья речки Сладкие Воды. К тому же переход с одного берега Босфора на другой, то есть из Европы в Азию, здесь легок по причине небольшой ширины пролива. Географическое положение города на заливе Золотой Рог имело еще одно большое преимущество — с точки зрения безопасности от военной угрозы. Константинополь отстоит от Средиземного моря на значительном расстоянии и, следовательно, располагает запасом времени для организации обороны, пока противник занят форсированием такой серьезной преграды на пути к столице, какую представляют собой Дарданеллы. Примерно то же следует сказать и относительно наступления с суши: восточная Фракия — перешеек, перегороженный горной цепью Истрандис, которая в случае необходимости легко превращается в почти неприступный рубеж обороны. С другой стороны, эти горы не препятствуют движению по сухопутным путям, оно может вестись по направлениям к Адрианополю и на Балканы, обеспечивая снабжение Константинополя продуктами питания. Точно так же на азиатском побережье дорога от Ускудара (Скутари) в Анатолию может быть без труда повернута вдоль залива Измит (Никомидия). Итак, имеется совокупность благоприятных факторов, которая предподре-

делила строительство города именно на том месте, где он ныне расположен.

«Невозможно ни где-либо еще увидеть, ни даже вообразить себе лучшие подходы к городу, чем те, что имеются у Константинополя. Он уютно разместился между тремя большими морскими рукавами: один ведет на северо-восток, второй — на северо-запад, а третий, который образуется от слияния того и другого, несет свои воды на юг в бассейн Пропонтиды (в Мраморное море). Воды этих трех морских рукавов и омывают Константинополь и его пригороды. Там, где кончается город, тянется, насколько хватит взгляд, равнина, плавно переходящая в холмистую местность. Ее два берега застроены великолепными виллами и живописными павильонами, утопающими в садах. И чем ближе эти три канала (морские рукава) подходят к городу, тем больше такого рода домов... Среди них и высоко над ними — бесчисленное множество минаретов и куполов... Зелень кипарисов и других деревьев в садах немало помогает глазам отдохнуть после того, как они перебежали от одного красивого здания к другому, которое еще краше»³. Зрелище в самом деле великолепное для путешественников, которые с палубы корабля любят и не могут налюбоваться красотами даже окраин великого города.

Проникая же в собственно город, его гости вскоре обнаруживают, что он естественно разделяется на множество как бы самостоятельных частей. Та из них, что расположена между Золотым Рогом и Мраморным морем и опоясана крепостными стенами, возведенными еще Феодосием, — это и есть Стамбул в прямом смысле слова, то есть тот византийский город, который практически без изменений сохранился под турецкой властью и который составляет средоточие, сердцевину всего городского архитектурного ансамбля. Прямо за стеной старого города, северо-западнее от него, начинается его предместье — Эюб. На северном берегу Золотого Рога раскинулась Галата. Продолжением ее в северном направлении служат «Виноградники Перы», а в западном — арсенал Касим-паши. Наконец, на азиатском берегу, прямо напротив Стамбула, высит-

ся Ускудар, древний Хризополь, исходный пункт всех дорог, ведущих в Анатолию. По обоим берегам Босфора тянутся деревни, заселенные рыбаками и моряками. А также — «деревни», состоящие из вилл и летних резиденций важных столичных персон. Это деление на районы соответствует истории их возникновения и находит себе подтверждение в официальном административном делении. Более того, у каждого из них — свое собственное «лицо».

Три города

Стамбул — это, как уже сказано, старый греческий город, утративший вследствие завоевания прежний свой национальный характер: греческая доминанта в нем сменилась на турецкую, так как это, прежде всего, столица Османской империи, резиденция султана, а следовательно, и всей центральной администрации. Более того, султаны, от Мехмета Завоевателя до Сулеймана Великолепного, заселили его турками-уроженцами различных областей Анатолии в такой мере, что, несмотря на присутствие греков, армян и евреев, именно турки составили самую большую этническую общину. К своей функции административного центра Стамбул прибавил еще и роль центра торгового. И в этом отношении по преимуществу турецкий город полностью воспринял византийское наследство: значительная часть южного побережья Золотого Рога, а также склонов спускающихся к нему холмов занята купцами, мелкими торговцами и ремесленниками. И, наконец, Стамбул — это город больших султанских мечетей, медресе, главных религиозных учреждений как военных, так и гражданских. Османы рассматривали Стамбул, и только Стамбул в узком значении, как подлинную столицу и центр притяжения для мусульман, считая Галату городом неверных («кяфи́ров»).

Часто писали о том, что Стамбул, как и Рим, стоит на семи холмах. Такое утверждение нельзя назвать неточным: если изучать город с большим пристрастием,

можно в самом деле обнаружить все семь. Однако переходы между некоторыми из них сглажены настолько, что не слишком дотошный исследователь будет вынужден довольствоваться более скромным числом — пять. Зато эти пять бесспорных холмов увенчаны весьма запоминающимися зданиями. Если вести счет с востока на запад, то это султанский дворец, мечеть Нури Османийе (построенная поздно, только в XVIII веке), мечеть Сулейманийе, мечеть Фатиха Мехмета (Мехмета Завоевателя) и, наконец, мечеть Селима I. Купола этих памятников зодчества высоко возносятся над городом и служат предметом восхищения европейских путешественников.

Стамбул поражает воображение и мощным поясом крепостных стен⁴. Они определяют собой пределы города и оправдывают его второе имя — «Хранимый город ислама»⁵. Эти стены тесно окружают его, особенно со стороны Фракии, таким образом, что в город можно проникнуть извне лишь через проделанные в них многочисленные ворота. Прямо за стенами, если выйти из города, начинается сельская местность. Впрочем, за двумя исключениями: на побережье Мраморного моря имеется пригород по имени Едикуле (Семь Башен), второй же, Эюб, располагается вблизи Золотого Рога. Едикуле представляет собой «бург (укрепленное предместье), растянувшийся вдоль морского берега и населенный ремесленниками... В нем 300 кожевенных мастерских, 50 мастерских по производству столярного клея и, у самого моря, 70 мастерских по изготовлению жильных струн». Такой набор производств объясняется размещением в том же пригороде большей части боен Стамбула. «В этих кварталах семейные селятся разве что в виде исключения; в основном же там живут холостяки... Те, кто не может переносить дурного запаха, присущего этому месту, гибнут, если не торопятся покинуть его. Однако для старожилов пригорода запах этот приятнее аромата мускуса и амбры»⁶. Своим названием предместье обязано соседству с Семибашенным замком, который был одновременно и тюрьмой (особенно в XVII веке) и о котором по этой причине шла дурная слава⁷...

Эюб — большой пригород, разросшийся вокруг особо почитаемой святыни — могилы Эюб Ансари, сподвижника Пророка, места частого паломничества мусульман⁸. «Это процветающий город с большим числом жителей, с виноградниками и садами... В нем примерно 9800 домов и гаремов... Есть рынок в 1085 лавок, где можно купить множество бесценных вещей. Очень много лавок, торгующих превосходным *йогуртом* и *каймаком* (особым способом приготовленные сливки), и лавок цирюльников. Каждую пятницу сюда стекаются толпы паломников и горожан ради посещения могилы святого Абу Эюба, рынок в эти дни буквально затоплен людским морем»⁹.

Золотой Рог, через который не было тогда переброшено ни одного моста, являет собой лагуну, образованную впадением в море реки, очень широкой в устье, но быстро сужающейся, если подниматься по ней вверх по течению. Река эта извиается между Стамбулом и Галатой, а ее воды и берега кипят жизнью: как со стороны Стамбула, где, начиная от Бахчекапы и вплоть до Балата, тянутся причалы для морских судов, так и на противоположной стороне, где когда-то, еще во времена Византии, были расположены кварталы итальянцев, а теперь живут турки, греки и евреи. Именно на противоположном берегу расположен большой торговый порт Галаты — порт «франков», то есть европейских купцов-христиан. Продолжением ему служит, чуть ближе к устью, внушительный морской арсенал Касим-паши. За ним вдоль по берегу выстроилось несколько деревень. Золотой Рог с обеих сторон сходится к реке со спокойным течением. Ее берега покрыты заливными лугами в окаймлении прелестных рощиц. Это любимое стамбульцами место прогулок и развлечений. Один из султанов велел построить там изящный по очертаниям особняк с садом, который стал излюбленным местом встречи хорошего общества: то были знаменитые по всей Европе целебные воды (буквально: «сладкие воды»), вошедшие в моду в XIX веке.

К северу от Золотого Рога простирается второй город — Галата. Галата «разумно велика и довольно красива... Она окружена древней крепостной стеной и насе-

лена в большей ее части греками, которым принадлежат почти все гостиницы, таверны, постоянные дворы. Именно здесь обычно останавливаются “франки”, то есть европейские христиане»¹⁰. Начиная с XIII века Галата известна как поселение генуэзцев, а потому до турецкого завоевания она жила практически независимо от Константинополя. Мехмет Завоеватель в 1453 году поставил ее под османское управление, возобновив, однако же, привилегии, дарованные генуэзцам еще в эпоху Византии. Она сохраняла свою репутацию «города неверных», и турки в ней селились лишь в очень малом числе. Зато там во множестве «греки, армяне и евреи, их церкви и синагоги»¹¹. В то же время Галата — город приезжих «франкских» купцов, то есть французов, англичан, голландцев, венецианцев, генуэзцев и прочих; к ее пристани причаливают европейские торговые суда. В целом она ориентирована на морскую торговлю и приемлет все соответствующие этому факту последствия: это не только работа порта, не только торговля, но также и такие профессии и заведения, как ремонтные мастерские, мастерские по конопачению корпусов судов, по изготовлению снастей и парусов, провиантские склады и, конечно, таверны, куда приходят отдохнуть и развлечься матросы, ремесленники и другие жители Галаты. По свидетельству Эвлии Челеби, который, как кажется, знал эти места досконально, «на самом берегу моря стоят, тесно прижавшись друг к другу, около двухсот публичных домов и таверн, в каждом из которых от пятисот до шестисот негодяев проводят свое время в удовольствиях и вместе с музыкантами и певцами устраивают такой шум, какой не описать ни на одном из языков...»¹². Свои наблюдения он резюмирует следующей поразительно точной формулой: «Сказать “Галата” — это все равно, что сказать “таверны”. И да простит нас Аллах!»¹³

Выше Галаты, сразу же за ее крепостной стеной, широко простираются «Виноградники Перы». Так за свои фруктовые и не только сады называется пригород, прямой антипод Галаты с ее тесной застройкой и узостью улиц. В XVI веке здесь было всего несколько десятков домов генуэзцев, несколько мечетей, обитель «вертя-

щихся» дервишей да еще дворец Ибрагим-паши, в котором проводилось обучение молодых пажей, предназначенных к службе султану. Однако великолепное положение Перы¹⁴ на холме, с которого открывается захватывающий вид на Босфор и на Стамбул, привлекало иностранцев, и они обосновывались в ней. Именно здесь с конца XVI века до середины XVII учреждались одна за другой резиденции иностранных послов, их примеру следовали соотечественники, а за ними — греки¹⁵. По сути, Пера состояла «всего из одной длинной и прямой улицы, которая ведет от ворот Бююккуле до места под названием “греческое кладбище”, ее протяженность — одна миля, с двух сторон она уставлена домами в окружении самых прекрасных садов»¹⁶. Здесь «франки» и представители национальных меньшинств находились еще дальше от контактов с турками, чем в Галате¹⁷, и здесь они чувствовали себя дома. Чувство это находило свою опору в наличии множества католических храмов. Пера, следовательно, представляла собой то, что могло бы быть названо «посольским кварталом».

У Галаты имеются пригороды, которые находятся в ее подчинении. Их «индустриальный» характер определяется арсеналами — арсеналом Касим-паши на Золотом Роге и артиллерийским арсеналом в Топхане на берегу Босфора. Вокруг них и образовались пригороды, населенные рабочими и мелкими торговцами, которые обслуживали рабочих¹⁸.

Топхане — последний из пригородов Галаты. Незаселенная зона за ним простирается до Бешикташа, небольшой деревушки, о которой следует упомянуть по двум причинам. Во-первых, здесь султаны и представители стамбульской знати строили виллы для гаремов и насаждали вокруг них сады. Во-вторых, это одна из пристаней для судов, переправляющих пассажиров и грузы в Ускюдар, то есть в Азию.

Ускюдар и представляет собой третий важный географический элемент в системе пригородов Стамбула. Европейские путешественники называют его, в зависимости от ракурса взгляда, то деревней, то большим поселком, то даже городом. На самом же деле древний

Хризополь — настоящий город как с административной точки зрения (в нем имеется свой муниципалитет), так и с торговой. Это пункт назначения торгового пути из Анатолии и, за ее пределами, из Армении и Персии. Шевалье Д'Арвье отмечает, что в Ускударе «торговля ведется в довольно широком масштабе»¹⁹, а Турнефор пишет: «Здесь встречаются караваны, идущие торговать с Европой из Армении и Персии. И это один из важнейших пунктов их встречи»²⁰. Торговый характер города внешне выражен множеством караван-сараяв и рынков, обеспеченных складами. Торговля определяет положение Ускудара как перевалочного пункта международного транзита перед Босфором на пути в Стамбул.

Положение Ускудара прямо напротив Константинополя с его великолепным городским пейзажем превращает его в фешенебельное место: сам Великий Господин (султан) построил здесь великолепный дворец для своего сераяля, и многие представители стамбульской знати последовали его примеру. Дворцы, растянувшиеся цепью по берегу не только Босфора, но и Мраморного моря, буквально утопают в зелени садов и парков. У Ускудара, следовательно, два лица. С одной стороны, он — не столь уж большой торговый центр, в котором бок о бок живут турки, армяне и персы. Центр, если судить по площади, довольно скромный, так как он сосредоточен вокруг находящихся вблизи караван-сараяв и рынков. С другой — это, так сказать, «курортный» город, город для отдыха и развлечений, растянувшийся вдоль морского берега и по склонам холмов, не имеющий пригородов и потому неприметно переходящий в сельскую местность. Из трех городов, образующих в совокупности Стамбул, Ускудар наименее значительный, наименее развитый и наименее населенный. Для Стамбула он важен, поскольку он — предместное укрепление столицы на азиатском побережье.

Босфор — один из факторов, предопределивших местоположение Константинополя. Европа и Азия разделяются этим проливом, по которому «течет бог». Проливом, к слову сказать, очень сходным с рекой.

Длина его — примерно тридцать километров, а ширина варьируется от 500 метров до 4 километров. По нему проходит сильное течение, достигающее максимума скорости в теснине между Румели Хисар и Кандилли. Босфор окаймлен двумя рядами холмов, невысоких, но покрытых роскошной растительностью: цветение иудиного дерева и бугенвиллей, отражающихся в его водах, придает ему удивительный цвет весной, а осень украшает его всеми цветами увядающих листьев. Летом здесь царит приятная прохлада благодаря легкому ветру, дующему с Черного моря. Стамбульские аристократы приезжают сюда на самые жаркие месяцы года в свои виллы или, вернее, дома, приспособленные для летнего отдыха и летних развлечений, — это *йали* (дома, построенные на краю берега у самого моря). Лишь немногие образцы этого архитектурного жанра сохранились до наших дней. Зато зима здесь порой бывает довольно суровой: дует неистовый северный ветер, холмы покрыты снегом, вода пролива несет с собой небольшие льдины, но, как правило, не замерзает. Впрочем, бывали из этого правила и исключения: Босфор сплошь покрывался льдом в 1620 и 1668 годах. Тогда из-за мороза и бурь, бушующих обычно в это время года, навигация прекратилась как в Босфоре, так и в Черном море, а суда укрылись в гаванях и бухтах, чем и осыпали великого множества таверн, сосредоточенных главным образом в Галате, но имеющих и в любой деревушке на Босфоре. Однако такого рода исключения не только крайне редки, но и очень непродолжительны: еще не было такого случая, чтобы сообщение между Европой и Азией или снабжение столицы продовольствием прерывались надолго.

В целом местоположение Стамбула дает ему ряд выгод: замечательную оборонительную позицию, которая, однако, не препятствует доступу в город; легкий переход через Босфор, который открывает проход в Малую Азию по дороге, огибающей залив Никомидию; широкую полосу для строительства хорошо защищенного от бурь и глубокого порта. Вместе с тем имеются и некоторые отрицательные стороны такого по-

ложения: Стамбул расположен не посреди богатого края; Восточная Фракия не в состоянии обеспечить столицу продуктами питания и прочими товарами, необходимыми для нормальной жизнедеятельности большого города. Средиземное море от Стамбула довольно далеко; «оседлав» Босфор, Стамбул вынужден постоянно заботиться о переправе из Азии необходимых ему товаров. Наконец, Стамбул в очень большой степени зависит от поставки продуктов питания морем; конечно, в XVI—XVII веках сухопутное движение товаров было медленным, коэффициент полезного действия повозок и телег был низким, и торговые суда оставались наилучшим средством снабжения. Но турки так и не стали морским народом. Они располагали большим количеством мелких судов, однако преимущественно каботажного плавания. Для перевозки значительных грузов издалека нужно было обращаться за помощью к крупным иностранным судам, которые играли главную роль в международном обмене товарами — обмене, участником которого Турция практически никогда не была.

Эти неудобства не могли перевесить достоинств географического положения Стамбула, и иностранные путешественники полностью отдавали себе отчет в преимуществах такого положения столицы Османской империи. К примеру, Тевено пишет: «Она располагается еще в Европе, но на самом крайнем ее выступе, как бы протянувшемся к Босфору Фракийскому, а через него на берег Азии можно попасть всего за полчаса. По правую руку от столицы — Белое море (или Пропонтида), через которое пролегает водный путь в Азию, в Египет и в Африку, в те страны, которые снабжают ее продуктами питания и другими товарами; по левую ее руку — Черное море (Понт Эвксинский) и Меотийские болота, питаемые многочисленными реками и речками; народы, обитающие в тех краях, снабжают столицу продуктами Севера. Таким образом, все, что только может быть необходимым, полезным или приятным, доставляется в Константинополь со всех сторон морским путем»²¹.

Знаменитый ботаник, родом из Прованса, Турнефор, посетивший Стамбул в конце XVII века, дает сле-

дующие разъяснения: «Все путешественники и даже древние историки сходятся на том, что местоположение Константинополя — наиболее удобное и выгодное по сравнению с любым другим городом в мире. Как представляется, пролив Дарданеллы и тот, что ведет в Черное море, просто созданы для того, чтобы подвозить ему богатства со всего света. Через Черное море сюда прибывают товары от Могола*, из Индии, с самого отдаленного Севера, а также из Китая и Японии. Что же касается товаров, производимых в Аравии, в Египте, на побережье Африки, в западных Индиях**, а также лучшее из того, что может предложить Европа, то все это доставляется через канал Белого моря»²².

Короче, это местоположение — господствующее, и было бы очень странно, если бы на нем не вырос большой город. Однако заслуживает внимания и обратная сторона медали. Привилегированное географическое положение Стамбула имеет и свои отрицательные стороны. Так, часто восхвалялась прелесть стамбульской весны, но если более глубоко вникнуть в детали, то оказывается, что эти восторженные описания далеко не полностью передают реалии. Прежде всего, было бы неверно полагать, что Стамбул походит на города Средиземноморья с точки зрения своих климатических условий. Средиземноморский климат характеризуется знойным летом и мягкой зимой; здесь же климатическая обстановка куда более сложна: город подвержен весьма различным климатическим влияниям — Средиземного моря, Черного моря, Балкан, Анатолии. Каждая из этих сторон порождает «свою» погоду с соответствующими ветрами. Зимой, когда ветер дует с Балкан (он называется *карайель*) или из глубины Анатолии (*кешишлеме*), приходит суровая погода со снегопадами, причем снег удерживается на почве довольно долго; таким образом, отличие от теплой средиземноморской зимы весьма существенно. Зато когда сюда устремляются ветры с того же Средиземноморья или с

* Скорее всего, имеется в виду империя Великих Моголов на севере Индии. — *Прим. пер.*

** То есть Америке. — *Прим. пер.*

Черного моря, они приносят с собой ненастье с проливными дождями, и тогда улицы Стамбула превращаются в сущую клоаку. Летом обычно преобладает влияние южного направления, то есть средиземноморского, с ветрами горячими и влажными, но стоит подуть легкому бризу с Черного моря (*мельтем*), как становится легче дышать. Только тогда, не по календарю и далеко не каждый год, наступает знаменитое «стамбульское лето». Вместе с тем внезапные изменения направления ветров, а с ними и перемены погоды, довольно обычны и по большей части неприятны — до такой степени, что здесь признаются всего два сезона: весна, пленительная, но вечно запаздывающая и короткая, и великолепная осень, которая иной раз захватывает и первый зимний месяц. Эти метеорологические наблюдения далеко не новы. Еще в самом начале XVII века Пьетро делла Валле писал следующие строки: «Погода, мягкая и умеренная в Неаполе, здесь крайне непостоянна: в течение одного дня невыносимая жара сменяется таким холодом, что стучат зубы, — как в Риме и даже еще хуже. От смены умеренной жары на суровые холода болит голова. Северные ветры, благотворные и приятные в Риме и Неаполе, здесь имеют совсем иной характер, поскольку несут с собой очень много влаги с поверхности Черного моря, в котором много мути от множества впадающих в него рек, берущих свое начало в меотийских болотах...»²³ Оставим на совести делла Валле это фантастическое суждение, заметим только, что путешественник на Черном море никогда не был.

Другие наблюдатели оказались более точны, чем этот вечно разочарованный всем римлянин. Они отмечали, что как северные, так и южные ветры очень полезны для мореплавания. Северный или, точнее, северо-восточный *пойраз* — свежий ветер, приносящий хорошую погоду летом, но гораздо менее приятный зимой. Южный, или, вернее, юго-западный *лодос* несет с собой тяжелый воздух, в котором трудно дышать, дожди и нередко бури. Тевено мог писать, что «два пролива», соединяющие Белое (Мраморное) море с Черным, настолько противоположны по своему погодному температурному, что, когда ветер препятствует прибытию ко-

раблей в Константинополь по одному из них, второй всегда остается доступным для навигации»²⁴. У Турнефора тот же феномен описан более обстоятельно: «Эти два пролива служат Константинополю как бы воротами с двумя створами: когда дует северный ветер, южный створ закрыт, то есть ни одно судно не в состоянии подойти к Константинополю с юга; но он открывается, как только южному ветру удастся возобладать над северным; и наоборот. Если кому не нравится выражение “ветры — два створа ворот города”, то можно сказать иначе: “ветры — два ключа к городу”»²⁵.

Этот несколько упрощенный образ выражает лишь склонность его автора к синтезу. Лучше уж запомнить впечатление от Стамбула, вынесенное путешественником Кикле: «Ветер не очень хорош, поскольку он оказывает слишком сильное воздействие на здоровье и на настроение горожан. Город — во власти ветров, и какое бы ни было на дворе время года, наступление холодов или жары зависит от господствующего ветра: вот почему турки и в жаркую погоду держат наготове свои шубы»²⁶. Суровость зимы и капризы погоды объясняют большой спрос в Стамбуле на меха. Уже в XVI веке торговля мехами, ввозимыми из России в Турцию, достигала больших объемов. Почти постоянная влажность воздуха имеет следствием широкое распространение эпидемий, и в первую очередь чумы, которая то переходит в эндемию, то вспыхивает с новой силой²⁷, унося с собой десятки тысяч жизней и порождая бунты.

Однако все эти отрицательные стороны стамбульского климата не мешали подавляющему большинству иностранных путешественников находить Стамбул самым прекрасным городом в мире.

Городские районы

Если, оставив в стороне Ускюдар, попытаться понять, как в Стамбуле и Галате соотносятся между собой секторы городской деятельности и зоны распределения городского населения, то окажется, что первые во все не совпадают со вторыми. Конечно, ландшафт, ме-

стоположение различных частей города оказали влияние на конфигурацию этих секторов и зон. К примеру, вполне естественно, что коммерческая активность по большей части сосредоточена на самом берегу Золотого Рога, куда пристают торговые суда. Естественно также и то, что османы после завоевания сохранили в силе деление на районы, издревле принятое византийцами: было бы бессмысленно пересматривать и изменять оси городской структуры и векторы уличного движения. И, наконец, вполне естественно, что султаны пожелали построить свои дворцы в наиболее подходящем для этого месте и возвести большие мечети в самых высоких точках города.

Принимая все это во внимание, легко понять, что уже в интересующую нас эпоху многие крупные городские зоны успели обозначиться вполне четко.

Прежде всего сложилась зона административная. В силу того обстоятельства, что централизация искони была главным принципом османской администрации, а принцип этот предполагал, что все важные решения принимались либо самим султаном, либо великим визиером, основные правительственные службы по месту своего расположения оказались внутри единого дворцового комплекса — *Сералья*. Средоточием же этого комплекса, тем ядром, вокруг которого он позднее разросся, был, разумеется, дворец самого султана — собственно Сераль в самом тесном и точном значении слова*. Это тот самый дворец, который был возведен Мехметом Завоевателем в 1457 году на месте древнего акрополя Византия и в следующем столетии перестроен и значительно расширен Сулейманом Великолепным. Именно он, этот дворец, высящийся на самой вершине холма, служит как бы фокусом всего архитектурного комплекса столицы.

Итак, первый двор Сералья вмещал ведомства финансов и архивов, казначейство, управление благотворительными фондами и арсенал (под него было отдано здание бывшей церкви Святой Ирины). Во втором дворе находилось здание, поделенное между *Диваном* (со-

* От арабского «сарай», то есть «дворец». — *Прим. пер.*

ветом министров), канцелярией и «внутренней казной». В третьем дворе располагалась «казна султана». Если к сказанному добавить, что во дворце частично был размещен гарем султана и полностью — вся его семья, что там же проживал обслуживающий их персонал (множество пажей, охрана, янычары, даже чиновники), то станет ясно, что комплекс этот представлял собой «город в городе», отделенный к тому же от окружающего мира неусыпно охраняемыми крепостными стенами.

До середины XVII века великий визирь, не имея официальной резиденции, располагался вместе со своим ведомством в одном из дворцов вне Серая. При Мехмете IV в 1654 году частный особняк бывшего великого визиря Халил-паши был передан великому визирю и с тех пор служил резиденцией размещенному в нем административному аппарату, непосредственно подчиненному великому визирю. Этот дворец находится недалеко от Серая на улице, ведущей от Сиркеджи к Святой Софии, напротив Алай кёшку — там, где и поныне высятся Высокие Врата, давшие официальное название Османской империи — «Высокая Порта»²⁸. Таким образом, и особняк великого визиря входит в ту же — и единственную в столице — административную зону, сложившуюся вокруг дворца султана. Заметим также, что янычарские казармы находятся на краю Ипподрома, то есть опять-таки недалеко от Серая.

Административные и подведомственные правительству здания, помимо упомянутых выше, не были сгруппированы вместе, а оставались разбросаны на обширной территории²⁹. Таким образом, государственные ведомства оказались сосредоточены в самом султанском дворце или его ближайших окрестностях. Это соответствовало самой природе султанской власти, требовавшей высшей степени централизации вокруг личности монарха, так как только он нес бремя ответственности за ход всех дел в Империи: все исходило из дворца и все возвращалось во дворец, то есть к самому султану. Султан одновременно был как духовным главой всех правоверных, так и всемогущим светским властелином. Городское управление столицы не

было отделено от центрального административного аппарата. Великий визирь совмещал функции премьер-министра с обязанностями главы столичного управления, а потому не приходится удивляться отсутствию в городе собственно муниципальных служб (во всяком случае, в топографическом смысле), которые несли бы ответственность за исполнение определенных функций в определенной зоне. В этом отношении Стамбул сильно отличался от Константинополя византийской эпохи.

Это сосредоточение всех правительственных ведомств, представлявших в совокупности полноту власти во дворце и в его ближайшей округе имело и свою обратную сторону. Город, лишенный самоуправления, являлся всего лишь местом проживания, местом торговли, местонахождением культовых зданий и, наконец, местом прогулок в очаровательных садах и парках.

Сравнительно легко очертить зоны коммерческой и ремесленной деятельности. Одна из них тянется по северному побережью Золотого Рога от Каракёя до арсенала Касим-паши. Это гостеприимно встречающая моряков всех флотов Галата, в прошлом генуэзский пригород Константинополя, позднее превратившийся в город «франков». У «франков» там были свои пристани, пакгаузы, магазины (все они размещались в «нижнем городе», по самой кромке суши). Там же находились те мастерские, работа которых была прямо связана с торговым мореходством, а также многочисленные торговые лавки и лавки ремесленников иных, причем самых разнообразных, профессий. Там же великое множество таверн, о которых речь уже шла выше. Вторая зона протянулась по южному берегу Золотого Рога от Эминёню до Ункапаны. Она соответствует топографии кварталов, некогда заселенных венецианцами и выходцами из Амальфи; теперь же это место разгрузки и складирования товаров и продовольствия, предназначенных для Стамбула. Как и в Галате, здесь располагалось множество торговых заведений (не считая кабачков), в том числе и рынков. Третья зона расположена посреди самого Стамбула, ее ядро со-

ставляет *Бедестан* (рынок ценных тканей), вокруг которого расположены другие рынки, отдельные магазины, постоянные дворы. Здесь торговые и ремесленные корпорации города занимают четко разграниченные секторы, каждая — свой. От Бедестана, или, говоря современным языком, от Большого Базара расходятся торговые пути: один из них через квартал Мехмет-паши спускается к Золотому Рогу и приводит прямо к пристаням и складам; другой ведет по кварталам Шехзадебаша и Сераджхане к мечети Шехзаде; третий заканчивается кварталом Аксарай. Все три служат Стамбулу главными магистральями уличного движения, проложенными еще во времена Византии.

Еще одна коммерческая, или, если сказать точнее, промышленно-торговая зона может быть отмечена в предместье Едикуле и, наконец, последняя, состоящая из продуктовых лавок, обслуживает Эюб, но она представляет собой скорее торговую сеть в жилых кварталах. Что касается Ускюдара, то его торговая роль на местном уровне весьма скромна, если не принимать во внимание караван-сарай и постоянные дворы.

Речь идет о таких зонах, в которых торговля почти полностью вытеснила жилье. Там жилых кварталов либо вовсе нет, либо почти нет. Имеются в виду секторы Бедестана, Мехмет-паши и «морского» района («нижнего города») Галаты.

Еще один фактор, значительно суживающий зоны заселения, — это обилие пустырей, «зеленых зон», садов и особенно обширных пространств, отводимых под большие мечети со служебными помещениями, хозяйственными пристройками и угольями. Если в Галате подобных зеленых зон и пустырей почти нет³⁰, то собственно в Стамбуле много садов в частном владении, сплошь и рядом встречаются огороженные, но не застроенные и вообще ничем не занятые земельные участки; не редкость и пустыри — их число и площадь особенно возрастают по мере приближения к черте города, к земельным валам. Кстати, авторы XVI—XVII веков часто упоминают о прогулках по таким безлюдным местам как в самом городе, так и в его ближайшей округе. Еремия Челеби, армянский литератор, оставив-

ший описание Стамбула XVII века, включил в него такой пассаж: «Здесь, внутри городских стен, множество прекрасных парков, плодовых садов и лужаек, по которым так приятно совершать прогулки»³¹. А Эвлиия Челеби, со своей стороны, приводит впечатляющий список мест, которые особенно любимы стамбульцами для совершения вечернего променада, — мест, довольно легко распознаваемых и ныне. Не только дворцы султана, но и особняки стамбульской знати занимают большие площади, если принимать во внимание обширные парки и сады, в зелени которых они утопают. Даже если сами эти аристократические жилища плотно заселены многочисленной челядью, общая плотность «населения» в них весьма невелика. Наконец, не следует забывать и о таком «ограничителе» зон заселения, как множество культовых зданий — мечетей, медресе, *имаретов*. В этом довольно длинном перечне не самое последнее место должно было быть отведено кладбищам, но первое, безусловно, принадлежит большим мечетям с прилегающими к ним постройками и земельными угодьями. Сулейманийе высится посреди обширного свободного пространства (эспланады), а за его пределами расположены несколько медресе, библиотека, госпиталь, школы, один имарет (кухня для бедных людей); мечеть Фатиха собирает вокруг себя восемь медресе, имарет, школы, библиотеку, сады... Такого же рода учреждения, пусть и в меньшем количестве, группируются вокруг менее грандиозных больших мечетей. Но даже самые маленькие мечети (число которых велико) размещены внутри более или менее просторных оград³². Даже если не принимать на веру подсчет мечетей, частных молелен и всякого рода религиозных учреждений, произведенный Челеби (14 тысяч), и цифра должна быть уменьшена, она все же отражает важную особенность Стамбула — огромные и практически незаселенные земельные площади. Эти сооружения, к слову, распределены по городской территории довольно равномерно, что в значительной мере способствует чистоте воздуха, снижению общей плотности населения на единицу городской площади, но в то же время увеличивает плотность населения в

жилых кварталах Стамбула, некоторые из которых в большой степени перенаселены.

Среди этих перенаселенных зон особого внимания заслуживает та, что простирается вдоль берега Золотого Рога, а затем вклинивается в город и доходит, почти не прерываясь, до осевой магистрали уличного движения, идущей от Адрианопольских ворот до Святой Софии. Именно там расположены основные жилые кварталы Стамбула. Другая жилая зона тянется по обе стороны осевой магистрали Баязид—Аксарай, пересекаясь с торговой зоной меньшего значения. Наконец, в Стамбул входят такие приморские районы (омываемые Мраморным морем), как Кумкапы, Саматья и Едикуле. За пределами Стамбула пригород Эюб отличается высокой степенью концентрации населения.

На противоположном берегу Золотого Рога, в Галате, заселены очень плотно террасы склона к побережью (но не само побережье) — примерно в той же степени, что и ближайшие окрестности арсеналов Топхане и Касим-паши. Деревня Хаскёй превратилась в значительный населенный пункт только тогда, когда евреи, обосновавшиеся ранее в Эминёню, были оттуда изгнаны, чтобы очистить место для строительства мечети Ени Валиде³³. Ускюдар не отличается высокой плотностью населения.

Эти жилые зоны вовсе не похожи одна на другую. Они сильно разнятся по этническому составу и религиозной принадлежности обитателей. Кварталы, как легко заметить, характеризуются преобладанием среди постоянных жителей либо турок, либо греков, либо евреев, либо армян³⁴. С другой стороны, эти районы делятся на престижные и простонародные. По данным турецкого автора Эвлии Челеби, можно локализовать серали и особняки знати в двух четко обозначенных районах: один из них расположен между Ипподромом и Святой Софией, или, более точно, по обе стороны магистрали, которая связывает площадь Святой Софии с Баязидом и называется Диванполу; другой находится в треугольнике между мечетью Сулейманийе, мечетью Шехзаде и площадью Вефа. Серали (в меньшем числе) встречаются также по берегу Мраморного моря в квар-

тале Ахыркапы. Неверно было бы из сказанного делать тот вывод, что упомянутые фешенебельные кварталы населены исключительно семьями аристократов. Нет, это не так. Как правило, серали и особняки, принадлежащие дворцовой или городской знати, окружены довольно скромными жилищами обслуживающего персонала.

Кварталы «простого народа», или, говоря несколько иначе, кварталы с повышенной плотностью населения тянутся по побережью Золотого Рога и располагаются севернее линии Адрианопольские ворота — Баязид. Ляжат они и к югу от этой линии, а именно между Ипподромом и сектором Аксарай — Еникапы. Третий густо заселенный район занимает территорию между Саматъей и Едикуле. Такое районирование подтверждается и территориальным расположением местных рынков. Стамбул обслуживается пятнадцатью районными рынками, и тринадцать из них размещено в упомянутых районах, что убедительно свидетельствует об исключительно высокой плотности населения. Что касается берегов Босфора, являющих собой как бы пригороды столицы, то они заселены не густо и не сплошь. По ним рассыпаны деревеньки, в которых живут садовники, лесоводы, огородники и рыбаки, чьи дома, утопающие в зелени, теснятся вокруг мечети, церкви или синагоги; вдали высятся султанские дворцы — в Бешикташе, Бебеке и некоторых других местечках; кое-где у самой воды виднеются дачи, в которых только жарким летом живут с семьями их владельцы — столичные вельможи; и все это — в зелени садов, парков, даже лесов. Не приходится удивляться тому, что деревеньки эти имеют каждая свою, так сказать, специализацию и по-разному известны среди жителей столицы. Некоторые из них заселены перевозчиками и их семьями (например Бешикташ и Румели Хисар) и располагаются на проливе либо там, где он наименее широк, либо там, где течение наименее стремительно. Деревни моряков Истинийе, Бююк-дере, Сарыйер, Бейкоз нашли себе приют на берегах наиболее гостеприимных бухт.

Хотя в административном и экономическом отношениях эти предместья подчиняются столице и зави-

сят от нее, невозможно причислить их к собственно городской зоне. Босфор — это совершенно особая пригородная зона, ничего общего не имеющая с городскими кварталами.

То же следует сказать и о деревнях побережья Мраморного моря — как на европейской его стороне за Едикуле, так и на азиатской за Ускударом. Что касается деревень на территории между Мраморным морем и Черным, то они заселены крестьянами-хлебопашцами, но в особенности животноводами и пастухами. Если они и играют какую-то роль в экономической жизни столицы, то самую незначительную. Соответственно этому, они никак не вовлечены и в ее политическую и социальную жизнь.

Стамбульский мегаполис, по сути, не имеет городов-спутников. Он сам, правда, состоит из трех блоков — собственно Стамбула, Галаты и Ускудара, причем последний, сравнительно с первыми двумя, кажется всего лишь подобием города. Итак, когда заходит речь о столице, практически приходится принимать в расчет лишь Стамбул в узком смысле да Галату с их ближайшими пригородами, так как только там городская жизнь проявляется во всем своем богатстве и многообразии.

Улицы и дома

Если внешний облик Стамбула прекрасен, если местоположение столицы вызывало у иностранных путешественников единодушное одобрение, если мощь крепостных стен и величие дворцов и больших мечетей никого из них не оставляли равнодушными, то общий интерьер города явно не снискал подобных похвал. Конечно, в ту же эпоху XV—XVII веков улицы Парижа и Лондона также оставляли желать многого в смысле чистоты и удобства движения, но для иностранцев, успевших вволю налюбоваться на Стамбул при приближении к нему и ожидавших, переступая его порог, еще более чудесных встреч с ним, — для них разочарование было поистине велико. Приведем некото-

рые отзывы разных европейских наблюдателей. Пьетро делла Валле: «Внутренний вид города вовсе не соответствует его великолепному внешнему виду. Напротив, он весьма некрасив, так как ныне, в отличие от прошлых времен, когда улицы поддерживались в состоянии чистоты и порядка, усилий в том же направлении больше не предпринимается, и вследствие нерадения жителей они стали грязными и неудобными...»³⁵ Д'Арвье: «Улицы плохо вымощены, некоторые вовсе не вымощены, и все они, вообще, весьма неопрятны»³⁶. Тевено: «Улицы Константинополя отвратительны. Они, в большинстве своем, узки и извилисты, вне зависимости от того, застроены они высокими или низкими домами»³⁷. Уэлер: «Улицы, застроенные низкими домами, узки, темны и тянутся до бесконечности»³⁸. Перечень в общем совпадающих мнений может быть продолжен.

Воссоздаваемой ими картине удивляться не приходится, поскольку она одна и та же как для всех городов Ближнего Востока и Северной Африки, так и для многих европейских городов. Путешественников поражают не только грязь и нечистоты на улицах, но и узость и теснота улиц, трудность проезда и прохода по ним. Только одна из стамбульских улиц удостоивается похвалы иностранцев. «Единственная улица в Стамбуле, пригодная для дорожного движения, это та, что ведет от Серая к Адрианопольским воротам; остальные тесны, темны и хороши лишь для устройства разбойничьих притонов»³⁹, — говорит один из них. Другой вторит: «Во всем городе — лишь одна по-настоящему прекрасная улица. Это — та, что соединяет Адрианопольские ворота Стамбула с Сералем. Она широка, пряма и без крутых подъемов и спусков, хотя и проходит по холмам. И вот еще что делает ее прекраснейшей из всех: сам султан и самые видные представители дворцовой знати во главе своей блестящей свиты время от времени проезжают по ней»⁴⁰.

Улица, о которой идет речь, называется Дивандому джадеси, или, в переводе, «улицей Дивана (Совета)». Именно по ней следует кортеж султана, когда тот отправляется в Адрианополь, и вдоль нее высятся некоторые из самых величественных мечетей Стамбула. Она

представляет собой основную продольную ось города и совпадает с главной улицей Константинополя — Мезей. Это к тому же одна из очень редких улиц Стамбула (и Галаты), которая отличается от большинства своих сестер отсутствием значительных перепадов уровней. Ибо как раз такие-то перепады и становятся главной трудностью передвижения: ландшафт заставляет улицы то подниматься, то опускаться по склонам холмов, на которых стоит столица. Причем подъемы и, соответственно, спуски — под таким углом, что движение повозок делается иногда практически невозможным. «Внутри город то слишком высок, то слишком низок, вследствие чего далеко не до каждой его части можно добраться на карете. Вот почему турки в большинстве случаев сами предпочитают разъезжать по городу верхом и прибегают к каретам разве только ради того, чтобы своих жен отправить в баню. Нет у них ни двуколок, ни телег, а для переноски тяжестей используют армян, как мы используем грузчиков»⁴¹. Процитируем еще и делла Валле: «Здесь мало улиц, по которым могли бы легко проехать маломестные рыдваны, не имеющие особого устройства для торможения (именно ими как раз и пользуются обычно женщины, а также те, кто не может ходить). По остальным улицам приходится либо ездить верхом, либо ходить пешком; последний способ передвижения доставляет мало радости»⁴².

Во время и после дождя улицы, по большей части немощеные, превращаются в настоящую топь. Более того, они служат мусоросборником для мусора, отбросов и нечистот, так что «по ним едва можно пробраться». Между тем предписания городских властей сурово, под угрозой штрафов, требуют, чтобы улицы подметались, чтобы их проезжая часть поддерживалась в должном состоянии, а ремонт осуществлялся силами и средствами жильцов соседних домов, чтобы отбросы и мусор аккуратно собирались и выбрасывались в море»⁴³. Население вряд ли следовало букве этих мудрых постановлений.

Улицы по обе стороны уставлены домами и торговыми лавками скромного, если не сказать убогого, вида, за исключением резиденций городской знати.

Мнение иностранных путешественников на этот счет настолько единодушно, что оно заслуживает полного доверия, без оговорок: «Жилища частных лиц обычно ниже среднего уровня как по своему внешнему довольно неприглядному виду, так, нужно думать, и по внутреннему убранству. Только дворцы султана, мечети, бани, рынки, особенно рынки ценных тканей, выглядят роскошно, если смотреть на них издали»⁴⁴. Вышеприведенное мнение Уэлера разделяется и другими наблюдателями. Приведем высказывание Ферманеля: «Дома частных лиц плохо построены и неудобны»⁴⁵. А вот заметка Пети де ла Круа: «Число домов достигает тридцати шести тысяч или около того, они очень плохо построены... Все они внутри представляют жалкую картину, но снаружи довольно хорошо украшены...»⁴⁶

Настолько хорошо, что восклицания восхищения, вызываемые внешним видом города, перерастают в хор разочарования, когда иностранцы углубляются в улицы Стамбула: «Дома частных лиц по большей части деревянные и к тому же очень плохо построены. Прежде всего это суждение относится к *базарам* (так называются торговые заведения на рынках), почти все они одноэтажные. Такая лавочка настолько хороша снаружи, что, когдаходишь в нее, невольно восклицаешь: “Да это другой город!”»⁴⁷

Конечно, здесь речь идет лишь о самых рядовых домах, но они-то и составляли подавляющее большинство жилищ в Стамбуле. По соседству с ними высились особняки, обитатели которых привыкли жить на широкую ногу, дворцы или серали частных лиц, *конаки*. Об этой категории зданий путешественники составили представление, прямо противоположное тому, что вынесли из знакомства с жилищами простого люда. «В Константинополе — множество сералей частных лиц, однако снаружи они не только некрасивы, но вызывают отвращение. Как мне представляется, столь обманчивая наружность им придается для того, чтобы избежать зависти Великого Господина (так европейцы частенько называли турецкого султана. — *Ф. Н.*)»⁴⁸, — одна и та же нота звучит и у

Д'Арвье, у Ле Брюина и у других. Путешественники обычно разочарованы экстерьером домов стамбульской знати, зато обнаруживают, что их интерьер куда более приятен, нежели можно было бы ожидать по внешнему виду⁴⁹.

Если попытаться провести «социальную» классификацию жилых домов, то ее следует начинать с эва. Эв — маленький домик, жилище рабочих, ремесленников, торговцев, служащих низшего и среднего звена. За ним следует конак — это более престижная резиденция лиц, обладающих довольно высокими доходами. Конаки, пожалуй, можно поставить на один уровень с особняками зажиточных семейств в Европе. Вершину этой градостроительной иерархии, разумеется, занимают серали или дворцы и самых важных сановников османского правительства. Конаки и серали, впрочем, имеют мало принципиальных различий в планировке и расположении помещений и демонстрируют общую заботу о внутреннем убранстве и уюте. «Дома важных сеньоров по внешности довольно неказисты, но они великолепны внутри. Апартаменты велики, хорошо декорированы позолотой и росписями и содержат в себе все, что только может способствовать удобству и удовольствию тех, кто в них обитает»⁵⁰.

В строительстве как обычных домов, так и наиболее фешенебельных резиденций, дерево — основной, но далеко не единственный материал. Дома невелики по размерам и состоят, как правило, из двух этажей. Более поздний регламент (1725 года) уточняет: высота домов, принадлежащих мусульманам, не должна превышать 12 зира (локтей), то есть 9 метров, домов не мусульман — 9 зира, то есть 7 метров, торговая же лавка не должна быть выше 4 зира — 3 метров⁵¹.

Иные дома возводятся на каменном цоколе («лучшие из них сложены из кирпичей или грубо обтесанных камней»⁵²), но в любом случае весь остов дома, включая главные несущие конструкции, составляется из деревянных балок и перекладин. Пьетро делла Валле так описывает ход строительства: «Когда принимаются за строительство домов, то первым делом, как и при постройке корабля, слагают их остов; как только

остов сложен, его покрывают кровлей, прежде чем заняться чем-либо еще; делается это для того, чтобы обезопасить стройку от дождя, который иначе мог бы на стройке попортить многое: например, некоторые пространства между стояками заполняются землей, которую необходимо предохранить от проникновения воды»⁵³. Описанная технология строительства (в Анатолии она применяется и поныне) довольно груба, но все же отвечает поставленной задаче или, точнее, двум задачам, — во-первых, обеспечить известную солидность здания (земля или, точнее, промятая глиняная масса с течением времени затвердевает, что и позволяет строению выдерживать непогоду) и, во-вторых, провести строительство быстро и дешево, не прибегая к дорогостоящим строительным материалам. Конаки и серали строятся примерно таким же способом, с тем только различием, что их цоколи — всегда из камня. Загородные дома «по большей части деревянные, и не по той причине, что дерево как строительный материал более в Турции доступно, чем мрамор и камень, а по той, что строительство из деревянных конструкций требует меньше времени и труда»⁵⁴.

Поскольку частные дома и торговые заведения в громадном своем большинстве строятся из дерева, они становятся легкой добычей частых пожаров: двадцать один пожар за период с 1633 по 1698 год истреблял в Стамбуле каждый раз полностью от одного до нескольких кварталов⁵⁵. Исторические источники упоминают, естественно, лишь самые разрушительные из них, обходя молчанием куда более многочисленные случаи менее крупных возгораний. Надо сказать, что огонь легко находил для себя пищу в деревянных домах и лавках. За считанные минуты первоначально незначительное происшествие принимало размеры катастрофы, особенно при сильном ветре, который в Стамбуле дует часто. Пожары зарождались, конечно, в самых плотно населенных и торговых кварталах, разрастаясь шире, унося человеческие жизни далеко за пределами первоначального очага возгорания и нанося огромный ущерб экономике города в

целом, так как огонь свирепствовал не только в жилых кварталах, но и на торговых складах. «Шесть пожаров за два месяца уничтожили в Константинополе более трех тысяч домов и лавок; на прошлой неделе сгорел большой двухэтажный магазин. Англичане потеряли в нем сукна и других товаров на сорок тысяч экю...»⁵⁶ Даже дворец Великого Господина подвергался опасности: в 1665 году пожар опустошил ряд его помещений, и потребовалось более трех лет для его полного восстановления.

Чтобы бороться с пожарами, османское правительство, за отсутствием корпуса пожарных (который был сформирован много позднее), издавало указы: так, регламент 1572 года предписывает, чтобы каждый домовладелец или владелец лавки имел в наличии лестницу высотой с его дом и бочку воды. Оснащенный всем необходимым, он мог теперь мужественно вступать в единоборство с огнем, вместо того чтобы спастись бегством, жалостно взывая о помощи⁵⁷. Указ 1626 года требует строить дома и лавки в Стамбуле и Галате исключительно из камня, глино-соломы и из мятой глиняной массы, по примеру того, как это делается в Алеппо и Дамаске⁵⁸. Как нам представляется, это предписание выполнялось не слишком строго.

Можно было бы предположить, что эти ужасающие пожары вносят существенные изменения в топографию и общий вид города. Ничуть не бывало! Большие построенные из камня здания успешно противостоят огню и остаются на своем месте. Кроме того, горожане не любят перемен и неизменно следуют традициям и своим собственным привычкам.

Впрочем, действовали и прямые запреты, возбранившие погорельцам обустраиваться на новых местах. Изданы эдикты, запрещающие домостроительство в непосредственной близости от крепостных стен (1558) и от мечетей (1572). Что, конечно, ограничивает возможности переселения. Другие постановления запрещают строить дома и разбивать сады (вероятно, речь идет о плодовых садах) там, где проходят водопроводы. Однако указы, решения, постановления — это одно, а действительность — другое...⁵⁹

Значительная часть застроенного пространства столицы занята каменными зданиями. Часто весьма массивными, особенно если иметь в виду султанские мечети, которые производят впечатление не только своими внушительными размерами, но и тем, что являются поистине замечательными памятниками архитектуры. Прежде всего они (но не только они) и определяют лицо города: «Посреди этих, как правило, небольших домов, разнообразно раскрашенных, возвышается великое множество куполов и минаретов — башенок, напоминающих колокольни. Купола покрыты свинцом, а заостренные верхушки минаретов позолочены. Все они намного выше своего окружения»⁶⁰.

Большие мечети стали сооружаться в XVI веке, а большие мечети XVII века продолжили уже сложившуюся зодческую традицию. Единство концепции, в соответствии с которой возводились культовые здания в течение двух столетий, предопределило единство стиля, гармоничность всего городского архитектурного ансамбля. На первом месте в первом ряду каменных зданий этого рода — мечеть Баязида II, а за ней следуют мечети Селима I, Шехзаде, Сулеймана Великолепного (Сулейманийе), Хасеки, Михримах. Перечисленные мечети располагаются в пределах собственно Стамбула, а за ними, в Ускюдаре, имеются еще две — Михримах и Эски Валиде. Все это — мечети султанские, то есть возведенные либо султанами, либо принцами из царствующей династии. Другие, меньшие по размерам, но не менее замечательные по своим архитектурным достоинствам и по богатству убранства были построены визирями. Ко второму разряду, если перечислить лишь наиболее выдающиеся его образцы, относятся мечети Рустем-паши, Мехмет-паши, Пияле-паши и Кылыдж Али-паши. XVI век был эпохой поистине лихорадочного строительства: между 1500 и 1600 годами было сооружено около 30 мечетей; но уже в следующем столетии строительная лихорадка сходит на нет: за весь XVII век построено две большие мечети — мечеть султана Ахмета и Ени Валиде (строи-

тельство последней велось с 1596 по 1663 год), а всего — пять или шесть мечетей. Каждая из этих мечетей (особенно если она султанская) занимает обширную площадь: во-первых, потому что их здания сами по себе огромны; во-вторых, потому что они высятся в центре эспланады, обычно окруженной замкнутой оградой; в-третьих, потому что они являются средоточием целой грозди зависимых от них религиозных учреждений — таких, как медресе, библиотеки, богадельни, имареты, кладбища, школы, причем некоторые из них, если не все, располагаются вне ограды собственно мечети⁶¹. Мечети меньшей значимости, или, так сказать, второго класса, также располагают площадью большей, чем та, на которой они построены, и иногда (не всегда) владеют какими-либо из перечисленных выше учреждений. Мечети первых двух категорий носят имя *джамии*, между тем как мечети, обслуживающие определенный квартал, называются *месджид*⁶².

Эвлия Челеби (середина XVII века) в своем перечне религиозных учреждений упоминает 74 султанские мечети, 1965 мечетей великих визирей, 6990 квартальных мечетей, основанных представителями знати, что в сумме составляет более 15 тысяч зданий такого рода⁶³. Не следует принимать на веру это число, несомненно, сильно завышенное. Более близким к истине представляется другой подсчет, содержащийся в одной турецкой рукописи конца XVI — начала XVII века, которая отмечает наличие 485 мечетей (*джамии*), 4492 квартальные мечети, то есть в сумме 4977 зданий⁶⁴. Итак, в Стамбуле XVII века насчитывалось приблизительно 5 тысяч мечетей обоих классов — число весьма внушительное.

Большие мечети воздвигались на особо тщательно выбираемых местах, прежде всего на вершинах основных холмов Стамбула. Прочие распределялись более или менее равномерно по всей площади города, но все же их больше в особенно густо заселенных кварталах — то ли потому, что эти места пользовались предпочтением градостроителей, то ли потому, что большая мечеть становилась полюсом притяжения для горожан, которые стремились поселиться побли-

же к ней. Последняя тенденция особенно была сильна в XVI веке.

Самое большое здание по отведенной ему площади — это, без сомнения, султанский дворец, Топкапысарай, взявший под себя весь главный холм, холм древнего акрополя. Замокнувшийся в своих высоких крепостных стенах, дворцовый комплекс простирается от Бахчекапы на Золотом Роге до Ахыркапы на Мраморном море. Так как дворец этот представляет собой именно комплекс зданий, разных по своим размерам, разнородных по своему архитектурному стилю и построенных далеко не одновременно, а разными султанами, начиная с Мехмета Завоевателя. Впрочем, он занимает не только самую большую поверхность, сравнительно со всеми прочими зданиями, — он занимает и господствующую над всем Стамбулом высоту, так что именно на нем сразу же останавливается взгляд как тех, кто прибывает в столицу по Мраморному морю, так и тех, чей путь лежит по Босфору. «Сераль Великого Господина прежде других городских достопримечательностей захватывает внимание всех тех, кто сюда прибывает морем; вид его очень приятен благодаря, главным образом, тем садам, что окружают его; что же касается его архитектуры, то в ней нет ничего от великолепия: она слишком проста для дворца столь могущественного государя ...»⁶⁵ Сераль окружен Стамбулом, но это особый мир, оказывающий на свое окружение могущественное воздействие — как вследствие того, что масса стамбульцев обслуживает Сераль прямо или косвенно, так и в силу своего громадного экономического притяжения. Мир этот, вместе с тем, отделен от города, закрыт перед ним завесой тайны и в известной степени являет себя, так сказать, «городом в городе» со своими порядками и особыми обычаями, весьма отличными от тех, что приняты в остальном Стамбуле.

Дворец Топкапы, называемый еще и Новым Сералем или просто Сералем, — не единственное такое здание в городе. Имеется, прежде всего, Старый Сераль, построенный Мехметом Завоевателем в XV веке и служивший

в течение двух следующих столетий местом проживания жен и наложниц усопших султанов⁶⁶. Старый Сераль находится в самом центре Стамбула, недалеко от мечети султана Баязида II и от мечети Сулеймана Великолепного. Старый Сераль отделен от города еще более высокой стеной (в фигуральном смысле), чем Новый, — ведь в нем обитают только женщины. Великий Господин владеет и другими дворцами, но — за чертой собственно Стамбула, в Ускюдаре и в Бешикташе. Дворец в Галате (Галатасарай) также входит в комплекс султанских резиденций, но в нем султан не останавливался после 1674 года.

Помимо султанских есть в Стамбуле и другие дворцы — построенные такими видными персонами, как, например, Ибрагим-паша, великий визирь при Сулеймане Великолепном. Дворец этот, расположенный на окраине Ипподрома, — один из самых больших частных сералей. Равно как и дворец Сиявуш-паши (близ Сулейманийе), состоящий из 300 комнат, дворец Михримах Султане, насчитывающий 700 комнат, и множество других, в числе которых одиннадцать сералей, построенных в XVI веке великим зодчим Синаном⁶⁷.

Стоит сказать особо и о зданиях, возведенных с чисто утилитарными целями и составляющих довольно внушительный комплекс. Прежде всего это янычарские казармы — обширные помещения, способные вместить в себя 10—12 тысяч человек⁶⁸. Они подразделяются на «старые» и «новые», или, буквально, на «старые спальни» (Эски Одалар) и «новые спальни» (Ени Одалар). Помимо них к комплексу должны быть причислены товарные и прочие склады, *хане* (гостиницы) и *караван-сарайи*, бедестаны, базары, бани (число которых велико), фонтаны (некоторые из них являют собой подлинные памятники архитектуры). Не следует забывать и о сооружениях религиозного характера: о медресе, не входящих в комплексы больших мечетей⁶⁹, о школах всех ступеней (начальных, школах по изучению Корана, школах по изучению сунны), о «монастырях» дервишей⁷⁰, а в христианских кварталах о церквях православных⁷¹, армянских⁷², «франкских»⁷³. И наконец, о синагогах в еврейских кварталах⁷⁴. Итак, Стамбул

слагается помимо жилых домов еще и из большого числа зданий и сооружений, которые в немалой мере способствуют его блеску. Они и придают столице ее характер — величия, грандиозности и многоликости.

Порт

Удачное местоположение города счастливо дополняется наличием великолепного порта, от которого зависит в большей своей части экономическая жизнь столицы. Золотой Рог предоставляет судам гавань глубокую, широкую и надежную — тем более ценимую мореходами, что только в ней и можно укрыться на участке морского пути между входом в Дарданеллы и выходом из Босфора от порывов южного ветра и от бурь Черного моря. «Порт, лежащий по направлению к закату, так хорошо закрыт от ветров и настолько водная гладь в нем спокойна, что Золотой Рог легче принять за канал, за шедевр искусства строителей, чем за творение природы»⁷⁵. В самом деле, холмы Стамбула и Галаты, обрамляющие порт, столь надежно прикрывают его от северных и южных ветров, что даже невысокие волны в пределах акватории — явление довольно редкое. Кроме того, ширина водной поверхности⁷⁶ и протяженность окаймляющих ее берегов позволяют принимать, по уверениям некоторых авторов, до тысячи судов одновременно⁷⁷. В данном случае цифру не стоит брать на веру или отвергать ее слишком уж всерьез, но она весьма показательна для характеристики величия порта и его вместимости. Гораздо важнее другое — большая глубина у самого берега, что позволяет судам буквально «утыкаться в него своими носами» со стороны как Стамбула, так и Галаты; все путешественники с радостным удивлением отмечали, как удобно здесь приставать к берегу⁷⁸. Это, конечно, большое удобство как для пассажиров, так и для экипажей, но еще большее — для погрузки и разгрузки судов: купцы, следовательно, могут избежать переноса грузов, всегда дорогостоящего, с судов на лихтеры, галеры,

шаланды и прочие мелкие каботажные суда и, разумеется, в обратном направлении.

Еще одно преимущество этого порта перед другими кроется в том, что он находится в многолюдном городе, даже в самом его средоточии; он не испытывает, стало быть, недостатка в сильных руках, столь необходимых при погрузке и разгрузке товаров. Набрать матросов при необходимости — проще простого и легче легкого: ведь таверны Галаты — рядом!

Тем не менее имеются и некоторые неудобства, а среди них — на первом месте то, что Стамбул в широком смысле слова все-таки состоит из трех городов. Без перевозок с азиатского берега на европейский и из Стамбула в Галату, стало быть, не обойтись! Отсюда — потребность в перевозчиках пассажиров и грузов, которые на своих лихтерах, шаландах, *каиках* или просто на снующих туда и обратно лодках (*переме*)⁷⁹ ежедневно решают эту задачу. Они прекрасно сознают свою незаменимость — как, впрочем, и свою зависимость от этого источника существования. Эти лодочники, или, шире, перевозчики (*перемеджи, каикджи, сандалджи*), образуют могущественную корпорацию, которая чувствует свою силу и отстаивает свои права. Это неудобство, пожалуй, самое крупное, но при сопоставлении с теми выгодами, которыми портовая торговля пользуется, оно выглядит просто ничтожным. Стамбульские лодочники многочисленны: Эвлия Челеби упоминает число перемеджи (лодочников, специализирующихся на перевозке только людей с их личным багажом) — 8 тысяч, владельцев каиков (каботажных судов средних размеров) — 7 тысяч и, наконец, владельцев шаланд (галер с относительно большим для каботажных судов водоизмещением) — 800⁸⁰. Эти цифры близки к тем, что приводят Грело (16 тысяч) и Ферманель (15 тысяч). Перевозчики на своих суденышках постоянно, подобно челноку в ткацком станке, снуют от одного берега к другому и обратно. Когда в порт прибывает большое турецкое или иностранное судно, они со всех сторон что было силы устремляются к нему: эта гавань, без сомнения, одна из самых оживленных в мире.

Арсенал Касим-паши был создан еще Мехметом Завоевателем, который велел соорудить на берегу «формы» для дальнейшего строительства кораблей. По мере того как османский флот, становясь все более мощным, требовал все больше и больше боевых кораблей, арсенал испытывал все большую и большую нужду в рабочей силе. Отвечая на эти запросы, Сулейман Великолепный, а за ним Селим II строят вокруг арсенала посад, который заселяют греками и грузинами, то есть людьми, которые либо имеют постоянно дело с морем, либо владеют знаниями и навыками в области железоделательного производства. Первое принудительное переселение было проведено Касим-пашой, а потому его имя закрепилось за этим поселением, объединяющим тех, кто прямо или косвенно работает на арсенал: военных, охрану арсенала, лоцманов, плотников, столяров, конопатчиков, кузнецов, торговцев, садовников и пр. Но сердцевину посада образует непосредственно сам арсенал, отгороженный высокой крепостной стеной и имеющий своих собственных обитателей: это адмирал с офицерской свитой, военные различных званий, турки и прозелиты, специалисты в кораблестроении. Но особенно там было много рабов — из христианских стран Запада, Московии, татар. Общее число их оценивалось при Сулеймане Великолепном в 30 тысяч, веком позже — в 46 тысяч (проверить справедливость этих оценок нет никакой возможности). Рабы жили в каторжной тюрьме, получившей широкую и грустную известность. Описания ее, почерпнутые из рассказов бывших каторжников, приводятся рядом европейских путешественников. Они ужасающи, но разве лучше было положение каторжников в ту же эпоху на Западе? Подведя итог этим рассказам, Турнефор заключает: «Это одна из самых страшных и омерзительных тюрем во всем мире»⁸¹, — оценка довольно бледная перед лицом столь зловещей и мрачной реальности⁸². Для несчастных узников почти нет никакой возможности убежать. По двум причинам: во-первых, потому, что как внутри арсенала, так и снаружи вокруг него днем и ночью недремлющая стража через малые промежутки времени совершает обход. Во-вторых, еще при

строительстве тюрьмы тщательно были продуманы все возможные варианты побега и все необходимые и достаточные меры предосторожности. «Тюрьма построена так, что ни один человек не смог бы из нее ускользнуть. Даже если туда залетает птица, то вылететь из нее она уже не в состоянии. Пол тюрьмы составлен из мраморных блоков таким способом, чтобы исключить подкоп»⁸³. Единственная возможность покинуть этот ад — выкуп, однако она очень редка. Тем более что Великий Господин вовсе не торопится расстаться с рабочей силой, содержание которой стоит так мало, а сама она так полезна во многих отношениях — как в пределах собственно арсенала, так и на скамье гребцов в султанских галерах.

Арсенал Касим-паши огромен. Прежде всего, это — верфь, причем, без сомнения, одна из самых крупных в Европе XVI—XVII веков. Иностранные путешественники, которым удавалось бросить лишь взгляд на нее, да и то издали, и которые знали о ней кое-что лишь понаслышке, — даже они были всякий раз поражены ее гигантской протяженностью и оборудованием. Сколь-либо точно подсчитать с палубы проходящего вдоль берега корабля все эти «арки», «аркады», «навесы» («формы», предназначенные для строительства султанских галер) было просто невозможно, а потому их число у различных авторов колеблется от 110 до 150. Но если османский флот во времена Сулеймана Великолепного и Селима II находился на пике своего могущества и боеготовности, то в XVII веке того же сказать о нем никак нельзя. Согласно армянскому автору Еремии Челеби, половина этих принятых в кораблестроении «форм» обветшала, вышла из строя, превратилась в обломки. Как кажется, в некоторые годы на воду спускалось никак не более десятка военных судов — из-за нехватки финансовых средств, строительных материалов и рабочей силы⁸⁴. Старый же регламент арсенала предписывал ежегодный спуск на воду не менее сорока галер.

В арсенале располагался также Диван капудан-паши, что соответствует министерству военного флота. Адмирал флота (капудан-паша) размещает здесь свои

канцелярии, созывает совет и решает все вопросы, имеющие отношение к турецкому военному флоту. Его власть простирается на офицерский корпус, инженеров-кораблестроителей и матросов, большую часть которых составляют каторжники. После великого визиря, выполняющего помимо прочих функций и даже прежде них обязанности главнокомандующего, капудан-паша, наряду с агой янычарского корпуса, — самая высокая военная должность в Империи.

Наконец, арсенал представляет собой самый большой склад материалов, предназначенных для строительства флота, и в этом отношении способствует экономической деятельности стамбульского порта. Сюда стекаются такие грузы, как лес с берегов Черного моря и из района Измита, битум, гудрон, смола из Албании, Митилены, Смирны, железо из Салоник и придунайских областей, жир из Кафы, Варны, острова Хиос, конопля из Египта и западной Анатолии, снасти и канаты из Трапезунда (Трабзона), парусина из Анатолии, Египта и Мингрелии, медь из анатолийских рудников, железо и олово из христианских стран Запада, в особенности из Англии. Но в XVII веке уже недостаточно располагать портом, арсеналом, строительными материалами и рабочей силой. Помимо всего этого, даже прежде всего, нужно обладать творческой силой и способностью координировать многочисленные операции. Равно как и финансовыми ресурсами. И в том, и в другом, и в третьем Османская империя как раз и испытывала острую нужду. Отсюда — резкий упадок османского флота, утрата Высокой Портой верховенства на Средиземном море и установление иностранного господства на морских торговых путях. Что достаточно остро чувствуется даже в Константинополе, вроде бы не страдающем от прямого давления на жизненно важные артерии снабжения: все больше иностранных торговых судов швартуются в его порту, все больше возрастает приток европейских товаров.

Торговый порт Стамбула, о достоинствах которого довольно подробно было сказано выше, располагается по обоим берегам Золотого Рога, то есть фактичес-

ки делится на два порта, между которыми функции четко разделены. Наиболее известен из этих двух, разумеется, порт Галаты, две части которого, Каракёй и Топхане, служат пунктом назначения, а также стоянкой для европейских судов: генуэзских, венецианских, английских, французских и голландских. Помимо них сюда прибывают иногда и греки, но здесь не видать турецких судов: в конце XIII века генуэзцы превратили Галату в свою торговую базу, а турки, после завоевания Константинополя, подтвердили привилегии, предоставленные генуэзцам Византией. Однако своим превращением в международный торговый центр Галата (и, конечно, Константинополь в целом) обязана не только генуэзцам, но также и венецианцам, а вслед за ними — и коммерсантам из других европейских стран, приток которых постоянно возрастал с середины XVI века. Иностранные купцы размещают в Галате свои склады, а турецкая администрация направляет туда своих представителей, турок, но чаще евреев, которые взимают таможенные пошлины, налоги за пребывание, налоги за охрану. Евреи все больше входят в роль посредников между «франками» и османами и берут на себя труд облегчить европейцам прохожде-ние необходимых формальностей при получении разрешений на плавание в турецких водах, на разгрузку и погрузку. В морском квартале Галаты множатся торговые заведения, ремесла, связанные с мореходством, а также таверны, знаменитые по всему Ближнему Востоку. Здесь поддерживается свой особый мирок, живущий, так или иначе, за счет моря: матросы, комиссионеры, служащие, писцы, посредники, агенты негочантов и посольств, грузчики, носильщики, янычары, которым поручена охрана судов, всякого рода торговцы и, сверх того, целая толпа паразитов. Вся эта публика превращает Галату в один из самых оживлен-ных районов Стамбула, причем турки оказываются в нем явно в меньшинстве. Короче, Галата — порт «франков», порт международной торговли, порт им-порта из-за рубежа и экспорта за рубеж, но это все же не порт, служащий поставке продуктов, которыми кормится столица⁸⁵.

На южном берегу Золотого Рога на полосе, простирающейся от Бахчекапы до Балат, располагаются пристани, куда причаливают в основном турецкие и греческие суда, занятые каботажным плаванием по Мраморному, Эгейскому и Черному морям, а также по восточной части Средиземного моря. Их функция — снабжение столицы продовольствием и сырьем для промышленности, поставляемыми из разных краев Османской империи. Пристани эти, как кажется, тоже более или менее специализированы. Опираясь на сведения, содержащиеся в документации, а также сообщаемые турецкими и иностранными авторами⁸⁶, можно попытаться уточнить сферу деятельности каждой из этих пристаней.

Первые пристани, если считать их от Мраморного моря и идти от него в глубь залива Золотой Рог, это — Мейдан Искелеси и Бахчекапы. На них разгружаются суда, привозящие съестные продукты из района Измита (Никомидии), с побережий Черного моря, из Битинийе, Архипелага и Египта. Далее располагается пристань Эминёню, грузооборот которой наиболее значителен и которая обслуживает суда, прибывающие из западной части Малой Азии. Как и в Галате, около пристани процветает торговля, связанная с мореходством. Наряду с Эминёню, дебаркадеры Хисыр Искелеси, Зинданкапысы и Елиш снабжают столицу продовольствием — прежде всего свежими овощами и фруктами. Одун Искелеси специализируется на приеме леса — как строительного, так и идущего на отопление. Доставляется же он из района Измита. К пристани Аязмакапысы швартуются суда тоже с продовольствием, но прибывающим сюда лишь с европейского побережья Мраморного моря, а именно — из Восточной Фракии.

Сектор Ункапаны («взвешивание муки») принимает зерно, поступающее из Фракии, Крыма, Румынии и Болгарии, и размещает его в своих многочисленных зернохранилищах.

Наконец, на пристани Балата разгружаются суда, привозящие самые разнообразные продукты питания из разных стран.

Это элементарное перечисление далеко не охватывает всей реальности, но, по крайней мере, показывает рассредоточение приемных пунктов импортной торговли в Стамбуле в отличие от их сосредоточения на берегу Галаты. Эта разбросанность объясняется очень близким соседством с наиболее плотно заселенной частью города и в особенности с самыми большими торговыми центрами в городском ансамбле — с кварталами Эминёню, Мехмет-паши, Баязида, а также с бедестанами. Не говоря уже о территориальной близости к Сералю, который выступает в роли отнюдь не последнего в масштабе столицы клиента. Как и в Галате, здесь близ пристаней размещены разгрузочные площадки, пакгаузы, склады, всякого рода хранилища, принадлежащие как правительству, так и негоциантам, лавки ремесленников и мелких коммерсантов, обслуживающие судовладельцев и судовые экипажи. Между Эминёню и Баязидом располагаются и хане (гостиницы), в которых селятся по преимуществу крупные негоцианты.

Если принять во внимание огромную территорию, могущество и богатство Османской империи, особенно в XVI веке, пристани столицы отражали эпоху самой лихорадочной, самой кипучей деятельности, обусловливаемой все возрастающим притоком населения, которое нужно было кормить, и огромным объемом строительных работ, предпринятых султанами и высшими сановниками, требовавшими постоянного подвоза в соответствующих количествах строительных материалов. Само богатство правителей стало призывом к расширению потребления как товаров широкого спроса (продовольствия в первую очередь), так и предметов роскоши. Все эти факторы благоприятствовали развитию торговли лишь в одном направлении — в направлении роста импорта продовольствия, других товаров конечного потребления, а также сырья для обрабатывающей ремесленной промышленности, частной и государственной. Эта активность порта сохраняла, как кажется, свой прежний ритм и в следующем, XVII веке, поскольку население столицы продолжало еще увеличиваться, но уже не было прежнего подъема, прежнего ускорения. Наступила, по-видимому, эпоха

стагнации — впрочем, при сохранении весьма высокого уровня развития. Да, торговля Стамбула была односторонней, так как этот великий город ничего не производил на экспорт. Практически все произведенное государственными мастерскими и ремесленниками-частниками в столице же и потреблялось, а вывозимые на Запад товары производились вне Стамбула. Стамбул служил всего лишь центром транзитной торговли, через него на Запад шел поток восточных экзотических товаров — из стран черноморского бассейна, с севера Анатолии или из более отдаленных Армении и Ирана. Хотя Турция и обладала торговым флотом, который находился в собственности у частных владельцев (государственного не существовало), он не осмеливался выходить за пределы вод Османской империи. Ни один турецкий судовладелец (независимо от национальности, в расчет принималось лишь подданство) не рисковал вести торговлю в западных портах Средиземного моря, не говоря уже об Англии или Голландии. Такая бездеятельность имела свои причины (на которых мы остановимся ниже⁸⁷). Она-то и развязывала руки купцам с Запада, которые не преминули воспользоваться предоставленной им возможностью. Особенно с того момента, когда Османская империя не смогла более скрывать синдром своего упадка, то есть со второй половины XVII века⁸⁸.

ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА

Демография

Происхождение и количественная оценка населения

Когда Мехмет II овладел Константинополем, город уже несколько десятилетий не походил на бывшую имперскую метрополию. Еще до 1453 года многие из горожан покинули его, и хотя нет возможности точно установить численность оставшихся жителей, к моменту завоевания она, по всей видимости, была менее 100 тысяч человек¹. Все они, или почти все, были, разумеется, греки. Вместе с тем существовала и небольшая мусульманская община, наличие которой отмечается по меньшей мере с середины предыдущего XIV века².

Завоевав город, Мехмет II тут же приступил к депортации греков и к заселению города новыми жителями: прежде всего вывезенными из Малой Азии турками, а также христианскими подданными Османской империи, насильственно переселенными оттуда же, с Балканского полуострова и с островов Эгейского моря. Это первое переселение оставило свой отпечаток на топонимике столицы, так как новоселы, прибывавшие из одной и той же местности, обосновывались в столице гнездами, что и отражалось на названии занятых ими кварталов. Так, кварталы Аксарай, Балат, Караман, Чаршамба носят названия городов, откуда прибыли их новые жители. Отметим появление в столице, помимо турок, греков с островов Архипелага, армян из Малой

Азии, евреев из Салоник. Практически все эти переселения производились насильственно, так что термин «депортация» здесь вполне уместен. Стоит, однако, отметить и то, что невольные новоселы получали не только жилища изгнанных греков, но и ряд льгот в области ремесленной или коммерческой деятельности. Мехмет II желал вернуть Константинополю былую кипучую жизнь, превратить его в главное средоточие мусульманского мира, оттеснив в тень Каир, находившийся тогда во власти мамелюков. В достижении раз поставленной цели султан был упорен, а новые победы на Балканском полуострове обеспечивали его дополнительными людскими ресурсами. И все же с некоторым недоверием приходится относиться к сведениям о том, что численность населения Стамбула к концу XV века достигла будто бы 200 или даже 250 тысяч человек³.

Только в XVI веке происходит стремительный рост численности населения города — следствие последовательной «переселенческой» политики, проводимой Баязидом II и особенно Селимом I и Сулейманом Великолепным. Баязид селит в Константинополе, недалеко от ворот Силиври, валахов. Селим, завоевав Тебриз и частично Кавказ, переселяет оттуда ремесленников, известных своим искусством — особенно в производстве керамических изделий. Таким же образом он поступает после завоевания Сирии и Египта, а Сулейман Великолепный следует примеру предшественника, взяв Белград: в итоге сирийцы, египтяне и сербы становятся стамбульцами. Другие этнические меньшинства прибывают в столицу по доброй воле: изгнанные из Испании мавры и евреи, христиане с Балканского полуострова и мусульмане из арабских стран — всех их притягивают громкая слава Стамбула и блеск царствования Сулеймана Великолепного. Эпоха благоприятствует миграции, притоку в столицу рабочей силы: Стамбул переживает строительную лихорадку, растущие запросы армии и флота создают рабочие места в арсеналах и в государственных мастерских, что автоматически влечет за собой рост торговли товарами широкого потребления и предложения всякого рода услуг.

Демографический натиск, характерный для XVI века, снижает свои темпы в XVII: строительный бум постепенно сходит на нет, поскольку государство беднеет, а султаны и их великие визири становятся все менее предприимчивыми.

Численность населения все же продолжает увеличиваться, однако новые иммигранты прибывают в Стамбул почти исключительно из внутренних районов Анатолии. Нестабильность социальной жизни этого региона и прежде всего отсутствие личной и имущественной безопасности побуждают жителей искать убежища в больших городах. В столице же — в первую очередь.

Хотя переписей населения Константинополя ни в XVI, ни в XVII веках не проводилось, тем не менее имеются косвенные указания, позволяющие дать приблизительную оценку его численности. В турецких документах 1520—1535 годов, то есть относящихся к началу правления Сулеймана Великолепного, содержится информация о наличии в Стамбуле 46 635 мусульманских дворов, 25 232 христианских и 857 еврейских. Всего, округляя, — 80 тысяч дворов, что дает в сумме, опять-таки округленно, 400 тысяч жителей⁴, распределенных по признаку религиозной принадлежности в следующей пропорции: 58% мусульман и 42% христиан и евреев. Около 1550 года врач Синанпаши, Лагуна, оценивает жилищный фонд столицы в 104 тысячи домов, из которых 60 тысяч принадлежит туркам, 40 тысяч — христианам и 4 тысячи — евреям. Что приводит к заключению об общей численности жителей Стамбула в пределах 420—520 тысяч человек⁵, распределяемых в пропорции: 58% мусульман, 42% неверных. Совпадение пропорций, почерпнутых из разных источников, достаточно убедительно для весьма правдоподобного вывода.

Данные статистики такого рода в XVII веке становятся куда менее определенными. Иностранным путешественникам не удастся, и не без причины, прийти к согласию относительно численности столичного населения. Джордж Сэндис в начале столетия оценивает ее в 700 тысяч⁶. В 1640 году венециан-

ский байли* Альвизе Контарини полагает, что она перевалила через миллион⁷. Пьетро Чиврано, другой байли, оценивает ее в 800 тысяч (1680)⁸. В конце столетия Турнефор, «внимательно рассмотрев вопрос, больше не сомневается в том, что Константинополь по численности своего населения разнится от Парижа», что, конечно, не добавляет ясности⁹. Если попытаться подвести итог цифровым данным, которые привел Эвлийя Челеби, то полученное число намного превысит миллион, а это для середины XVII века — явное преувеличение. Два турецких документа конца XVII века¹⁰ позволяют оценить число жилищ неверных (обитатели коих обязаны платить *джизью*, подушный налог) в 62 тысячи; стало быть, христианское и еврейское население Константинополя насчитывало от 250 тысяч до 310 тысяч человек. Далее. Согласно сведениям французского купца в Константинополе Фабра — сведениям, относящимся к тому же времени, — пропорция между мусульманами и неверными в городе оставалась прежней — 58% мусульман и 42% неверных¹¹. Приложение этой пропорции к данным турецких документов позволяет исчислить население Стамбула: 350 тысяч мусульман и 250 тысяч неверных, всего — 600 тысяч жителей. По максимальной оценке в столице в ту эпоху проживало 310 тысяч неверных и 430 тысяч мусульман, что в сумме дает 740 тысяч человек. Итак, можно полагать, что в середине XVI века население самого Стамбула, без пригородов, составляло около 500 тысяч человек, а несколько позднее и с пригородами — 600 тысяч. В конце века стамбульский мегаполис, Ускюдар и пригороды по Босфору включали примерно 700 тысяч жителей. Иначе говоря, по численности населения столица Османской империи занимала первое место в Старом Свете.

Что касается плотности населения (меняющейся от квартала к кварталу), если в расчет принять площадь Стамбула Эюба и Галаты, то она может быть оценена в

* Судья, под юрисдикцией которого находится венецианское землевладение. — *Прим. пер.*

150—185 душ на гектар — в зависимости от того, какая именно оценка численности населения, минимальная или максимальная, положена в основу расчетов. Такая плотность должна быть признана для своей эпохи довольно значительной, но все же не чрезмерной¹². Не следует, впрочем, забывать об обширных пространствах, на которые распространяются зеленые зоны и на которых воздвигнуты дворцы и культовые здания. Что касается «народных» кварталов, то в них плотность населения как была, так и остается огромной.

*Распределение по этническому
и религиозному признаку — меньшинства*

Население Стамбула сильно различается в этническом и конфессиональном отношении. Действительно, уличная толпа очень пестра. Кого только здесь не встретишь? Тут и турки, и греки, и армяне, и евреи, и цыгане, и арабы, и албанцы, и сербы, и молдаване с валахами, и персы, и европейцы — последние, правда, предпочитают для своих деловых маршрутов и прогулок кварталы Галаты. В XVI веке «франки» еще жили в собственно Стамбуле, но в следующем столетии в полном составе своих национальных землячеств перебрались на другую сторону Золотого Рога. С тех пор если они и пересекают залив в обратном направлении, то исключительно с официальными или протокольными целями. С такими, как, например, торжественное сопровождение своих послов, направляющихся в Сераль для вручения верительных грамот султану или великому визирю в день первой аудиенции. В самом деле, три католические церкви, имевшиеся в Стамбуле в середине XVI века, одна за другой прекращают свое существование. Церковь Святого Франциска Константинопольского куда-то бесследно исчезает в конце того же столетия — по-видимому, из-за отсутствия паствы. Церковь Святого Николая преобразована в мечеть в 1627 году, то же самое происходит и с собором Константинопольской Богородицы в 1640-м.

Если мусульмане и члены религиозных меньшинств смешиваются в уличной толпе и по необходимости об-

щаются между собой, то проживают они все же порознь. Отмечено, например, что меньшинства группируются вокруг своей квартальной церкви или синагоги. Иногда эти местные меньшинства бывают довольно многочисленны, иногда, напротив, представляют собой малое скопление семей среди массы турецкого населения. Даже если отсутствуют взаимные симпатии между данной группой и окружающей ее средой, меньшинству, в любом случае, не приходится опасаться насилия или хотя бы даже проявлений враждебности со стороны большинства — Стамбулу в эпоху Сулеймана Великолепного погромы вовсе неизвестны.

Представляется вероятным, что инициатива обособления населения по религиозному или расовому признаку принадлежит правительству, а если и исходит от самих поселенцев, то, по меньшей мере, поощряется османским правительством, которое в подобном способе расселения находит ряд выгод как для себя, так и для данного местного меньшинства. Меньшинство, будучи в каждой местности территориально объединенным, более не чувствует себя затерянным в мусульманском большинстве, земляки и единоверцы получают возможность проявить взаимную выручку в трудный час, выполнять требования религиозного культа совместно. Новоселы находят внутри общины принятые у них на родине порядки и обычаи¹³, моральную, а иногда и материальную поддержку со стороны старожилов. С другой стороны, подобные скопления облегчают контроль турецкого правительства над неверными. Тем более что непосредственное руководство общинами такого рода осуществляется их религиозными главами — великим раввином у евреев, патриархами у греков и армян. А эти главы, в свою очередь, вовсе не заинтересованы в рассеянии своей паствы.

Эвлия Челеби и Еремия Челеби в своих описаниях Стамбула подчеркивают локализацию национальных общин в городе, и благодаря сообщаемым ими сведениям можно установить, какие именно кварталы столицы были заселены «неверными».

Остальные кварталы, как допустимо предположить, были заняты турками. Еще точнее — мусульманами;

быть может, и иными меньшинствами «неверных», но совсем уже немногочисленными.

Греки, представлявшие следующий после турок по численности этнический компонент столичного населения, в большей своей части не были потомками тех греков, что некогда населяли столицу Византии. Число греков, уроженцев Константинополя, получивших от султана дозволение остаться в родном городе после взятия его турками, было невелико. Большинство было депортировано главным образом в Адрианополь, на Галлиполи, в Бурсу, Филиппополь (Пловдив). Взамен Мехмет II (считавший, что присутствие греков в городе для выполнения некоторых функций все же необходимо) повелел доставить греков из Мореи, с островов Архипелага (Фасоса, Самофракии, Митилены), из Смирны, Синопа, Самсуна, Трапезунда. В XVI веке в Стамбул были привезены греки и из других частей континентальной Греции, а также из Фракии и Анатолии. Представители первой волны греческого переселения осели вокруг церквей, которые были сохранены османами специально для них. Особенно густо они поселились вокруг резиденции константинопольского патриарха. Первое время она находилась в церкви Святых Апостолов, а после ее разрушения в 1456 году (церковь была снесена, чтобы дать место строительству мечети Завоевателя) размещалась до 1586 года в церкви Непорочной Девы, что расположена между Адрианопольскими воротами и кварталом Балат. После того как турки превратили ее в мечеть Фетхийе, патриархат на несколько лет обосновался в церкви Богородицы (Феотокос), затем — в церкви Святого Димитрия и, наконец (1601), в церкви Святого Георгия в квартале Фанар, где патриаршая резиденция находится поныне. Таким образом, побережье Золотого Рога от Балата до Джибали сплошь заселено греками. Другие греческие кварталы тянутся вдоль Мраморного моря в Кумкапы и Саматию, еще одни — вдоль земляных валов в районе Топкапы и, наконец, — по всему противоположному побережью Золотого Рога, где греков особенно много в Галате, Топхане, Касим-паше и Хаскёй. За городской чертой они населяют, составляя кое-где даже

большинство, некоторые деревни по Босфору: Куручешме, Арнавуткёй, Еникёй, Тарабья, Бююк-дере, а на азиатском побережье — Ускюдар и Ченгхелкёй¹⁴.

Самая высокая плотность греческого населения отмечается в фешенебельном квартале Фанар и вокруг него на стамбульском побережье Золотого Рога. В Фанаре, рядом с резиденцией патриарха, проживают исключительно самая крупная греческая буржуазия, самые богатые негоцианты, а также греки, занимающие высокие посты в османской администрации — прежде всего в должности *драгоманов*, официальных правительственных переводчиков. Таковы в XVII веке Панайот и Георгий Маврокордато, чьи прекрасные каменные особняки красноречиво свидетельствуют о высоком положении их владельцев не только на ступенях служебной лестницы, но и внутри греческой общины¹⁵.

Православные греки в своем распоряжении еще имеют довольно много церквей (круглым счетом тридцать, включая те, что находятся в деревнях по Босфору). Шесть или семь православных храмов имеются в квартале Саматия, три — в Кумкапы, четыре — между Джибали и Балатом, три — в Галате, три — в Еникёй на Босфоре. Количество церквей в некоторых кварталах служит наглядным указанием на степень плотности там греческого населения.

Евреи, составляющие в глазах турок единую религиозную общину, подчиненную великому раввину, в действительности очень далеки от организационного и религиозного единства. Они имеют разные корни и разные судьбы и разделены на ряд сект. Таким образом, вместо единой иудейской общины имеется несколько иудейских общин, причем каждая из них разнится от прочих не только в вопросах культа, но также в историческом и географическом отношениях. Так, имеется «ромейская» община. В нее входят потомки византийских евреев, и для нее характерна неукоснительная верность заветам иудаистской ортодоксии. Более либеральна в этом отношении караимская община, обосновавшаяся тоже в Византии, но гораздо позднее первой. Есть община сефардов — евреев, изгнанных из Испании и Португалии в XV веке¹⁶; к ней несколько

позже примкнули и евреи, покинувшие Италию. Есть, наконец, и община ашкенази — евреев из Германии и других стран Центральной и Восточной Европы, которые были изгнаны по указу Людовика Баварского (1470). В начале XVI века завязалась упорная борьба между «романиотами» (евреями-«ромеями») и сефардами за обладание великим раввином, дающим контроль над всей иудейской общиной. Сефарды, к этому времени более многочисленные, вышли из соперничества победителями. К тому же «романиоты» стали жертвами двух ужасных пожаров, которые не только опустошили населенные ими кварталы, но, самое главное, уничтожили их синагоги, центры религиозного, социального и культурного общения. После этого бедствия старейшая в Стамбуле еврейская община рассеялась, ее члены примкнули к другим еврейским общинам города. В отличие от них ашкенази сумели отстоять целостность своей общины, которая значительно выросла вследствие прилива беженцев из Польши и Украины, где в период с 1648 по 1660 год прокатилась волна погромов. Караимы тоже сохранили свою обособленность и от сефардов, и от ашкенази. Они первоначально расселились на участке побережья Золотого Рога между Балатом и Хаскёем, но в конце концов их община сосредоточилась исключительно в местечке Хаскёй, расположенном на северной стороне залива¹⁷.

Первое время после завоевания османами Константинополя евреи, по свидетельству одного турецкого документа, занимали семнадцать кварталов столицы, растянутых, в большей своей части, по берегу Золотого Рога, а именно — в районах Бахчекапы, Балык-пазары, Ункапаны и Балат. Другая группа кварталов находится в окрестностях Адрианопольских ворот. В XVI веке евреи так плотно обосновались в Бахчекапы, что турки стали называть это местечко Яхудикапысы, или Чифуткапысы (Еврейские ворота). Однако в начале XVII века караимы были отсюда изгнаны по причине строительства там мечети Ени Валиде. Взамен им было предоставлено право заселить местечко Хаскёй. В середине XVII века пожары заставляют «романиотов» покинуть

сектор Балык-пазары. В конце того же века евреи составляют большинство жителей в кварталах секторов Балат, Аязмакапысы, Айвансарай, Джибали, Текфурсарай. На северном берегу Золотого Рога они весьма многочисленны в Хаскёе, Касим-паше, Галате и Мумхане. Наконец, на Босфоре их можно встретить в Бешикташе, Ортакёе, Кузгунджукке и Ускюдаре¹⁸.

Еврейские общины в своей совокупности подчиняются великому раввину, но каждая из них имеет своего раввина и свой собственный совет по внутреннему управлению (*хашигаха*). Евреи выполняют в столице разнообразные функции и занимают, соответственно, многие должности. Они служат в ряде корпораций, выполняют обязанности посредников между турками и «франками», среди них много банкиров и крупных неготиантов, причем сфера их деятельности охватывает как внутреннюю, так и международную торговлю. Они в большом числе заняты в свободных профессиях — особенно их много в медицине¹⁹. Характерно и то, что первая в Константинополе типография, основанная в 1490 году, была еврейской²⁰; в роли ее учредителей выступили евреи испано-португальского происхождения. Евреи того же корня ввели ряд усовершенствований в технологию металлургии и текстильной промышленности. В течение относительно короткого отрезка времени евреи сумели занять в столице видное место, и Мишель Фабюр, вообще говоря, не очень-то их жалующий, смог написать: «Они настолько ловки и изобретательны, что сделались необходимыми для всех. Нельзя найти такой почтенной семьи, среди турок ли или среди иностранных неготиантов, в которую не проник бы еврей, оказывающий ей множество услуг — будь то оценка качества товаров или выполнение обязанностей переводчика, или совет в неожиданной ситуации. Они умеют оповестить своевременно и подробно о том, что происходит в городе. Всякая вещь, которую предполагается продать или обменять, получит от них необходимую характеристику — относительно как качества, так и количества, причем настолько исчерпывающую, что без их советов лучше уж не браться за торговлю. Другие восточные народы (такие,

как греки, армяне и пр.) не обладают достаточным талантом, чтобы достигнуть столь высокой степени сноровки: это как раз то, что заставляет коммерсантов пользоваться их услугами, несмотря на всю неприязнь, испытываемую к этому народу»²¹.

В период с 1666 по 1676 год вся еврейская община была поколеблена авантюрой, предпринятой Шаббетаем Цеви. Он провозгласил себя новым мессией и нашел сторонников в Смирне и Константинополе. Обвиненный евреями в кощунстве и оскорблении султана, Шаббетай был заключен в тюрьму, а затем поставлен перед выбором — принятие ислама или смертная казнь. Он предпочел первое, но продолжал свою проповедническую деятельность, отдаленной целью которой было обращение всех мусульман в иудаизм. Высланный в Албанию, Шаббетай Цеви умер там в 1675 или 1676 году, но его последователи продолжили проповедь своего пророка, что привело к появлению секты *дёнме*, которая особенно размножилась в Салониках и Стамбуле²². Эта авантюра породила у турок подозрительное отношение к евреям, что дало возможность грекам и армянам выйти на авансцену — впрочем, ненадолго.

Первые армяне, поневоле попавшие в Стамбул, были депортированы из Токата, Сиваса и Кайсери по приказу Мехмета Завоевателя и поселены в Сулумонастыре. Вслед за ними пришли другие — из Бурсы, Анкары, Бейбурга и Аданы. Мигранты второй волны обосновались в Галате, Саматии или Сулумонастыре. Сулумонастыр стал местопребыванием православного армянского патриархата и оставался им вплоть до 1642 года, когда резиденция патриарха была переведена в Кумкапы. В начале XVII века еще одна волна иммиграции, на этот раз, как кажется, добровольной, принесла с собой большое число армянских ремесленников из глубинных областей Анатолии. По времени эта волна совпала с повышением роли армян в анатолийской и средиземноморской торговле. Не по этой ли причине султан Мурад IV издал указ о выселении из столицы армян, уроженцев Кайсери и восточно-анатолийских провинций?²³ Такое предположение имеет право на суще-

ствование, но, как бы то ни было, указ не был приведен в исполнение и не имел практических последствий.

Во второй половине XVII века армяне жили в кварталах Саматии, Сулумонастыре, в Еникапы, Кумкапы, то есть по побережью Мраморного моря. Точнее, на самом приморье, в Балате и Топкапы; на северном побережье Золотого Рога: в Хаскёе, Касим-паше, Галате; на Босфоре: в Бешикташе, Ортакёе, Куручешме и Ускуядаре. У них было в самом Стамбуле четыре церкви да еще пять в пригородах. Итого — девять церквей²⁴.

Армяне в Стамбуле были заняты в основном двумя видами деятельности. Первый охватывал транзитную и международную торговлю и включал в себя заключение крупных оптовых коммерческих сделок, а также связанные с ними валютные, вексельные и прочие банковские операции. Армяне-негоцианты, банкиры и банковские служащие в силу выполняемых ими функций входили в состав крупной городской буржуазии, которая играла видную роль в экономической жизни Османской империи в XVIII и особенно XIX веке. Второй вид деятельности куда более скромный, зато вовлекает в себя неизмеримо большую часть армянской общины. Речь идет о мелкой торговле, ремеслах, мелких услугах. Армяне — это погонщики ослов, торговцы пастурмой (копченым мясом), хлебопеки и булочники. В XV—XVII веках их еще не встретить среди откупщиков или посредников в отношениях между турецкой администрацией и европейцами — в выполнении этих функций они становятся конкурентами евреев и греков только с XVIII века. Тем не менее и в изучаемую нами эпоху они играют далеко не ничтожную роль в жизни Стамбула — хотя бы уже потому, что более сплочены между собой, чем греки и даже евреи.

Среди других меньшинств, обретающихся в Стамбуле и достаточно многочисленных, чтобы быть упомянутыми, можно назвать албанцев, в большинстве своем мусульман, которые не составляют общины в тесном смысле слова и были бы неотличимы от окружающей их турецкой мусульманской же среды, если бы не исторически закрепившиеся за ними профес-

сии: это — мостильщики, землекопы, которые специализируются на рытье колодцев, коробейники и т. д. Албанцы, рекрутируемые непосредственно в Албании, служат в армии или в Серале и некоторые из них могут дослужиться даже до должности великого vizиря.

Египтяне или вообще арабы (среди них немало выходцев из Сирии и Ирака) многочисленны в профессиях, связанных со строительством, — особенно их много среди каменотесов. Кроме того, они специализируются на производстве керамики, изделий из фаянса и вообще в гончарном деле. Сулейман Великолепный поселил их в значительном числе в Галате, превратив древнюю церковь Святого Павла в их мечеть (она так и называется — Араб Джамии, то есть «Мечеть арабов»). Можно здесь встретить и цыган, которые занимаются своими традиционными ремеслами, и в первую очередь кузнечным делом. Свои таборы они разбивают вдоль земляных валов, в Сулу-куле, близ Адрианопольских ворот. Сербы, молдаване и валахи — торговцы сырами, копченым мясом, фруктами и овощами. Персы — в основном коммерсанты — сосредоточиваются в многочисленных хане квартала Мехметпаши. Греки-караманлы, говорящие по-турецки, но в остальном сохранившие свою этническую идентичность, обосновались в Нарликапы, Кумкапы, а также в Фанаре. Грузины, абазины, а также этнические меньшинства, представляющие весь Ближний Восток, рассеяны по всему Стамбулу и его пригородам. Эта этническая пестрота как раз и превращает турецкую столицу в один из наиболее космополитичных городов в мире.

Однако в этом городе со смешанным населением ни одно из этнических меньшинств не теряет своеобразие, но, напротив, каждое из них верно своим обычаям и истово выполняет все обряды и заветы своей религии. Мусульмане, христиане, евреи различаются между собой по всем внешним признакам — например, по одежде, прическе, обуви, по признакам, которые соответствуют регламентации, введенной османами на всей территории Империи. Правила эти выполнялись

не очень строго, судя по тому, что султаны в своих *фирманах* (указах) неоднократно напоминали, что они должны выполняться²⁵. Кроме того, каждый живет в своем квартале (*махалле*), который представляет собой маленькую общину, сплоченную вокруг мечети, церкви или синагоги, общину, естественным главой которой выступает имам, священник или раввин. Редко, очень редко в этом квартале обосновывается чужак, иноверец. Турки опасаются селиться среди «неверных», представители меньшинств — среди турок. Впрочем, османы сами, либо по доброй воле, либо в порядке признания свершившегося факта, предоставили некоторые кварталы меньшинствам, а последние с тем большей охотой пользуются этой возможностью, что заселение всего квартала представителями какого-либо одного меньшинства дает им ощущение солидарности, союза, силы перед лицом турок. Таким образом, размещение по территории Стамбула зданий различных религиозных культов служит верным указанием на этническое и религиозное распределение населения столицы.

Имеется, впрочем, и исключение из общего правила — Галата. В ней меньшинства в значительной мере перемешаны как между собой, так и с европейцами. Но Галата, как говорилось выше, — это город «неверных» по преимуществу, турок там нет или почти нет, а потому и им до нее, в отличие от Стамбула, мало дела.

Категория «меньшинство» удовлетворяет вполне определенным критериям. Меньшинство образуется теми немусульманскими подданными Османской империи, которые уплачивают подушную подать, *джи-зье*²⁶, и находятся под юрисдикцией главы своей религиозной общины, то есть греческого или армянского патриарха либо великого раввина. Меньшинства подчиняются общим запретам и распоряжениям правительства, но вместе с тем пользуются привилегиями, признанными и зарегистрированными в официальных документах, на которые всегда позволительно сослаться. Представители меньшинств могут входить в профессиональные корпорации: в некоторых из них они составляют большинство, в других — мень-

шую часть от общего числа. Наконец, ряд корпораций рекрутируют своих членов исключительно среди меньшинств. Это те, что практикуют профессии, несовместимые со статусом мусульманина. Или те, что предполагают навыки или знания, которыми турки не владеют. Лишь в чрезвычайных обстоятельствах представители меньшинства становятся правительственными чиновниками или занимают какой-либо пост в иерархии дворцовой службы. В виде исключения (исключения такого рода, впрочем, не слишком редки) они все же выполняют обязанности драгоманов, лекарей и хирургов — и в этих случаях освобождаются от уплаты подушной подати. Однако некоторые меньшинства, особенно евреи, выполняют полуофициальные функции, предоставляемые им на основе аренды, — такие, к примеру, как таможенная служба или обслуживание денежного обращения.

Меньшинства, в силу своего этнического происхождения и религиозной принадлежности, практически устранены от выполнения официальных функций в системе администрации — как гражданской, так и военной. Тем не менее они делают все для них возможное, чтобы не попасть полностью под турецкий каблук. Для чего и используют оставленные в их распоряжении «отдушины», то есть такие области деятельности, в которых турки либо заняты очень мало, либо их вообще нет. Например, в области торговли, где меньшинства не испытывают никаких утеснений, или торгового мореходства, или денежного обращения. Именно в этих сферах меньшинства демонстрируют свое превосходство над своими господами. На презрительное отношение к себе османов они отвечают презрением другого рода — презрением личности, которая владеет иным оружием, чем законы, военная сила и грубое владычество. Это чувство дает, несомненно, определенную моральную компенсацию и вместе с тем не препятствует поиску влиятельных покровителей, которые оказывают «неверным» широкую помощь, — разумеется, за соответствующую мзду. Такое покровительство позволяет меньшинствам сохранить материальные выгоды,

приобретаемые в ходе своей экономической деятельности.

Однако мало кому из представителей меньшинств удастся подняться на сравнительно высокую ступень материального благосостояния. Это — «буржуа», чье положение, с другой стороны, мало завидно, так как именно высокое благосостояние привлекает к себе жадные взоры персон, облеченных властью. В таких случаях прибегали к другой помощи, к иной протекции (особенно со второй половины XVII века) — к помощи и протекции иностранных послов. Но опять-таки тех лиц, кто мог бы прибегнуть к такому маневру, было очень мало.

По сравнению с этими «буржуа», которые пользуются привилегированным положением в своей общине, рядовые ее члены не очень-то отличаются образом жизни от рядовых мусульман. Отвлекаясь от различий в языке, вере и традициях, можно сказать, что в своем быту, в своей повседневной жизни они ведут себя так же, как турки. Они постоянно соприкасаются с турками как на улице, так и на работе. И если совместное проживание в одном городе и совместное занятие одним и тем же делом в рамках одной и той же корпорации не всегда порождают взаимную приязнь или хотя бы, по меньшей мере, взаимную терпимость, то, во всяком случае, они налагают общие черты на внешний облик и на характеры людей, принадлежащих различным религиозным и этническим общинам. Особенно этот феномен общности заметен на низших слоях населения.

Что касается «франков» из Галаты и Перы, то они совершенно чужды этой социальной среде. Прежде всего, они практически не вступают в какой-либо контакт с турками²⁷, иногда ходят в гости к нескольким грекам, а их отношения с евреями всегда носят лишь деловой характер. К тому же они очень малочисленны: в XVI веке их всего несколько десятков, в XVII — от двух до трех сотен, но и в последнем случае это — ничтожно малая величина сравнительно с численностью населения огромного города. Они, конечно, не имеют права становиться чиновниками османского

государства (разве что примет ислам)²⁸, не имеют права и вступать в традиционные корпорации. Впрочем, некоторые из них, обосновавшись в Галате, практикуют профессии врачей, хирургов, аптекарей, но это — единственные профессии, доступные для них.

Не всегда имея возможность — или разрешение — прибыть в Турцию с женами и детьми, они живут либо как под колпаком в своем микроскопическом мире рядом со своим посольством (с тех пор как иностранные представительства появились в Пере) или же стремятся проникнуть в греческую среду. Иногда они женятся на гречанках, и хотя их дети теоретически остаются подданными Османской империи, все соглашались видеть в них «франков» — независимо от того, был ли их отец англичанином, венецианцем, голландцем или французом. Эти рожденные в Стамбуле «франки» очень хорошо приспособляются к условиям местной жизни. В XVI веке они обычно носят восточный костюм, но в следующем столетии постепенно меняют его на западный, несмотря на недовольство и предписания османского правительства.

В распоряжении католиков в Галате и Пере ряд церквей, литургию в которых отправляют итальянские и французские священники. В XVII веке их пять, это церкви Святой Марии, Святого Петра, Святого Бенедикта, Святого Георгия и Святого Франциска. Церкви страдают от периодически вспыхивающих пожаров, а в силу старинного указа, изданного еще Мехметом Завоевателем, раз сгоревшая церковь (или синагога) уже не может быть восстановлена. В XVII веке указ этот, не будучи формально отмененным, продолжает действовать, но всего лишь теоретически. На практике же турецкие правители закрывают глаза на строительные работы, поскольку одновременно действует и иной султанский указ, разрешающий реставрировать обветшавшие церкви и синагоги. Эта относительная терпимость стала плодом очень долгих дискуссий²⁹.

Колебания внешней политики Османской империи, ксенофобия некоторых великих визирей иногда имели следствием суровые меры по отношению к иностранным негодьям. Кроме того, коррумпирован-

ность правительственных чиновников, вымогательства, пренебрежение официальными документами — все это в значительной степени сковывало деятельность иностранных купцов: для того чтобы добиться хотя бы частичного удовлетворения их претензий, требовались целеустремленность, настойчивость и огромное терпение представлявших их страны послов. Впрочем, иностранцы редко становились жертвами произвола и насилия, их жизнь в Стамбуле подчас была трудна, но всегда оставалась сносной. Иногда они пускали корни в местную почву и делались родоначальниками той любопытной породы людей, что зовутся «левантийцами», или «уроженцами Перы» — «перотами». Позднее, в XVIII и XIX веках, они превратятся не только в экзотический, но и весьма влиятельный элемент жизни Стамбула. С середины XVII века Пера принимает облик фешенебельного европейского городка, и эти характерные ее черты с течением времени еще больше усилятся. За пределами Галаты и Перы не встретить ни одного «франка», ни в Стамбуле, ни в деревнях по Босфору, ни в Ускударе: местопребывание европейцев четко определено, и сами они не имеют никакого желания переходить поставленный им предел, довольствуясь молчаливо предоставленной им свободой передвижения и деятельности внутри заданного периметра. Хотя им, собственно, нечего опасаться и за его пределами, но внутри его они чувствуют себя в большей безопасности. Вот так мало-помалу растет Пера, город «неверных», перед лицом Стамбула, города османов.

Социальные категории: имперские чиновники

Невозможно составить себе верное представление о населении Стамбула, оперируя лишь критериями расы и религии, или, как некогда говорили, «нации», совмещая оба критерия. Этот критерий (или критерии) проливает слабый свет на то, что ныне обозначается как «социальные структуры»: можно, конечно, сказать (если выражать свою мысль слишком обще), что турки —

это господа и занимают они все важные посты в административной иерархии, и что, с другой стороны, меньшинства подавлены и имеют право развивать свою деятельность лишь в частном секторе. Такая классификация, имеющая основой дихотомию населения на мусульман и не мусульман, частично принимает во внимание одно из социальных делений, действительно присущее османской столице. Однако она имеет определенную ценность лишь постольку, поскольку прилагается к официальному аспекту жизни Стамбула. Вместе с тем она явно недостаточна, а следовательно, и непригодна в исследовании корпораций, которые как раз и составляют главный стержень всей экономической и социальной жизни столицы.

Все же религиозным фактором не следует пренебрегать. Турки, убежденные мусульмане, приложили к своей Империи предписания Корана, причем сделали это, проявив большую толерантность. Согласно этим предписаниям, в исламском государстве только мусульмане имеют право на звание полноправного гражданина* и могут занимать руководящие должности; остальную часть населения составляют побежденные, *зимми* («находящиеся под покровительством»), существующие лишь по доброй воле завоевателей, а потому и не обладающие правом играть какую-либо роль в политической жизни и в управлении государством. Эта точка зрения, имеющая силу в большей части Османской империи, включая и Стамбул, претерпела известные модификации в европейских провинциях, где полный разрыв с традиционными политическими структурами или их радикальная трансформация могли бы привести к большим потрясениям, вредным для турецкого владычества.

В Константинополе турецкая власть была установлена как абсолютная. Она не только стала прямым следствием военного завоевания, не только привела к замене греческого правительства турецким — она, сверх того, означала полное упразднение греческого

* Ни Коран, ни шариат не знают термина «гражданин». — *Прим. пер.*

административного аппарата и устранение всех греческих чиновников. Несколько лет, последовавших за 1453 годом, османское правительство продолжало руководить Империей из Адрианополя, а в завоеванном городе имелась лишь горстка чиновников разных рангов, задача которых сводилась всего лишь к управлению самим Константинополем и к подъему его из руин. Только после переселения Мехмета II в 1456—1457 годах Стамбул становится настоящей столицей, что сразу же потребовало завершения строительства султанского дворца, в котором помимо резиденции самого султана с семьей было размещено и правительство со всеми его ведомствами и службами.

Именно с этого времени четко прорисовывается особый характер столицы, характер, который сохранится и даже усилится в последующие века. Выше уже упоминалось то обстоятельство, что Стамбул не имел своего особого управления, а непосредственно подчинялся власти султана, представляемой великим визирем и рядом высших — в масштабе Империи — должностных лиц, гражданских, религиозных и военных. Таким образом, на высших ступенях администрации невозможно отличить центральное имперское правительство от городского управления. Эта тесная связь имела важные последствия — как благотворные, так и вредные. В самом деле, столица Империи, резиденция султана, правительственный центр и центр администрации, Стамбул не мог не извлечь для себя как для города огромных выгод из столь многогранного статуса, — статуса, благодаря которому он всегда оставался предметом особого внимания со стороны прежде всего самого султана. Отсюда — развертывание множества строительных работ, поощрение экономической активности, наплыв населения. Дальнейшие следствия — забота о своевременном подвозе в столицу огромной по объему и разнообразию массы продовольственных товаров и забота о безопасности жителей, то есть о поддержании в гигантском мегаполисе идеального полицейского порядка. Действительно, в XVI веке, веке Сулеймана Великолепного и Селима II, Стамбул не знал ни перебоев в снабжении продуктами питания, ни уличных беспорядков какого

бы то ни было рода. Совсем не так обстояли дела столетие спустя — например, при Ибрагиме I или при Мехмете IV, когда нерадение и безразличие султанов в отношении их столицы повлекли за собой множество проблем для ее обитателей. И все же нельзя отрицать того, что привилегированное положение Стамбула было для города великим благом.

Но у медали есть и обратная сторона, а именно — прямое султанское правление городом оборачивается отсутствием активности в нем и вообще отсутствием источника всякой местной инициативы. Другие отрицательные последствия того же правления с полной ясностью выявляются лишь в XVII веке. Частая смена великих визирей, возглавляющих одновременно как общеимперскую, так и городскую администрацию, приводит к дезорганизации всей системы управления в целом. К тому же постоянное вмешательство в дела городской администрации со стороны столь же часто сменяющихся друг друга султанских фаворитов еще более усугубляет кризис. Каждый из них, вступая в заведование тем или иным сектором, хорошо помнит, что милость султана — вещь весьма непостоянная и его собственное пребывание в должности — событие кратковременное, а потому и ловит всякую возможность обогатиться, не брезгуя ничем. И наконец, важнейшей причиной беспорядков в городе выступает как раз та сила, которая должна бы быть главным гарантом порядка. Речь идет о янычарах. Плохо оплачиваемые и лишенные довольствия, они бунтуют. Их мятежи всякий раз сопровождаются грабежами лавок ремесленников и торговцев (часто выступающих, к слову сказать, в одном лице), что наносит огромный вред экономической жизни города. Обеднение Империи, истощение ее финансовых ресурсов приводит к свертыванию строительных работ: больше не возводят больших мечетей и других представительных зданий, больше не тратят огромных сумм на украшение города. Масса строительных рабочих, в большей своей части завезенная в столицу, остается почти без дела. Но эта армия безработных отнюдь не стремится к самороспуску и к возвращению по домам в родные края. Нет, она остается в Стамбуле, подыскивая, уже на свой страх и

риск, средства к существованию. Нетрудно догадаться, каким способом.

Налицо и иные трудности и проблемы. Прежде всего это — обесценивание монеты, которое не может не оказать пагубного воздействия на снабжение города продовольствием. И корпорации в ответ бунтуют против правительства, причем во второй половине XVII века — неоднократно. То есть происходит то, что несколькими десятилетиями ранее было просто немыслимо. Значит, в Империи что-то изменилось, это злосчастное изменение проглядывает во всем, но прямо-таки бросается в глаза, когда взгляд останавливается на образе жизни и поведении султанов, занимавших трон после Мурада IV, — ленивых, апатичных, не способных ни на какое серьезное усилие, будь то умственное, волевое или физическое. Зато в ту эпоху упадка на государственной сцене время от времени появляются умные и энергичные великие визири, ставящие интересы государства выше своих личных и более стремящиеся навести порядок в финансах и администрации, чем удовлетворять дорогостоящие прихоти султанов. Таковыми были в особенности Мехмет Кёпрюлю и его сын Фазиль Ахмет-паша, которые (факт поистине изумительный!) не только избежали на этом опасном посту насильственной смерти, но даже ни разу не впали в монаршую немилость, не были сосланы или отстранены от должности. Отец оставался великим визирем 5 лет, сын — 15: настоящие рекорды!³⁰ Плодом их государственной деятельности стал период стабильности, в течение которого Османская империя оказалась в состоянии преодолеть кризис середины XVII века. В течение этого периода, который практически продолжился до второго похода на Вену (1682—1683), Стамбул вновь процветал и жил спокойной жизнью.

Султан и высшие сановники

Представление о султанах, которое себе составляли его современники, менялось — в зависимости от времени и места. Так, Сулейман Великолепный в глазах

своих подданных рисовался идеальным правителем Империи, который сумел не только распространить свою власть на всех правоверных мусульман (суннитов), но и, победив европейцев, завоевать большую часть Европы, после чего перед ним преклонились «султаны Запада». Но, пожалуй, даже еще выше, чем за великие военные победы, его превозносили за плодотворную деятельность государственного организатора, о чем красноречиво свидетельствует прозвище — *Кануни* (Законодатель). Впрочем, у турок, как и в Европе, прозвище обычно сопровождает имя конкретного государя, выделяя при этом главную его характерную черту. К примеру, Селим II, сын Сулеймана Великолепного, получил от своих верноподданных кличку *Сархош* (Пьяница), Мехмет II — *Адиль* (Справедливый), Ахмет I — *Бахти* (Удачливый), Ибрагим I — *Дели* (Сумасшедший), Мехмет IV — *Авджи* (Охотник). К имени тех султанов, что одержали громкие победы, иногда помимо прозвищ добавлялся еще титул *Сахиб-и-киран* (Господин Времени).

Европейцы — в зависимости от того, одобряли ли они или порицали турецкую политику, — представляли султанов то в образе добродетельных персон, во всех отношениях достойных уважения, то, напротив, как жестоких чудовищ. Любопытно, например, сопоставить почти идиллический портрет султана пера Бусбека³¹ с уничижительной и злобной характеристикой, которую оставил потомкам Мишель Бодье³². Все дошедшие до нас описания пристрастны, а потому нуждаются в исторической и редакционной правке.

Конечно, именно Сулейман Великолепный — самая выдающаяся личность в турецкой истории XVI века. Фламандец Ожье Гислэн де Бусбек, который в качестве посланника австрийского императора Фердинанда имел у султана аудиенции, дает ему следующий словесный портрет: «Не сомневаюсь, вам любопытно узнать, что за человек этот султан. Этот государь преклонного возраста внешне, своим лицом и фигурой, вполне отвечает достоинству столь великой империи. О нем говорят, что он всегда был благоразумен и мудр, даже в юности, когда туркам позволено кое в чем гре-

шить, не навлекая на себя серьезных порицаний. Его молодые годы не были запятнаны ни пьянством, ни любовью к мальчикам, хотя турки на оба эти порока смотрят как на обычные, даже простительные услады. Самые злые его враги могут поставить ему в упрек разве лишь то, что он слишком привязан к своей жене и потому нередко становится жертвой ее хитростей и притворства: так, якобы по ее наговору он велел умертвить своего старшего сына Мустафу. Итак, самую большую его ошибку молва приписывает чарам султанши. Всем известно, что после законного брака с ней он ни разу не делил ложа ни с одной из своих наложниц, хотя это вовсе и не возбраняется законом, которому он следует, надо сказать, без малейших отступлений. Точно так же он с не меньшей страстью, чем к расширению своей Империи, относится ко всем тонкостям придворного церемониала. Его здоровью в его-то годы можно было бы и позавидовать, если бы не болезненный цвет лица, который выдает тайный недуг — опасную язву на его бедре, как многие считают. Этот государь стремится свою нездоровую бледность скрыть под слоем румян — по крайней мере, тогда, когда иностранный посол является к нему на прощальную аудиенцию, прежде чем покинуть страну. Его Высочество (именно так! — *Ф. Н.*), как видно, полагает, что для его репутации весьма важно, чтобы о его здоровье составилось хорошее мнение — иначе иностранцы не будут его бояться. Вот почему, когда я прибыл к нему с прощальным визитом, он выглядел гораздо лучше, чем в первую нашу встречу».

Этот портрет может быть дополнен описанием другого путешественника, Антуана Жефруа: «...Упомянутый король Сулейман в настоящее время выглядит лет на пятьдесят или около того. Он — высокого роста, мелкокостный, худой и непропорционально сложенный; лицо — сильно загоревшее; голова — обрита так, как это делают все турки, то есть оставлен лишь чуб, свисающий с макушки; делается же это для того, чтобы на голове лучше сидел тюрбан, обычно белого цвета и изготовленный из полотняной ткани. У него высокий и широкий лоб, большие черные глаза, большой орли-

ный нос, длинные рыжие усы, подбородок, постриженный ножницами, но не выбритый. Он меланхоличен и желчен, молчалив и мало смеется. Довольно грузен и неловок, не склонен к телесным упражнениям. Впрочем, имеет репутацию человека добродетельного, доброго по отношению к своим близким, чтящего свой закон (то есть шарият. — *Ф. Н.*), умеренного в своих потребностях, любящего мир и тишину более, чем кто-либо из его предшественников (что турки ставят ему в вину, подозревая его в малодушии). Его считают мягким и человечным, дорожающим своим словом и всегда исполняющим обещания, легко прощающим тех, кто его обидел. Его любимое времяпрепровождение — чтение книг по философии и праву. В законах он знает толк, да так, что его муфтий ничему больше не может его научить. Он не слишком щедр, а по сравнению с его предшественниками скорее скуп. Он позволяет руководить собою тем, кого любит и кому верит; хотя порой бывает и упрямым, и упорным. Три раза в неделю ему читают истории из жизни его предков и предшественников, в сочинениях такого рода он не терпит ни лжи, ни лести, но требует, чтобы там была одна незамутненная правда». Портрет поучительный и к тому же достойный столь великого государя!

Султан — прежде всего вождь политический и вождь религиозный. Политический — поскольку он господин Османской империи, которой повелевает либо лично, либо через посредство великого визиря и других визирей. Все живущие в Империи — его подданные, и ему принадлежит абсолютное, безапелляционное право казнить их или миловать. Религиозный — в силу того обстоятельства, что после завоевания Египта и устранения последнего халифа из династии Аббасидов он стал повелителем правоверных, представителем Бога на земле и главой суннитской мусульманской общины³³. Сочетание первого со вторым сделало из носителя султанского титула особу почти священную, достойную обожания. И народное обожание султана — во всяком случае, со стороны турок — в течение всего XVI века есть бесспорный исторический факт. Однако это обожание, связанное не только с двойным пре-

стижем титула, но и с личными свойствами его носителей, постепенно сходит на нет в XVII веке, когда одни султаны демонстрировали полную неспособность к государственной деятельности, другие — душевную неуравновешенность, а третьи, затеявая нововведения, наталкивались на сопротивление достаточно влиятельных слоев населения, кровно заинтересованных в сохранении *status quo*. Смерти были преданы Осман II, зачинатель непопулярных реформ, и Ибрагим I, явный дегенерат. Другие султаны прощались не с жизнью, но всего лишь с тронном вследствие народных волнений или военных переворотов.

Впрочем, примеры, соблазнительные для подражания, всегда подают верхи. В принципе, наследником султана в момент его смерти становится старший сын усопшего. Однако по причине многоженства и большого числа наложниц мужское потомство обычно намного превышало потребность в одном наследнике, а потому помимо официального наследника появлялись или, по меньшей мере, могли появиться другие претенденты на трон, что было чревато мятежами, междоусобицами и в конечном счете развалом Империи. С целью предотвращения беды Мехмет II издал так называемый «братоубийственный закон», согласно которому новый султан получает право, с одобрения *улемов* (религиозных авторитетов), предать смерти своих братьев как явных или потенциальных мятежников в целях сохранения единства Империи. Закон, безусловно, варварский, что, впрочем, не помешало ему стать весьма эффективным орудием государственного интереса. Та идея, что «предпочтительнее потерять принца, чем провинцию», вероятно, вдохновляла законодателя³⁴. Впрочем, введена была она в политический обиход вовсе не турками — она была хорошо известна и арабам, и в Византии, и даже в некоторых западно-христианских королевствах. Турки еще до Мехмета II тоже находили ей применение, но относительно редко, причем только тогда, когда открытый мятеж претендентов действительно имел место. Сам Мехмет II без колебаний умертвил двух своих братьев; Баязид II казнил своего племянника Огуза, сына знаме-

нитого принца Джема, который также восстал против своего брата. После смерти Огуза Баязид II казнил и трех из своих сыновей — тех, что подняли против него восстание. Его сын и преемник Селим I (1512—1521) в течение первых нескольких месяцев своего царствования повелел казнить четверых своих племянников, двух братьев, а немного спустя — и трех сыновей-мятежников. При восшествии на престол Сулейман Великолепный предал смерти племянника и двух внучатых племянников, затем двух своих сыновей, Мустафу и Баязида³⁵, вместе с их сыновьями, повинными, как и их отцы, в мятеже. Мурад III устранил пять своих братьев, но грустный рекорд все же принадлежит не ему, а Мехмету III, который в 1595 году в день своего воцарения перебил девятнадцать своих братьев. В XVII веке Мурад IV уничтожил всего лишь троих из оставшихся у него братьев³⁶. С начала XVI века по конец XVII всего, согласно султанским повелениям, было истреблено шестьдесят принцев из правящего дома Османа. Картина, конечно, мало поучительная, но она никого из современников, как кажется, не повергала в шок. Цель в их глазах оправдывала, по-видимому, средства, а результат известен: Империя сохранила единство и территориальную целостность.

Истребив соперников, султан может царствовать, не опасаясь мятежей — разве что со стороны собственных сыновей. Он спешит заручиться поддержкой янычар, которым преподносит — по традиции, установленной Баязидом II, — «дар радостного восхождения на престол», который, помимо подарков, содержит значительную денежную сумму, а иногда и увеличение платы за службу. Итак, султан получает полную возможность отдаться государственной деятельности или предаться любимым развлечениям и занятиям. Так, для Селима I и Сулеймана Великолепного — это помимо военных походов (в которых они принимают личное участие) еще и дела имперского управления, но также — поэзия и увлечение строительством; для Селима II — удовольствие хорошо поест; для Мехмета III и Ибрагима I — наслаждения гарема³⁷; для Мехмета IV — охота и т. д. Имеется

достаточно четкое различие между султанами XVI и XVII веков. Первые — деятельны, убеждены в величии стоящей перед ними задачи, посвящают себя служению интересам Империи и ставят их превыше всего, лично занимаются государственными делами, как военными, так и гражданскими, окружают себя поистине замечательными министрами, выдающимися военачальниками и флотоводцами; Стамбул в их глазах — это прежде всего деятельный и динамичный центр Османской империи. Вторые (за исключением Мурада IV, который во второй половине своего царствования проявил себя как поистине великий султан) — бесхребетные, безвольные, не способные к инициативе существа, а потому и находящиеся под властью либо женщин (неважно — матерей, жен или наложниц), либо своих фаворитов; они замкнуты в стенах стамбульского дворца, тяготятся вопросами управления Империей, возлагая его на своих фаворитов, а порой и на фаворитов своих фаворитов; доверяют командование армией и флотом людям совершенно бесталанным; деньги тратят без счета на личные причуды и оставляют в небрежении свою столицу. Нет поэтому ничего удивительного в том, что Османская империя терпит поражение за поражением как в области политики, так и на театрах боевых действий, и в том, что внутреннее положение идет от смуты к смуте как в столице, так и в провинциях.

Султан — бесспорный и единственный глава Империи. Имя нового султана провозглашается одновременно с оповещением о кончине его предшественника, после чего он торжественно шествует в мечеть Эюба, где подпоясывается мечом, который служит символом его светского и религиозного могущества. Затем он принимает клятву верности от самых высоких сановников Империи, которых вправе по собственному усмотрению оставить на прежних постах, переместить в должности или отправить в отставку. Наконец, он со своей супругой (или супругами) и наложницами водворяется в Серале, между тем как жены и наложницы покойного султана переселяются в Старый Сераль. Отныне он живет здесь в окружении свое-

го «дома», включающего, помимо его семьи в прямом смысле еще большое число пажей, всякого рода слугителей и рабов³⁸.

Первый шаг султана в области политики — подтверждение полномочий прежнего великого визиря или назначение на этот пост нового. И шаг этот очень важен, так как великий визирь — главный уполномоченный султана, и именно от него, особенно когда султану недосуг вникать в дела Империи, зависит их ход.

Рабы Высокой Порты, или Как становятся чиновниками

Представитель Бога на земле, султан — абсолютный господин своих подданных, которые теоретически все до единого считаются его рабами. В особенности последнее приложимо к придворному штату и к составу армии, то есть к людям, которые в силу выполняемых обязанностей как в условиях мира, так и во время войны окружают персону султана. Их так буквально и называют: *капикуллари* (*капыкулу*, рабы Высокой Порты); и термин этот охватывает все гражданские и военные чины Империи: официальных лиц, но вместе с тем пажей и личных слуг султана; служащих всех рангов, заполняющих собой учреждения центральной администрации, включая и высших провинциальных чиновников; и, наконец, всех военных — янычар, *сипахов* и пр. Далеко не все они — рабы султана в точном значении слова, но зато судьбы всех зависят от расположения или нерасположения, от произвола или причуды властелина, взбалмошного и подверженного внушениям: в опалу попадают так же быстро, как и в милость.

Но каким же образом удастся проникнуть в непосредственное окружение султана? Наибольшие шансы на успех имеют те, кто пользуется положением своего отца. Если отец уже введен во дворец и в милости у государя, ему сравнительно легко найти и для сына место среди пажей или среди слуг Серала. Такие случаи, однако, редки, и ими располагают, как правило, лишь пред-

ставители старинных и почтенных османских семей с надежной репутацией, но и она не служит прочной гарантией против интриг и ревности соперников и против внезапной смены настроения у государя. Понятие дворянства в европейском значении этого слова у турок отсутствует или, во всяком случае, не приводит к возникновению среди мусульман привилегированной касты, монополизирующей державные функции. Одно из наиболее известных исключений из этого общего правила — передача должности великого визиря от отца Фазилю Ахмет-паше Кёпрюлю.

Помимо этого довольно узкого пути имеется еще одно средство к достижению той же цели, средство весьма специфичное. Со второй половины XIV века после завоевания большей части Балканского полуострова османы, стремясь обеспечить рекрутами свою постоянно растущую армию, прибегают к системе, которая глубоко ранит христианскую совесть, но в течение долгого времени оказывается для турок чрезвычайно эффективной: речь идет о *девишirme* — «собрании» или «подбирании». Система эта сводится к тому, что каждые три года или каждые семь лет в районах с христианским населением производится мобилизация от одной до трех тысяч детей, подростков и юношей в возрасте от семи до двадцати лет. Полностью оторванные от родителей, вырванные из своей социальной среды, «подобранные» дети переправляются в Анатолию и распределяются среди мусульманских семей, где их обращают в ислам, обучают турецкому языку и приобщают к турецким и мусульманским обычаям. В возрасте десяти-одиннадцати лет их собирают в воспитательные дома, которые размещены во дворцах Адрианополя, Галлиполи и даже в Стамбуле после его завоевания. Подростков этих называют теперь *аджемиоглан*. Производится селекция на основании природных данных: одних направляют в армию, других во дворец на службу султану в качестве пажей — *ичоглан*. Во дворце они, переходя от службы к службе, поднимаются по карьерной лестнице, на каждой ступени которой получают возможность привлечь к себе благосклонный взгляд государя, его супруги или одного из

фаворитов. Не существует у такой карьеры какого-либо принципиального «потолка»: для удачливого достижимы самые высокие должности, включая и пост великого визиря, как это можно проследить по судьбе Ибрагим-паши. Не забывая о своем происхождении, они прекрасно отдают себе отчет в том, что всем достигнутым они обязаны милости государя, а потому и преданы ему безусловно и безгранично. Других целей в жизни, за пределами службы султану, у них нет³⁹. Но каков повелитель, таковы и его слуги.

Когда во главе Империи стоит Сулейман Великолепный или хотя бы Мурад IV, который лично наводит порядок в системе управления государством и хорошо разбирается в людях, их способностях и соответствии должности при выборе министров, военачальников, адмиралов, тогда управленческий и командный персонал на деле доказывает, что он достоин доверия государя; и даже со стороны видно, что продвижение по службе прямо соотносится с действительными заслугами. Европейские наблюдатели, пораженные эффективностью этой системы, даже признают ее более справедливой, нежели те, что действуют в странах Запада⁴⁰.

Однако османская система эффективно действует лишь при условии, что ее направляет твердая рука энергичного властителя. Как только у государственного кормила встает султан, менее захваченный идеей служения интересам великой Империи, мажорным цветом распускается фаворитизм, который помимо того, что открывает доступ на важнейшие государственные посты людям некомпетентным и бесталанным, ведет к беспрестанной смене лиц на верхних и даже средних этажах служебной иерархии — особенно среди правительственного и дворцового персонала.

Как бы то ни было, источники пополнения административных кадров остаются одними и теми же. Все официальные должности, за исключением драгомана (турки систематически игнорируют европейские языки), — вотчина мусульман, и представители этнорелигиозных общин на них никоим образом не допускаются, разве что перейдут в ислам, но такие случаи очень редки.

Не нужно, однако, думать, что чиновники, дослужившиеся до сколь-либо важных должностей, наслаждаются полной уверенностью в прочности своего положения: условия службы, подобно погодным условиям, весьма переменчивы, так как подвержены превратностям конкурентной борьбы, исход которой зависит, в свою очередь, от взаимодействия довольно неопределенных и разнонаправленных факторов. Высокопоставленная персона имеет под своей властью или берет под свое покровительство ряд клиентов, которых и размещает по тем или иным постам, а от каждого из них зависит ряд своих, конечно, низшего ранга. Если эта персона волей-неволей (чаще, неволей) покидает свое высокое место (ее перемещают по должности или отправляют в отставку), то кадровая перемена в высоком эшелоне власти влечет за собой целый каскад все менее и менее крупных на нисходящих ступенях служебной иерархии; и это — по той причине, что новый назначенец, подобно комете, влечет за собой шлейф из своих собственных протеже, которых надо где-то пристроить на теплых и хлебных местечках. Эпицентр этого своеобразного «землетрясения» находится, как правило, в пределах Стамбула, а волны от него расходятся по всем звеньям уже провинциальной администрации. Легко понять, что служебная чехарда, ставшая после Мурада IV чуть ли не ежемесячным явлением, по своему дезорганизующему воздействию на систему управления Империей и на политическую устойчивость в стране сравнима лишь с чередой стихийных бедствий. Таким образом, профессия османского чиновника далеко не гарантирует тихой, спокойной жизни, защищенной от ударов судьбы.

Следствием такой системы, особенно в периоды правительственных перемен, становится отсутствие служебной добросовестности. Чиновники практически на всех ступенях служебной иерархии, сознавая, что на своем посту пребудут лишь краткий срок, стремятся извлечь наибольшую для себя выгоду от занятия данной должности как можно скорее. Отсюда — злоупотребления служебным положением, взяточничество

(знаменитый *бакиши*), сделки с совестью, неразбериха, бесхозяйственность, казнокрадство. Личная корысть служит единственным стимулом к действию. Вот относительно новое состояние духа: оно господствует в XVII веке, но вовсе не характерно для XVI. На него постоянно жалуются и иностранцы, и представители национальных меньшинств.

Из всего множества «рабов Порты» несколько тысяч¹¹ сосредоточены во дворце, в непосредственной близости от султана: это те, что приставлены к государю как для исполнения его личных поручений, так и для общей дворцовой службы. Они распределены по нескольким категориям и в целом представляют собой четко разделенную на ступени пирамиду. Так, имеются «служащие в области религии», это не совсем то же самое, что «служители культа», отправляющие религиозные обряды: члены этой категории входят, в частности, в корпус улемов — исламских ученых. Они, кстати, вовсе не являются «рабами» в узком смысле слова, не являются и выходцами из корпуса аджемиоглан или ичоглан⁴². С другой стороны, «дворцовые служители» непосредственно связаны с особой султана. Таковы, например, «аги императорского стремена», по-турецки *рикаб агаляр*, — они в наибольшей степени приближены к султану, фигурально говоря, всегда у его стремена. Или *бостанджибаши* — буквально «глава садовников», которые (*бостанджи*, то есть садовники), числом примерно в две с половиной тысячи, действительно поставлены под его начало. Однако главная его функция все же не садоводство, он — начальник внутренней полиции, которая блюдет порядок в стамбульском Серале, а также в султанских летних резиденциях на берегах Босфора. Или *миралем* (главный знаменосец) — начальник стражи и заведующий музыкантами, которые сопровождают выезд султана. Или *мирахыр-и-эввел* (главный конюший), под началом которого многие тысячи служителей — конюхов, берейторов, шорников, погонщиков верблюдов и пр. Или *капыджиляр кахаси* (главный приквратник) — своего рода гофмейстер. Или второй ко-

нюший. И, наконец, *капыджибаши* (командиры привратников), совмещающие обязанности привратников и камергеров и рекрутируемые среди сыновей самых высоких сановников Империи, им же даются важные и тайные поручения. За этими «агами стремени» следуют заведующие принадлежащими дворцу хозяйственными постройками, наличной монетой, денежными расходами, дворцовой кухней, кормом для лошадей, в чьи обязанности входит обеспечение материальных сторон дворцовой жизни; ловчие («офицеры охоты»), чья служба и звание начиная с XVI века носят чисто почетный характер; дворцовые гвардейцы, телохранители, охрана принцев султанского «дома», с самыми различными функциями и с соответствующими званиями — их число измеряется сотнями⁴³. Все они в совокупности образуют совершенно особый мирок, живущий за счет щедрот султана. Его же щедрость проистекает из понимания того простого факта, что престиж в глазах подданных или иностранцев находится в прямой зависимости от пышности и блеска его непосредственного окружения. Эта концепция возникла еще в ранний период Империи, но свое реальное воплощение получила только во времена Мехмета Завоевателя и в особенности Сулеймана Великолепного. Величие султана требует, чтобы он был окружен двором, который превосходит дворы западноевропейских государей как по своей численности, так и по степени преданности придворных особе монарха. И то и другое демонстрирует богатство и могущество османского властелина.

Высшие сановники Империи

Как ранее уже упоминалось, на высших ступенях власти происходит смешение функций центрального управления и управления столицей. Некоторые из самых высоких должностных лиц Империи одновременно выполняют обязанности гражданских, военных и религиозных администраторов столицы,

вместе с тем их резиденции и службы находятся именно в Стамбуле. Эти высшие сановники по несколько раз в неделю собираются на заседания Дивана, которые созываются на территории Серая в особом здании, называемом *Куббеалты* («шестикупольное»). В заседаниях, как правило, принимают участие великий визирь, который несет ответственность за общее состояние политических, административных и военных дел; *нишанджи*, который ответствен за канцелярию и делопроизводство; кадиаскеры Анатолии и Румелии, решающие религиозные и юридические вопросы; *дефтердар*, ответственный за финансы Империи; и капудан-паша, великий адмирал. На заседаниях Дивана председательствует великий визирь, а султан на них иногда присутствует незримо — в небольшой ложе, отделенной от зала заседаний решеткой. Из этого помещения видно и слышно все, что происходит в зале, но заседающие могут только догадываться о присутствии или отсутствии властелина. Такие государи, как Селим I и Сулейман Великолепный, лично контролируют и направляют ход государственных дел, а главные визири при них действуют исключительно в пределах директив, данных им султаном. Позднее, особенно в XVII веке, султаны, за исключением Мурада IV, теряют всякий интерес к заседаниям Дивана и возлагают на великих визирей всю ответственность за ведение текущей политики.

При Мехмете Завоевателе и его ближайших преемниках Диван собирается каждый день после утренней молитвы и продолжает свою работу до полудня. С середины XVI века, то есть со времен Сулеймана Великолепного, обычно он заседает четыре раза в неделю (в субботу, воскресенье, понедельник и вторник), но иногда, в виде исключения, также и в среду⁴⁴. Причем в среду имеет место, как кажется, особое собрание: на нем не присутствуют кадиаскеры, ведающие Анатолией и Румелией⁴⁵, а по его окончании великий визирь в сопровождении янычарского аги и стамбульского кадия производит инспекцию столичных рынков и базаров⁴⁶: это собрание посвящено, очевидно, положению дел в столице.

Великий визирь — главный персонаж в Империи. «По-турецки великого визиря называют *Visir Azem*⁴⁷, то есть глава Совета, или первый советник... Когда нового великого визиря вводят в его должность, не существует, насколько мне известно, другой церемонии, кроме вручения ему печати Великого Господина, на которой выгравировано имя императора; печать эту с момента ее получения он всегда носит с собой на груди за пазухой...»⁴⁸ И в самом деле, назначение главного визиря производится очень просто: султан, приняв соответствующее решение самостоятельно или по совету какого-либо влиятельного лица передает вступающему на самый высокий пост в Империи печать, которую до того носил его предшественник, отправленный в отставку, впавший в немилость или казненный. Отсутствуют примеры того, чтобы кто-либо назначенный на эту должность по своей доброй воле отклонил эту высокую честь или же сам, после более или менее продолжительного пребывания в должности, подал прошение об отставке. «У великого визиря имеется свой собственный двор, великолепие которого соответствует величию того господина, которому великий визирь служит; дворец великого визиря насчитывает более двух тысяч слуг. Хотя великий визирь, подобно другим пашам, испытывает на себе по временам гнев своего господина и должен за некоторые ошибки и неудачи на службе платить ему головой, Великий Господин все же доверяет именно ему самые важные государственные дела и именно его, великого визиря, предложения всегда принимаются Советом. Вот это и делает его власть столь абсолютной, что ни в одной из империй, ни в одном из королевств невозможно найти первого министра, который мог бы по объему своих полномочий сравниться с великим визирем...»⁴⁹ Действительно, великий визирь иногда пользуется властью, сравнимой по своей широте с властью самого султана. Таково, к примеру, было положение двух Кёпрюлю и их преемника, Кара Мустафа-паша. Проникнутые к тому же сознанием своего могущества, они требовали, чтобы им воздавались все знаки почтения, положенные по этикету. Известны

инциденты, когда некоторые иностранные послы, французские в частности, не пожелавшие из принципа следовать правилам турецкого этикета, оказывались не только в немилости (с ними отказывались вести дела), но и в тюрьме. Когда сын посла Ла Ай-Вантеле во время официальной аудиенции повел себя, с турецкой точки зрения, непристойно, он был бит палками. Сам Ла Ай-Вантеле (La Haye-Vantelet) и позднее Нуантель без конца ссорились с великими визирями, так как не принимали предоставляемое им турками место — на табурете, поставленном ниже того помоста, на котором восседал великий визирь. Эти распри, как ныне представляется, из-за мелочей на самом деле разворачивались на почве принципов: ни одна из сторон не желала выглядеть ниже другой.

Высокий престиж великого визиря, как отмечали европейские наблюдатели, поддерживался пышной свитой и роскошной резиденцией: для обслуживания главы правительства в его доме требовалось не менее двух тысяч челядинцев — великий визирь, соответственно своему статусу, просто был обязан жить на широкую ногу. Первоначально его дом служил одновременно и официальной резиденцией главы правительства. Со временем, однако, положение изменилось. С некоторых пор новый великий визирь после назначения на должность покидал свой частный дом и переезжал в один из дворцов, расположенных в непосредственной близости от Серая, или же во дворец на территории Серая, уступленный ему кем-либо из главных придворных сановников. С 1654 года султаны предоставляют великим визирям на время их визирата особый дворец в качестве резиденции. Этот дворец принадлежал первоначально великому визирю Халил-паше, находился же он недалеко от Серая напротив Алай кёшкю, павильона, в котором султан принимал парад своей армии⁵⁰. От этого дворца поныне сохранились монументальные ворота. Именно они-то и были названы сначала Пашакапысы (Ворота паши), затем — Баб-и Али (Высокая Porta). Последнее наименование постепенно распространилось на дворец великого визиря, на весь его правительственный

аппарат и в конечном счете стало синонимом Османской империи в целом⁵¹.

Двор великого визиря являет собой уменьшенную копию двора султана — со своим казначеем, начальником над привратниками, персоналом из мусульманского духовенства, заведующим кухней, разного рода охранниками, ливрейными лакеями, пажами, музыкантами и т. п. На его содержание идут денежные средства, черпаемые из личных доходов его владельца, но вместе с тем полагается и дотация из имперской казны, размеры которой колеблются на протяжении веков. В начале XVI века великий визирь получал от султана субсидию в 1 миллион 200 тысяч *акче*, при Сулеймане Великолепном — 1 миллион 800 тысяч *акче*, и последняя сумма оставалась относительно неизменной в течение XVII века. К ней следует добавить и так называемые «права номинации» (*джаузе*), то есть суммы, которые уплачиваются великому визирю должностными лицами при их вступлении на новый пост, а также подарки, делаемые добротами в чаянии получения новой должности или какого-либо иного благодеяния. Наконец, личную казну великого визиря пополняют различные доходы с острова Кипр, особо дарованные ему султаном. Некоторые великие визири сумели сколотить на службе государству немалые состояния, но далеко не все из них смогли ими должным образом насладиться. Дело в том, что все имущество великого визиря после его смерти или смещения с должности подлежит конфискации и переходит в имперскую казну. Пост великого визиря отнюдь не *синекура*⁵².

Бусбек нам оставил любопытный портрет одного из наиболее выдающихся великих визирей при Сулеймане Великолепном, Рустем-паши: «Рустан (*sic!*), чья судьба неотделима от судьбы этой женщины (султанши Роксаланы), на дочери которой он женат, и от судьбы, конечно, самого Сулеймана, служил ему и советом, и помощью, оставаясь на должности первого министра могучей опорой для султана во всех его начинаниях и замыслах. Среди прочих пашей он пользовался наибольшим доверием своего господина, а потому и со-

средоточивал в своих руках наибольшую власть. И для этого имелись все основания, так как он отличался великолепным умом, проницательным и тонким, что и сделало его орудием славы своего господина. Что касается его происхождения, то он был сыном погонщика быков и сам в отрочестве помогал в этом занятии отцу. Столь низкое происхождение не было бы поставлено ему в упрек на той высокой ступени почета, на которую он поднялся, если бы не его неимоверная скупость, которая, безусловно, наносила ущерб его репутации, основанной на действительных достоинствах. Император знал этот недостаток, но все же испытывал к нему благоволение и уважение. Вообще говоря, Сулейман умел извлекать пользу и из недостатков своих подданных и слуг. Султан, имея большую нужду в деньгах, назначил его на пост министра финансов, и Рустан нашел способы наполнить серебром доверху сундуки своего господина, оставив после себя государственную казну в наилучшем состоянии. Выполняя это поручение, он не упускал ни малейшей возможности ее пополнить, не останавливаясь даже перед взиманием налога на фиалки, розы и другие садовые цветы или перед продажей с молотка оружия и лошадей военнопленных. Вообще, никакой мелочью в финансовых делах государства он не пренебрегал, чем, помимо прочего, заслужил любовь своего господина»⁵³.

Нишанджи отвечает за все, что касается канцелярии, за составление актов и т. п. О нем можно было бы сказать, что он являет собой главного секретаря при правительстве. Его власть распространяется на всех писцов, секретарей, составителей документов. Персона, занимающая этот пост, должна находиться на достаточно высоком культурном уровне. Нишанджи рекрутируются, как правило, из выпускников медресе при больших столичных мечетях, а эти медресе представляют собой высшие школы по изучению коранического закона и османской юриспруденции. Одна из важнейших функций нишанджи — приложение императорской печати к указам, исходящим из Дивана и получившим одобрение султана: лишь с печатью эти документы приобретают силу закона. Только тогда с них

снимают копии в отделениях канцелярии для рассылки, оригинал же указа остается в архиве. Хотя нишанджи — весьма влиятельный чиновник, он постоянно остается в тени, не привлекая к себе внимания публики. Довольно часто одно и то же лицо занимает должность нишанджи долгие годы, а иногда отставной нишанджи возвращается снова на оставленный им было пост. Вообще же говоря, число смещенных с этой должности ничтожно и не идет ни в какое сравнение с числом попавших в опалу великих визирей⁵⁴.

Чего уж никак нельзя сказать о должности дефтердара. Слово это, если переводить его буквально, означает «хранитель списков», фактически же оно указывает на главного казначея империи. Термин дефтердар входит в оборот только в первую половину XV века, когда имелся всего единственный дефтердар, а именно дефтердар Румелии. В конце того же столетия возникает аналогичная должность и для Анатолии, и с тех пор первый дефтердар (Румелии) получает повышение в чине и начинает именоваться *башдефтердар* — «главный казначей». Селим I учредил и третий пост дефтердара — для Сирии. Вскоре появился еще один — ведавший откупам в Стамбуле. Но все они были поставлены под начало башдефтердара, который, согласно одному регламенту конца XVII века, «назначен ведать финансами и в своем собственном доме предоставляет место для работы дивана финансов; он принимает все жалобы по финансовым вопросам и принимает по ним надлежащие решения...»⁵⁵.

Башдефтердар контролирует все государственные финансовые дела, получает каждый вечер отчет об операциях казначейства и два-три раза в неделю передает эти отчеты великому визирю. Никакая денежная сумма не может покинуть казначейство без письменного разрешения (*тезкере*) с его штампом. Этот главный казначей ведает финансами только Империи, то есть только публичными расходами и доходами. Он не имеет никакого отношения к личной казне султана, которой заведует *хазинедарбаши*. О последнем сказано так: «...его обязанность — вести

отчетность по расходам на содержание двора и оприходовать случайные доходы, а также дары, преподнесенные Великому Господину...»⁵⁶.

Пост башдефтердара чрезвычайно деликатен: тот, кто его занимает, непосредственно на себе испытывает капризы султана и следующие за ними удары и превратности судьбы. Но он в той же мере и важен. И важность его проистекает не только из того, что башдефтердар руководит государственным казначейством, но также и из того, что к нему стекаются акты и документы относительно земель, предоставляемых военным и гражданским чиновникам за их службу, относительно изъятий из налогообложения или облегчения налогового бремени и, наконец, вся документация касательно финансовых привилегий корпораций — документация, имеющая первостепенную значимость в первую очередь для Стамбула. Под его началом — от 250 до 300 секретарей и соответствующая его рангу свита примерно из 300 персон.

Помимо только что упомянутых трех очень высоких должностей имеются так называемые «визирь купола» — *куббе визирлери*. Они заседают в Диване, и их главная функция — служить помощниками великого визиря. Их число колеблется в зависимости от эпохи от 1 до 10. Это тоже высокие сановники, но их статус не дает им никаких гарантий от последствий дурного настроения султана или великого визиря.

Наряду с ними не менее важную роль играют религиозные власти — в силу теократического характера государства. Первое место среди них принадлежит муфтию Стамбула, который носит дополнительный титул, подчеркивающий это первенство, а именно — *шейх-уль-ислам*. Именно он, подтверждая соответствие указов, продиктованных султаном, положениям Корана, тем самым придает им законную силу и делает их применение обязательным. С другой стороны, к нему как высшему религиозному авторитету направляют на решение спорные вопросы, возникающие в самых различных областях общественной жизни. Его суждение по каждому из них в отдельности называется *фет-*

ва. Нередко издание фетвы не имеет другой цели, кроме обоснования того или иного правительственного постановления. К примеру, одна из фетв возбраняет употребление табака.

Ступенью ниже муфтия находятся два кадиаскера — «армейские судьи». Один из них — для Румелии, то есть для европейской части Империи, другой — для Анатолии, или, шире, для ее азиатской части. Несмотря на слишком узкое обозначение («судьи армии»), они простирают свою юрисдикцию не только на армию, но и на упомянутые в их титуле территории, назначая в их границах судей. Оба заседают в Диване, но к Стамбулу никакого отношения не имеют; столичный кади им не подотчетен, но он зависим от султана, великого визиря и шейх-уль-ислама⁵⁷. Кади Стамбула выше прочих кади (судей) во всей Империи, но ниже кадиаскеров. Во всяком случае, этот персонаж — первостепенной значимости. Пост столичного кади — предмет честолюбивых вожделений не только сам по себе: пребывающий на нем может надеяться стать со временем кадиаскером и даже, если будет угодно Аллаху, подняться на высшую ступень в религиозно-правовой иерархии — на ступень шейх-уль-ислама. И в самом деле, такое возвышение случалось не столь уж редко.

Наконец, великих империй не бывает без могучей армии, и Османская империя вовсе не исключение из общего правила. При Селиме I и Сулеймане турецкая армия покрыла себя славой при завоевании Восточной Анатолии, части Азербайджана, Сирии, Палестины, Египта, Ирака, Венгрии, чему способствовал и турецкий флот, захватывая Родос, Северную Африку и, несколько позднее, остров Кипр.

В роли фактического главы турецкой армии выступает главный визирь, который сам руководит военными походами⁵⁸. Правда, в XVI веке султаны Селим I и Сулейман, а в XVII — Мурад IV в некоторых особенно важных кампаниях возглавляют армию лично, но в XVII веке ни один султан, за упомянутым исключением, в сражениях больше не участвует, даже за пределами зоны огня.

Сухопутная армия делится на несколько частей: пехоту, артиллерию, обоз, кавалерию. Самая важная из

всех — пехота, сформированная в основном из янычар. Начальствует над ними ага. Янычарский ага — очень важная персона. Когда корпус янычар не в походе, он сосредоточивается в столице, составляя ее гарнизон. Ага, если только находящиеся под его началом янычары ему преданы, имеет возможность оказывать давление на политику правительства и даже внушать страх самому султану. В XVII веке случаи к этому предоставляются.

Командующий кавалерией *сипахи-ага* пользуется гораздо меньшим влиянием, чем ага янычар, но тем не менее следует непосредственно за ним по рангу и впереди руководителей других армейских корпусов.

Капудан-паша (*капудан-и дерья*), великий адмирал, занимает во флоте примерно то же положение, что ага янычар — в армии. Из своей резиденции (арсенал Касим-паши) он командует не только всеми моряками Империи, но также и всеми начальниками и рабочими арсеналов и, конечно, каторжниками. Османское господство над Средиземным морем в XVI веке, неоспоримое вплоть до поражения турок при Лепанто (1571), придавало воинскому званию капудан-паши еще и политический вес, ставя его носителей в первый ряд сановников Империи.

Муниципальные службы

Связь с центральной властью

Столичная администрация находится в теснейшей зависимости от государственной, поскольку лица, несущие ответственность за функционирование первой, в то же время являются крупными чиновниками имперского уровня. Эта зависимость, или, если угодно, смешение функций, выражается прежде всего в том, что великий визирь выступает в роли главы как столичной, так и государственной администрации, то есть отвечает и за ход дел во всей Империи вообще, и за их состояние в Стамбуле в частности. Мы уже видели, что заседания Дивана по средам посвящены Стамбулу и что по их завершении великий визирь инспек-

тирует базары и рынки города. Он направляется на выполнение этой миссии, сопровождаемый большим кортежем. Кортеж открывается гарцующими *субашии* и *асесбашии* (офицерами полиции) вместе с их подчиненными, за ними следуют заместитель стамбульского кадия, *чавуш* Порты, *чавушбашии*, стамбульский кадий, ага янычар и представители корпораций (торговых и ремесленных цехов); наконец появляется великий визирь в окружении пеших солдат своих чиновников, а все это внушительное шествие замыкается эскортом из военной кавалерии. Вот так великий визирь прямо с заседания Дивана направляется сначала в Ункапаны, где находятся правления корпораций, затем — в Емиш Искелеси, где великий визирь производит контроль над ценами на фрукты, и, наконец, — на рынок овощей и на бойни для проведения аналогичной проверки цен на соответствующие товары⁵⁹. Впрочем, великий визирь, поглощенный общеимперскими делами, довольно часто делегировал власть над столицей своему заместителю, *каймакаму*, визирю высокого ранга, который вследствие этого становится главным ответственным за действия столичной администрации⁶⁰.

Между тем шейх-уль-ислам, имея в подчинении всех кадиев города и будучи главой всего имперского правового аппарата, утверждает или, напротив, отвергает административные акты, касающиеся Стамбула, а также решает в последней инстанции религиозные вопросы, выдвигаемые на его рассмотрение коллективно или индивидуально. Ага янычар, капуданпаша и *топчубашии* (командующий артиллерией) также имеют свои обязанности, связанные со столицей. К ним следует, пожалуй, добавить и должность *кызлар-агасы* — это глава чернокожих евнухов, в компетенцию которого входит управление благотворительными фондами и, соответственно, контроль над благотворительными учреждениями в масштабе города. Таким образом, существуют крепкие связи между общеимперским правительственным аппаратом и столичным муниципальным. Хотя нет документа, точно определяющего функции последнего, довольно легко представить себе

достаточно подробную схему, отражающую его структуру и различные области его деятельности. Городские службы могут быть классифицированы примерно так: судебная деятельность и судебные учреждения, полиция, надзор за путями сообщения, снабжение продуктами питания и рынки (а следовательно, и корпорации), благотворительные фонды и учреждения.

Судебный порядок

Судебная администрация представляет собой один из главных организмов столицы, так как ее жители, относящиеся даже и к религиозным меньшинствам (не говоря уже о мусульманском большинстве населения), подчинены кораническому закону и подзаконным актам — к тем именно правительственным постановлениям, что регулируют городскую жизнь. Следить за соблюдением этого закона и производных от него правительственных актов обязаны в первую очередь кадии. Первое место среди них принадлежит кадию Стамбула, за ним следуют кадии Галаты, Эюба и Ускудара. В подчинении у них находятся *наибы*, выполняющие идентичные функции в менее крупных округах судебного надзора (*нахие*). От стамбульского кадия зависит и *мухтесиб*, инспектор рынков и контролер корпораций.

Кадии прежде всего играют роль судьи: «Кадии — это судьи, это бальи и прево*. Это на их суд выносятся обычные спорные вопросы между обывателями, только в их присутствии заключаются браки, с их санкции рабы отпускаются на волю...»⁶¹ На них же возложена обязанность служить связующим звеном между правительством и корпорациями. Они передают ответственным лицам в корпорациях правительственные решения и, с другой стороны, принимают жалобы ремесленников или торговцев, представленные в Диван. После того как вопрос достаточно глу-

* Последние два термина обозначают королевских чиновников во Франции, совмещавших судебные функции с административными. — *Прим. пер.*

боко изучен, следует решение, которое спускается кадию для исполнения. В том, что касается корпораций, кадию ассистирует мухтесиб или *ихтисаб-агасы*: их роль представляется первостепенной при рассмотрении вопросов, относящихся к компетенции полиции рынков⁶². Помимо этого, кадии занимаются теми финансовыми вопросами, которые касаются распределения налогообложения между мусульманами и немусульманами, или же — изъятий от уплаты налогов, которые предоставляются благотворительным и другим богоугодным учреждениям. В качестве судей физических и юридических лиц (последнее относится прежде всего к корпорациям) кадии наделены полномочиями контроля, наблюдения и наказания. Наиболее распространенный вид наказания — это избиение палками: «У них очень в ходу способ наказания правонарушителей палочными ударами. Они сбивают спесь с гордецов и в то же время щадят жизнь тех, кого не хотят казнить»⁶³. Если преступление достаточно серьезное, обычным наказанием бывает тюремное заключение, причем судебные процессы никогда не затягиваются надолго: «Впрочем, во всем мире не сыскать страны, где бы правосудие, как уголовное, так и гражданское, отправлялось с такой быстротой. Самые крупные и запутанные процессы занимают три-четыре дня...»⁶⁴ Европейские путешественники изумлены не только такой быстротой, но и беспристрастием турецких судей, перед которыми мусульмане, христиане или евреи, без какой-либо дискриминации на религиозной основе, вольны высказывать свои жалобы и просьбы, «не имея нужды в адвокатском красноречии для защиты правого дела»⁶⁵.

Кадии, по правилу, не знающему исключений, — выпускники медресе, высших учебных заведений, готовящих, вообще говоря, улемов, то есть знатоков богословия и юриспруденции, а в Османской империи — в области юриспруденции преимущественно. Некоторые из этих выпускников занимают, при благоприятном для них стечении обстоятельств, должности кадиев, но последние, стоит это подчеркнуть

снова, всегда выпускники медресе. Кандидат на один из правительственных постов должен к тому же быть выпускником какого-либо из больших медресе Стамбула или, по меньшей мере, Бурсы или Адрианополя. Кроме того, этот кандидат должен быть обладателем особого сертификата, позволяющего ему занимать официальный пост. К перечню этих условий следует присоединить еще одно, причем немаловажное: за плечами кандидата должен успеть накопиться минимум двадцатилетний стаж собственного обучения и преподавания другим. И, таким образом, кандидаты на искомый пост в высшей администрации очень редко бывают моложе сорока лет. Знакомство с турецкими хрониками и архивными документами показывает достаточно ясно, что подбор таких кадров на высокие судебские и религиозные должности производится в довольно узком кругу, в который посторонним вход возбраняется. Было бы очевидным преувеличением утверждать, что пост кадия переходит, так сказать, «по наследству» от отца к сыну. Но нельзя сказать и что должности такого уровня достигаются путем свободного конкурса между соискателями. Особенно тесен круг лиц, претендующих на посты столичных кадиев.

Кадии осуществляют юрисдикцию в подведомственном им округе (каза, или кадилык)⁶⁶. Каза стамбульского кадия простирается лишь на собственно Стамбул — в узком смысле этого топонима. Казы Галаты и Ускюдара подразделяются на *нахши*, в которых судебная власть исполняется *наибами*⁶⁷. Наибы — тоже выпускники медресе, но от них не требуется предварительного послужного списка, и вступают они в свою должность в силу назначения их соответствующими кадиями. Так, наибы в Стамбуле и его пригородах назначаются стамбульским кадием. В окрестностях Стамбула наибы имеются лишь в относительно многолюдных местечках — таких, как Бешикташ, Ортакей, Арнавуткей, Бейкоз. В своем округе наиб пользуется практически теми же полномочиями, что и кадий. Фактически вся судебная администрация только и состоит, что из кадиев и наивов.

Полиция

В Стамбуле роль полиции далеко не сводится к тому, чтобы денно и нощно блюсти общественную безопасность. Помимо решения этой, самой главной задачи она инспектирует рынки и базары, фиксирует нарушения коранического закона, султанских регламентов и установленных обычаев. Полицейские не обладают правом санкций, которое является прерогативой кадиев, но между теми и другими налажено тесное сотрудничество.

По сути, отсутствует единый начальник, ответственный за всю столичную полицию, так как она распределяется между несколькими большими секторами, командование над которыми доверено высшим армейским офицерам. К примеру, ага янычар начальствует над полицией всего Стамбула, за исключением территорий дворца, Святой Софии и Ипподрома, которые находятся в ведении полиции под руководством *джебеджибаши*, шефа оружейников. Топчубаши, командующий артиллерией, имеет свою резиденцию в Топхане и, соответственно, блюдет порядок в кварталах Топхане и в Пере. Капудан-паша, великий адмирал, отвечает за кварталы Касим-паши, Галаты и других пригородов, расположенных на северной стороне Золотого Рога. И, наконец, *бостанджибаши*, номинально глава садовников Сералья, а фактически шеф телохранителей султана, осуществляет наблюдение над всеми резиденциями государя, в частности над теми дворцами, что находятся за пределами собственно столицы — на берегах Босфора.

Упомянутые должностные лица занимают высшие ступени служебной иерархии, основная задача которой — обеспечение в столице безопасности и порядка. За ними следуют служащие меньшего ранга, которые входят уже в непосредственный контакт с населением: *мухзир-ага*, асесбаши и субаши.

Мухзир-ага — офицер, командующий ротой янычар, но выполняющий, в отличие от прочих командиров, функции совершенно особого рода. Прежде всего он выступает в роли представителя янычар перед великим визирем и обеспечивает одновременно безопас-

ность последнего. Далее, он вместе с визирем решает все спорные вопросы, касающиеся янычар. Наконец, он и его люди обязаны задерживать и наказывать янычар в случае правонарушений и преступлений. Наказание производится, как правило, немедленно и прямо на месте по приказу мухзир-аги его подчиненными, вооруженными фалаками⁶⁸ и палками. Короче, мухзир-ага — начальник своего рода военной полиции, полевой жандармерии, которая поддерживает порядок исключительно среди янычар в столице.

Что касается асесбаши и субаши, то они имеют дело лишь с гражданским населением. Первый, по словам историка XIX века⁶⁹, несет ответственность за поддержание порядка в столице ночью, а второй — днем.

Асесбаши выполняет множество задач. Первая из них — обеспечение порядка в темное время суток. Улицы погружаются в темноту, и «для предотвращения ночных беспорядков всем, без исключения, запрещается ходить по городу после захода солнца; впрочем, правило это отменяется в месяц рамадан»⁷⁰. В приведенной выше цитате все-таки имеется некоторое преувеличение. По ночным улицам ходить все же разрешалось, но с одним непременным условием: идущий должен был нести с собою зажженный фонарь, что, однако, делалось не всегда. В обязанность агентов асесбаши входило задержание нарушителей этого правила. Их не препровождали в тюрьму до рассвета и даже не избивали палками, а всего лишь передавали в распоряжение владельцев *хаммамов* (турецких бань), на которых задержанные и работали до полудня. Их трудовая деятельность состояла в том, чтобы подносить дрова к печи, нагревающей баню. Работа была грязной (в буквальном, конечно, смысле слова), так что правонарушителей, которых отпускали на волю при свете дня, прохожие распознавали безошибочно по пыльной и запачканной одежде. Недавних заключенных так и называли: *кюльханбеки* — «люди от печи», и эта кличка имела такие дополнительные значения, как «хулиганы», «воришки», «плуты» и т. д. Были, впрочем, и другие наказания, на которые люди асесбаши не ску-

пились, если поверить на слово Эвлии Челеби: «Солдаты ночной стражи буквально гоняются за запоздавшими обывателями, задерживают их, избивают, подвергают всяческому издевательству, заковывают в кандалы ... Свирепые и мерзкие люди»⁷¹. Но можно ли ему верить, если он, как известно, на дух не выносил любого полицейского?

Во всяком квартале имеются свои ночные сторожа или *бекджи*, которые поставлены под начало асесбаши. В одном из указов конца XVII века встречается отрицательная оценка этих нередко старых и, следовательно, не способных к полицейской службе людей; указы предписывают корпорациям выделить на каждый квартал по два человека, которые зажигали бы фонари, установленные в определенных местах, и ходили бы дозором до утра; указывалось также, что любой ночной гуляка, с фонарем или без него, должен понести наказание⁷².

Субаши, также офицер янычар, имеет более широкий круг обязанностей по сравнению с мухзир-агой и асесбаши. Он обеспечивает порядок в городе в светлое время суток, вместе с мухтесибом следит за тем, чтобы регламенты, касающиеся деятельности ремесленников и торговцев, соблюдались и теми и другими должным образом. Помимо этого, он задерживает пьяных, злоумышленников, бродяг и вообще лиц, не внушающих доверия и, если надо, подвергает их наказаниям. «С участниками пьяных ссор, драк и другими нарушителями общественного порядка поступают сурово. Наименее виновных избивают палками по заду, но не только по нему... Обычно их укладывают на землю и дают две-три сотни ударов тростью по животу и по подошвам ног. Тех, кто при торговле обвешивает и обмеривает покупателей или продает свой товар по чрезмерно высоким ценам, прибивают гвоздями сквозь уши к двери или к стене и оставляют в таком беспомощном состоянии на целый день, чтобы обманутые ими могли высказать им свое негодование и презрение...»⁷³ Или же виновным в обвешивании надевают на шею колодку и так проводят в ней по городу⁷⁴. Все это — помимо наложенных на них штрафов, частично иду-

щих в пользу субаши. Его агенты имеют самую ужасную репутацию: «Это люди, не знающие жалости...»⁷⁵, а сам субаши — «очень злой человек, который стремится обогатиться за счет любого»⁷⁶.

По сведениям иностранных наблюдателей, убийства происходят редко: «Если такое случается, то — по причине вспышки гнева или во время грабежа на большой дороге»⁷⁷. Число убийств невелико в силу того, что, если убийца не найден, жители того квартала, где преступление совершено, должны заплатить большую пенью — «плату за кровь»: 40 тысяч акче, согласно Дю Луару, или 500 пиастров, согласно Тевено. Сумма в самом деле крупная, и убийцу чаще всего задерживают быстро. Помимо людей, которые действуют непосредственно под командой упомянутых полицейских офицеров, имеются еще и иные агенты, выполняющие особые задания. Так, *бёджекбаши*⁷⁸ специализируется на розыске и задержании воров; его подчиненные, «полицейские в штатском» (среди которых есть и женщины!), пользуются высокой репутацией. Они по большей части рекрутируются в криминальном мире, и нужно думать, что бёджекбаши широко пользуется услугами осведомителей.

Салмабаши чукадар под своим началом имеет передетых агентов, которые ведут наблюдение над публичными местами: рынками, базарами, кафе, тавернами, банями и т. п. Они следят за тем, чтобы янычары не учиняли драк и скандалов, чтобы проститутки не занимались своим ремеслом в людных местах и на кладбищах. Ежедневно салмабаш чукадар представляет доклад высшим начальникам, в котором, помимо прочего, находит отражение и «состояние умов», настроения публики.

Благодаря разветвленному полицейскому аппарату, системе наблюдения и слежки Стамбул может считаться вполне благополучным городом — с точки зрения безопасности его жителей перед лицом криминальной угрозы. Принимая во внимание политическое, экономическое и социальное его значение, легко понять первостепенную заинтересованность властей в том, чтобы население столицы жило и трудилось в атмо-

сфере полного спокойствия и чтобы оно само спокойствие это не нарушало и не выходило за рамки законности. Что, впрочем, не стало препятствием для неоднократных восстаний и уличных беспорядков в течение XVII века. Их зачинщиками, правда, выступали, по большей части, янычары: в период с 1632 по 1686 год они поднимали мятежи семь раз, между тем как корпорации выходили на улицы только два раза — в августе 1651 года и зимой с 1668 на 1669 год. Гражданское население города, видимо, отдавало себе отчет в той степени риска, который она навлекает на себя при прямой конфронтации с властью. Силы полиции, стало быть, можно назвать одним из самых существенных элементов стабильности в государстве.

Городское управление, благоустройство, проблема чистоты

Такой большой город, как Стамбул, ставит вопросы городского управления и городского благоустройства столь настоятельно, что правительство не в состоянии ни игнорировать их, ни откладывать решение на неопределенное будущее. Это было очевидно для всех его правителей, но особенно для Сулеймана Великолепного, который хотел превратить город в достойную столицу завоеванной им великой Империи. С другой стороны, было необходимо размещать, кормить постоянно возрастающее городское население, обеспечивать его питьевой водой и водой для прочих нужд, обеспечивать чистоту улиц и т. д. Все это задачи не для военных и не для религиозных судий, а для гражданских чиновников, интендантов, или, точнее, для *эминов* — секретарей, *кятибов* — писцов, которые, вообще говоря, входят в штат имперской администрации, но чья деятельность практически ограничивается Стамбулом.

Первый из упомянутых чиновников — *шехир эмини* (*шехрэмини*), то есть городской префект, в котором некоторые историки ошибочно усматривают преемника византийского эпарха. Должность эту учредил Мехмет Завоеватель, и с его времени, то есть с самого начала,

шехир эмини заведует строительством и восстановлением зданий в столице; позднее к его обязанностям добавилось снабжение города водой. При решении этих задач шехир эмини опирается на троих своих помощников — *мимарбаши*, то есть главного архитектора, *суназири*, инспектора по вопросам водоснабжения, и, наконец, на *тахир субаши*, или *чёнлук субашиси*, ответственного за городскую собственность.

Никакое строительство не может быть в Стамбуле предпринято без разрешения мимарбаши. Разрешение это не освобождает, однако, от необходимости испрашивать разрешение и у шехир эмини, который отвечает в последней инстанции за все. Когда дело идет о сооружении публичных или религиозных зданий, шехир эмини предоставляет деньги, рабочую силу и материалы. После разрушений, причиненных пожарами, эти разрешения на реконструкцию, как легко предположить, выдаются с большей щедростью. «Дозволение строить», выдаваемое шехир эмини, может быть получено только по уплате «налога на строительство», который принимается *бина эмини*, интендантом по строительству, занимающимся финансовой стороной строительства. Агенты мимарбаши проверяют во всем городе состояние зданий, жилых домов или других построек, старых или новых. Если они замечают, что какой-либо дом грозит обрушиться, или констатируют строительство какого-то здания с нарушением утвержденных правил, то они вправе отдать распоряжение о сносе дома или о наказании штрафом или иным способом строителей или владельца. Впрочем, всегда имеются возможности закончить дело миром, среди которых бакшиш играет далеко не последнюю роль.

Мимарбаши вместе с суназири несет ответственность за накопительные водоемы и акведуки, *суйолу*, обеспечивающие водоснабжение Стамбула. Римляне и византийцы решали эту проблему строительством цистерн и акведуков. Ко времени турецкого завоевания Константинополя некоторые из цистерн были в плохом состоянии, и Мехмет II велел их восстановить, как и древние акведуки. Но с особым рвением за эту задачу взялся Сулейман Великолепный, который в

связи с наплывом населения в его столицу столкнулся с трудностью обеспечения города все большим количеством воды. Султан трудность эту преодолел, соорудив новые акведуки, приведшие воду в Стамбул из естественных водохранилищ, разбросанных по окрестным холмам в треугольнике между Черным морем, Золотым Рогом и Мраморным морем. Знаменитый архитектор Синан внес свой весомый вклад в это широкомасштабное предприятие. Помимо этого, источниками хорошей питьевой воды в городе служат фонтаны, строительство которых считается богоугодным делом⁷⁹, а потому осуществляется как султанами, так и частными лицами. Различаются фонтаны монументальные, *себиль*, и скромные, имеющиеся в каждом квартале, — *чеиме*⁸⁰. Город, как представляется, не испытывал недостатка в воде, даже когда случались засухи. Водоснабжение — система, действующая безотказно.

Чистота улиц и своевременная уборка отбросов и мусора входят в круг обязанностей *чеплук субаши*. К сожалению, сохранилось очень мало сведений об этом персонаже, упоминаемом Эвлией Челеби. Известно только то, что под его началом работают *арайиджиян* (буквально: поисковики), то есть мусорщики и тряпичники. Эвлиия Челеби говорит, что «эта корпорация зависит от субаши чеплука; она объединяет людей, занятых тем, чтобы заполнить свои корзины отбросами, навозом, мусором, — всем тем, что они собирают по домам и на улицах; затем эти люди сваливают все собранное ими в наклонные желобы на морском берегу, выбирают оттуда то, что может им оказаться полезным, остальное же сбрасывают в воду...»⁸¹. Впрочем, приказы, отдаваемые кадием Стамбула, содержат предупреждения ответственным за чистоту в городе относительно того, что некоторые улицы, кварталы и рынки особенно грязны и завалены нечистотами. Предписывается, чтобы всякого рода мусор и пищевые отходы сбрасывались в море. Добавляется также, что ответственные за порядок в кварталах, управляющие благотворительными фондами, имамы мечетей, представители корпораций

обязаны следить за чистотой помещений и территорий, находящихся под их контролем, — иначе они будут подвергнуты наказаниям⁸².

Контроль над снабжением и рынками

Одной из самых важных административных служб столицы, безусловно, должна быть признана та, что обеспечивает снабжение жителей продуктами питания всех видов, равно как и сырьем, необходимым для экономической жизни города. Великий визирь, стоит напомнить, несет главную ответственность за состояние столицы и за все, что в ней происходит. Однако, будучи поглощенным иными политическими делами, он, как правило, делегирует большую часть своих муниципальных полномочий своему заместителю, каймакаму, который, в свою очередь, опирается на кадия Стамбула и на *арна эмини*, интенданта по подвозу и заготовкам овса. Обязанности последнего некогда сводились к снабжению овсом султанских конюшен, но потом его роль и значение начали быстро возрастать — по мере того как он стал контролировать деятельность многочисленных агентов по закупке в разных провинциях Империи зерна, идущего на обеспечение сначала Сераля, затем правительственных учреждений и, наконец, всей столицы. Суммируя все его функции, его можно назвать «министром снабжения».

Проблемам снабжения столицы государственная власть и ее органы уделяют первостепенное внимание, что находит четкое отражение в провозглашении правил *ихтисаб*, называемых иногда также регламентом полиции рынков. Регламент этот ставит перед собой задачу охраны населения от любого способа экономического вымогательства путем скупки продуктов с целью дальнейшего роста цен⁸³. Для того чтобы регламент этот выполнялся пунктуально, великий визирь предоставляет широкие полномочия кадиям Стамбула, Галаты и Ускюдара, которые постоянно находят им практическое применение. Кадий, в известном отношении, — представитель правительства при корпорациях: он их контролирует, распределяет между ними

доставляемые в Стамбул товары, устанавливает на них цены, борется с мошенничеством и контрабандой. В качестве правительственного делегата он ставит корпорации в известность о решениях правительства, изучает с ними цены на производимые ими товары и на продукты питания. Во всей своей многосторонней деятельности он находит надежного помощника в лице чрезвычайно важного персонажа, который выполняет функции настоящего муниципального чиновника — мухтесиба.

Должность мухтесиба вовсе не изобретение османов — она существовала задолго до них в арабских и других мусульманских странах. Основная ее задача сводилась к цензуре над нравами: мухтесиб прежде всего должен был следить за точным выполнением религиозных предписаний, бороться против нарушений религиозного закона. А также — нарушений обычного права, включая торговое⁸⁴.

Со временем роль мухтесиба сужается до борьбы с мошенничеством торговцев и ремесленников, что требует надзора за деятельностью корпораций: именно в таком амплуа он и появляется у османов⁸⁵. Это на его плечи ложится обязанность следить за тем, чтобы торговцы и ремесленники, каждый в отдельности и корпорация в ее совокупности, неукоснительно выполняли все законы и правительственные регламентарные акты, и это он распределяет между различными группами одной и той же профессии импортные товары. Он же проверяет соответствие тех цен, что выставляют его поднадзорные, ценам, которые установлены Диваном и кадием. Он же инспектирует рынки и другие места торговли, выверяя весы и меры, и собирает подати *ихтисабийе* или *ихтисаб рюсуму*, причитающиеся с членов корпорации. Короче, он выполняет функции интенданта корпораций. Его обязанности вытекают из заключенного с правительством договора об откупе по сбору налогов. Он, стало быть, не вполне государственный служащий. В порядке личного вознаграждения и платы своим агентам, *кологланлары*, он и взимает налоги *ихтисабийе*: ежедневные платы за лавки, за места на рынке, налоги на производство некоторых пище-

вых продуктов массового потребления, сборы на торговые марки, сборы за взвешивание, сборы за ввоз товаров на корабле, сборы за порт (налог на товары, доставленные в Стамбул через Адрианопольские ворота), сборы с продажи⁸⁶.

Порой случалось, что иные мухтесибы, желая увеличить свои доходы, по собственному почину вводили новые сборы: например, сборы по поводу религиозных праздников, как мусульманских, так и христианских, или налог на зимнюю стоянку судов в порту. Однако подобного рода изобретениям не суждена была долгая жизнь: корпорации реагировали на них очень живо, так что незаконные поборы отменялись довольно скоро.

Военные в городе

Не столь уж малая часть столичного населения ускользает из-под контроля обычных властей. Речь идет о военных гарнизона или различных служб в городе. Все они находятся в подчинении у своих офицеров и в юрисдикции особых судов; все они ведут если не совершенно отдельную, то, во всяком случае, очень отличную от прочих горожан жизнь. Некоторые из них, однако, принимают участие в ряде городских служб — например, в полиции. Вместе с тем они представляют собой весьма беспокойный элемент, его трудно держать под контролем вследствие слабости правительства и его неспособности в некоторые периоды своевременно выплачивать жалованье янычарам.

Военные распределены по нескольким корпусам: это — *янычары* (пехота), *сипахи* (кавалерия), *топчу* (артиллеристы), *топарабаджи* (транспорт), *джебеджи* (оружейники). Эти корпуса именуются *оджак*. Их, соответственно, возглавляют: ага янычар, ага сипахи, топчубаши, топарабаджибаши и джебеджибаши в окружении высших офицеров данного корпуса.

Войска, по меньшей мере до середины XVII века, рекрутируются методом девширме⁸⁷: дети, собранные по Балканскому полуострову, объединяются затем в груп-

пу аджемиоглан; те из них, кто не попадает в ту или иную службу Серая, направляются в армию, в рядах которой они вплоть до отставки делают военную карьеру. Долгое время они были обязаны оставаться холостяками, и им запрещалось заниматься чем-либо, кроме военной службы, и извлекать доход из чего-либо, кроме их военной профессии. Но со второй половины XVII века эти обязательства и запреты становятся пустым звуком. Отмечается, что значительное число янычар и других солдат обзаводятся не только семьями (причем живут уже не в казармах), но и лавочками, в которых ведут торговлю через подставных лиц. Из чего следует моральный упадок армии, а за ним — снижение боеспособности ее солдат, озабоченных личными материальными интересами и менее всего желающих воевать.

Янычары образуют четыре разряда, каждый из которых носит особое название — *джемаат*, *бёлюк*, *сеймен* и *аджемиоглан*. Каждый подразделяется на *орта* — общим числом в 229, а последние — на *ода*. Ода — это число солдат, размещенных в одной комнате казармы. В Стамбуле дислоцирована примерно треть янычарского корпуса — 77 орта⁸⁸. Во время войны все размещенные в столице янычары, за исключением аджемиоглан, направляются на театры боевых действий, но в мирное время их число в городе колеблется между 4 тысячами, как это было при Сулеймане Великолепном, и 25 тысячами. Последняя цифра указывает на численный максимум стамбульского гарнизона, который в действительности достигается только изредка, в отдельные моменты. Обычно же гарнизон насчитывает от 10 до 15 тысяч военнослужащих.

Речь идет, и это следует подчеркнуть, только о янычарах, то есть о пехотинцах. В Стамбуле они размещаются в четырех казармах, но, помимо этих основных мест сосредоточения, их можно встретить в различных частях города: они посменно несут караульную службу, и их караульные помещения распределены по городу из расчета по одному на каждый район или пригород. Кроме того, они охраняют административные учреждения и иностранные посольства. Стоит

заметить также, что в мирное время янычары не носят оружия, если не считать за таковое их обычных атрибутов — дубину и нож, которых, впрочем, достаточно для совершения преступлений...

Однако, как упоминалось выше, не все военные в Стамбуле — янычары. Помимо них, имеются, например, сипахи — кавалеристы. Говоря точнее, кавалеристы подразделяются на следующие категории: *сипахи*, *силахдары*, *улуфеджи* и *гарипы*. Их общая численность колеблется в разные времена также довольно значительно, но в стамбульских казармах обычно находится лишь малая часть от всего корпуса кавалерии — примерно 1500 сабель. Эти всадники с конца XVI века показали себя, подобно янычарам, весьма ненадежным, с правительственной точки зрения, родом войск: во всех мятежах стамбульского гарнизона в XVII веке они принимают самое активное участие⁸⁹.

Джебеджи (оружейники) размещены в Стамбуле в казарме, расположенной напротив Святой Софии. Первоначально их численность — 500 человек, потом она возрастает до 800 в 1566 году, 4 тысяч в конце XVI века, 5700 при Мураде IV, 4800 в 1660 году и падает до 2650 в 1688 году. Они намного спокойнее, чем другие рода войск. Оджак топчу (пушкари) фактически был сформирован только при Мехмете II Завоевателе; этот корпус был размещен в Галате, где была налажена отливка пушек, — отсюда и название одного из кварталов пригорода: Топхане. Только меньшая часть оджака была расквартирована в казармах Стамбула, и ее численность никогда не была велика. Солдаты-обозники (*топарабаджи*), сравнительно малочисленные (600—700 человек как в XVI, так и в XVII веке), имели свои казармы в Топхане и в Ахыркапы, примыкавшие к западной стороне Серая.

Армейская организация — сипахи, джебеджи, топчу, топарабаджи — довольно близка к янычарскому корпусу. «Все это воинство проживает в казармах, включающих в себя значительное число комнат. В каждой комнате имеется свой командир, свой казначей (эконом), свой водонос. Помимо обычного жалованья император ежегодно одаряет каждого янычара полукаф-

таном из отменного сукна, которое производится в Салониках, и ежедневно велит их потчевать рисом с мясом, а также кормить хлебом...»⁹⁰

Долгое время полагали, что создание янычарского корпуса султаном Мурадом I около 1362 года имело какую-то связь с религией и что основатель ордена *бекташи*, Хаджи Бекташ Вели, сыграл настолько важную роль в организации этого корпуса, что янычары уже в первые годы своего существования все до одного примкнули к бекташизму. Ныне эта гипотеза отвергнута⁹¹. Если к какому-нибудь из дервишеских орденов они и примыкали с самого начала, то им мог быть либо *ахи*, либо орден *абдалани Рум*, который в те времена процветал и пользовался большим уважением в османских военных кругах. Скорее всего, лишь к концу XIV века или в начале XV века янычары стали последователями бекташизма — возможно, по причине своего христианского происхождения (так как влияние православного христианства на эту секту заметно), а также, несомненно, по причине строгого порядка и дисциплины среди бекташей, что соответствовало строгому порядку и жесткой дисциплине среди самих янычар.

Янычары и бекташи временами достигали столь полного единства, что в армии их оджак так и называли: *Оджак-и бекташийе* (оджак бекташей); когда новый *баба* (глава бекташей) вступал в должность руководителя ордена, то по прибытии в Стамбул он первым делом представлялся не великому визирю, а являлся в штаб янычарского корпуса, где ага увенчивал его голову тюрбаном бекташей (*тадж*) и только затем вместе с торжественным кортежем сопровождал его в резиденцию великого визиря; после этого протокольного посещения баба возвращался к янычарам и некоторое время гостил у них — вплоть до того дня, когда обязанности главы ордена призывали его в «материнский дом» бекташей, построенный около могилы Хаджи Бекташа в Анатолии между Кыршехиром и Кайсери.

Связь между янычарами и этими дервишами коренилась в том обстоятельстве, что те и другие были до-

вольно близки к простому народу и исповедовали именно народный, то есть не вполне ортодоксальный, ислам, а также в том, что и те и другие служили ядром народных волнений и выступлений против правительства, причем выступления эти далеко не всегда имели религиозную окраску⁹².

Если в XVI и отчасти XVII веке, вплоть до кончины Мурада IV (1640), янычары, как правило, соблюдали воинскую дисциплину и в общем блюли верность правительству (за исключением той роли, которую они сыграли в свержении, а затем в насильственной смерти Османа II, а также мятежа, поднятого ими совместно с сипахи в 1632 году), то позднее упомянутые исключения становятся скорее правилом — янычары бунтуют неоднократно: в 1648-м, 1651-м, в мае 1655-го, в марте 1656 года. Еще позднее энергичное правление Кёпрюлю все-таки оказалось способным навести порядок и вернуть столице покой, но произошло это только в 1687 году в ходе подавления прямо-таки ужасающего бунта: тогда янычарская солдатня не остановилась перед разгромом и разграблением Серая, а в Стамбуле творила такие бесчинства, что принудила население взяться за оружие — на этот раз для того, чтобы дать отпор насильникам. Война сначала с Венецией, а затем против альянса Австрии, Венеции и России потребовала значительного увеличения янычарского корпуса, и на этот раз набор в него производился скорее по принципу свободной вербовки, а не по системе девширме. Рекруты вовсе не блистали ни дисциплиной, ни моральным уровнем, ни желанием воевать. Если они чего и желали, так это принадлежать к привилегированному военному корпусу, который «умеет постоять за себя» — любыми средствами добиваться от правительства все новых льгот и подачек. Возможно, немалое число среди них успело в Стамбуле освоить некоторые торговые и ремесленные профессии. Похоже, янычары поставили под свой контроль даже отдельные корпорации — например, грузчиков, торговцев *бёреками* (род слоеных жареных пирожков с начинкой из мяса, лука и т. д.), торговцев овощами и фруктами. Фактически они не сами промышляют

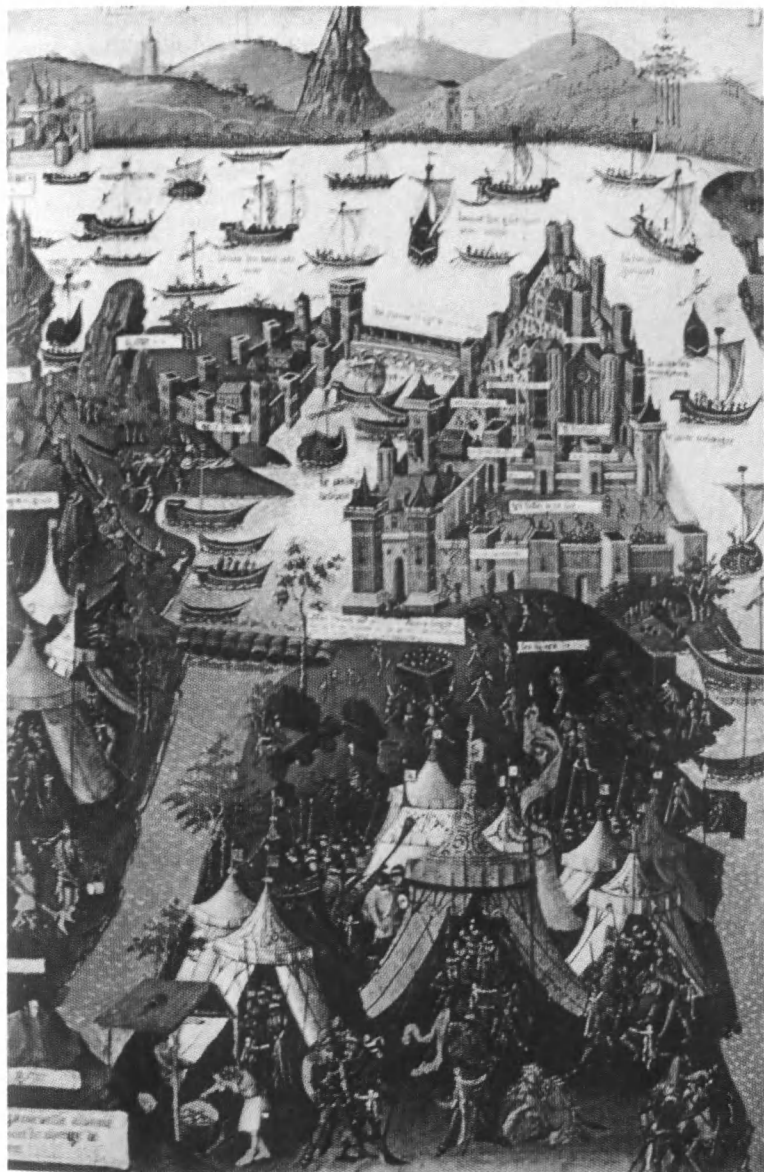
этими занятиями, а предоставляют их своим соотечественникам, родственникам, приятелям, знакомым, которым без таких покровителей в столице пришлось бы очень тяжело. Для них янычары добывают свидетельства принадлежности к своему корпусу и разрешения вести торговлю, им доверяют свои товары, а от них взамен получают какой-то процент с выручки⁹³. Эти номинальные янычары (фактически же бродячие торговцы) или, по крайней мере, холостяки из них селятся в казармах группами, причем каждая группа занимает отдельную комнату, образуя тем самым своеобразную структуру «комнат холостяков» (*бекар одалары*), которую упоминает, в частности, Эвлийя Челеби.

Налицо, таким образом, начало процесса проникновения янычар в ряд корпораций, которые принимают непосредственное участие в экономико-социальной жизни столицы. Перерождается в социальном отношении и сам янычарский корпус, что, уже в свою очередь, оказывает вторичное воздействие как на столицу, так и на Империю в целом, поскольку Стамбул служит примером для других ее больших городов, центров провинций.

Если к сказанному добавить, что в военное время корпорации должны посылать в армию какую-то часть своих членов, которые служат в ней в качестве вспомогательных войск⁹⁴, то становится ясно, что между корпорациями и армией устанавливаются связи, еще не слишком прочные в конце XVII века, но укрепляющиеся и расширяющиеся вследствие событий следующего столетия. В конечном итоге у правительства нет причин радоваться долговременным последствиям присутствия военных в Стамбуле.

Религиозная жизнь: должности и деятели

Среди жителей Стамбула, состоящих на «официальной» службе, выделяется совершенно особая категория людей, область обязанностей которых — религия. Категорию эту следует, конечно, отличать от всех про-

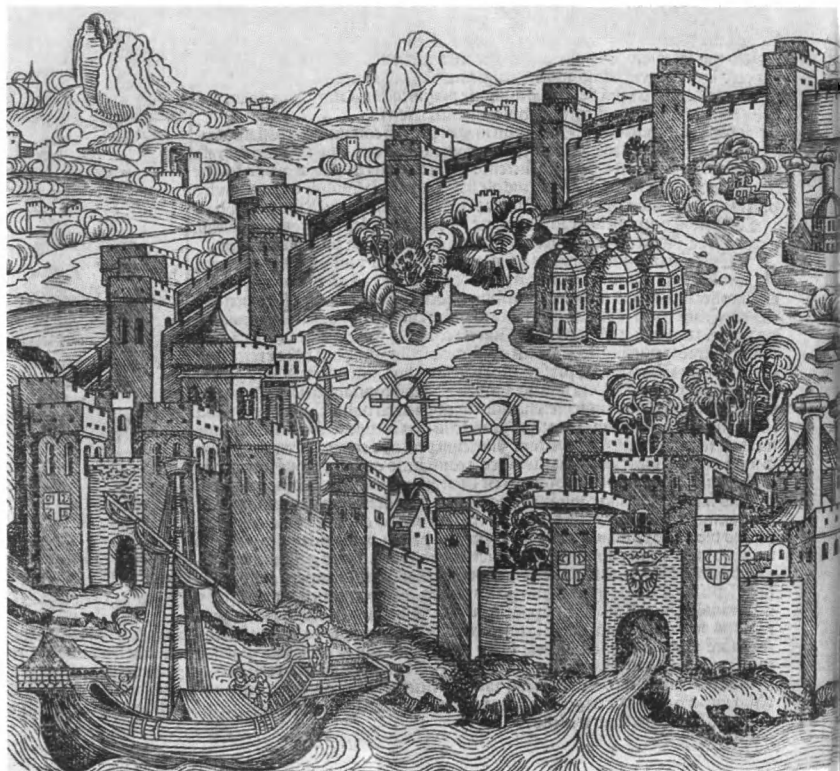

Осада Константинополя турецкими войсками —
армией султана Мехмеда II в 1453 году.
Французская иллюминированная рукопись XV в.

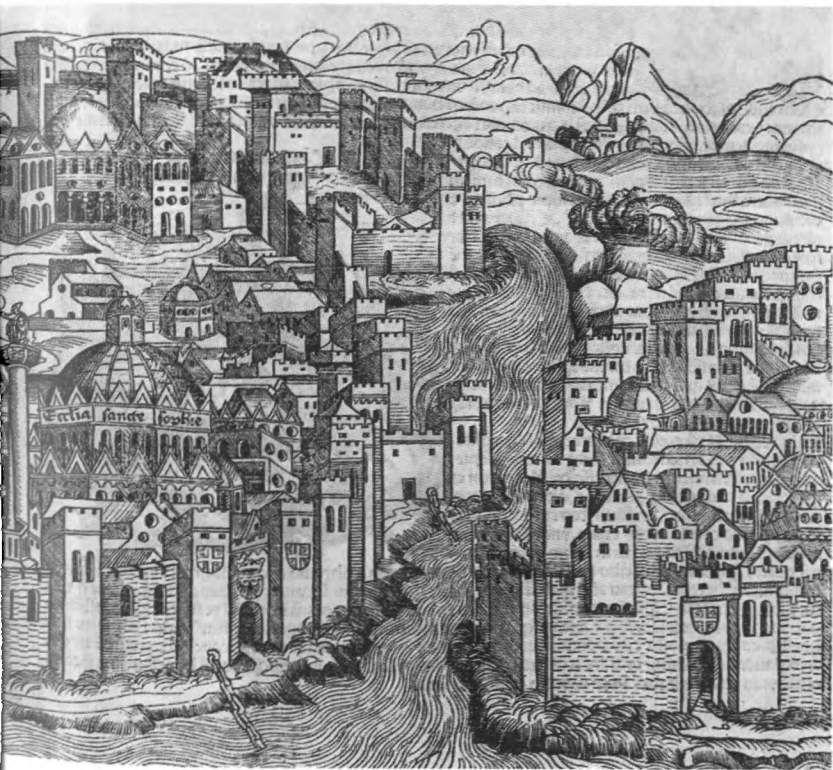

Предпоследний
византийский
император
Иоанн VIII Палеолог.
Медаль, изготовленная
А. Пизанелло во время
подготовки Ферраро-
Флорентийской
церковной унии.
1437.

Константинополь.
Гравюра
«Всемирной хроники»
Гартмана Шеделя,
1493.

Покоритель
Константинополя
султан Мехмед II.
Медаль, изготовленная
Б. ди Джованни.
1480.

Стены и башни
византийского
Константинополя,
ставшие стенами
турецкого Стамбула.
Современные фото.

Султан Мурад. *Рисунок из турецкой рукописи, 1579.*

Вид Константинополя. *Гравюра XIX в.*

Великий князь
Московский и всея Руси
Василий III,
сын Софьи Палеолог,
внучатый племянник
последнего
византийского
императора
Константина XI
Палеолога.
Западная гравюра XVI в.

Максим Грек.
*Рисунок из русской
рукописи XVI в.*

Грамота
Иерусалимского
патриарха Досифея
о прощении
патриарха Никона.
Константинополь, 1682.

Крест напрестольный,
приданный с Афона
патриарху московскому
Филарету.
1619.

Византийская
деревянная резная
икона.
XVII в.

Неудачная осада турецкими войсками Вены в 1529 году — перелом в турецкой экспансии в Европе.
Немецкая гравюра XVI в.

Турок, увозящий
восточноевропейских
христиан в плен.
Страница из немецкой
антитурецкой брошюры
середины XVI в.

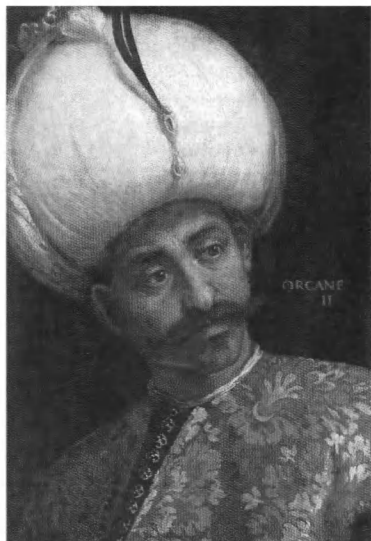

Вид Вены.
Гравюра
«Всемирной хроники»
Гартмана Шеделя, 1493.

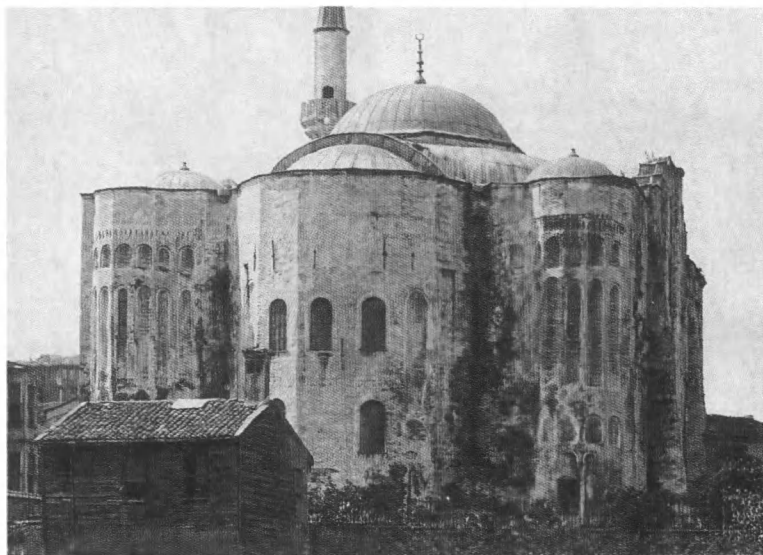

Султан Баязет. Портрет, приписываемый Веронезе. XVI в.

Султан Орхан. Портрет, приписываемый Веронезе. XVI в.

Храм Святой Феодосии, обращенный в мечеть. Фотография начала XIX в.

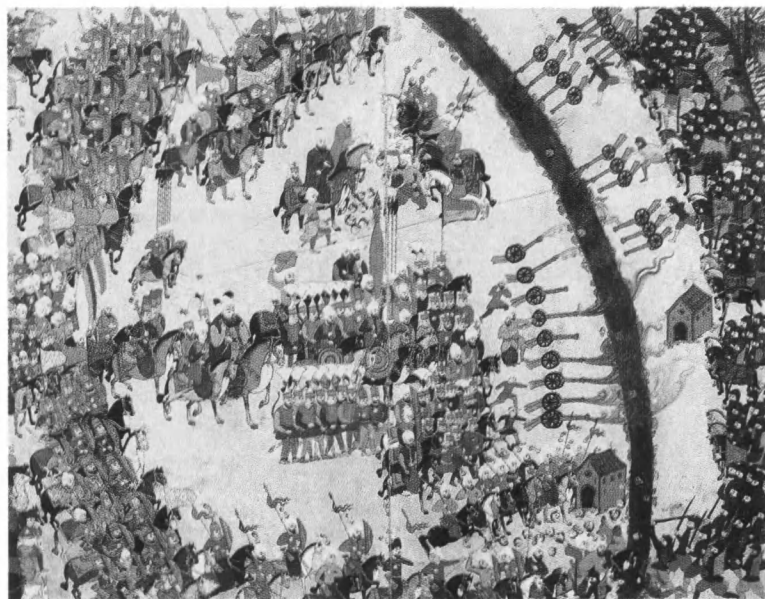

Храм Пантократора, обращенный в мечеть. Фотография начала XIX в.

Турецкие
всадники.
Немецкая
гравюра
XVI в.

Битва.
Турецкий рисунок
XVI в.

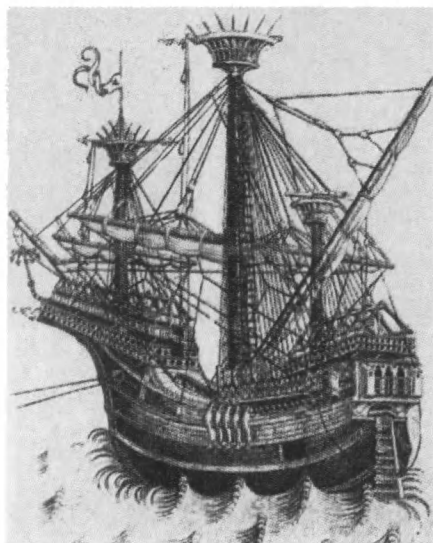

Султан Сулейман Кануни (Великолепный) на коне. Г. Эворт. 1549.

Битва при Лепанто,
в которой соединенный
флот во главе
с венецианцами
остановил морскую
турецкую экспансию.
1572.

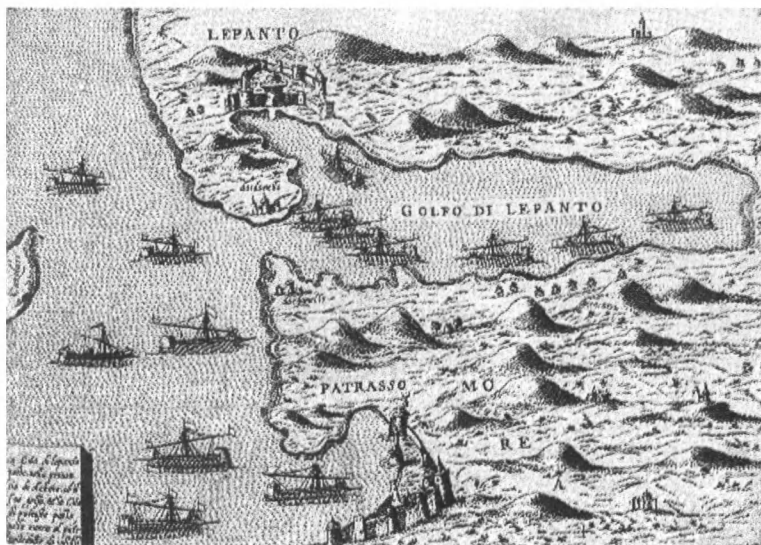

Итальянский парусник.
Гравюра конца XV в.

Хайреддин-паша,
по прозвищу Барбаросса,
известный морским пиратством.
1580.

План битвы при Лепанто.
Итальянская гравюра.
1572.

Ислам не воинствующий. Повседневная жизнь стамбульской мечети.
Фотография первой половины XX в.

чих служб, прежде всего потому, что ответственные за выполнение религиозных публичных обязанностей никак не могут рассматриваться как «служащие» в современном значении слова или как должностные лица в области администрации или политики. Ислам в плане чисто религиозном (а не в своем религиозно-правовом аспекте — это обстоятельство следует подчеркнуть) не предполагает существования духовенства, сравнимого, скажем, с католическим клиром. У него есть, разумеется, иерархия, но она состоит в основном из лиц, занимающихся именно религиозно-правовой деятельностью. Это — отправляющие правосудие шейх-уль-ислам и кади, с одной стороны, и улемы, авторитеты в области права, и *мударрисы*, преподаватели медресе, — с другой. И те и другие — скорее знатоки в области религии, нежели духовенство. К тому же они не дают никакого обета, в частности обета безбрачия и целомудрия. Надо отметить весьма распространенный феномен перехода должности кади от отца к сыну, наличие судебных династий. Корпорация кади — это своего рода самовоспроизводящаяся каста интеллектуалов.

Мусульманская религия характеризуется тем, что она в высшей степени индивидуализирована. В том именно смысле, что не требует от верующего прибегать к помощи священников, поскольку формулировка молитв и отправление обрядов очень просты и легко поддаются усвоению. Вместе с тем она же имеет, правда в другом отношении, и ярко выраженный коллективный характер: ее обряды отправляются верующими совместно — как правило, в предназначенных для этой цели зданиях, которые собирают в своих стенах жителей квартала, городского района, города, деревни для совершения общей молитвы, особенно пятничной. Только в рамках выполнения обрядов, сопровождаемых коллективной молитвой, можно констатировать наличие персонала, который выполняет сопряженные с ней функции, но вовсе не специализированный на их выполнении (каждую из них вправе выполнять и любой из верующих). Это *имам* (в некотором смысле глава мусульманской общины в масштабе квартала и вы-

ше: он руководит коллективным молением и комментирует стихи Корана), *хафиз* (читающий Коран), *хатыб* (проповедник) и, наконец, *муэдзин* (он с вершины минарета в течение дня несколько раз призывает правоверных к молитве). Но следует уточнить: никто из этих персон не являет собой аналога священника в западном смысле этого слова. Все они, в том же смысле, миряне. Все они вправе заниматься в свободное от исполнения религиозных функций время какой-то иной профессией, и в самом деле они часто занимаются ею, даже если получают вспомоществование из благотворительного фонда общины. Стоит все же сделать исключение для служителей больших мечетей, которые должны посвятить себя исключительно отправлению культа, взамен получают соответствующее вознаграждение. Особенно это относится к проповедникам, от которых требуется ввиду взыскательной аудитории высокое ораторское искусство. Как ни считать, а та часть персонала соборных мечетей (джами) и местных (квартальных и т. д.) (месджид), что освобождена от забот о добывании хлеба насущного, составляет ничтожное меньшинство от общего числа служителей религиозного культа.

Общее количество мечетей и молелен очень велико. По словам Эвлии Челеби⁹⁵, в Стамбуле насчитывается 15 714 мечетей различной величины, и к ним следует присовокупить 557 *текке* (большие дервишеские обители) и 6 тысяч *завие* (маленькие обители), что в сумме составляет 22 тысячи культовых зданий — число, как кажется, баснословное. По поводу этих зданий путешественник Грело пишет: «Только в Константинополе они исчисляются в количестве 4969, а один дервиш мне однажды сказал, что их некогда было всего 14 тысяч как в самом городе, так и в его пригородах; но мне кажется, что он преувеличил подлинное число на 5—6 тысяч по меньшей мере...»⁹⁶ Один документ, находящийся в фондах Парижской национальной библиотеки (уже приводимый выше), упоминает 485 больших мечетей, 4492 квартальные мечети (и молельни в домах), 157 текке и 385 завие — всего 5519 зданий исключительно религиозного назначения⁹⁷. Различие между

5500 и 22 тысячами велико, и нам представляется, что первое число к истине ближе. Но даже при минимальной числовой оценке культовых зданий в 5500 не остается никаких сомнений в том, что стремление стамбульских мусульман выполнять религиозные предписания проявлялось очень сильно.

Это же тяготение к религиозной практике подтверждается тем огромным успехом, которым пользуются *суфийские братства*. Было бы ошибкой смешивать их с христианскими монашескими орденами; другой ошибкой было бы усматривать в них просто собрания людей, давших обет бедности и живущих на подаяния добрых людей — таковы, впрочем, *факиры* (буквально — бедные). Долго, особенно в Средневековье, дервиши жили обособленно в поисках спасения души посредством аскетической практики и мистического самоуглубления⁹⁸. Однако с XIII века начинают появляться дервишские братства (*тарика*), некоторые из которых в турецкой Анатолии достигают большой популярности. Эти братства состоят из двух категорий адептов: те, кто образует высшую категорию, принимают обеты после более или менее долгой инициации, живут в текке или завие (монастырях) и полностью выполняют все правила устава братства. Правила эти весьма своеобразны и различаются между собой, согласно принадлежности дервиша к тому или иному братству. Число этих «полных» монахов, как правило, в несколько раз меньше, чем «неполных», но именно они составляют ядро братства. Вторая категория формируется как раз из «внешних» братьев, которые живут в миру, не приносят обетов, но заявляют о своей принадлежности к братству. Они читают предписанные им молитвы, участвуют в некоторых радениях, проводимых в текке (завии) ордена. Во время радений (*зикр*) достигается высокая степень религиозной экзальтации, вызываемая или сопровождаемая состоянием гипноза, которое наступает под воздействием возбуждающих средств или/и упражнений (танцы, крики и т. д.). Все это приводит участников в экстаз или в припадок истерии (это уж как посмотреть). Со временем сокровенные правила орденского устава претерпели

серьезные изменения — настолько серьезные, что эти внешние проявления жизни братства берут верх над ее религиозным и мистическим содержанием. В некоторых суфийских братствах употребление алкоголя и наркотиков становится если не правилом, то привычкой. Орден бекташей, к примеру, вызывает упреки в том, что его дервиши стремятся больше к плотским удовольствиям, нежели к мистическому совершенствованию.

В Стамбуле преобладают два дервишских ордена — *бекташи* и *мевлеви*. Мевлеви известны на Западе под именем «вертящиеся дервиши», поскольку они достигают экстаза посредством исполнения на своих радениях танца⁹⁹. Хотя долгое время эти танцы, равно как и музыка и декламация стихов мистического содержания, рассматривались как практика, плохо сочетаемая с правоверием, мевлеви все же смогли прослыть добрыми мусульманами — в основном за счет репутации основателя ордена великого Джеляледдина Руми (обычно называемого также *Мевляна* — наш Господин), жившего в Конье в XIII веке. В Османской империи мевлеви в течение веков пользовались благосклонностью султанов и популярностью, главным образом среди законопослушного населения. Без преувеличения можно сказать, что братство это ближе всего к правящим классам и, шире, к горожанам вообще, что объясняется его городским происхождением, доктриной, несущей на себе печать интеллектуализма, и консервативной установкой, враждебной духу какого-либо мятежа. Только однажды мевлеви приняли участие в «революционном» движении — свержении Ибрагима I в 1648 году. Но эта акция пользовалась настолько единой поддержкой, возмущение деяниями этого эксцентричного султана было настолько всеобщим, что мевлеви просто не решились идти против течения. Этот орден располагает в Стамбуле многочисленными текке.

У бекташи, напротив, совсем иная репутация. Прежде всего в силу легендарного кровного родства основателя братства Хаджи Бекташа с султанами Османом и Орханом и вследствие их довольно еретиче-

ского понимания основ мусульманской веры. Так, они не только сохранили пережитки доисламского тюркского шаманизма, но и дополнили их в своих обрядах элементами, заимствованными у христиан и шиитов. Сравнительно с другими суфийскими братствами, бекташи с наибольшей легкостью вовлекают в свои ряды недавних христиан, обращенных в ислам. Особенно — янычар, которые происходят, по большей части, из христианского населения Балканского полуострова¹⁰⁰.

Бекташи повсеместно, но особенно в Стамбуле, поддерживают постоянные контакты с шумливыми и беспокойными слоями городского общества. Прежде всего с янычарами, а затем с наиболее активными ремесленными корпорациями. Таким образом, бекташи со своими союзниками представляют собой религиозное течение, сильно окрашенное настроениями социального протеста: выходцы из беднейших слоев в нем наиболее многочисленны.

Еще один дервишский орден преуспевает в Стамбуле, однако же в меньшей степени, чем два предыдущих. Это орден *мелами*, пережиток более древнего ордена меламитов, который был основан в середине XV века Хаджи Байрамом в Анкаре. Байрам рекрутировал своих сторонников в первую очередь среди сипахи (всадников), подобно тому, как бекташийе (братство бекташей) пополнялось главным образом за счет янычар. Один из великих визирей, Халил-паша (ум. 1630), и один из носителей титула шейх-уль-ислам Мустафа-эфенди (1546—1605) принадлежали к ордену мелами. Успехи меламизма вызвали ревность у других суфийских братств и враждебность со стороны религиозных и государственных властей: великий визирь Фазиль Ахмет-паша Кёпрюлю велел казнить ряд шейхов и большое число членов ордена, который с тех пор продолжает свою деятельность в подполье¹⁰¹.

Эти религиозные братства, каково бы ни были между ними различия, играют в столице Империи важную роль, причем не только как религиозные течения, но и благодаря своему влиянию на торгово-ремесленные корпорации, каждая из которых желает иметь своего

святого патрона, а потому и примыкает к тому или иному ордену. Религиозная связь укрепляется, таким образом, связью социальной — на этом пути и возникают четко очерченные социумы, если не всегда антагонистичные относительно друг друга, то во всяком случае конкурирующие между собой.

Мусульмане исполняют религиозные обряды прежде всего в мечетях — будь то небольшая молельня в масштабе квартала или большая султанская мечеть. Но мечети нужно сначала возвести, потом поддерживать их в должном состоянии, обеспечивать их служителями культа, а когда речь идет о больших мечетях, то и пристраивать непосредственно к ним или строить в близком от них соседстве здания, составляющие вместе с ними единый архитектурный комплекс. Здания эти разнообразны: медресе, имареты, больницы, приюты для старых и немощных, школы, фонтаны, хане и т. д. Поддержание такого комплекса и содержание обслуживающего его персонала предполагают наличие значительных средств; их изыскание и рациональное использование входят важнейшей частью в круг обязанностей администрации *эвкаф* (благотворительных фондов)¹⁰². Эта администрация подведомственна кызлар-агасы, шефу черных евнухов Сералья, который является одновременно главным ответственным за порядок в султанском гареме. Собственность, находящаяся в ведении администрации *эвкаф*, — это, как правило, недвижимость (деревни, земли, усадьбы, а также здания, магазины, мастерские), доходы с которой предназначаются на содержание определенного религиозного здания в силу юридически оформленной дарственной записи (*вакфийе*), сделанной ее владельцем.

Управление благотворительными фондами автономно: оно не зависит от финансовой администрации; фондами заведуют *мютевелли* (управляющие) — даритель вправе в акте *вакфийе* сохранить за собой и за своими наследниками эту должность. Если такого уточнения не произошло, кызлар-агасы назначает на нее либо своего протеже, либо рекомендованное ему лицо. Как бы связующим звеном между *мютевелли* и кызлар-агасы выступает *назир* (инспектор или контролер), ко-

торый следит за соблюдением условий, предусматриваемых в вакфийе. Однако эта обязанность назира носит чисто теоретический характер, а потому возлагается, как правило, на важных правительственных персон или высоких религиозных сановников; вообще говоря, должности как мютевелли, так и назира — явные синекуры, которые, по-видимому, хорошо оплачиваются и позволяют их обладателю иметь дополнительный источник дохода: особым предметом домогательств становятся должности мютевелли и назира тех благотворительных фондов, которые создаются султанами и самыми высокими сановниками в Империи, — жалованье за выполнение чисто символических обязанностей достигает весьма солидной суммы.

Под началом у мютевелли имеется небольшой административный персонал, численность которого меняется в зависимости от величины фонда. Впрочем, за счет некоторых из благотворительных фондов содержатся административные аппараты, которых иначе как огромными никак не назовешь; им соответствуют и отчисления от фондов (в денежном выражении), идущие на их содержание. Так, говоря о доходах с фондов, дарованных мечети Святой Софии, Турнефор называет сумму в 800 тысяч ливров в год¹⁰³, а Рико — в 100 тысяч цехинов¹⁰⁴. Суммы такого назначения начисляются так щедро, что довольно часто значительно превышают размеры целевого назначения. Излишки, выявляемые в подобных случаях, хранятся в Семибашенном замке, и султан может получить из этой сокровищницы некоторую денежную наличность лишь при самой крайней необходимости.

Помимо сказанного, благотворительные фонды подобного рода пользуются еще рядом преимуществ — такими, как приоритет в обеспечении строительными материалами и рабочей силой, в снабжении продуктами питания приютов, школ, кухонь для бедных; лица, физические и юридические, занятые поставками и выполняющие работы по заказам благотворительных фондов, пользуются налоговыми льготами. Таким образом, эвкаф образуют некий широко привилегированный экономический комплекс. Если при его образовании ре-

лигиозное чувство играло решающую роль, то впоследствии верх берет жажда наживы. Управители с радостью обнаружили, что руководство эвкафами открывает для них широкие горизонты самообогащения, позволяет им не только высоко поднимать уровень личного благосостояния, но и повышать статус в стамбульском обществе. И они принялись строить для себя *конаки* и *ялы*, городские особняки и загородные виллы, обладание которыми служит символом принадлежности их владельцев либо к высокой управленческой аристократии, либо к крупной османской буржуазии. Речь, следовательно, идет об особой прослойке, члены которой рекрутируются в очень узком круге лиц, попавших в милость либо кызлар-агасы, либо великого визиря, либо самого султана. Вместе с тем нельзя не признать и того, что эвкаф оказывают благотворное воздействие на жизнь жителей Стамбула, предоставляя им льготы в ряде областей — в сфере религии, образования, здравоохранении.

Из нашего краткого очерка системы управления Империей и системы муниципального управления Стамбулом следует вывод: в высшем эшелоне обеих систем имеет место взаимопроникновение. На ступенях менее высоких муниципальная администрация, как и во всех прочих городах, отделена от правительственного аппарата, но на высших ступенях ответственность за все, что происходит в Стамбуле, лежит на правительственных чиновниках, между которыми распределены функции управления столичными службами. Это прямое воздействие правительства на Стамбул особенно резко сказывается в контроле, даже в опеке над торгово-ремесленными корпорациями, представляющими собой главный элемент экономической жизни столицы.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Люди корпораций

Корпорации

Как бы многочисленны ни были те жители Стамбула, что заняты в различных правительственных учреждениях или служат в армии, они составляют лишь незначительное меньшинство по отношению ко всей массе населения города. Эта масса в той своей части, которая представляет собой экономически активное население, состоит из негоциантов, коммерсантов, мелких торговцев, рабочих, ремесленников, сгруппированных в те или иные профессиональные объединения (корпорации) — *эснафы*¹.

Первое упоминание о корпорациях в османскую эпоху относится к началу XVI века, оно встречается в одном из нормативных актов, принятых во время правления Баязида II². Тем не менее не вызывает сомнений, что корпорации существовали гораздо раньше, так как некоторые из них ссылаются на привилегии, дарованные им еще Мехметом II Завоевателем. Этот султан, желая наладить хозяйственную жизнь в только что завоеванном Константинополе, учредил в нем корпоративную систему, уже действовавшую к этому времени в различных частях Османской империи. Вполне возможно, что он с этой целью использовал и остатки византийских корпораций, переселив в город греков с островов и с континента с тем, чтобы они оживили столичные ремесла, дезорганизованные массовой де-

портацией коренного населения. Все эти еще частично сохранившиеся корпорации были, однако, преобразованы согласно османским нормам, и таким образом даже те из них, которые полностью состояли из неверных, должны были подчиниться этим нормам. Точно так же, то есть в соответствии с турецкими порядками, были сформированы и корпорации, составившиеся из евреев, торговцев и ремесленников, которые обосновались в Стамбуле на рубеже XV—XVI веков. Надо отметить, что далеко не все стамбульские корпорации могут быть отнесены к той или иной религиозной общине. В некоторых из них соседствуют мусульмане, христиане и иудеи, другие же состоят только из неверных, то есть из христиан и евреев. Последние специализируются на таких профессиях, занятия которыми шариат возбраняет мусульманам. Вместе с тем существуют и такие отрасли производства или услуг, в которых мусульман практически нет по причине отсутствия у них соответствующих трудовых навыков (обработка некоторых металлов, выработка отдельных сортов тканей и почти все производства, так или иначе связанные с судостроением). Однако ни одна корпорация, какой бы хозяйственной деятельностью она ни занималась и каков бы ни был ее кадровый состав по религиозному признаку, не ускользает из-под правительственного контроля, чему способствует единообразие их внутренней организации, как бы скроенной по одному лекалу.

Многочисленны ли корпорации? Имеется лишь один текст, отвечающий на вопрос с почти исчерпывающей полнотой. Это — описание Стамбула, в котором Эвлийя Челеби приводит перечень зданий, приложенный к переписи населения, проведенной по повелению Мурада V в 1637 году. Турецкий автор отмечает, что «в четырех городских округах люди корпораций объединяются в 57 ассоциаций, включающих в себя 1100 корпораций...»³. Каждая из таких ассоциаций группирует как смежные корпорации, так и те, что входят составной частью одни в другие.

Описание Эвлийи Челеби, несмотря на свои несовершенства, остается наилучшим источником сведений по интересующему нас вопросу. При его внимательном рас-

смотрении становится ясно, что все взрослое мужское население Стамбула в обязательном порядке записано в ту или другую корпорацию. Исключение, естественно, составляют янычары и вообще военные, а также люди, занятые на дворцовой службе, — все они тоже занесены в списки, но другие. Этот обязательный порядок регистрации восходит прежде всего к османской традиции, в которой контроль играет первенствующую роль.

Кроме того, местные условия жизни не позволяют индивиду оставаться в одиночестве, быть, так сказать, «самому по себе»; ислам освящает собой корпоративное общество, в котором индивидуализму нет места; организационная структура делает невозможным изолированное существование личности. Любой житель Стамбула, будь то мусульманин, христианин или иудей, принадлежит к своей «среде» — этноконфессиональной и профессиональной. Невозможно избежать их двойного влияния. Впрочем, стамбулец и не пытается от него освободиться, так как эта двойная среда для него не только родная стихия, но и лучшая гарантия от посягательств со стороны государства.

Если не считать религиозной общины, корпорация остается единственным городским социумом, который обладает достаточно стройной организацией. Житель Стамбула, став членом такой организации, находит в ней не только специалистов в одной с ним профессии, но и людей с теми же, что у него, потребностями, ведущими примерно тот же, что и он, образ жизни. Корпорация не имеет политического характера, это организация всего лишь экономическая и социальная; ее представители при правительстве решают лишь одну четко очерченную и ограниченную задачу. Она состоит в том, чтобы совместно с правительственными агентами регламентировать деятельность этих хозяйственных ячеек и защищать при этом материальные интересы людей своих корпораций.

Организация корпорации, ответственные за ее деятельность

Вряд ли корпорации в XVII веке намного изменились сравнительно со своими предшественницами в

предыдущем столетии: не было причин для радикальной трансформации их внутренних структур.

В основе корпоративного устройства лежит деление членов корпорации на три категории: мастера (*уста*), работники (*кальфа*) и ученики (*чирак*). Последние, пока не будут произведены в ранг работников, находятся в подчинении мастера, который не только обучает их технике ремесла, но и воспитывает их в духе традиций данной корпорации. Переход рабочего в ранг мастера более труден и требует выполнения условий, не все из которых имеют чисто профессиональный характер. Вовсе не всякому дозволяется открыть свою лавочку, магазин или мастерскую. Число их владельцев в принципе ограничено и регламентировано. Только мастера обладают правом или, точнее, привилегией владеть ими. Эта привилегия имеет особое наименование: первоначально это — *усталык*, позднее — *гедик*. Поскольку число лавок и мастерских, в принципе, ограничено, постольку ограничено и число мастеров; из этого элементарного умозаключения следует то, что мастера образуют социальный класс, озабоченный сохранением своих привилегий и своего первенствующего положения в сфере производства и обмена, озабоченный также и тем, чтобы не быть заполненным выходцами из низших категорий. Гедик — это личное право, которое может быть передано и по наследству, если наследник в состоянии доказать, что он прошел обучение в данной профессии (состоял учеником в течение определенного срока). Иначе говоря, образуется категория мастеров по наследству⁴. Однако порой случается, что мастера какой-то корпорации противятся передаче гедика наследнику⁵. Гедик может быть наследниками продан или уступлен, однако маловероятно, что он таким путем попадет в руки работника. Особенно когда речь идет о передаче права на занятие доходной профессией. Ведь продавец в таком случае запрашивает обычно столь высокую цену, что работник оказывается не в состоянии ее заплатить. Зато его может купить некто за пределами данной корпорации, однако же с согласия, разумеется, ее мастеров и правительственных агентов (уполномоченных правительством). Или же его приобретает мас-

тер из той же корпорации, так как нет препятствий к обладанию несколькими лавками, прочими торговыми предприятиями или мастерскими. Остается также возможность того, что гедики создаются правительственной властью либо по просьбе мастеров данной корпорации, либо по рекомендации кади либо мухтесиба: такого рода акты учреждения производятся по настоянию заинтересованных лиц, обладающих известным влиянием и пользующихся поддержкой в правительственном административном аппарате и располагающих к тому же достаточными денежными средствами.

Выше категории мастеров корпорация имеет руководящий орган, который, будучи избран мастерами, несет ответственность за корпорацию и защищает ее членов перед администрацией. Этот орган состоит из двух групп руководителей. С одной стороны, это те, чья функция имеет традиционный религиозный характер: *шейх*, *дуаджи*⁶. С другой — это те, кто занят практическим руководством делами корпорации: *кетхюда*, или *кяхья*, и *чавуш*. Помимо этих групп и над ними имеется «совет старейшин» (или «избранных» — *ихтиярлар*), представляющий собой корпорацию во всех торжественных случаях; он состоит из небольшого числа мастеров. Пройдем мимо чавуша, о котором мало что известно. Предположительно он выполняет функцию внутренней полиции в масштабе корпорации. Кетхюда, или кяхья (буквально: адъютант) изначально должен был исполнять обязанности адъютанта при шейхе, который первое время играл в корпорации господствующую роль. Однако явная тенденция корпораций к обмирщению в течение XVI—XVII веков привела к тому, что кетхюда превратился в настоящего главу корпорации.

Кетхюда — первый среди равных, то есть среди мастеров или, точнее, среди старейших мастеров («старейшин»), выбираемый из их числа, что и служит источником его престижа и его власти. Эснафы всегда стояли на том, чтобы кетхюда действительно избирался внутри соответствующей корпорации, а не навязывался ей извне правительством, как это иногда имело место. Однако проблема избрания или назначения вся-

кий раз возникала вместе с возникновением смешанной корпорации, то есть состоящей из верных (мусульман) и неверных (христиан, иудеев): кто в таком случае должен стать кетхюдой? Примером подобного рода соперничества может послужить избрание главы корпорации чулочников в 1657 году: ранее он избирался среди неверных потому, что они располагали большинством; однако мусульмане, основываясь на утверждении, что их число в корпорации возросло, обратились к султану с просьбой, чтобы кетхюда был мусульманин. За этой петицией последовала петиция ответная, на этот раз со стороны неверных, в которой они, приводя старинные документы, настаивали на сохранении *прежнего порядка*. Впрочем, мало надеясь на успех своей просьбы, они были готовы пойти на компромиссное решение: пусть во главе корпорации будут два кетхюды, один — мусульманин, другой — неверный. Это предложение было отвергнуто, и в конце концов на пост был избран один из мастеров мусульман⁷. Несомненно, что отдельные корпорации возглавлялись не одним кетхюдой, а несколькими⁸; во главе тех корпораций, где неверные составляли большинство, стоял глава, выбранный из неверных.

Вероятнее всего, избрание кетхюды должно было получить утверждение со стороны кади: такое признание могло быть и чисто символическим, но вместе с тем и совершенно необходимым ввиду роли посредника между корпорацией и правительственной администрацией, роли, отводимой кетхюде. Скорее всего, новый кетхюда после своего избрания на этот пост и подтверждения кадием акта избрания получал соответствующий диплом и вносил в казну установленную обычаем денежную сумму. Предполагается, что он избирался на годичный срок с правом на переизбрание. Задачи кетхюды сводились к посредничеству в спорах между людьми корпорации, к улаживанию ссор, в преодолении трудностей и проблем, которые возникают в процессе ее деятельности, в представительстве корпорации перед уполномоченными правительства, в доведении до них ходатайств, жалоб и протестов, в защите перед теми же правительственными агентами

людей корпорации, в доведении до сведения своих доверителей и избирателей решений правительства.

Кетхюде помогает *йигитбаши*, один или несколько⁹. Этот персонаж опять-таки — выборная должность и при отсутствии кетхюды выступает в роли его заместителя, а также на менее высоком уровне — в качестве делегата от корпорации. Йигитбаши — всегда человек корпорации, извне на этот пост никто никогда не назначался. По всей видимости, почти в любой корпорации имеется более одного йигитбаши, а в «смешанных» корпорациях каждый йигитбаши является представителем своей этноконфессиональной общины. Именно на его долю чаще всего выпадает обязанность играть роль посредника, именно они передают кетхюде ходатайства и петиции, составляемые людьми корпорации, они же получают из рук кетхюды решения, исходящие от кадия, и доводят их до сведения мастеров.

Что касается старейшин, то они избираются своими коллегами среди наиболее уважаемых, энергичных и опытных мастеров, при этом принимается во внимание не только почтенный возраст кандидата, но также — и даже прежде всего — его ум, авторитет, знание устава и прав корпорации. Совет старейшин играет важную роль в обсуждении вопросов и принятии по ним решений во всех внутренних делах корпорации — таких, например, как распределение сырья между ее членами, наложение взысканий на повинных в нарушении правил устава, распределение помощи между теми членами корпорации, которые оказались в бедственном или трудном положении. Короче, совет старейшин выполняет функцию основного элемента корпоративной организации.

Описанная выше корпоративная организация свойственна, без каких-либо модификаций, всем корпорациям вообще. Она показывает достаточно ясно, что люди корпораций хорошо сознавали необходимость единства, сплоченности в деле самозащиты, что понятия солидарности, справедливости и свободы всегда отличались замечательной жизнестойкостью. Для всех сторон корпоративное устройство оказалось

выгодным. Для правительства — потому что оно отличается стройностью и легко поддается контролю; для членов корпораций — потому что они могли то же самое устройство противопоставить несправедливым и вредным решениям того же правительства. Более того, обе стороны полагались на древние уставы корпораций, на традиции, что, конечно, способствовало достижению компромиссов. Однако такая тенденция таила в себе и серьезную опасность, которой корпорации не смогли избежать. А именно — опасность консерватизма, который, становясь все более узким, блокировал всякую реформу, всякое совершенствование структур, пораженных подчас склерозом, препятствовал развитию ремесленных и коммерческих технологий и, вследствие всего этого, ставил мало-помалу стамбульские корпорации в положение неполноценности по отношению к заморским коммерсантам. Опасность эта в самой Стамбуле ощущалась, пожалуй, менее остро, чем на периферии, так как в столице численность иностранных купцов оставалась сравнительно низкой, а наличие широкого слоя государственных чиновников и военных давало ремесленникам и торговцам средства к существованию. Только в XIX веке люди корпораций стали задумываться над необходимостью изменения структур своих объединений с тем, чтобы приспособить их к потребностям борьбы с иностранной конкуренцией, которая к тому времени возросла до угрожающих размеров. Внутренняя организация корпораций в течение нескольких столетий претерпела столь незначительную эволюцию, в частности, и по той причине, что ей в той же малой мере подверглись и все прочие социально-экономические структуры Османской империи. Руководители Империи, проникнутые духом действительного или мнимого превосходства по отношению к Европе, недооценили прогресс западных стран и скрытую в нем угрозу. Они продолжали жить в XVII веке (и в XVIII — тоже) так, как будто Турецкая империя все еще сохраняла ту степень могущества и престижа, до которой она поднялась во времена Сулеймана Великолепного¹⁰.

Связь с правительственным аппаратом

При посредстве кетхюды и йигитбаши корпорации находятся в постоянном контакте с представителями правительства. Но что это за представители? И как выполняют они свои функции? Как мы уже видели, великий визирь — главный ответственный за все дела в столице. Выше упоминалось и то, что он, желая несколько облегчить непосильную ношу, делится своими полномочиями в муниципальных вопросах с каймакамом и с кадиями. Кадии, в особенности кади Стамбула, играют ведущую роль в регулировании городской жизни с точки зрения как правительства, так и корпораций, причем в двойном своем качестве — и в качестве судей, и вследствие того, что их решения становятся обязательными для выполнения в самых различных областях столичной жизни. В глазах людей корпораций именно кади — истинный представитель правительства.

Мухтесиб, подчиненный кадию, осуществляет непосредственную связь с корпорациями, и, следовательно, именно от него зависит, насколько эффективной оказывается эта их связь во всем, что касается вопросов контроля, наблюдения, действия законов, установления ценового максимума и отслеживания того, как максимум этот реализуется. В ведении мухтесиба также взимание налогов и пошлин с ремесленников и торговцев. В выполнении последней функции, собственно, и состоит главная его обязанность — *ихтисаб*. Впрочем, таким же образом обозначается и вся совокупность функций мухтесиба. Обычно этот термин переводится как «полиция рынков», но лишь в прямом смысле слова. Регламентарные акты, трактующие задачи мухтесиба, кодифицированы в *ихтисаб кануна-намелери*. Тот же кодекс содержит изложение специально для мухтесиба практических условий, в соответствии с которыми должна протекать трудовая деятельность людей корпораций, перечисление верхних пределов извлекаемых ими прибылей, различные запреты, санкции против нарушителей правил и т. д. Кроме того, мухтесиб полномочен распределять между корпорациями продукты питания, сырье и прибываю-

щие в Стамбул импортные товары. Цены устанавливаются не произвольно, но определяются кадием и мухтесибом после совещания с кетхюдами корпораций с целью фиксации маржи между ценой продажи и ценой покупки¹¹. В регламентах ихтисаба прежде всего следует подчеркнуть ту последовательность, с которой проводятся принципы надзора и инспекции: качество продуктов питания и выставляемых на продажу готовых блюд делается предметом самых дотошных инструкций и правил, равно как и чистота внутри торгующих этими продуктами и блюдами лавок и чистота посуды, в которой еда готовится и предлагается покупателю («нужно требовать, чтобы блюда, приготовляемые их поварами, были хорошо поджарены и сварены, а также в меру посолены; чтобы миски были чисты; чтобы их котлы были лужеными; чтобы их глиняные тарелки были новыми и сияли, как стекло; чтобы их фартуки были чисты»). Производимые изделия должны отвечать установленным нормам¹². Нарушителей предписаний ждет более или менее суровая кара — в зависимости от тяжести правонарушения: наказание палочными ударами, денежные штрафы, выставление к позорному столбу.

Этот надзор и сбор налогов с корпораций всех категорий осуществляются мухтесибом посредством находящихся под его началом немногочисленных агентов — *калогланлары*. Налогов много, и для членов корпораций практически не остается никакой лазейки, чтобы уклониться от их уплаты. А для того чтобы рост налогов не послужил поводом к повышению цен на продаваемые товары, администрация устанавливает максимальные цены (*нарх*), превышать которые продавец не вправе. Эта мера имеет целью оградить жителей Стамбула от спекуляции и скупки товаров первой необходимости с последующим вздуванием цен. Османское правительство уделяет огромное внимание не только тому, чтобы население было обеспечено продуктами питания, но и тому, чтобы оно было ими обеспечено по доступным для него ценам, находя при этом приемлемый компромисс между интересами производителей, торговцев и потребителей. И действительно, цены на продовольствие не

знали безудержного роста (по крайней мере, в Стамбуле) даже в самые трудные времена — такие, как в пору экономического кризиса конца XVI века или середины XVII столетия. Впрочем, османское правительство и в эти времена предписывало: «Если лавочники будут наносить ущерб своим клиентам, продавая товары по ценам более высоким, нежели разумные, то султан, если ему это будет благоугодно, беспристрастно рассмотрев вместе со знающими и мудрыми людьми этот вопрос, продиктует фирман о введении максимальных цен на продовольствие как для людей, так и для животных, — с тем, чтобы ни продавцы, ни покупатели не потерпели ущерба. Фирман будет передан кадию и правительству. Затем, облеченные властью и несущие ответственность инстанции установят, во исполнение фирмана, фиксированные максимальные цены, которые будут зарегистрированы как постоянные... Специально назначенные государством должностные лица займутся фиксацией максимальных цен, имея в виду прежде всего условия жизни большинства населения. И поскольку фиксированные по максимуму цены представляют собой одну из важнейших предпосылок народного спокойствия, необходимо упорядочить и поставить под контроль функционирование рынков и вообще коммерческую деятельность...»¹³ Текст этого регламента не оставляет никаких сомнений относительно намерений турецкого правительства. Вообще же говоря, из чтения этого и других регламентационных актов возникает впечатление, что правительство постоянно относится к корпорациям и к их деятельности с большой долей подозрительности; скорее всего, здесь имеет место продолжение древней юридическо-религиозной традиции, истоки которой следует искать в самом начале истории мусульманского мира¹⁴. Это влияние религии сказывается и на других сторонах деятельности корпораций.

Влияние религии

Очевидно, торгово-ремесленные корпорации в мусульманских странах первоначально были скорее религиозными общинами, нежели корпорациями. Даже

если это не совсем так, влияние религиозных братств (орденов) на корпорации прослеживается на каждом шагу. В Турции это влияние было господствующим вплоть до начала XVI века, но с тех пор как османский султан подчинил своей власти все вообще организации (политические, экономические и пр.), поставив их под контроль соответствующих государственных служб, роль религиозного элемента в жизнедеятельности корпораций перестала быть ведущей; он, так сказать, потеснился, уступив место «светским» («мирским») элементам, однако же не исчез из корпораций полностью. Религиозные традиции корпораций, несомненно, сохранились. Так, Эвлиия Челеби никогда не забывает упомянуть святого покровителя той или иной корпорации и добавить, что этот патрон входит в окружение самого Мухаммеда и что Пророк собственными руками подпоясал святого в знак признания его заслуг. Этот жест воспроизводится на церемонии приема нового члена в корпорацию, что указывает на близость к ритуалу инициации, который практикуется при вступлении в дервишские братства. Вместе с тем хотя религиозные церемонии в торжественные моменты жизни корпораций продолжают регулярно проводиться в течение как XVI, так и особенно XVII века, они служат скорее знаком приверженности к древним обычаям, нежели свидетельством воздействия на корпорации религиозных ассоциаций. Необходима, однако, оговорка: некоторые видные корпорации (к примеру такие, как дубильщики, шорники) все же, вероятно, поддерживали тесные связи с религиозными братствами (например, с бекташами). Но не будем делать поспешных обобщений.

На стремление к поддержанию религиозных традиций указывает в первую очередь присутствие среди руководителей корпорации шейха, то есть религиозного вождя, или дуаджи — главы, а также наличие мечети в непосредственной близости от места работы. Более того, некоторые корпорации располагают собственными мечетями. Та же тенденция проявляется, наконец, в том, что в церемониях инициации, вступления выборных руководителей корпорации в должность, корпоративных празднеств много внимания и времени уделяется от-

правлению религиозных обрядов. В Средние века шейх был подлинным вождем корпоративной ассоциации *фютюввет* (по-арабски — *футувва*)¹⁵. В XVI и XVII веках это уже лишь номинальная должность, и назначение на нее происходит из-за уважения традиции и для того, чтобы иметь во главе корпорации человека, способного отправлять религиозные обряды в процессе церемоний инициации и во время религиозных праздников, а также выполнять некоторые другие религиозные функции¹⁶.

Обязанности дуаджи претерпели примерно ту же эволюцию. Вернее, из всех прежних сохранилась только одна — руководить коллективной молитвой, которую нараспев читают, собравшись вместе, все члены корпорации. Обычно такая коллективная молитва читается утром перед открытием лавок, на площади, где-нибудь рядом с местом работы. В более важных случаях такие моления проводятся в мечетях. В некоторых корпорациях дуаджи — видная фигура на церемониях вступления в должность. Шейх и дуаджи, конечно, непременно присутствуют и на всех больших чисто религиозных церемониях: на молебствиях праздника рамадан в мечети Эюба, на молитве *мевлюд* (в годовщину рождения Пророка), совершаемую в мечети, соседствующей с местом работы; на больших праздниках, справляемых в Кагитхане, недалеко от речки Сладкие Воды Европы.

Все это, разумеется, всего лишь пережитки того, чем в действительности были корпорации в эпоху Средневековья. С конца XV века профессионализм в области ремесел и торговли берет верх над всем остальным в жизни корпораций — происходит их обмирщение, а религиозный дух, некогда наполнявший эту жизнь смыслом, вырождается в формальную и конформистскую обрядность. С тех пор корпорации больше не являются феноменом, одной из многих форм религиозной жизни — они становятся явлением жизни социальной.

Социальная и политическая роль корпораций

Стамбульские корпорации более чем только профессиональные социумы. Индивид, входящий в корпорацию первоначально в качестве ученика, включается

не только в чисто трудовую среду, но и в среду социальную. Уплачивая членские взносы, он приобретает право на получение от корпорации материальной помощи в необходимых случаях. Во всякой корпорации имеется своя касса социального обеспечения, фонды которой состояются, во-первых, из обычных членских взносов и, во-вторых, из одноразовых сумм, уплачиваемых при повышении ранга члена корпорации. Ученик, становящийся по завершению обучения подмастерьем (рабочим), а также и подмастерье, получающий (гораздо реже) диплом мастера, вносят в эту кассу, по случаю торжества, более или менее значительную денежную сумму, чтобы оплатить расходы на церемонию. Фонды используются в соответствии с указаниями распорядительного комитета: так, к примеру, когда член корпорации заболевает и не в состоянии больше кормить семью, он получает известное пособие. Получает он пособие и тогда, когда оказывается в положении вынужденной безработицы. Наконец, корпорация берет на себя расходы по погребению своего члена, когда его семья не может оплатить похороны. Стало быть, имеется взаимное страхование против болезни, безработицы, крайней нищеты. Имеется также, что не менее важно, истинный дух солидарности, который проявляется во множестве случаев. Вот один из них: в месяц рамадан, когда руководство всех корпораций собирается на великое молебствие в мечети Эюба, оно же, разойдясь по своим служебным резиденциям, принимается за важное дело — распределение риса, купленного корпорацией, между нуждающимися.

Расходов из общей кассы требуют и другие церемонии. Каждая корпорация регулярно, с временным промежутком от одного года до нескольких лет, устраивает свой большой праздник, который разворачивается на свежем воздухе в традиционных для подобных мероприятий местах — например, на лугах Кагитхане или Агачаири. Такие праздники длятся с неделю и более. Члены корпораций не только встречаются там для совместной молитвы и проведения прочих традиционных церемоний, но и демонстрируют гостям и вероятным покупателям свои ремес-

ленные изделия или товары, на изготовлении которых или на торговле которыми корпорация специализируется. Эти празднества, очень важные в жизни корпорации, требуют значительных расходов, которые в большей своей части могут быть покрыты лишь за счет чрезвычайных взносов мастеров.

Еще более дорогостоящими бывают официальные церемонии. По случаям интронизации султана, обрезания принца, торжественного выступления в поход армии и пр. корпорации устраивают праздничные шествия, проходят в полном своем составе перед султаном, катят перевозные подмости, на которых представлены лавочка или мастерская и люди корпорации, занятые своим родом трудовой деятельности. Одна такая сценка прекрасно описана Эвлией Челеби¹⁷. Эти торжественные прохождения перед султанской трибуной стбят ремесленникам и торговцам очень дорого, так как сопровождаются поднесением даров султану и раздачей деньгами и натурой народу; к тому же корпорации соревнуются между собой в том, чья лавочка (мастерская) на колесах вызовет самое бурное народное одобрение. Конечно, и султан со своей стороны в знак своего удовлетворения преподносит главе каждой корпорации весьма весомый кошель, содержимое которого способно до известной степени пополнить сундук корпоративной кассы, совершенно опустошенный подготовкой к этому шествию. Иногда вместо денег корпорации получают дорогие подарки — например, блюдо или иные изделия из меди или серебра. Султанские дары помещаются в «сокровищницу» корпорации — конечно, навечно.

В контексте повествования обо всех этих празднествах и шествиях было бы не совсем точно говорить о корпорациях — речь идет о группах корпораций, так как каждая из корпораций в отдельности, за некоторыми исключениями (крупные оптовые негоцианты и коммерсанты, ювелиры и т. д.), не в силах выносить бремя подобных расходов. Зато объединение их в рамках временных или более длительных ассоциаций во многом помогает решить проблему. Это сплочение в группы отчетливо просматривается в описании Эв-

лийи Челеби. Можно даже думать, что упомянутые кассы взаимопомощи функционируют в масштабе не одной, а нескольких сгруппировавшихся корпораций. Группировки эти возникают, по всей видимости, между сходными по профессии или взаимно дополняющими корпорациями: так, между собой объединяются хлебопеки, мельники и торговцы солью; моряки, конопатчики, морские плотники и столяры, капитаны и негоцианты Черного и Средиземного морей; парфюмеры и дрогисты (торговцы москательными, аптекарскими товарами); различные строительные профессии; певцы, музыканты, танцоры и т. д.

Объединение корпораций в группы в значительной степени облегчается для некоторых из них топографической близостью. Сплошь и рядом лавки и мастерские корпораций, образовавших группу, размещаются на одной улице, даже на одном конце улицы, или же в одном квартале. И в нынешнем Стамбуле это историческое обстоятельство дает о себе знать двояко: оно проявляется, во-первых, в том, что ряд корпораций (медники и жестянщики, изготовители сундуков и т. д.) четко локализован по месту их работы, и, во-вторых, в топонимике улиц, особенно в районе Бедестана¹⁸. Такое сосредоточение преследовало двоякую цель: оно препятствовало незаконной конкуренции со стороны ремесленников и торговцев той же профессии, не входящих в соответствующую корпорацию, и в то же время облегчало контроль над деятельностью корпорации со стороны кадия и мухтесиба. В целом оно способствовало единству и сплоченности корпорации.

Эснафы всегда стараются защитить свои права и свои привилегии не только против незаконных поборов и вымогательств правительственных агентов, но и против поползновений других корпораций. Так, кожевенники в Едикуле противятся тому, чтобы шкуры животных, забитых в бойне, расположенной в их районе, распределялись между дубильщиками Касим-паши¹⁹. Последние, в свою очередь, требуют, ссылаясь на один правовой акт Мехмета Завоевателя, шкуры животных, забитых в Галате²⁰. Несколько позднее кожевенники

Едикуле протестуют против открытия дубильной мастерской в Енибахче и в Джибали²¹. Торговцы тканями, обосновавшиеся вблизи фруктового рынка, яростно противятся строительству кабачка перед их лавками. Свечные мастера жалуются на то, что некоторые мясники не только употребляют для освещения деготь, но и продают его. Сапожники из Ускудара, традиционно пользующиеся правом продавать старые *папуши* (туфли без задников и каблуков), выступают против *эскиджи* (торговцев подержанными и случайными вещами), узурпировавших это право. Рассказы о жалобах и требованиях подобного рода заполняют целые страницы архивных записей, а это демонстрирует, с какой решимостью и с какой уверенностью в правомочности своих действий люди корпораций отстаивают свои привилегии и свои материальные интересы.

Впрочем, именно к отстаиванию своих прав и сводятся все действия корпораций по отношению к правительству. При данном государственном устройстве не может быть и речи о претензиях эснафов на какую-то политическую роль: они далеки даже от мысли о поползновениях такого рода. В описываемую эпоху члены корпорации не могут даже и представить себе, чтобы их требования и протесты вышли за пределы чисто профессиональной деятельности и религиозной практики или имели целью защиту не только мусульман, но также христиан и евреев. Все же отмечено, что в течение XVII века люди стамбульских корпораций дважды поднимались против правительства: в 1651 и 1655—1656 годах. Однако и эти волнения носили чисто «профессиональный» характер. В 1650—1651 годах великий визирь Мелек Ахмет-паша велел начеканить большое количество низкопробной монеты, пиастров и акче, и обязал торговцев и ремесленников принимать и покупать ее по курсу венецианских цехинов и турецких золотых. Люди корпораций сначала отказались принимать плохую монету, а затем взбунтовались и добились отрешения Мелека Ахмет-паши от должности. Подобного же рода действия правительства спровоцировали мятеж янычар и восстание корпораций в 1655—1656 годах. Нужно, однако, констатировать: корпора-

ции хотя и продемонстрировали свое недовольство самым энергичным образом, хотя и оказались способны к действиям, имевшим самое серьезное политическое последствие, тем не менее действовали всего лишь в русле своих профессиональных требований, не более того. Нет оснований говорить о пробуждении их политического сознания или о критическом осознании проблем, входящих в компетенцию правительства. Речь шла всего лишь о том, что люди корпораций почувствовали себя ущемленными в том, что дает им средства к существованию, а именно — в возможности по-прежнему заниматься своими ремеслами и своей торговлей. Остальное их не касалось²².

Торговцы

Стамбул — этот для своего времени огромный по численности населения город — являет собой полюс потребительского спроса, а следовательно, и торговли. Его необходимо постоянно снабжать массой разнообразных продуктов питания, а также сырьем и полуфабрикатами для местной ремесленной промышленности. Отсюда — уникальный по мощи поток ввозимых товаров при относительно незначительном экспорте.

Прибывающие в Стамбул импортные товары первоначально складываются в хранилищах — либо государственных, либо принадлежащих оптовикам. Затем следует их распределение. Сырье и полуфабрикаты, подлежащие дальнейшей переработке, переходят в распоряжение снабженцев государственных фабрик и ремесленников. Ремесленники, превратив импортные товары производственного назначения в готовые изделия, пускают их на рынок, между тем как конечным потребителем продукции государственных промышленных предприятий остается, за малыми исключениями, само государство. Что касается импортируемых продуктов питания и промышленных изделий конечного потребления, то они развозятся по лавкам или разносятся бродячими уличными торговцами. Все фазы этого процесса протекают под строгим государст-

венным контролем, который дополняется внутренним контролем корпораций над поступающими к ним товарами: распродажа импорта не должна быть предметом конкуренции между членами одной корпорации.

Существует своего рода иерархия в среде коммерсантов. Некоторые виды торговли предполагают таких торговцев, которые либо располагают особенно большими финансовыми средствами, либо приобрели особенно высокую компетенцию и навык: именно они-то и составляют высшую категорию как с профессиональной точки зрения, так и по своему социальному статусу. Другие виды не требуют столь высокой квалификации, а иногда и вообще никакой — в последнем случае речь идет о бродячих торговцах или о мелких лавочках.

Негоцианты и оптовики

В связи с тем, что торговля в Стамбуле почти полностью зависит от привозных товаров, колоссальную роль приобретают крупные негоцианты — импортеры и оптовики, что, впрочем, почти одно и то же. Сама столица со всеми пригородами, это приходится подчеркнуть снова, абсолютно не в состоянии обеспечить себя товарами в необходимом объеме и ассортименте. Даже в таких контролируемых государством отраслях, как торговля зерном или мясом, негоцианты держат в своих руках от 80 до 90 процентов закупок, транспорта и складирования этих важнейших продуктов питания. Насущная нужда в пропитании столицы, естественно, стимулирует стремление «провернуть хорошенькое дельце». Если в одной из производящих зерно или мясо провинций Империи найдется достаточно высокопоставленный чиновник, предпочитающий обогащение добросовестному выполнению своих обязанностей, то прибыли в любом размере становятся возможны. Вот как, к примеру, Эвлия Челеби размышляет об оптовых торговцах пшеницей и овсом: «Это пагуба моряков: они скупают у них то и другое по дешевке, забивают (зерном) свои хранилища и ждут не дождутся, когда засуха и нехватка продовольствия достигнут своей высшей

точки. Тогда-то они “закрома” приоткрывают и принимаются продавать зерно... на караты! Эти скупщики и спекулянты — сущие злодеи!»²³ Стоит уточнить: эти строки написаны в тот момент, когда экономическая и политическая жизнь столицы переживала тяжелейший кризис. Однако и в более спокойные времена снабжение мясом столицы находится в руках кучки негоциантов (*джелеб-кешан*), которые не только обеспечивают его поставки, но сверх того являются собственниками огромных стад скота; под своим контролем они, скорее всего, держат едва ли не все скотобойни и немалое число мясных лавок в городе. Торговля зерном и мясом предполагает вложение очень больших финансовых средств; следовательно, мы вправе предположить, что в эту торговую отрасль помимо, так сказать, «явных» негоциантов скрытно вторгаются высокопоставленные сановники, ищущие сфер прибыльного приложения для своего наличного капитала (в их числе и лица, ответственные за благотворительные фонды). Такое предположение вполне совместимо с фактом правительственного контроля, поскольку последний осуществляется в определенных точках и не препятствует тайным сделкам между производителями, вкладчиками капиталов, поставщиками и оптовиками. Точно таким же образом в руках оптовиков сосредоточивается торговля кофе. Торговать им в XVII веке было столь же трудным занятием, как и торговать табаком или вином: все эти импортные товары многократно подвергались запретам; нужно было обладать достаточной финансовой мощью, чтобы выдержать удар, следующий непосредственно за очередным запрещением. К тому же и ввозные пошлины были высоки²⁴.

К категории крупных негоциантов относятся также импортеры и оптовики в торговле кожами и шкурами, ввозимыми для дубильщиков, красильщиков, столичных торговцев кожами и для обувщиков: большое количество импортируемых шкур и удаленность районов, из которых они ввозятся, заставляют думать, что без вложения крупных капиталов эта отрасль импортной торговли обойтись не может. То же самое следует заметить и относительно импортеров и продавцов

предметов роскоши из Европы или с Дальнего Востока. Сукна из Венеции, Франции или Англии, шелка из Китая, парфюмерия и москательные товары из Индии или Китая, меха из России, восточные ковры, драгоценные камни и т. д. являют собой предметы узко специализированной торговли, которая сосредоточена в руках небольшого числа людей, владеющих в большинстве своем роскошными лавками в Бедестане. Об этой элите торгового класса сказано: «Они — обладатели сокровищ Каруна, а сокровища эти несчетны и неопишуты...»²⁵

Принимая на веру данные, приводимые Эвлией Челеби для середины XVII века, мы находим: категория неgociантов и оптовиков насчитывала 15 160 человек (включая служащих); в своей собственности они имели 3188 лавок, баз и складов.

Следует уточнить, что эта ширококомасштабная торговля практически не выходит за пределы Империи: ведущие ее неgociанты действуют лишь в бассейне Черного моря и в Восточном Средиземноморье²⁶ — товары из Западного Средиземноморья прибывают в Стамбул в трюмах иностранных судов. Сухопутная торговля внутри Империи находится в руках турок, греков, даже армян, что вполне естественно, поскольку иностранные купцы натываются на множество запретов, причем исключение делается только для некоторых иранцев и армян (подданных Ирана). Таким образом, местом заключения международных коммерческих сделок служат порты прибытия иностранных судов, а самый большой из них — это, разумеется, Стамбул, огромный центр потребления.

Розничная и мелкая торговля

Среди коммерсантов Стамбула наиболее многочисленную категорию составляют мелкие розничные торговцы — лавочники всех видов и бродячие торговцы. Все они находятся в тройной зависимости: от неgociантов и оптовиков, от правительства, под надзором и контролем которого протекает вся их деятельность, и, наконец, от их собственной корпорации, которая ту

же деятельность регламентирует по-своему. Внутри же этих рамок тройного ограничения они в состоянии заработать разве что лишь на хлеб насущный. Их лавки по большей части — всего лишь ларек (*калтук*) с минимальным ассортиментом товаров и с минимальным количеством каждого из них. Выручка от такого рода «коммерции», естественно, тоже минимальная. Что они продают? Прочитав перечень торговых профессий, приведенный Эвлией Челеби, убеждаешься в том, что занятия почти всех стамбульских торговцев сводятся к продаже продуктов питания, одежды, обуви или папушей, москательных товаров, духов, тканей. За исключением хлебопечения и торговли хлебом, а также некоторых сходных производств и видов торговли, в которых занято иной раз до десяти работников, персонал прочих торговых заведений, как правило, малочислен, если они вообще располагают таковым. Эвлиия Челеби упоминает 65 коммерческих корпораций, которые ведут торговлю в 14 445 лавках и насчитывают 48 тысяч человек: на одну лавку приходится менее четырех человек. В приведенном им списке корпорации располагаются по числу своих членов в следующем порядке: наиболее многочисленны те, что торгуют пищевыми продуктами, фруктами и овощами, за ними следуют торговцы тканями и готовой одеждой, аптекари и торговцы москательными товарами и, наконец, торговцы обувью. Все это торговцы мелкие, которые не располагают финансовыми средствами и не могут, следовательно, накапливать товарные запасы. Даже в том случае, когда они пользуются известной независимостью, свобода их действий все же весьма ограничена, а степень влияния их деятельности на экономическую конъюнктуру в столице близка к нулю.

Мелкий лавочник, продавец продуктов питания, имеет к тому же конкурента в лице бродячего торговца (*сейяр*), который ходит, предлагая свой товар, по улицам города, да и не только по улицам, а и по дворам квартала. Он бродит с заплечной корзиной с сезонными овощами и фруктами, продавая их с небольшой скидкой сравнительно с ценами в лавках. Это объясняется тем, что он свободен от налога, который владель-

цы лавок должны платить. Как именно происходит исполнение «корпуса» этих сейяров, остается невыясненным, но можно предположить, что они рекрутируются из провинциалов, перебравшихся в столицу не с честолюбивым намерением сколотить состояние, а всего лишь стремясь вырваться из тисков нищего крестьянского существования. Оказавшись в Стамбуле без гроша, они прибегают к помощи своих ранее здесь обосновавшихся земляков, например к помощи янычар, которые дают им минимальную денежную сумму займа на покупку овощей и фруктов — с тем чтобы те поделились с кредитором своей жалкой выручкой. Вряд ли бродячие торговцы образовывали когда-либо корпорацию. Впрочем, не все заняты продажей овощей и фруктов, некоторые из них предпочитают торговать йогуртом, другие — папушами, третьи — глиняными горшками и тарелками, четвертые — кувшинами, пятые — грубыми тканями. Есть и *эскиджи*, скупающие всякого рода старые вещи, — профессия малоприбыльная, но тем не менее широко распространенная по всему бассейну Средиземного моря²⁷. Сейяр привлекает к себе внимание обитателей квартала криком. Для Стамбула крик сейяров — характернейшая из составляющих городского шума.

Еще одна категория торговцев — это ремесленники. В силу простоты ремесленной техники по изготовлению из сырья изделий ее владелец очень часто, если не всегда, выступает не только в качестве производителя, но и в качестве продавца продукта своего труда. Иными словами, между ремесленником и покупателем отсутствует посредник. Работа ремесленников протекает средь бела дня у всех на виду в мастерских, которые по совместительству выполняют и функцию лавочек, поскольку перед их входом выставляются на обозрение прохожих и на продажу готовые изделия. Как правило, мастерские-лавки ремесленников одной корпорации расположены вдоль одной же улицы — такое сосредоточение желательно и для правительства, и для руководителей корпорации, и для ее членов, каждого в отдельности. Численность ремесленников очень велика: согласно данным Эвлии Челеби, в Стамбуле середины

XVII века имелось 23 214 мастерских-лавочек и 79 264 ремесленника, мастеров и подмастерьев (рабочих), то есть выходит по 3—4 ремесленника на каждую мастерскую. Столь внушительное число не должно, однако же, слишком удивлять, если принять во внимание, как много требовалось ремесленной продукции, чтобы удовлетворить потребности столичного населения — как бедного, так и богатого. Ремесленники находятся в частичной, но чаще в полной зависимости от импортеров и одновременно — под неусыпным надзором службы мухтесиб: именно их прежде всего имеет в виду ихтисаб (свод регламентов), издаваемый правительством. Однако ремесленники в большей, пожалуй, степени, нежели остальное трудовое население, проникнуты сознанием своих прав и того, что их корпоративная организация служит наилучшим средством защиты этих прав: вот источник огромной жизнестойкости их корпораций.

Государственная торговля

Остается выяснить, что собой представляет «государственная торговля». Прежде всего необходимо отметить, что в Стамбуле имеется один первостепенной важности коллективный потребитель. Это султанские дворцы, казармы, государственные мастерские и прочие хозяйственные единицы, находящиеся в собственности султана и его правительства и нуждающиеся в продуктах питания, одежде, тканях, предметах роскоши, сырье и прочем. Государство, обеспечивая себя всеми необходимыми ему материальными благами, пользуется среди прочих потребителей непререкаемым приоритетом. Такое обеспечение осуществляется двумя различными способами. Снабжение продовольствием и некоторыми видами промышленного сырья имеет своим источником натуральные поставки султанскому правительству в виде податей, взимаемых с крестьянского населения. Их ассортимент и объемы определяются правительством на длительные сроки. К примеру, овцы, птица, фрукты, овощи, служащие предметами потребления в дворцах и казармах, «подведом-

ственны» интенданту, несущему ответственность за снабжение доверенных ему объектов по утвержденному меню. То же самое можно сказать и о поставках пшеницы, ячменя, фуража и дров. Этот сектор потребления никак не пересекается с товарным ассортиментом рынков Стамбула, а потому и не оказывает никакого воздействия на хозяйственную жизнь столицы. Сырье и продукты, находящие себе применение в судостроении, отливке пушек и изготовлении прочего оружия, производстве пороха, чеканке монеты, являются предметами государственной монополии, их экспорт возбраняется. «Мачты, весла и вообще все, что изготавливается из древесины, не проходит через таможду, но их вывоз к христианам никогда не получал разрешения. Такого же рода запреты остаются в силе относительно железа, меди, конопли, дегтя, смолы и гудрона... Вывоз тех материалов, что служат строительству и оснастке судов, приравнивается здесь к контрабанде — в той же мере, как и вывоз оружия, пороха и свинца...»²⁸ Аналогичные меры предосторожности предпринимаются относительно золота, серебра и меди, необходимых для чеканки монет, а также меди, свинца, олова и других металлов, потребных при производстве оружия.

Другой способ снабжения официальных учреждений — закупки, производимые в приоритетном порядке правительственными агентами на рынке Стамбула и в провинциях. Эти закупки распространяются на зерно и некоторые промышленные товары — такие, к примеру, как производимое в Салониках сукно, которое идет на одежду янычар и некоторых служителей в Серале. Не покидая Стамбула, дворцовые интенданты имеют возможность приобрести предметы роскоши и иностранного производства: меха, ценные ткани, жемчуг, ювелирные украшения, венецианские зеркала, духи и пр. Одним словом, они могут купить по праву первоочередности решительно все необходимое для жизни Сералья и нормального функционирования государственных предприятий. Эти государственные закупки — важный фактор в увеличении роли Стамбула как центра потребления. Временами капризы некоторых султанов, в особенности Ибрагима I, имели след-

ствием вздорожание некоторых товаров. Так, «Ибрагим I тратил деньги без счета, когда речь шла о закупке рабынь, амбры или пушнины; цены на невольниц подскочили в такой степени, что ни одну из них невозможно было приобрести дешевле 500 пиастров, а самые красивые продавались за 2 тысячи; амбра, аромат которой он вдыхал в себя как духи и которую он подмешивал в горячий кофе, чтобы поднять самочувствие, поднялась до баснословной цены от 15 до 20 пиастров за мискаль... Увлечение султана пушниной привело к тому, что сибирская белка, рысь и горностай вышли из моды, зато цена на соболей поднялась в десять раз»²⁹. Впрочем, речь идет лишь о предметах роскоши.

Рынки, базары, лавки

Выше уже говорилось о месторасположении торговых кварталов в столице. Это побережье Золотого Рога, квартал Бедестана и Баязида, уличные артерии *Мехмет-паши джаддеси* и *Узунчарши джаддеси*. В прямоугольнике, очерченном упомянутыми улицами, как раз и располагаются основные рынки, самые большие складские помещения, таможенные склады и торговые базы, бедестаны и самое большое скопление лавок и караван-сараев. Самые крупные пакгаузы — это государственные склады, состоящие из огромных залов. Они находятся в ведении интенданта с подчиненными ему секретарями и сторожами. Именно здесь государство хранит пшеницу, ячмень, растительное масло, строевой лес, фураж, соль, порох.

Со своей стороны негодянты и оптовики также располагают хане (ханами), прекрасными каменными строениями, которые одновременно выполняют функции офисов, складских помещений и даже гостиниц — негодянты, прибывающие из провинций или из-за границы, могут здесь остановиться: «В городе множество зданий, внешне напоминающих монастыри. Это — ханы. Они обычно представляют собой большой квадратный двор, в центре которого фонтан с большим бассейном; стороны этого квадрата суть аркады, под

которыми вдоль стены тянется ряд дверей, ведущих в комнаты, причем каждая из комнат оснащена очагом; аркады служат цоколем для галереи, возвышающейся над двором и обрамляющей его с четырех сторон; она также состоит из ряда комнат, во всем подобных тем, что расположены внизу; в этих хане останавливаются купцы. Чтобы получить в свое распоряжение одну или несколько таких комнат, надобно переговорить с ключником хане, хранящим при себе все ключи от них, а также дать ему половину или четверть пиастра, чтобы он взял на себя труд открыть комнату. Каждый день своего пребывания в хане вы ему же уплачиваете акче, два или три, соответственно таксе. Складские помещения сложены, как правило, из камня»³⁰. Не всем путешественникам эти ханы и караван-сарай приходится по вкусу. Так, Ферманель пишет: «Прибывающие в Константинополь вынуждены останавливаться в караван-сараях, так как там отсутствуют гостиницы или постоялые дворы европейского типа. Караван-сарай — это крытые большие помещения, которые постояльцам не предоставляют ничего, кроме кроватей над головой, и в которых им, постояльцам, приходится ночевать порой среди лошадей и верблюдов»³¹. Эти строения предназначаются исключительно для оптовой торговли и для тех, кто ею занимается.

В Стамбуле процветает совершенно особый вид коммерции, который близок к торговле предметами роскоши, но специализируется лишь на одном товаре: это торговля невольницами. Спрос на рабынь велик, причем не со стороны султанского сераля, который располагает собственной системой пополнения за пределами Стамбула, а со стороны крупных правительственных чиновников и богатых горожан. Торговля невольницами полностью сосредоточена в руках еврейских купцов: «Евреи, которые торгуют почти исключительно ими, выращивают их в собственных домах с тем большим старанием, что они (рабыни) принесут со временем своим первым хозяевам наибольшую прибыль. Евреи обучают девушек множеству профессий — таким, к примеру, как пение, игра на музыкальных инструментах, танцы, вышивание. Все это —

для того, чтобы товар соответствовал самому изысканному вкусу покупателя...»³² По своему происхождению рабыни — по большей части уроженки России, Кавказа, иногда польки, приводимые в Стамбул татарами, союзниками Османской державы³³. Невольничий рынок, *эсирпазары*, расположен неподалеку от Бедестана и представляет собой «большую площадь, окруженную маленькими каморками, в которых невольники разных полов размещены отдельно; всякий, имеющий потребность в слуге, служанке или наложнице, заходит в них, чтобы осмотреть товар и поторговаться о цене»³⁴. Эта отрасль торговли (кстати сказать, очень прибыльная) подлежит контролю интенданта, который взимает и с продавца, и с покупателя по десятой части от цены невольника или невольницы. Рабы обоих полов не могут быть проданы христианину или еврею — по крайней мере в течение XVI и в начале XVII века. Позднее, как кажется, стали возможными отступления от общего правила. Так, Кикле пишет: «Христианину не дозволяется покупка турецких рабов, но их может купить для него кто-нибудь из его турецких друзей»³⁵. В конце XVII века³⁶ приобретение немусульманами рабов становится юридически признанным фактом, поскольку регламент 1689 года уточняет размер налога, который уплачивается христианином и евреем за каждого приобретенного раба.

Продажа рабов может состояться лишь в специально отведенном для этой цели месте. Там они представлены «сидящими на скамьях в довольно грустной позе; прежде чем торговаться о цене с продавцом покупатель рассматривает их со всех сторон, подвергает экзамену, требует показать, что они умеют делать»³⁷. Мужчины почти обнажены, между тем как «женщины остаются под покрывалом; когда их желают купить, то отводят в расположенный поблизости дом, предназначенный только для их осмотра, — там с них снимают покрывало и часто заставляют раздеться, чтобы узнать, хорошо ли они сложены»³⁸. Мошенничество, однако же, возможно и принимает различные формы. К примеру, продавец не выставляет на продажу «самые

прекрасные образцы своего товара», и тогда покупатель идет «поискать их у него, у продавца, дома... так как на рынке невольниц, как и на рынке лошадей, самые лучшие особи не представляются на всеобщее обозрение»³⁹. Другие виды обмана упоминаются в одном из регламентов: «Торговцы невольницами не должны использовать ни румяна, ни белую краску, ни другие притирания, дабы приукрасить их лицо. Они должны продавать их в той одежде, в которой выставили их на продажу, и не должны оставлять ее себе. Если они допустят противное сказанному, да накажет их мухтесиб»⁴⁰. Цена на невольниц варьируется в зависимости от их качества и уровня спроса: в начале XVII века английский путешественник Лисгоу отмечает, что цена молодой красивой девственницы достигает 100 дукатов (то есть примерно 800 пиастров), вдовы — дешевле: один из его друзей смог выкупить шестидесятилетнюю женщину за 36 дукатов (290 пиастров)⁴¹. Около 1630 года Ферманель указывает на то, что «невольницы, которые владеют иглой, умеют петь или играть на музыкальных инструментах, стоят от 500 до 600 эю (500—600 пиастров) и даже от 1000 до 2000 эю (1000—2000 пиастров)»⁴². Армянский путешественник Еремия Челеби (последняя четверть XVII века) пишет, что обычная цена невольницы — 700 пиастров, но он видел, как за одну рабыню было заплачено 500 *алтунов* (1250 пиастров)⁴³.

Очевидно, речь идет здесь о торговле совершенно особого рода, в которую вовлечен очень узкий круг лиц. И тем не менее ей отводится целая площадь в Стамбуле. Имеются и другие специализированные рынки, открытые для более широкой публики. Такие, как, например, рынок для продажи лошадей или рынок домашней птицы или, наконец, барахолка («блошиный рынок»); вполне возможно, впрочем, что специализация их не столь уж узка и помимо основного товара там продаются и иные.

Кроме того, есть и еженедельные рынки — это, как правило, такие рынки в масштабе квартала, которые функционируют в определенный день недели. Впрочем, не бывает такого дня, когда бы подобные

рынки не были открыты в каком-либо районе столицы⁴⁴; некоторые из этих рынков даже стали обозначаться днями недели, когда они открыты. Таковы *Салытазары*, рынок, расположенный между Галатой и Топхане (буквально: «рынок по вторникам»), *Чаршамбапазары* («по средам») в Фетхийе и *Першембепазары* («по четвергам») в Каракёй. Эти рынки-ярмарки в основном специализируются на продуктах питания, но на них можно найти и другие товары. Все они находятся под неусыпным наблюдением агентов мухтесиба.

Однако основной объем местной торговли приходится на постоянно действующие лавки торговцев и ремесленников, число которых, согласно Эвлие Челеби, достигает 41 тысячи, а согласно Мишелю Бодье — 48 тысяч⁴⁵. В одном из манускриптов Национальной библиотеки указано другое число — 32 150⁴⁶. Термин «лавка» охватывает как учреждения розничной торговли, так и мастерские мелких ремесленников, даже крупные мастерские, служащие одновременно и местом продажи производимых ими товаров.

Значительная часть этих лавок находится в основных торговых кварталах, а остальные рассеяны по всему городу — более или менее густо в зависимости от плотности населения в различных его частях: «Повсеместно имеется неисчислимое количество лавок и, соответственно, великое число ремесленников, готовых исполнить самые разнообразные заказы, и купцов, у которых покупатель найдет все, чего только пожелает»⁴⁷. Эти лавки, построенные из дерева, обычно имеют подвижной навес, который, будучи опущен, закрывает собой дверь. Как по ширине фасада, так и в глубину они редко бывают больше трех метров. Их высота варьируется в зависимости от предназначения лавки. В торговых кварталах ночные сторожа обходят дозором улицы и переулки, чтобы предотвратить взломы и грабеж. Впрочем, владельцы частенько предпочитают устраивать свое жилище либо в самой лавке, либо над ней в верхнем этаже. Однако лавки на рынках и базарах одноэтажные, и никто не имеет права в них оставаться ночью. Днем в этих кварталах более чем многолюдно, но

ночью они совершенно пустеют. Ночные обходчики имеют приказ задерживать всякого встреченного там человека.

Большой Базар и бедестаны

Наряду с побережьем Золотого Рога наиболее оживленный квартал в Стамбуле — это, без сомнения, тот, что окаймляет собой «Большой Базар» (*Бююк чарши*), а последний, в свою очередь, состоит из двух бедестанов и множества хане, лавок и мастерских. Большой Базар Стамбула — один из самых знаменитых на Ближнем Востоке: сравнение с ним выдерживают лишь базары Тегерана, Алеппо и Дамаска. Он представляет собой сеть из 67 пересекающихся под прямым углом улиц, каждая из которых носит наименование обосновавшейся на ней корпорации; на перекрестках некоторых улиц имеются площади, на которых по утрам люди соседних корпораций совершают общую молитву. Здесь имеется 5 мечетей и 7 фонтанов. Все 18 ворот Большого Базара закрываются на закате, после чего он остается под надзором ночных сторожей, назначаемых корпорациями⁴⁸.

В целом ансамбль насчитывает 3 тысячи лавок, к которым следует прибавить еще тысячу лавок, находящихся в ханах. В сумме это число равно одной десятой от общего количества лавок в Стамбуле. Сосредоточение на Большом Базаре торговых учреждений тем более велико, что в непосредственно прилегающих к нему окрестностях расположены блошинный рынок, книжный и разные продовольственные рынки. Коротко говоря, почти все товары, имеющиеся в Стамбуле, могут быть найдены здесь, включая и особо ценные, традиционным местом продажи которых остается старый бедестан.

Два бедестана⁴⁹, старый и новый, — это два больших каменных здания, которые «являют собой два замкнутых внутри почти крепостных стен пространства, каждое из которых равно городской площади средних размеров, имеет мощные ворота и покрыто сводом, опирающимся на множество колонн»⁵⁰. Старый бедестан, обязанный своим возведением еще Мехмету За-

воевателю, — это место, «где продаются самые богатые товары; оно представляет собой помещение под каменным сводом, очень высокое, но несколько тесноватое, если сопоставить его площадь с высотой; оно пересекается двумя скрещивающимися под прямым углом улицами, между тем как третья улица идет вдоль его внутренних стен. Лавки, установленные вдоль этих улиц, увешаны отрезами парчи, разных сортов бархата, дамассе (шелковой узорчатой тканью) и другими ценными тканями; к тканям прикреплены драгоценные украшения. Множество серебряных светильников со вставленными в них большими и толстыми восковыми свечами освещают это сказочное место...»⁵¹. По словам Эвлии Челеби, вдоль каждой из упомянутых «улиц» выстраивалось до 600 лавок и возвышалась гора из двух тысяч сундуков, один на другом, наполненных драгоценными товарами. Купцы, обосновавшиеся в старом бедестане, в основном специализировались на продаже ювелирных изделий, драгоценных камней, предметов из золота и серебра, ковров, пушнины, парчи, фарфора и т. п.⁵²

Новый бедестан (*Сандал Бедестани*), расположившийся неподалеку от старого, торговал в первую очередь «самыми разнообразными дорогими тканями, вышитыми золотом и серебром, шелком, изделиями из Ангоры, самые лучшие образцы которых превосходят роскошью и изяществом исполнения все, что производится в иных странах»⁵³.

Два бедестана — излюбленное поле приложения сил для «обладателей сокровищами Каруна», то есть для богатейших негоциантов, специализирующихся в покупке и продаже предметов роскоши. На своей службе они содержат особый штат ночных сторожей и охранников, состоящий «из надежных и верных мусульман, которых следует отличать от прочих ночных сторожей в Стамбуле; они имеют право заниматься своим делом на основании патента (*гедик*), выданного падишахом, и получают жалованье от префекта города»⁵⁴, а также широко прибегают к услугам маклеров и комиссионеров, которые располагают патентом на совершение посреднических сделок. Иначе говоря, бедестаны являют собой, помимо прочего, и рынок ценных бумаг.

Правила торговли

Продажа продуктов, как произведенных в Стамбуле, так и ввезенных в него, подчинена строгим правилам, за соблюдением которых зорко следят, с одной стороны, мухтесиб и его агенты, а с другой — люди корпораций. Продажа определенного товара производится определенной же корпорацией и никакой иной: торговец мылом не может продавать свечи; бакалейщик, положим, имеет право торговать сыром, но торговцу фруктами такое право не предоставляется. Подобные примеры можно множить до бесконечности. Продажа может производиться прямо — купцом или изготовителем клиенту. Именно так происходит движение продуктов питания и множества предметов ремесленного производства. В таких случаях продажная цена определяется мухтесибом после согласования с представителями корпораций и включения в нее определенного процента (до десяти от стоимости), идущего на различные накладные расходы. Посредническая торговля, или, точнее, торговля при помощи комиссионера (*деллал*), имеет, как правило, дело с высокоценными товарами — такими, как пушнина, ценные ткани, золото, драгоценности, лошади, невольницы. Деллаль — официально признанный посредник, патентованный агент по продаже товаров на дому, работающий на основе соглашения с купцом и получающий с каждой продажи определенный процент от стоимости реализованного товара — процент, оплачиваемый как продавцом, так и покупателем. Профессия деллала строго регламентирована, и его деятельность остается предметом самого пристального внимания со стороны мухтесиба.

Ремесло и промышленность

Наряду с коммерсантами и лавочниками в Стамбуле имеется еще один большой сектор экономической деятельности, представляемый ремесленниками, которые часто выступают и в роли продавцов производимых ими изделий, а также людьми, работающими на государственных предприятиях.

Ремесленники

Ремесленники образуют одну из наиболее многочисленных профессиональных групп в Стамбуле: они составляют то, что ныне называется «частным сектором», — в отличие от «государственного сектора», объединяющего большие мастерские, принадлежащие государству. Этот частный сектор насчитывает 158 корпораций, 23 214 мастерских и лавок, а также 79 264 ремесленников (мастеров и рабочих), то есть по 3—4 человека на каждую мастерскую или лавку. Само собой разумеется, что изготовители ремесленной продукции, являясь одновременно и ее продавцами, относятся тем самым к двум категориям экономической деятельности в столице. Легко прийти и к следующим выводам: большинство ремесленных мастерских насчитывает менее 10 рабочих, множество из них использует труд только 3 рабочих, лишь 10 из 158 корпораций использует в среднем труд более 10 рабочих, и, наконец, всего лишь 22 (из 158) корпорации объединяют более тысячи членов. Что касается последних, то они производят товары или оказывают услуги, пользующиеся у населения наиболее широким спросом. Это мельники, изготовители туфель без задников и каблучков, свечники, портные, седельники, столяры, плотники, кожевенники. Каждая из корпораций, представляющих указанные профессии, насчитывает более трех тысяч человек.

Ремесленники обосновались по большей части в торговых кварталах Стамбула или в непосредственной близости от них, так что улицы в этих кварталах больше обязаны своими названиями именно ремесленникам, а не купцам. Эта топографическая локализация профессий, частично перешедшая по наследству от Византии⁵⁵, вполне понятна, так как эти кварталы притягивают к себе покупателей со всего Стамбула, привлеченных разложенными товарами и ремесленными изделиями, готовыми превратиться в товары, а также самой картиной этой кипучей деятельности. Ремесленники служат живой иллюстрацией того, как организована корпорация с ее разделением на категории мастеров, работников и учеников. Почти наверняка

большинство из них, следуя семейной традиции, унаследовали отцовскую профессию. Здесь действует закон произвольного распределения индивидов по общественным классам и группам — распределения, предопределенного принадлежностью по рождению к какой-либо религиозной, профессиональной и социальной среде.

Эти ремесленники — добросовестные труженики, и их тончайшая работа не раз вызывала восхищение европейцев. Филипп дю Фресне-Канэй (1572) полагает, что «у турок хватает прекрасных мастеров и ремесленников во всех отраслях»⁵⁶. Пьер Белон пишет: «Турки обожают белоснежное кружевное, вышитое белье... Европейское белье по сравнению с турецким — грубой выработки»⁵⁷. В XVII веке поток комплиментов не иссякает: «Они (турки) не только сравнялись с нашими в тех областях, где наши считают себя непревзойденными мастерами; более того, в некоторых видах работ они, вероятно, превосходят наших — как, например, в кройке и шитье платья... Особенно искусны они в выделке кожи и в производстве кожаных изделий. Такое наблюдение приложимо не только к обуви, ботинкам и сапогам, но и, скажем, к умению со вкусом переплести книгу... Существует отрасль кожевенного дела, в которой их превосходство очевидно. Это — изготовление седел»⁵⁸. О тех же самых шорниках и седлах Сен-Морис пишет: «Нет ничего прекраснее, чем произведения их ремесла»⁵⁹, а Турнефор отзываясь в том же тоне о сапожниках и обувщиках: «Их домашние туфли изготавливаются с большим старанием, чем наши башмаки. Хотя делаются они на простой подошве, нет им износа. Особенно те, что изготавливаются в Константинополе: тут в дело идет кожа из Леванта, самая легкая и превосходная по качеству». И о лудильщиках: «Их (турецкая) посуда — из фарфора, фаянса или из олова. Самая обычная — из луженой меди... Они лудят ее очень тщательно и очень быстро... И олово так хорошо пристаёт к меди, что их посуда, в отличие от нашей, так быстро не краснеет»⁶⁰.

Общеизвестно, что турецкие ремесленники — и, говоря более широко, ремесленники-мусульмане — пре-

красно справляются с выработкой и обработкой некоторых материалов. Таких, например, как кожа, медь, ценные ткани. Они ловки и искусны, но — лишь в относительно узкой области «младших ремесел», более или менее совместимых с низким оснащением орудиями труда и вообще «техникой». Достаточно простыми орудиями и приспособлениями они владеют, причем довольно часто, поистине виртуозно, но лишь теми, которые соответствуют традициям корпорации, древней культуре ремесленного производства. Рамки корпорации, правительственный контроль, забота по защите корпоративных прав и привилегий — все это влечет за собой своего рода застой ремесленного искусства, для которого характерно отсутствие инициативы, неспособность обновлять приемы и методы труда. А такое обновление было бы в высшей степени желательно в тот момент, когда иностранцы вступают на территории Османской империи в успешную конкуренцию с некоторыми местными производствами.

В высшей степени важно следующее обстоятельство. Между тем как в Стамбуле и вообще во всем османском мире растет иностранный импорт, продукты местной ремесленной промышленности не находят за рубежом покупателя — за самыми редкими исключениями. Для них остается, правда, открытым внутренний рынок, традиционалистский и невзыскательный. Это, может быть, и обеспечивает надежный сбыт этих продуктов, но не дает стимула местному ремеслу к перевооружению перед угрозой иностранной конкуренции, к модернизации, принятию новой техники и новых технологий.

Промышленность

Позволительно задаться вопросом: существует ли в Стамбуле наряду с ремесленными объединениями настоящая промышленность или нечто к ней приближающееся? Кажется, этот термин приложим к деятельности крупных фабрик, направляемой государством, в силу хотя бы высокой численности занятых на них рабочих и большого объема задействованных в них

средств. Некоторые из этих фабрик отмечены чертами техничности, как, к примеру, производство по отливке пушек в Топхане или арсенал Касим-паша, где инженеры и специалисты, турецкие и иностранные, руководят сложными производственными операциями. Мастерские, работающие на государство, могут быть подразделены на две категории: одни удовлетворяют потребности армии и военно-морского флота, другие — Сераяя и других султанских дворцов.

Во главу первой категории следует поставить арсенал Касим-паша, в котором строится военный флот для Великого Господина, и мастерскую в Топхане. Да, их можно считать настоящими заводами, так как они используют труд тысяч людей: офицеров, моряков и сухопутных военных различных званий, инженеров, мастеров, рабочих, а в Касим-паше наряду с ними еще каторжников и особенно рабов. Производственный процесс в них тщательно регламентирован и даже кодифицирован, а продукция определяется нуждами и ресурсами государства. Весьма схожи с этими арсеналами, если не по размерам, то по характеру, оружейные фабрики (*тюфенкхане*) и предприятия по производству пороха (*барутхане*). И те и другие поставлены под начало интенданта (*эмина*), правительственного чиновника, который находится в прямом подчинении у великого адмирала и носит звание *терсане эмини*.

Дислокация в Стамбуле значительной части янычарского корпуса, частей сипахи и присутствие в столице множества других военных поставили задачу их продовольственного снабжения и обеспечения. Так возникает, к примеру, склад сукна, предназначенного для обмундирования янычар: «В складе хранится произведенное в Салониках синее сукно. Оно предназначается для 80 тысяч янычар империи. Один раз в год, в Ночь предопределения (*Кадир геджези*), это хранилище открывает свои двери. В присутствии командира янычарского корпуса, агай оджаков, интенданта и заведующего складом (*чорбаджи*) сюда прибывают командиры 162 ода со своими людьми — рота за ротой. Согласно султанскому указу,

каждый берет 10 аршин сукна и по отрезу муслина — на тюрбаны и рубахи»⁶¹. Это сукно передается затем портным, работающим в двух больших принадлежащих государству ателье. Муслин же попадает в руки шляпников, специалистов по изготовлению головных уборов (в каждой казарменной палате — ода — имеется свой шляпник). Материя особым способом наворачивается на фетровую шапочку, и таким образом получается тюрбан.

Продовольственное обеспечение солдат доверено заботам интендантов-директоров особых хлебопекарен, мастерских, изготовляющих сухари, специализирующихся на приготовлении *бузы* — напитка из ячменя и проса, отдаленно напоминающего пиво. Имеется также производство сальных свечей, удовлетворяющее потребности исключительно янычарского корпуса. Штаты всех этих мастерских, за исключением двух упомянутых выше арсеналов, насчитывают примерно 5 тысяч человек. Если же к последнему числу прибавить и персонал двух арсеналов, то получается весьма солидная цифра в 7 тысяч человек. Мастерские, работающие на армию и флот, представляют собой, следовательно, весомый элемент в хозяйственной жизни столицы.

Приблизительно то же самое следует сказать и об обслуживании потребностей султанских сералей. Известно, например, о существовании мебельного производства, работающего исключительно на дворцовые нужды и возглавляемого шефом мебельщиков-краснодеревщиков, который, впрочем, одновременно контролирует и все ремесленные корпорации, специализированные в области строительного дела. Имеются также «фабрика» по изготовлению изразцов, бронзовая плавильня, художественная мастерская, персонал которой, по сведениям Эвлии Челеби, достигает тысячи человек. Хотя в турецких источниках отсутствуют указания на наличие интендантской службы, контролирующей корпорации керамистов и стеклодувов, представляется в высшей степени вероятным, что эти корпорации выполняли заказы султана по декорированию мечетей и дворцов⁶². Возможно, в XVI веке эти

ремесленники находились в ведении какого-то правительственного интендантства. Так оно, наверное, и было, если судить по размаху предпринимаемых правительством строительных работ. Кстати, фаянсовые мастерские на берегу Золотого Рога, которые во времена Сулеймана Великолепного произвели множество превосходных изделий, были основаны Селимом I и самим Сулейманом Великолепным.

Для обмундирования служителей сералей были созданы особые швейные мастерские, персонал которых подразделялся на портных широкого профиля и на изготовителей *далама* (долманов)⁶³ — *даламаджи*. Придворных и слуг нужно не только одеть, но и придать их головам достойный вид: дело в том, что размер, форма, цвет и ткань тюрбана — это не столько вопрос вкуса (или прихоти) носителя этого великолепного головного убора, сколько обязательный показатель социального статуса и должности. Следовательно, тюрбаны, чтобы отвечать всем правилам придворного этикета, должны быть чрезвычайно разнообразными. Решение этих сложных задач возлагается на узко специализированную корпорацию изготовителей тюрбанов (*сарикджи*), выполняющую заказы двора и различных слоев столичной знати⁶⁴. Наконец, еще одна корпорация специализируется на пошиве *хиль'ат* (откуда происходит русское слово *халат*) — почетного одеяния, которым султан жалует тех, кому хочет выказать свое благорасположение. Это одеяние представляет собой род кафтана, сшитого из очень ценной ткани или, часто, меха. В Стамбуле имеется мастерская хиль'ат, насчитывающая 105 портных и работающая исключительно по султанским заказам.

Среди государственных предприятий особое место занимает Монетный двор. О нем Эвлия Челеби пишет так: «Это — большая фабрика, расположенная в окрестностях мечети Баязида... Ею заведует *кючюк дефтедар* (заместитель интенданта по финансам); его персонал — один кетхюда, один маклер, секретари и мастера, чеканящие монету (все эти должностные лица утверждаются на своих постах государством)»⁶⁵. Одна из характерных особенностей Монетного двора состоит

в том, что он пользуется услугами мастеров чеканки, набранных главным образом, если не исключительно, из «неверных»; во всяком случае, на должность пробирного мастера правительством назначались евреи.

В «частном секторе» не существует ни одного предприятия, сравнимого с этими крупными мануфактурами. Если подсчитать общее число работающих на 31 государственной мастерской, то получается солидная цифра примерно в 10 тысяч человек. В среднем на каждую мастерскую приходится около 350 рабочих и иного персонала. Число отнюдь не преувеличенное.

Во внимание нужно принять тот факт, что эти фабрики не входят прямо в естественный кругооборот городской экономической жизни. Они входят в него лишь опосредованно, а именно — в силу того обстоятельства, что служат источником существования для части городского населения, вводя в этот кругооборот «маргинальные» корпорации и, что еще более важно, обеспечивая своим рабочим стабильную и относительно высокую заработную плату. Рабочие государственных предприятий в качестве потребителей оказывают, несомненно, влияние на объем розничной торговли.

Представители «свободных» профессий

Подавляющее большинство работающих жителей Стамбула входят в корпорации, в рамках которых они зарабатывают хлеб насущный либо в сфере производства, либо в торговле, либо совмещая оба эти занятия. Имеется, однако, группа населения численностью в несколько десятков тысяч (примерно 40 тысяч), которая зарабатывает себе на жизнь менее традиционным способом. С одной стороны, в ней выделяется категория людей интеллектуального труда, с другой — те, что заняты в сфере развлечений, и, наконец, это люди «малых профессий», профессий, которые не поддаются четкой классификации, но тем не менее всегда присутствуют в любом мегаполисе.

Профессии, связанные с интеллектуальным трудом, или «свободные профессии», не входят в качестве элемента в экономическую жизнь города, но вместе с тем пользуются общественным признанием и уважением. Шейх-уль-ислам, духовный глава Империи, одновременно возглавляет и иерархию «людей веры», а эта иерархия подразделяется на две категории лиц. Первая из них может быть обозначена как непосредственные служители культа, это — проповедники, муэдзины, имамы, чтецы Корана, шейхи и т. д. Вторая категория включает в себя лиц, занятых ученой или преподавательской деятельностью, это — улемы, преподаватели коранических школ, начальных школ, медресе и т. д. Чаще всего они получают содержание за счет благотворительных фондов, создаваемых с целью поддержания учебных заведений.

Среди людей умственного труда следует назвать поэтов и писателей (число которых, по словам Эвлии Челеби, достигает 800), а также книготорговцев (*саххаф*)⁶⁶. Излюбленное место работы последних находится на улице, которая проходит неподалеку от мечети султана Баязида и которой по этой причине дано название *Саххаф чаршысы*. К ним же, правда, не без натяжки, стоило бы причислить продавцов бумаги, переплетчиков и продавцов чернил и всех письменных принадлежностей.

Гораздо ближе к реальностям жизни профессии *языджи*, публичного писца, и *арзухалджи*, составителя жалоб, прошений, заявлений и тому подобных документов. Последняя профессия регламентирована: ею не может заниматься первый встречный и где ни попадя. У каждого арзухалджи должна быть своя лавка в указанном властями месте, где он и удовлетворяет общественные нужды под бдительным оком фискальных агентов мухтесиба. Но это — в идеале, в действительности же народный жалобщик занимается своей работой где угодно, но только не в предлагаемом ему месте. Во всяком случае, значительная часть людей этого рода умственного труда выполняет свои обязанности перед заказчиками во дворах мечетей, около медресе и у стен судебных учреждений, на рынках и чуть ли не на поро-

ге резиденции великого визиря. В XVII веке многие из них предпочитали в качестве постоянного места своей работы какое-нибудь уютное кафе⁶⁷.

Все вышеупомянутые корпорации состоят исключительно из мусульман, что вполне логично: неверным категорически запрещено вторгаться в исламскую религию и во все смежные с ней области.

Зато «научные» профессии имеют более смешанный характер и даже представляются некоторым как поле деятельности для немусульман: речь идет прежде всего о профессиях врача, хирурга и окулиста.

Медицина в исламском мире, ставшем в этой области преемником достижений древних греков и средневековых арабов, пользуется очень большим почетом. Впрочем, в османскую эпоху медицина, по всей видимости, больше влечет к себе греков и евреев, нежели турок. Так, один документ, датированный 1700 годом⁶⁸, показывает, что среди выдержавших экзамен соискателей на звание лекаря имелось 5 мусульман, 5 греков, 13 евреев и 1 армянин. Довольно часто еврей оказывается в должности главного врача при дворе Великого Господина. Национальная принадлежность хирургов более разнообразна: среди 28 практикующих хирургов, получивших в 1700 году разрешение на открытие «лавки», мы находим имена 4 мусульман, 12 греков, 8 евреев, 1 армянина, 1 француза⁶⁹ и 2 англичан.

Есть еще и аптекари, и некоторые из них — иностранцы. Но последние иногда рассматриваются как опасные новаторы: указ Ахмета III (1704) запрещает употребление новых ввозимых лекарств и предписывает закрытие аптек, заведенных «франками» в Стамбуле и его окрестностях. Несмотря на запреты, медикаменты все же импортировались из Европы, особенно из Венеции. На это указывают многие венецианские документы, в которых имеются, помимо прочего, указания на отправку лекарств венецианского производства великому визирю Кёпрюлюзаде Фазилю Ахметпаше⁷⁰.

Совсем иное поле деятельности отведено фокусникам, акробатам и вообще всякого рода «затейникам»,

число которых в Стамбуле достигало 15 тысяч. Они распределяются по нескольким группам. Первую из них составляют канатоходцы и акробаты. Это по большей части турки или арабы, но есть среди них также персы, индийцы, греки и йеменцы. Они постоянно принимают участие в празднествах, а в середине XVII века их признанный корифей Ускюдарли Мехмет Челеби завоевал огромную популярность своими выступлениями на Ипподроме. За ними идут ярмарочные фокусники, чудодеи, кукловоды-петрушечники и особенно постановщики представлений китайского театра теней, получивших в Турции название «*карагёз*». Сначала турки, а вслед за ними и другие обитатели восточного Средиземноморья показали себя большими любителями этого жанра. Нет такого квартала в Стамбуле, где не было бы своего театра карагёза, причем представления устраиваются главным образом (но не только!) по ночам в месяц рамадан. Эвлия Челеби говорит о существовании еще двенадцати групп «затейников», но не указывает их названий и не раскрывает их репертуар. Они тем не менее всегда участвуют в праздниках, которые устраивают султан и представители знати по различным поводам (обрезание сына, назначение на должность и т. п.). Гостей надобно развлекать и забавлять — вот почему эти шуты, фигляры, комедианты просто незаменимы. Далеко не всегда их представления походят на добропорядочные «семейные спектакли». Некоторые из них имеют дурную репутацию распутников и извращенцев, так что им частенько приходится играть роль «любовников на час» не на сцене. К тому же разряду нужно присовокупить вожаков медведей, цыган и дрессировщиков птиц или, точнее, дрессировщиков соловьев — тех, «кто поставляет соловьев, первоклассных певцов»⁷¹.

Более высоким общественным статусом, сравнительно с описанным разрядом, пользуются музыканты, число которых в Стамбуле достигает 6 тысяч. Они подразделяются на две группы. Первая охватывает тех, кто состоит на государственной службе (*мехтер*); это те, что исполняют утренние серенады во дворце султана и фанфарами будят его обитателей, призывая их к

утренней молитве. Вторая группа состоит из, так сказать, «частных» музыкантов, организованных в рамках 71 корпорации, причем все они подчиняются общему руководству *сазендебаши*. Поле деятельности этих «частных» музыкантов весьма широко: их постоянно приглашают на семейные торжества, на радения орденов, на народные увеселения, на праздники корпораций. Богат и набор музыкальных инструментов — в нем есть место для струнных, духовых и ударных, так что трудно сказать, каким именно отдается предпочтение. Среди музыкантов много как мусульман (это по преимуществу турки и арабы), так и немусульман (преимущественно греки и евреи). Корпорации музыкантов вызвали к жизни корпорации изготовителей музыкальных инструментов — впрочем, довольно многочисленные.

Все эти люди, занятые в сфере развлечений, находят источник своего существования, помимо прочего, в том, что образованные турки (а их не так мало) очень увлечены поэзией, музыкой и их восприятием в узком интимном кругу (*сохбет*), и в том, что некоторые из них, подражая султану, поддерживают поэтов и музыкантов — примерно так, как содержат свою свиту, состоящую из приближенных и рабов. Нужно, однако, отметить, что значительная часть «развлекателей», в огромном количестве собравшихся в Стамбуле, характеризуется более чем сомнительным моральным обликом. А это дало основание обвинять столицу середины XVII века (особенно при правлении султана Ибрагима I Безумного) в том, что она превратилась в город порочных наслаждений, знаменитый лишь коррупцией и беспримерным падением нравов.

Остается упомянуть некоторые городские профессии, которые никак не желают укладываться в какие-либо определенные категории.

Во всем мусульманском мире нет города, который бы страдал от отсутствия такого традиционного учреждения, как *хамам* — бани. Для мусульман некоторые обязательства по поддержанию телесной чистоты следуют из предписаний религии. Таковы ритуальные омовения перед чтением молитв. Распространение

хамамов находится, несомненно, в прямой зависимости от необходимости следовать этим предписаниям. В Константинополе византийской эпохи имелись, конечно, бани и термы, но не в большом количестве. Османы же умножили их в такой степени, что Эвлиия Челеби отмечал в середине XVII века наличие в самом городе 61 публичной бани, да еще 50 — в его пригородах, не считая частных хамамов в султанских дворцах и особняках знати. Если же принять во внимание хотя бы только эти частные бани, то общее их число возрастет примерно до 150⁷². Хамамы Стамбула открыты для всех жителей столицы в принципе. Переходя же от принципа к его практическим приложениям, легко обнаружить, что они все же делятся на категории в зависимости от социальной принадлежности посещающей их публики. Некоторые из них обслуживают неверных, но и они могут принимать мусульман в дни и часы, определенные мухтесибом и в соответствии с утвержденными им же правилами. Так, возбраняется брить мусульманину голову той же бритвой, что служила для бритья головы неверного или шелудивого; полотенца, которыми вытираются мусульмане, должны явно отличаться от тех, коими пользуются неверные⁷³. Женщины тоже посещают хамамы — в дни и часы, когда эти учреждения закрыты для мужчин. Так как «банные дни» стали насущной потребностью всего городского населения, хамамы попали под строгий надзор мухтесиба, а правила пользования ими включают в ихтисаб.

Далеко не все городские жители имеют материальную возможность воспользоваться в полном объеме услугами, которые предлагают владельцы хамамов, — такими, как мытье, массаж, бритье, удаление волос с корнем и т. д. У каждой такой услуги своя цена, и общая сумма рискует оказаться непомерно большой. Поэтому небогатый люд (а он-то и составляет большинство посетителей) довольствуется, как правило, лишь мытьем. Однако и бедный человек находит возле хамама продавцов снадобья, удаляющего волосы, и бродячих цирюльников, готовых тут же, на улице, постричь его и придать его бороде почтенный

вид⁷⁴. Имеется, впрочем, и другой разряд цирюльников: это владельцы собственных цирюлен, причем в набор услуг, предоставляемых ими, входит помимо стрижки, бритья головы и бороды еще и операция обрезания, поэтому такого рода цирюльник именуется *сюннетджи* — «совершающий операцию обрезания».

На две категории подразделяются и водоносы (*сакка*) — профессия, в изучаемую эпоху очень распространенная как на Востоке, так и на Западе. Хотя фонтаны в Стамбуле имеются во множестве, всегда находится большое количество желающих воспользоваться услугами водоноса, который целый день постоянно снует по кварталу между фонтаном и домами заказчиков. Грань между категориями проходит по способу доставки воды: одни используют силу животного, обвешанного бурдюками и кувшинами, и они составляют, так сказать, аристократию корпорации водоносов; другие же — водоносы в буквальном смысле слова. Последние преобладают в кварталах бедноты — с бурдюком на спине они медленно бредут по улице, оглашая ее характерным для них криком. Эта корпорация, в отличие от прочих, не проводит для новичков никаких испытаний на профессиональную пригодность, рекрутируя их за счет недавно переселившихся в столицу деревенских жителей. Другим выходцам из того же социального слоя еще не утраченные навыки крестьянского труда помогают освоиться с обязанностями садовника (сады и огороды окружают город). И еще одна профессия, в которой преобладают вчерашние провинциалы: *каикджи* или *перемеджи* — лодочники-гребцы, перевозящие на своих суденышках пассажиров и товары с одного берега Золотого Рога или Босфора на другой. Отсутствие мостов очень способствует их труду.

Все эти профессии позволяют лицам определенной (низкой) социальной категории зарабатывать себе на жизнь. Как бы мал ни был их заработок, он все же представляет собой достаточное средство борьбы против нищенства, которое, как кажется, не получило широкого распространения в столице Османской империи. Если здесь и имеются нищие, то они появляются вовсе

не в том виде, в котором на Западе привыкли воспринимать их собратьев. Это скорее бедные люди, взятые на прокормление благотворительными организациями или, говоря более определенно, имаретами или народными кухнями, раздающими еду бесплатно. Впрочем, турок, и помимо этих организаций, милосерден, как отмечает Бертрандон де ла Брокьер: «Это чистосердечные и сострадательные люди. Я часто видел: когда мы вместе ели, а мимо нас проходил бедный человек, они приглашали его разделить трапезу, что у нас вовсе не принято»⁷⁵. Де Корменэн уточняет: «Не думаю, чтобы во всем мире отыскалась более милосердная нация, чем эта. Поэтому-то не видать в Турции бедняков, выпрашивающих милостыню с протянутой рукой: как только кто-нибудь из них впадает в крайнюю нужду, ему немедленно оказывают помощь его соседи»⁷⁶. Прочитываем еще одно суждение: «Не нужно думать, что в тех странах можно где-нибудь натолкнуться на толпу нищих, выставляющих напоказ ради милостыни все свои телесные уродства и стонающих по поводу своих несуществующих болезней, как это случается в христианских странах и, главным образом, во Франции, Испании или Италии: там бы их не поняли»⁷⁷. Веком позже Луар свидетельствует: «Здесь почти не видно нищих, и они не пристают к прохожим так назойливо, как к этому приучены бездельники оборванцы во Франции; здесь бедные бесплатно прокладывают дороги, соединяют их, подводят к общественным зданиям — с тем, чтобы получить право на вспомоществование, которое им оказывается богатыми людьми»⁷⁸.

Читая все это, легко заключить, что Стамбул — столица страны, где текут молочные реки меж кисельных берегов, или, говоря без метафор, страны, где каждый может заработать себе на пропитание, где даже убогий обеспечен куском хлеба и кровом над головой, каково бы ни было его социальное положение. Картина идиллическая, но даже если здесь и не идет борьба за выживание, даже если условия жизни обитателя Стамбула ничуть не хуже тех, в которых приходится влачить свое существование парижанину или жителю Лондона, а в некоторых отношениях и лучше их — даже если все

это так, то и в этом случае не следует упускать из вида вот какое обстоятельство: житель Стамбула сплошь да рядом сталкивается с такими трудностями, которые, скажем, парижанину вовсе неведомы и ответственность за которые несет экономическая политика османского правительства.

Иностранцы

«Нации»

Присутствие колоний иностранцев в Стамбуле — не новость. Будучи одним из главных центров международной торговли в Восточном Средиземноморье, Константинополь видел еще в эпоху Византии ряд торговых колоний, выращавших по побережью Золотого Рога, прежде всего итальянских. Задолго до возникновения Латинской империи (1204) здесь осели венецианцы, генуэзцы, пизанцы, амальфийцы, а рядом с ними — и купцы из Прованса и Каталонии. С 1204 года вплоть до падения Латинской империи (1261) венецианцы сохраняют привилегированное положение, позднее на первое место выходят генуэзцы, обосновавшиеся в Галате. Политический и экономический упадок Византийской империи способствует возникновению иностранных факторий, особенно в Константинополе⁷⁹. На следующий же день после взятия города Мехмет II возобновил привилегии генуэзцев в Галате и несколько позднее позволил венецианцам, а затем и другим «франкам» обосноваться в его столице. Однако условия их пребывания не были столь благоприятными, как при Палеологах: Черное море закрылось перед западными коммерсантами, а их практические возможности в самом Стамбуле оказались ограничены имперскими регламентами.

Положение в столичном комплексе — условия жизни

Вплоть до эпохи Сулеймана Великолепного практически все проживающие в Стамбуле иностранцы —

это коммерсанты. С установлением нормальных дипломатических отношений, сопровождающихся назначением в столицу послов великих держав и изданием *капитуляций*, определивших статус иностранных подданных в пределах Османской империи, правовое положение иностранцев значительно меняется. Помимо торговцев сюда прибывают дипломаты, представители свободных профессий, миссионеры — в постоянно растущем числе.

Первые капитуляции были заключены в 1536 году с Францией (впрочем, дата остается предметом обсуждения) — как следствие миссий Жана Франжипани и Антуана Ринкона. Честь их формального заключения выпала на долю первого официального французского посла Жана де ла Форэ (Forest), направленного в Стамбул Франциском I в сопровождении (знаменательный факт!) ученого Гийома Постеля, которому было поручено собрать античные и мусульманские рукописи для Королевской библиотеки (позднее — Национальная библиотека)⁸⁰. Помимо того что капитуляции определяли условия существования и работы французов в Османской империи, они предоставляли Франции привилегию права флага (которой до этого пользовались только венецианцы). Иначе говоря, купец, из какой бы то ни было европейской страны (за исключением Венеции), желающий торговать в пределах владений Великого Господина, мог это делать лишь «под знаменем и покровительством Франции». До 1580 года только французы пользовались такой привилегией; основываясь на ней, они обеспечили себе экономическое преобладание в турецком мире. Но в 1580 году англичане получили точно такую же привилегию, а в 1612 году ее обладателями стали и голландцы. С этого времени и примерно до 1685 года две последние нации добились неоспоримого верховенства — англичане в Константинополе, голландцы в Смирне. Мало-помалу в течение XVII века и другие европейские державы, одна за другой, получали капитуляции, и в конечном итоге привилегированных наций не осталось.

Капитуляции, даруемые султаном той или иной европейской нации, предусматривают прежде всего пра-

во ее представительства как в столице империи, так, при необходимости, и в провинциях. В столице эта функция выполняется послом (резидентом, *байли* и пр.) соответствующей державы, а в главных портовых городах — ее консулами. Упомянутые лица играют, так сказать, двойную роль: с одной стороны, они представляют своих соотечественников перед турецким правительством и перед местными турецкими властями (во втором случае речь идет, конечно, о консуле), а с другой — выступают делегатами собственного правительства перед своими соотечественниками. В Стамбуле консулов нет (как нет и чисто местных властей: управление столицей — задача правительства), и в силу этого здесь имеет место совмещение дипломатических и консульских служб. Иначе говоря, посол (а вместе с ним и штат посольства) вынужден заниматься, помимо основных своих дипломатических обязанностей, еще и тем, чем занят консул, например, в Александрии. Чем же именно?

Круг его задач смешанного характера весьма широк. Он должен делать необходимые представления турецкому правительству всякий раз, как личная или имущественная неприкосновенность кого-либо из его соотечественников будет нарушена или окажется под угрозой. Если выходец из его страны умирает в Стамбуле, посол должен озаботиться тем, чтобы имущество покойного было передано законным наследникам, несмотря на все препятствия, которые в подобных случаях выстраиваются османскими чиновниками. Посол должен следить за тем, чтобы поле экономической деятельности коммерсантов его «нации» (поле, очерчиваемое капитуляциями) не подвергалось с турецкой стороны никаким попыткам произвольного сужения. Посол должен стоять на страже налогового иммунитета, предоставленного подданным его державы. Он должен заявлять великому визирю протест, если кто-либо из них подвергнется давлению с целью вынудить уплатить *харадж* (налог, возлагаемый на всех подданных Османской империи) или *джизье* (налог на немусульман).

Если в квартале, где проживают иностранцы, происходит убийство — они не должны подвергаться допро-

су и не должны вызываться или насильственным образом доставляться к кади. Всё же привлекаемые к судебной ответственности, они должны предстать перед судом только в присутствии официального представителя своей «нации». Они, иностранцы, вольны отправлять все обряды и предписания своей религии. Католические епископы, священники и монахи не должны испытывать каких-либо утеснений в своей религиозной деятельности — лишь бы они не переходили границы предоставленных им прав.

Таковы вкратце основные пункты капитуляций. И они, в общем и целом, выполняются (по крайней мере, в Стамбуле), за исключением периодов внешних и внутренних кризисов. Так, в 1635 году переводчик французского посольства Маршевилль, слишком решительно протестовавший перед турецкими властями против захвата последними одного из французских зданий, был посажен на кол. Венецианский купец был повешен за то, что осмелился разглядывать сады Сераля сквозь подзорную трубу. По тому же обвинению в тюрьму были брошены английские и французские коммерсанты. Когда до Стамбула дошла весть о поражении турецкого флота в морском бою с англичанами, английские, французские и венецианские купцы были присуждены к уплате штрафа в 40 тысяч экю, а их магазины подверглись обыску⁸¹. В 1681 году, когда произошёл спровоцированный адмиралом Дюкесном инцидент на острове Хиос, французы в Стамбуле жили под страхом репрессий со стороны турецкого правительства; даже посол Гийераг боялся быть брошенным в тюрьму, но он смог избежать опасности сам и отвести угрозу, нависшую над его соотечественниками, посредством приема, который никак не может претендовать на оригинальность, — подношения очень дорогих подарков, врученных кому надо и где надо.

Впрочем, нельзя утверждать, что Стамбул был свидетелем многих проявлений ксенофобии. По причине довольно-таки очевидной: контакты между турками и иностранцами были очень ограничены — тем более что в XVI веке очень мало «франков» жило в собственном Стамбуле, а в XVII веке их вообще там уже не было.

Все они обосновываются исключительно в Галате и Песте, куда к 1646 году перебрались и все посольства. Во времена Сулеймана и его непосредственных преемников иностранцы были обязаны одеваться по-турецки — во всяком случае, носить кафтан, скрывающий прочее одеяние. Позднее это правило время от времени возобновлялось, но в XVII веке о нем обе стороны окончательно забыли. Произошло это потому, что европейцы жили обособленно, в своем кругу, и общались исключительно с представителями религиозных меньшинств, преимущественно с греками, с которыми их сближала известная религиозная общность. Евреи служили для них посредниками в коммерческих делах и в отношениях с турецкой администрацией, но в брачный союз они вступали исключительно с гречанками и армянками. Хотя, теоретически рассуждая, дети, рожденные в этих смешанных браках, должны были бы быть подданными султана, но на практике османское правительство никогда не настаивало на этом своем праве, и эти дети числились по национальности отца⁸². То, что такие браки в самом деле имели место, следует, по крайней мере в отношении французов, из решения торговой палаты Марсея (1658), запрещающего женщинам отправляться в страны Леванта; позднее (1679) та же палата перечисляет лиц, присутствие которых в Леванте нежелательно, причем в этом списке женщины оказываются между бродягами и «темными личностями»⁸³. Следовательно, на Ближний Восток отправляются только холостяки. Если они женятся на гречанках, то необходимо, чтобы их венчал католический священник. Тот же, кто посмеет обратиться к православному *попу*, рискует немедленно в принудительном порядке быть возвращенным во Францию. Впрочем, имеется еще один законный способ заключить брак, но — брак временный. Для его регистрации иностранец должен обратиться к кади, приведя с собой свою избранницу, и заключить с ней в его присутствии брачный контракт, в котором оговорен срок его действия. Временный брак («*mariage à kâbin*») пользовался большой популярностью во всех портах Леванта.

Основные иностранные «нации» в Стамбуле

Пожалуй, самая многочисленная из европейских «наций», первоначально обосновавшихся в Стамбуле, — это венецианцы. Венецианская колония, должно быть, насчитывала в первой половине XVII века многие десятки купцов, некоторые из которых принадлежали, по всей видимости, к семьям, укоренившимся на Востоке два, а то и три столетия назад. Венецианские регламенты менее строги, чем французские, и легко предположить, что торговцы и консульские представители Светлейшей республики живут там со своими женами и детьми. Эта колония, руководимая байли (байлом), включает в себя «официальный» персонал: секретарей, драгоманов⁸⁴ и так называемых «*giovani della lingua*» («молодых переводчиков»). Под последним термином разумеется вот что: Венеция отправляла в Стамбул либо подбирала в самом Стамбуле в венецианских семьях способных юношей для совершенствования в турецком и арабском языках — с тем чтобы они стали со временем драгоманами в портовых городах Османской империи. Наряду с этим «официальным» имеется еще и «неофициальный» персонал, который состоит из местных венецианских купцов, а также из лиц иных профессий. Торговцы явно занимают в нем ведущее положение, и из них формируется «Совет двенадцати», который помогает байли в управлении колонией и решении всех вопросов, относящихся к торговле. К тому же венецианская колония, похоже, включает в себя несколько еврейских семей, укорененных одновременно и в Венеции, и в Стамбуле. Около 1640 года видное положение занимают такие из них, как Франко, Йезурум и Наон.

Галата и Пера — места проживания всей венецианской колонии. Резиденция байли с 1638 года — «Виноградники Пера», и он, кажется, — один из первых обосновавшихся здесь европейцев. В течение большей части XVI века и первой половины XVII венецианцы жили здесь, не сталкиваясь с особыми трудностями. Их меновая торговля процветала и по своему объему в период 1600—1645 годов превосходила торговлю любой иной европейской колонии. Однако в середине столе-

тия произошел перелом к худшему, вызванный Критской войной (1645—1669), которая длилась без малого четверть века. Следующая война с турками (1684—1699), в которой Венеция приняла участие как один из членов «Священной Лиги», нанесла венецианской торговле еще один мощный удар. Военные действия если и не прервали полностью, то, во всяком случае, сильно затруднили венецианскую морскую торговлю. Венецианцы вынуждены были обратиться к посредничеству османских евреев, французов и англичан — к выгоде своих конкурентов и к своим убыткам. К тому же у турецкого правительства было достаточно поводов, чтобы показать свою злопамятность по отношению к гражданам Венецианской республики, всячески затрудняя их торговлю. Так, венецианцы оказались последними в числе «наций», добивавшихся, одна за другой, снижения ввозных таможенных пошлин с 5 до 3 процентов от стоимости импортируемых товаров, что, конечно, не способствовало процветанию их торговли и вызвало поток жалоб от венецианских резидентов в Стамбуле в адрес правительства.

Французы в XVI веке с блеском вышли на турецкую политическую сцену и вполне удовлетворительно показали себя и на арене экономической. Здесь требуется одно уточнение. К началу XVII века объем французской торговли с Османской империей был отнюдь не мал, но французы торговали по большей части в портах и городах Сирии — Алеппо, Триполи, Дамаске и т. д. Между тем их колония в Стамбуле оставалась малочисленной, а позиции — слабыми; и это главным образом по причине мощной венецианской конкуренции. В годы правления Генриха IV делается энергичная попытка укрепить французское присутствие именно в Константинополе, и она приносит свои плоды. Этот напор продолжается около двадцати лет, но позднее постепенно сходит на нет из-за внутренних политических трудностей в самой Франции, а с другой стороны, из-за некомпетентности или неспособности некоторых французских послов при Османском дворе. Как бы то ни было, происходит ослабление французского политического и экономиче-

ского влияния, что идет на пользу англичанам и голландцам. Наиболее значительный факт эпохи — это умелая поддержка католических миссий в Османской империи со стороны французского посла Филиппа Арле (Harlay), графа де Сези, который помог капуцинам обосноваться в Стамбуле, ряде других городов и на некоторых островах Архипелага. Годы пребывания в должности французского посла Жана де ла Ай (de la Haye) — 1636—1660 — совпали с периодом самого глубокого охлаждения франко-турецких отношений, связанного с поддержкой Францией Венеции, которая вела тогда войну с Османской империей из-за Крита. Отношения были так плохи, что однажды произошло событие совершенно невообразимое: сын посла, направленный в Адрианополь для встречи с великим визирем, был там схвачен и избит палкой! Напряженность сохраняется в течение всей Критской войны, и только после назначения послом Нуантеля (1670) появляются первые признаки улучшения. Впрочем, новый посол и великий визирь Ахмет-паша Кёпрюлю при первой своей встрече должны были решить сложную задачу протокольного характера: великий визирь предложил послу, представляющему в своем лице особу христианнейшего короля, сесть на простой табурет, который к тому же поставлен ниже его, то есть всего лишь визирского, кресла! Вопрос дипломатического этикета все же нашел удовлетворительное для обеих сторон разрешение, после чего довольно быстро наладились и отношения между двумя державами. Отношения эти оставались почти безоблачными вплоть до инцидента на Хиосе, в городе, который был подвергнут бомбардировке французской эскадрой под командованием адмирала Дюкесна. Тогда французский посол Гийераг едва не попал в турецкую тюрьму. После того, как инцидент был исчерпан, франко-турецкие отношения развиваются по восходящей линии. И эта тенденция, в частности, хорошо прослеживается по росту французской торговой колонии в Стамбуле. В 1636 году в столице было всего два дома, принадлежащих французским купцам. В 1640 году — столько же,

в 1667 году — четыре, но эта дата становится отправной точкой роста численности французских торговцев, обосновавшихся в городе. В 1670 году имелось 24 торговца (резидента), каждый из которых был главой семьи; всего же французов, считая жен, детей и слуг, было тогда в Стамбуле около сотни. А в сопоставимый по длительности период 1685—1719 годов в столице осело 175 купцов!

Что собой представляют французские купцы? Один архивный документ, относящийся к 1670 году⁸⁵, дает некоторые разъяснения. Итак, в этом году имеется четыре торговых дома: первый из них принадлежит Жаку, Жозефу и Жану Фабр из Марселя и объединяет пять семейств, проживающих в Стамбуле не менее 15 лет; второй — Бартелеми и Жюлио Греаск из Марселя и объединяет четырех коммерсантов, живущих в городе 16 лет; третий — Жану-Батисту Дюлар и Клоду Мариотти из Марселя, которые вместе со своим конторским служащим Клодом Совером поселились здесь три года назад; и, наконец, четвертый принадлежит Роболи (из Марселя) и его помощнику Колле, оба в Стамбуле прожили 30 лет. Помимо коммерсантов, колония включает в себя трех хирургов (Пьера Жангиля, Шателлеро, Роллана, парижан, и Пьера Шобера из Прованса), владельца аптеки Лавалья (из Марселя), трех портных (Эрмитт из Лиона, Мутон из Прованса и Антуан, происхождение которого не указывается), одного изготовителя рессор для карет и колясок (Фабра из Марселя) и, наконец, двух человек без определенного рода занятий (Мишеля Тофферо из Анжера и Жана Буше из Лиона, приходящегося тестем хирургу Пьеру Жангилю). Большинство женаты на гречанках и, как уточняет документ, «прибыли сюда, чтобы заработать себе на жизнь, не имея такой возможности в своей стране; поскольку они женились здесь, будет весьма затруднительно заставить их вернуться в свою страну, так как их жены могут и не пожелать уехать с ними». Стоит добавить, что документ упоминает лиц, находящихся под покровительством Франции. Это — «часовщики, граверы, женатые и неженатые, в большинстве своем прибывшие из города Женева и поселившиеся здесь; все они нахо-

дятся под покровительством господина посла Франции». Общее их число 34 человека: 11 женатых и 23 холостяка. «Все они протестанты, за исключением трех католиков».

Англичане с конца XVI века прибывают в довольно большом количестве; около 1640 года в Стамбуле — 24 или 25 торговых домов, принадлежащих английским купцам, что делает англичан «самой большой и многочисленной нацией из тех, которые в целях торговли находятся ныне в пределах Турецкой империи»⁸⁶. Английская революция на некоторое время ставит под вопрос процветание английской колонии, которая становится полем разногласий — впрочем, вовсе не политического характера. Ссоры вспыхивают между послом и купцами, с одной стороны, и Левантийской компанией — с другой. Самое удивительное — в том, что враждующие партии выносят разрешение конфликта на суд великого визиря и каждая из них, чтобы склонить его в свою сторону, использует аргументацию чисто финансового свойства. Компания оказывается сильнее — и выигрывает: посол отозван⁸⁷. В дальнейшем число английских торговцев остается почти неизменным и колеблется около 25. Когда в 1691 году британский посол сэр Вильям Хасси (Hussey) прибывает в Стамбул, на торжественную встречу с ним являются 50 его соотечественников; это число, очевидно, охватывает не только купцов, но и капитанов (шкиперов) английских судов, бросивших якорь в водах Золотого Рога, а также, что вполне вероятно, и английских торговцев, приехавших в столицу из других мест специально по этому случаю⁸⁸. Эти английские негоцианты представляют Левантийскую компанию и имеют от нее аккредитацию; сам посол получает жалованье от компании. Компания осуществляет жесткий контроль не только над деятельностью своих агентов, но и над их частной жизнью, что у них подчас вызывает сильное недовольство. Как и французы, англичане часто берут себе в жены гречанок, но компания в 1677 году запрещает смешанные браки, и этот запрет действует в течение некоторого времени⁸⁹.

Поселившиеся в столице англичане в большинстве своем торговцы, но не все. Так, около 1700 года в Стамбуле практиковали два английских хирурга, Джейпер и Джон Первин. Можно полагать, что среди англичан были и другие лица, не принадлежавшие к купеческому сословию.

Что касается голландцев, очень активных, вообще говоря, в Османской империи, то как раз в столице они представлены слабо: в 1669 году здесь зарегистрирован всего лишь один дом голландского купца. Их торговые суда посещают Стамбул довольно часто, но голландские купцы предпочитают вести свои дела через посредников, греков или армян; иногда свои рейсы они совершают по заказу венецианцев. Голландцы пользуются в Стамбуле репутацией честных, порядочных коммерсантов, продающих товар лишь превосходного качества. Эта репутация открыла им широкие возможности для сбыта огромных партий сукна, затем для выгодной торговли монетой, так как это они ввозят в страны Востока знаменитые *арслани* (эку с изображением льва), которые пользуются огромным спросом у османов. Турки эту золотую монету предпочитают собственным пиастрам, хотя с середины XVII века происходит неоднократная порча арслани, что приносит немалую выгоду его продавцам.

Нужно упомянуть и о генуэзцах. Они окончательно распрощались со своим бывшим верховенством в Галате. Их позиции настолько ослабли, а их самих осталось так мало, что пост их резидента в Стамбуле упраздняется, а французы собираются взять их под свое покровительство. Но, несмотря на все невзгоды, все же имеется небольшая группа генуэзских негоциантов, которые работают, выполняя заказы других «наций». Есть и ремесленники, потомки тех, что осели здесь еще во времена Византии. Для них Галата остается генуэзским, то есть их, городом. Редкие суда из Генуи совершают сюда чартерные рейсы, оплачиваемые частными лицами, которые занимаются здесь прибыльной продажей монеты или сбытом товаров, выдаваемых за венецианские. Тем не менее генуэзцы, как ни мало их осталось, стойко держатся, образуя основу того левантийского населения, о котором речь

пойдет ниже. Это «пероты» — жители Перы. Само название несет в себе достаточно внятную характеристику, включающую нравы, местные традиции, даже особый язык. Пероты считают себя представителями западной цивилизации, но не могут даже помыслить о возможности жить где-либо еще, кроме Галаты и Перы.

Послы — неудобства и величие профессии дипломата

Галата-Пера — город неверных. Это определение стало вполне очевидным, когда иностранные послы перенесли свои резиденции из Стамбула в Перу (1630—1646). Если генуэзцы и венецианцы имеют здесь своего официального представителя — *подесту*, или байли — издавна⁹⁰, то французы и англичане обзавелись им лишь в XVI веке, а голландцы — с начала XVII. Посол, официальный представитель своей страны, в то же время и даже в еще большей степени играет роль представителя торговых компаний. Так, посол Великобритании в действительности назначается Левантийской компанией и от нее же получает жалованье. Посол Франции вознаграждается отчислениями от пошлин на экспорт и импорт, которые взимаются марсельской таможней, так как через Марсель ведется французская торговля с Левантом. Из этого как будто следует тот факт, что послы поставлены на защиту скорее экономических, нежели политических интересов своих стран, но разве те и другие не переплетены теснейшим образом между собой? По той же причине возникают конфликты послов с их же соотечественниками, обосновавшимися в портовых городах Османской империи, так как посол довольно часто злоупотребляет своими финансовыми правами. Во имя интересов торговли он договаривается о займах, которые коммерсантам предстоит погасить посредством взимания определенного процента от стоимости импорта и экспорта: господ де Сези, де ла Ай и Нуантель так и поступали к великому ущербу французских купцов в Стамбуле, которые жаловались на подобный образ действий торговой палаты в Марселе⁹¹. Поборы, которые должен уплачивать Высокой Порте посол при всяком сколь-либо серьезном инциденте, разверстыва-

ются среди его соотечественников в Стамбуле, которые, к слову сказать, очень редко бывают хоть в какой-то мере повинны в произошедшем⁹². Когда посол ради возобновления капитуляций или ради получения какой-либо коммерческой льготы вынужден делать ценный подарок великому визирю и несколько менее ценных ряды османских чиновников, он возлагает все связанные с подношениями расходы опять-таки на купцов своей «нации» в Стамбуле. Только после того как французское правительство взяло на себя все расходы посла и посольства (1691), положение французских коммерсантов в турецкой столице несколько улучшилось.

Хотя представление о том, что посол занимается вымогательством по отношению к своим подопечным, вовсе не лишено основания, нужно все-таки понять и посла, который в отношениях с турецкими властями не раз оказывается, мягко говоря, в деликатном положении. Отнюдь не в его интересах безропотно принимать к уплате те поборы, которые им благоугодно возложить на него. Отсюда — переговоры неофициального свойства, закулисный торг с представителями этих властей, к каждому из которых нужно найти свой подход, и т. д. Далеко не всегда его действия принимаются с должной благодарностью или хотя бы с любезностью, особенно тогда, когда политические отношения между двумя государствами натянуты. К примеру, для того чтобы замять Хиосский инцидент (1681), посол Гийираг должен был поднести ценный дар великому визирю Кара Мустафа-паше и множество подарков непосредственным подчиненным визиря, что обошлось ему в 250 тысяч ливров, даже в 450 тысяч, поскольку первая сумма была взята взаймы, а уплачивать ее приходилось с процентами⁹³. В начале Критской войны французский дипломат М. де Варенн был откомандирован посольством для того, чтобы попытаться наладить переговоры между противниками. Распространились слухи, что в целях успеха своей миротворческой миссии он накануне отъезда обзавелся круглой денежной суммой, и турецкие власти, проявив на этот раз вообще-то не свойственное им проворство, решили немедленно проверить дошедшую до них ценную

информацию: все ящики в доме де Варенна были вскрыты, и из них была изъята тысяча золотых экю. Великому визирю пришлось проявить всю настойчивость, всю свою железную волю для того, чтобы заставить подчиненных вернуть дипломату похищенное⁹⁴. В 1635 году до Стамбула доносится весть о разгроме турецкого флота, и реакция османских властей оказывается незамедлительной: на иностранных негодяев налагается штраф в 40 тысяч экю, резиденции послов подвергаются серии обысков — ищут оружие, но вместе с ним уносят все ценные вещи.

Не нужно думать, что присутствие посла влечет за собой для коммерсантов лишь увеличение накладных расходов и прочие неприятности. Еще бóльших расходов и еще горших бед стоило бы его отсутствие. Прежде всего он — совершенно незаменимый посредник в отношениях его соотечественников с османской администрацией; именно он и никто иной в состоянии добиться самых главных из множества всякого рода «разрешений», необходимых для нормальной коммерческой деятельности, включая разрешение торговым судам плавать в турецких водах, заходить в порты Империи и покидать их. Именно он следит за выполнением капитуляций, именно он прилагает усилия к их улучшению — всякий раз, как подходит срок их возобновления. Он пользуется бóльшим уважением, нежели рядовой консул, и в нормальных условиях (то есть не в периоды кризисов) окружен вниманием и почтением со стороны османов. Наконец, ему предоставлено право личного обращения к властям на самых высоких уровнях, а не только на местном — например к градоначальнику или губернатору провинции. Знаки уважения к нему как к официальному лицу оказываются даже ранее того момента, когда новый посол въезжает в свою столичную резиденцию. Если он путешествует сушей, османское правительство посылает ему навстречу официального представителя — *михмандара*, который сопровождает его от границы до Стамбула; его путевые расходы, в частности на гостиницы и питание, покрываются османами; ему предоставляются лошади и экипажи для перевозки свиты и багажа. Его вступление в столицу обставляется с великой пом-

пой. Шевалье д'Арвье так описывает въезд нового посла Франции де Нуантеля в Константинополь:

«Кортеж открылся сотней пеших мушкетеров, вооруженных большими мушкетами и кривыми саблями. Во главе их шествовали два трубача француза в ливреях посольства... За ними следовала сотня янычар в парадных колпаках под начальством *чаушбаши*, одного из своих офицеров, который на колпаке имеет султан, даже три красивых султана, как знак отличия от рядовых. Сотня *шау*, ехавшая за ними на великолепных лошадях, была вооружена кривыми саблями и булавами; их лошади приковывали к себе взоры как изяществом форм и живостью движений, так и блеском золотого шитья своих чепраков. Затем ехала часть свиты господина де Нуантеля, а с нею, для ее охраны, и восемь янычар. Дворецкий г-на Нуантеля следовал за ними, возглавляя группу из шести камердинеров в камзолах из синего сукна, украшенных серебряными галунами; за этой группой, немного поодаль, ехали на добрых лошадях двенадцать выездных лакеев в ливреях цветов герба их господина с серебряными и золотыми галунами. Потом конюхи турки вели под уздцы двух коней, подаренных каймакамом г-ну де Нуантелю; чепраки лошадей были украшены золотым шитьем и жемчугом, а серебряные стремяна — изумрудами и рубинами.

Французские и венецианские переводчики были одеты в атласные камзолы и в мантии ярко-красного цвета, подбитые мехом куницы, и носили очень красивые шапочки. За ними выступали первый конюший каймакама, два офицера сипахи и чаушбаши Великого Господина, рядом с которым ехал воевода Галаты... Четыре богато одетых трубача с серебряными трубами и в расшитых золотом перевязях следовали за ними. А за этими трубачами уже ехали, бок о бок, послы: г-н де ла Ай справа и г-н де Нуантель слева. Под г-ном де Нуантелем был прекрасный конь буланой масти, подаренный ему каймакамом, с чепраком из сукна, вышитого золотом и украшенного жемчугом. Аббат де Нуантель ехал за своим братом в сопровождении свиты из французских дворян — все на великолепных скакунах и роскошно одетые. Далее следовали секретари (посольств)

Франции и Венеции, им сопутствовали тридцать дворян, которые сошли с кораблей на сушу только для того, чтобы увеличить собой свиту. Весь коммерческий корпус и вся французская нация верхом на лошадях замыкали шествие, которое длилось полтора часа. Улицы, окна домов, даже крыши были заполнены неисчислимым множеством людей всех религий. Послы прибыли, таким образом, во дворец Франции...»⁹⁵

В таком шествии не было ничего необычного — напротив, при прибытии каждого нового посла великой державы в Стамбул оно повторялось вновь и вновь. Подобный же кортеж проходил по столичным улицам, когда посол отправлялся нанести свой первый официальный визит султану.

Посол постоянно пользовался, помимо прочего, янычарской стражей, которую он, впрочем, должен был содержать — кормить и выдавать жалованье. Если посол выезжал куда-либо за пределы Стамбула (например, в Адрианополь, когда там пребывали султан и великий визирь), экипажи и лошади передавались в его распоряжение.

Первым помощником посла во всей его многотрудной деятельности выступает секретарь, который к тому же в отсутствие шефа принимает на себя его функции, превращаясь в «поверенного в делах»⁹⁶: к примеру, в течение почти всей Критской войны венецианский секретарь Джованни Батиста Балларино обеспечивал ведение дел в посольстве Венеции в Стамбуле. Имеется еще корпус драгоманов — официальных переводчиков родом или из метрополии, или из колонии соответствующей «нации» в Стамбуле, или, наконец, набранных среди местных религиозных меньшинств⁹⁷. Вслед за венецианскими *giovani della lingua* был создан и французский корпус драгоманов *jeunes de langue*, в котором происходила подготовка переводчиков для посольства и консульств. Школа «молодых переводчиков» первоначально была создана во французском посольстве в Стамбуле, а потом перенесена в Париж, где стала ядром «Национальной школы живых восточных языков».

Французская колония

Выходцы из больших европейских стран в Стамбуле, как и в других портовых городах Империи, организованы в «нации» (или, говоря современным языком, колонии). Этот институт весьма древний: венецианцы и генуэзцы объединялись в рамках единой организации, подчиняясь при этом определенным правилам поведения, еще во времена Византии; французы, англичане и голландцы последовали их примеру с конца XVI века. Что касается, например, французов, то они составляют в своей совокупности ассамблею, которая обладает правом, в частности и в провинциальных портовых городах, следить за ходом дел, интересующих всю «французскую нацию» в пределах Османской империи, — особенно за финансовыми делами. Ассамблея ежегодно избирает двух своих представителей, носителей громкого звания «депутатов нации». Однако как раз в Стамбуле их роль, как кажется, менее значительна, чем в провинции. О таких депутатах в османской столице нет никаких известий ранее 1692 года, между тем как, скажем, в Алеппо они действуют с 1623 года. Эти депутаты имеют полномочия ведать финансами «нации» (или, точнее, местной ее общины), что, в общем-то, сопоставимо с функциями торговой палаты. Каждый триместр они передают консулу отчет о балансе поступлений и расходов и помогают ему в основных работах. Однако это общее наблюдение не подтверждается именно в Стамбуле, где личность посла сводит к минимуму роль депутатов.

Депутаты имеют право быть переизбранными на этот пост лишь после того, как истекнут два года после окончания их предыдущего мандата. Выборы сопровождаются обычно интригами, ссорами и нередко делают необходимым вмешательство посла (или консула)⁹⁸. Между тем в Стамбуле такие выборы носят формальный характер, здесь звание депутата скорее временный почетный титул, знак признания за его носителем общественного уважения, нежели указание на некие конкретные функции, связанные с этим званием. Такое положение длится, пока колония не становится действительно многочисленной, то есть примерно до 1715 года.

До этого времени колония остается малочисленной еще и в силу позиции Марсельской торговой палаты, которая ограничивала отъезд французов в страны Леванта. Там, в левантийских портовых городах, могут быть терпимы лишь те, кто намеревается «честно приумножить свое достояние», а не всякого рода авантюристы. Вот почему из списка отъезжающих вычеркивались имена французов, не имеющих такого достояния, которое стоило бы приумножать, и не владеющих никакой профессией, то есть «бродяг, бездельников и ленивцев»; разрешение выдавалось к тому же только тем лицам, честность которых подтверждается расследованием. На точку зрения торговой палаты встала ассамблея общин Прованса, а позднее парламент города Экса, который в январе 1663 года постановляет, чтобы «все отъезжающие получили удостоверения об их хорошей жизни и достойных нравах от старшин магистрата коммерции в упомянутом городе Марселе, Тулоне и других приморских городах провинции»⁹⁹. Ту же позицию занимает и Париж, поскольку посол де ла Ай, солидаризируясь с Марсельской торговой палатой по вопросу отбора отъезжающих, пишет ей: «Отныне ни один торговец или ремесленник, желающий обосноваться в Леванте, не будет там принят без ее (палаты) согласия, которое предоставляется только тем, кто предъявит аттестацию от господ старшин и депутатов палаты в том, что он добронравен и имеет достаточные средства, чтобы завести свое торговое дело в портах Леванта»¹⁰⁰. Подобного же рода инструкции даются послу Нуантелю (1670).

Эта политика проводится в интересах марсельцев и провансальцев или, точнее, в интересах Марсельской торговой палаты и Средиземноморской компании (*La Compagnie de la Méditerranée*), которая располагает и в Марселе, и в Стамбуле, и в других портах Османской империи сетью квалифицированных и влиятельных представителей. Взять хотя бы братьев Фабров: Жозеф — один из директоров Средиземноморской компании (основанной в сентябре 1685 года); Матье — тоже директор; Антуан — консул в Смирне; Жан Батист — крупнейший французский негодциант в Стамбуле. Изучая списки французских торговцев в турецкой столице и в

других городах Империи, неизбежно приходишь к выводу, что подавляющее их большинство — уроженцы Марсея и Прованса. Перед нами, очевидно, фактическая монополия, которая, несомненно, сдерживала развитие французской торговли в Средиземноморье. Однако потребность в дальнейшей экспансии все-таки взяла свое: искусственные ограничения рухнули, и французская колония в Стамбуле стала в XVIII веке самой значительной, чему, помимо прочего, способствовали безоблачные отношения, установившиеся между Высокой Портой и Версальским двором.

Торговля местная и международная

Стамбул являет собой мощный центр притяжения для промышленных товаров, продуктов сельского хозяйства, сырья, предметов роскоши, предназначенных как для местного потребления, для нормального функционирования правительственных arsenалов, ремесленных мастерских, так и для экспорта в европейские страны. Он служит также и перевалочным пунктом для транзита многих товаров.

Монеты

Приток товаров порождает никогда не прерываемую череду торговых операций, которые предполагают операции денежные, а последние ставят проблему монет, так как именно они — цель подлинной торговли.

На территории Османской империи в XVI—XVII веках имели хождение многие золотые и серебряные монеты, чеканенные в Италии, Испании и, позднее, Голландии. Османы стремились накопить их, поскольку эти монеты иностранной чеканки с течением времени сохраняли свою первоначальную стоимость в большей мере, чем это удавалось турецким монетам: акче, к примеру, в XVI и особенно XVII веках значительно обесценились.

Золотые монеты, обращающиеся в Стамбуле, малочисленны по типу и по количеству: всякая золотая монета обладает такой непререкаемой ценностью, что ее владелец не спешит расстаться с ней, пустив ее вновь

в коммерческий оборот. Само государство дает тому пример — оно накапливает золотые монеты, всеми средствами изымая их из оборота¹⁰¹. Золотые монеты, носящие постоянно общее наименование *алтун*, вместе с тем получают от эпохи к эпохе некоторые дополнительные имена. Так, в начале XVI века они также называются *филури* (от флорина) и шахи. Завоевание Египта Селимом I открывает османам доступ к золотым запасам как в металле, так и в монете, не только в самом Египте, но и в Судане. Египетская золотая монета *ашрафи* получает в некоторых провинциях империи хождение под турецким именем *ширефи алтун* или *ширефи* (европейцы называют ее *шериф* или *султани*).

В обращении продолжает находиться и иностранная золотая монета: венецианский *цехин*, пользующийся здесь большим спросом еще со времен Византии (он даже выполняет функцию монетарного эталона, так как его стоимость в течение веков остается неизменной); венецианский *дукат* и германский *дукат*, несколько уступающие по стоимости цехину.

В коммерческой практике, как и в обыденной жизни, в ходу только серебряная монета.

Самая распространенная из серебряных монет до последней четверти XVII века — *акче*, «беленькая»; во времена Селима I за один *пиастр* (*куруш*) дают 40 акче; в середине XVI века — 50; в 1600 году — 80; в 1630-м — 96; в 1640—1641 годах — от 120 до 125, но тогда же чеканится новая акче, содержащая несколько больше благородного металла, а потому восстанавливается курс: за пиастр — 80 аспров; в 1656 году их соотношение — 1:90; в 1664-м — 1:120; в 1687-м — 1:160. *Аспр*, теоретически «серебряная монета», содержит медь в большой пропорции. «Эта монета настолько мала и настолько тонка, что ее легко потерять между пальцами»¹⁰². Переплавка монеты (1700) приводит ее в соотношение 1 пиастр=120 акче. Однако никакая переплавка не может изменить той реальности, что акче в течение не менее чем двадцати лет служит всего лишь разменной монетой, то есть практически вытеснена из денежного обращения несколько более стабильным пиастром.

Однако и пиастр за два века не раз обесценивался.

Один шерифи в период с 1510 по 1640 год стоил 1,5 пиастра, но в 1642 году он стоит уже 2 пиастра, в 1669-м — 2,25 пиастра, в 1700-м — 2,5 пиастра. Собственно говоря, подлинный османский пиастр появляется только в конце XVII века: ранее под «пиастром» разумелась имитация той или иной иностранной монеты. Наибольшей популярностью среди многих образцов для подражания пользовался голландский талер с изображением льва под турецкими названиями *эседи куруш*, *эседи* и *арслани* (от *арслан* — лев). Европейцы эту турецкую монету, имитирующую голландский образец, называли «*асселани*» или «*абукель*» (от арабского *абукельб*, что значит «отец собаки»). Голландский талер пользовался в Османской империи большим спросом, несмотря на то, что голландцы, как и англичане, оплачивая свои закупки в Империи звонкой монетой, портили ту «звонкую монету», что предназначалась для употребления на Ближнем Востоке: процент примеси к благородному металлу в голландском талере, имевшем хождение на Западе, был равен 30, а в его восточном варианте достигал 40¹⁰³. Другие европейские нации с успехом следовали голландскому примеру, сбывая туркам и арабам порченную монету (часто те же самые арслани), которая тем не менее принималась за полноценную.

Еще более высоко котировался севильский или мексиканский пиастр, пущенный в обращение на Ближнем Востоке итальянскими торговцами из Генуи и Ливорно. Французы тоже использовали севильский пиастр, но лишь вот в каком кругообороте товаров и, следовательно, денег: марсельские коммерсанты закупали в Османской империи товары, оплачивая их испанской монетой; затем они эти товары сбывали за границей, главным образом в Испании, получая за них севильские пиастры, которые тратились потом в Османской империи¹⁰⁴.

Однако монета эта дорогая, и французы решают пустить в обращение ее восьмую часть (по-турецки — *стююн*, европейцы же это название преобразовали в «*темин*», или «*тимин*»), которая первоначально имела большой успех. Но этот успех повлек за собой спекуля-

цию, что привело к падению ее стоимости с 1/8 до 1/12 пиастра; в конце концов турки запретили ее ввоз в Империю, что, впрочем, не могло помешать недобросовестным коммерсантам продолжать ее ввозить, но уже контрабандой; некоторые из них, чтобы облегчить решение этой задачи, даже предлагали послу Франции де ла Ай комиссионные.

Среди других серебряных монет следует упомянуть *пара*, турецкую монету стоимостью в 3 или 4 акче, в зависимости от эпохи; а среди медных монет — *мангир*, выпуск которого в обращение имел целью вытеснение акче и который к концу XVII века в самом деле превратился в самую распространенную мелкую монету.

Если Османская империя в XVI веке благодаря своим завоеваниям переживала период экономического процветания и монетарного обилия, то к концу того же столетия она стала жертвой финансового кризиса, который происходил из непомерно больших расходов султанской казны на украшение Стамбула и других больших городов Империи, на содержание большой свиты и огромной армии: на их покрытие денежных поступлений уже не хватало, так как войны Империи не приносили больше ей богатую добычу. В середине XVII века кризис обостряется: расходы не уравновешиваются доходами ни на год даже хотя бы в виде исключения¹⁰⁵; правительство чеканит монету низкой пробы, которую население вынуждено принимать — мера, посредством которой государство пытается наложить руку на запасы полноценных (или считающихся таковыми) золотых и серебряных монет, остающихся дотеле в распоряжении частных лиц. Неудивительно, что иностранцы стремятся обратить создавшееся положение к своей выгоде. Происходит утечка золота и серебра не только на Запад, но и на Восток: в Персию и Индию уходят караваны верблюдов, груженых хорошей монетой и слитками благородных металлов для закупки там очередной партии товаров. Османская империя превращается в зону монетного транзита, и в ней остаются монеты лишь самой низкой пробы. В этих условиях торговля монетой становится прибыльным делом — например, для французов: «Французы не имеют разрешения на ввоз ни олова, ни свинца. Еще не

появились их сукновальные фабрики, чтобы обеспечить им, с согласия турок, достаточную норму прибыли. Это и вынуждает их специализироваться на продаже монеты, особенно монеты в 5 су, которую они фальсифицируют на 80, а иногда и на все 100 процентов... Подданные его величества — по меньшей мере те, кто занимается этой торговлей, — извлекают из нее немалую выгоду»¹⁰⁶. Однако торговлей этой занимаются не одни только французы: голландцы, англичане и венецианцы, не забывая правил приличия, все же не упускают удобного случая заняться ею, хотя высшими виртуозами этого дела должны бы быть признаны генуэзцы. От мастерских по чеканке монеты, расположенных по большей части в центральной Италии, а также и Провансе, от портов Марселя, Генуи и Ливорно через все Средиземноморье тянется «сеть распределения», охватывающая все порты и большие города Леванта. Некоторые торговцы получают прямо-таки баснословные прибыли: Матье Фабр и его брат Жан Батист заявляют, что они «в состоянии из десяти тысяч экю сделать шестьдесят тысяч».

Ощутимый результат этого движения — оскудение османской казны. Но ни в коем случае не ряда высокопоставленных персон, так как такой трафик не имел бы шансов на благополучное существование без корыстной помощи некоторых крупных чиновников — в ущерб, разумеется, не только финансам Империи, но и всем тем, кто в нем ни прямо, ни косвенно не участвует, но должен нести все его последствия: мелким и средним служащим, ремесленникам и мелким торговцам, лицам, живущим на заработную плату во всех ее видах. Последствия эти выражаются не в их повседневной жизни, так как скачков цен на самые необходимые продукты питания как раз и не наблюдается. Последствия эти становятся явными только тогда, когда приходится платить налоги, подати, пошлины и прочие сборы: все дело в том, что рассчитывать по этим обязательствам необходимо только хорошей монетой, а получают широчайшие слои населения монеты либо успевшие потерять ценность, либо фальшивые с момента своей чеканки. Понятно, стало быть, отчего рождаются беспорядки и восстания.

Местная торговля: снабжение и запасы

Стамбул — это прежде всего центр потребления, переработки и распределения. Он импортирует больше товаров и продуктов питания, чем экспортирует, что и объясняет значение местной торговли и относительно слабый размах торговли заморской. Столица поглощает деньги, людей, огромные массы продуктов питания, и ее потребности особенно велики и настоятельны в том, что касается ее снабжения. Они не только велики, они — огромны, так как нужно кормить значительное по численности население. Потребности именно столичного населения должны быть удовлетворены в первую очередь. Иностранцы путешественники поражаются изобилию продуктов питания и низким ценам на них в Константинополе: верно, что ежегодно в столицу гонят четыре миллиона баранов, три миллиона ягнят, двести тысяч голов крупного рогатого скота; что ежедневно 20 тысяч *киле*, то есть 500 тысяч килограммов, пшеничной муки нужно доставить столичным хлебопекам. В список наиболее потребляемых продуктов питания входят молочные продукты, рис, фрукты.

С целью обеспечения снабжения столицы правительство разработало особую политику: некоторые продукты питания, в первую очередь пшеницу, запрещено было вывозить из страны, более того, производство этих продуктов закрепляется в Стамбуле за определенными регионами в обязательном порядке. Снабжение столицы предполагает широкое использование транспортных средств, особенно морских, так что в практическом решении проблемы роль негоциантов, судовладельцев, капитанов особенно велика. Что касается зерна, то его доставляют преимущественно из соседних и наиболее доступных районов Империи — из Фракии, с азиатского побережья Мраморного моря, из бассейна Эгейского моря, дунайских княжеств и прибрежных областей Черного моря. Вся торговля зерном находится в руках исключительно подданных Османской империи, частных лиц, действующих под строгим контролем государства, которое если само и производит закупки, то в ничтожных количествах. То же самое следует сказать и о втором по значимости продукте питания, который входит со-

ставной частью во многие и самые разнообразные блюда, — о рисе, который ввозится главным образом из Египта. Овцы и ягнята доставляются прежде всего с Балкан, но также и из Центральной Анатолии со склонов киликийского Тавра. Торговля этим товаром, как и хлебная торговля, сосредоточена в руках крупных негодантов — *джелеб кешан*; дворец потребляет приблизительно тридцатую часть от общего количества овец и ягнят, предназначенных для столицы. Домашняя птица поступает из восточной Фракии и района Измира; деревни на землях султанского домена обязаны поставлять интенданту дворцовой кухни кур, цыплят, гусей, уток, голубей и т. д. Можно разнообразить примеры поставок к султанскому столу — поставок, в обеспечении которых принимает участие значительная часть Империи: рыба для него ловится в водах Босфора и Черного моря, фрукты и вкусный йогурт привозятся из окрестностей Стамбула, сыры прибывают из самых различных районов, оливки и оливковое масло — из центральной Анатолии, лимоны — с Хиоса или из Киликии, мед — из Молдавии и Валахии, соль — из Египта, Крыма и западной Анатолии. Напитки готовятся на основе ячменя и проса (буза), винограда и фруктов (сиропы), мастиковой смолы для раки. Кофе, вошедший в употребление с середины XVI века, привозится транзитом через Египет из Йемена¹⁰⁷.

Если говорить о снабжении сырьем и полуфабрикатами государственных фабрик и ремесленных мастерских, то список этих материалов и мест их производства или добычи окажется еще более широким, поскольку он включает в себя и некоторые иностранные государства. Османская империя нуждается, например, в свинце и олове, некоторых химикатах и лекарствах. Слегка упрощая действительное положение, можно сказать, что торговля Стамбула, помимо прочего, четко определяется следующими двумя факторами: внутренняя его торговля — в руках подданных Османской империи, внешняя — в руках иностранцев.

В экспорте видное место занимают кожи, шкуры, шерсть. Кожи — различных сортов и различного качества: «кожи, шкуры с мехом, буйволодые кожи, привозимые из Татари; буйволодые кожи из Никополя; буй-

ловые кожи из Константинополя; овчины из Бодании (Молдавия), шагреневые кожи или шкуры мулов». То же разнообразие обнаруживается и в сортах шерсти: «шерсть без ворса, шерсть ипsoleвая, шерсть бастардовая, шерсть шевроновая»¹⁰⁸. Более скромное место по стоимости в списке экспортируемых товаров занимают воск, хлопок, шелк, квасцы, конопля, лен, строительный лес, пряности. Список закрывают товары, редкостные даже для внутреннего рынка: икра тунца или кефали, копченый язык, жемчуг, фарфор. Ни в одном иностранном документе, ни в одном списке судовых грузов невозможно обнаружить ни зерновых (за парой исключений), ни добываемых в Империи минералов, ни леса, идущего на постройку судов: все это — товары жизненной важности для Империи.

Импортные товары несколько более разнообразны: французы привозят «шапочки изысканные, наполовину изысканные и обыкновенные» (марсельского производства), сахар-сырец из Нима, сукна шести сортов, бумагу трех размеров, скобяные товары, головы сахара, императорскую саржу, красный винный камень, медянку¹⁰⁹. Список должен быть дополнен некоторыми экзотическими продуктами Нового Света, за которыми стоит съездить в Испанию, чтобы перекупить их, — такими, к примеру, как кошениль или бразильское дерево. Из Индии французы поставляют в Турцию главным образом пряности: перец, корицу, имбирь, гвоздику¹¹⁰. Венецианцы привозят сукна, разные сорта бархата, атласа, изделия из стекла и оконное стекло, зеркала, пряности, лекарства, бумагу¹¹¹. Англичане специализируются на экспорте сукон (однако встречаются на этом поле немало западных конкурентов), олова, свинца, железа. Голландцы ввозят сукна и пряности.

Рост продаж по некоторым статьям (например, по сукнам) в XVI—XVII веках может служить свидетельством стремлений западных купцов завоевать обширный османский рынок. О том же говорит и корреспонденция между французскими, венецианскими и другими европейскими купцами в Стамбуле, с одной стороны, и фабрикантами сукна в Европе — с другой. «Мы должны вам заметить, — пишут торговцы, — что отрезы ваших сукон

должны быть шире на два пальца, а в ассортименте окраски должен иметься и зеленый цвет, — все это сделает товары более привлекательными...» «Мы ранее отмечали необходимость совершенствования цветового ассортимента ваших сукон: в присланных нам отрезках слишком много зеленого сукна и к тому же оно слишком узко, надо бы сделать его шире на четыре пальца». «Требуемый цветовой ассортимент: 2 куса ярко-красного, 2 темно-красного, 1 ярко-зеленого, 1 нежно-зеленого, 1 небесно-голубого, несколько синего, 2 светло-фиолетового, 2 красно-фиолетового, 1 перламутрового, 1 бледно-зеленого, 1 желтого, 1 блекложелтого, 1 телесного»¹¹². Подобного же рода замечания встречаются в венецианских или английских документах, что подтверждает факт напряженной конкуренции на османском рынке между европейскими странами и намерения каждой из них добиться преобладания своих товаров. Вряд ли можно сомневаться в том, что каждая из противоборствующих сторон прилагает усилия к тому, чтобы найти для себя союзников среди высокопоставленных османских чиновников посредством бакшиша, то есть обычного на Востоке способа открыть самые неприступные двери. Спор идет не только о господстве на рынке Стамбула. Столица как гигантский центр потребления, конечно, важна сама по себе, но тот, кто овладевает ее рынком, получает доступ на обширные территории Империи. Например, в Анатолию. А из Анатолии путь уже недалек и до иранского рынка.

Важные торговые пути

В самом деле, Стамбул — узел всех морских и сухопутных дорог обширнейшей из Империй.

Ее дорожная сеть вызывает в XVI и XVII веках восхищение у европейцев. Она «включает в себя узкие, шириной в три фута*, тропки, вымощенные булыжником; они достаточны для всадников, одиночных или едущих один за другим; однако пешеходы и стада расширили эти тропы раз в десять, превратив их в настоящие дороги»¹¹³. Впрочем, сеть эта первоначально в основном и прокладывалась именно как сеть «настоящих дорог»,

способных выдержать тяжелую поступь османской армии, а также — нескончаемые караваны с продовольствием, направляющиеся из балканских и анатолийских провинций к столице.

На османских дорогах мало экипажей и повозок (*араба*). Исключение в этом смысле представляют маршруты, более или менее освоенные европейцами, а потому поддерживаемые местными властями в более или менее проезжем состоянии. Зато на них приходится часто встречаться с караванами — верблюжьими и составленными из мулов: так передвигаются обозы османской армии. И еще одна особенность — стада, бредущие к столице. На европейской территории главная дорога — это та, что связывает Стамбул с Адрианополем. Это «императорский» путь, по которому султан переезжает из своей «новой» столицы в старую, а затем возвращается на берега Золотого Рога. Она же служит главной артерией в снабжении Стамбула зерном и мясом. Она же имеет и важнейшее военно-стратегическое значение, так как по ней происходит переброска войск с востока на запад или с запада на восток в зависимости от того, где вспыхивает очередная война. Если считать от Стамбула, то расстояние до Адрианополя делится на примерно равные этапы, отмеченные местечками Чорлу, Люлебургазом и Бабаэски. От Адрианополя же расходятся пути, ведущие в Грецию, Македонию, Болгарию, Молдавию и Валахию. Практически вся дорожная сеть в этой части Восточной Европы используется только османами и их подданными. Впрочем, изредка здесь можно встретить венецианский или рагузинский караван, который от портов Каттаро, Спалато и Рагуза направляется через Балканы к Стамбулу или по пройденному маршруту возвращается обратно. Венецианским курьерам, чтобы добраться до Стамбула и вернуться в Венецию через Спалато, требуется 30 дней, через Рагузу — от 20 до 25 дней; караваны же, следующие по тем же маршрутам, должны затратить на дорогу еще 10—15 дней дополнительно.

* Около одного метра. — *Прим. пер.*

В азиатской Турции Измит играет примерно ту же роль, что Адрианополь в ее европейской части, так как все анатолийские дороги встречаются в этой точке. Среди них две главные — первая на Эрзурум и, далее, в Персию проходит через Анкару и Сивас; вторая — на Алеппо и, далее, в Сирию отходит от первой в Эскишехире и через Афьон-Карахисар, Конью и порты в Киликии ведет к Адане, а затем — к Алеппо. Дорога в Антакью проходит через Афьон и Бурдур, а путь в Измир (Смирну) лежит через Бурсу, Балыкесир и Манису.

Караваны образуют настоящие транспортные колонны, число вьючных животных в которых значительно варьируется, «так как бывают караваны из 500, 1000, даже иногда из 2000 животных, а бывают и такие, в которых не более трех сотен»¹¹⁴. Из Константинополя и в Константинополь эти караваны движутся с известной периодичностью. Так, по словам Ла Буллэй, «польские караваны на Константинополь отправляются ежемесячно из Кракова и состоят из повозок, лошадей и мулов. Из Смирны караван в том же направлении выходит еженедельно, используя в качестве вьючных животных верблюдов и лошадей. Караван на Константинополь из Рагузы направляется один раз в год и состоит из лошадей и повозок... Караван по направлению к Тавру, Гиляну, Грузии и Узбеку выходит из Константинополя раз в три месяца»¹¹⁵. Согласно другому свидетельству, «каждый год в Константинополь из Персии прибывают от 6 до 10 караванов, из Басры — 2 и из Алеппо — 3—4 каравана»¹¹⁶.

Длительность путешествия варьируется в зависимости от числа остановок в городах по пути следования. От Константинополя до Адрианополя оно занимает 3—4 дня, до Спалато — 37—52, до Рагузы — 25—46, до Белграда — 20—30, до Пловдива — 9—10, до Софии — 13, до Ниша — 15 дней. В Азии: до Анкары — 13, до Синопа — 20—25, до Бурсы — 2—3, до Смирны — 10—20 дней и т. д. Караваны идут медленно, подвергаясь опасностям нападения разбойников (этим, собственно, и объясняются внушительные размеры караванов: купцы предпочитают объединяться в большую колонну, главным образом, из соображений безопасности). Они останавливаются для привала не где попало, а в за-

ранее определенных точках заданного маршрута; некоторые азиатские города с их караван-сараями, как, например, Анкара, Сивас, Токат, Эрзурум, служат как бы вехами, отмечающими этапы проходимого пути. Отбытие с караваном предполагает множество предварительных хлопот. О некоторых из них рассказывает французский путешественник Ла Буллэй: «Свое пребывание в Константинополе я использовал в поисках возможности продолжить путешествие далее на Восток — в Персию. Мне посчастливилось завязать знакомство, а затем и дружбу с Минасом, армянским купцом, который помогал мне всем, что находилось в его распоряжении. Он посоветовал мне быть готовым к 1 сентября, когда отбывал один караван к Тавру, и купить подбитую мехом одежду и меховой ночной колпак, которые мне понадобятся при переходе через горы к Эрзуруму; а также — белый тюрбан, чтобы не выделяться внешне среди мусульман; и еще один тюрбан, бело-голубой, чтобы надевать его в городах с христианским населением. Мне потребовались также красная фетровая накидка для защиты от дождя; коврик, чтобы подстелить его под себя во время отдыха; одеяло, подушка, упряжная лошадь; длинный повод, чтобы вести ее за собой; подковы холодной ковки по размеру ее копыт; чепрак и попона из фетра, чтобы она не поранилась; полотняный мешок, чтобы кормить ее ячменем и сеченой соломой; веревка из конского волоса, чтобы стреножить ее и не дать ей ускакать или лягнуть кого-либо во время привала; еще одну веревку из конского волоса, чтобы крепить поклажу на верблюде или на муле (с одной стороны — одежду, с другой — продукты питания); круг из коровьей кожи размером в два с половиной фута в диаметре, на котором едят и который служит туркам скатертью; котелок, чтобы варить рис и мясо; чашка для питья; мешок из русской кожи, чтобы при переходе через ручей, оставаясь в седле, зачерпнуть воды и освежить ею лошадь; еще один для вина; небольшой привязанный к седлу мешок с хлебом, холодным мясом, сыром, фруктами и с бутылкой питьевой воды, чтобы подкрепиться во время перехода; деревянная коробка с кожаной

крышкой с маслом или жиром для плова; еще одна такого же рода коробка для баранины или другого жареного мяса, которое хранится более трех недель; кожаный мешочек для кофе; маленький кофейник для его, кофе, приготовления; небольшой поднос для фарфоровых чашечек, в которых, по обычаю левантийцев, предлагается кофе гостям; топор для заготовки дров; большой медный чан, чтобы мыть рис, мясо или стирать белье, даже палатку — это уж по выбору»¹¹⁷. Вот путешественник, который обеспечен всем необходимым!

Турнефор в своих потребностях более скромнен: «Вскоре все необходимое для путешествия было собрано, так как, я полагаю, в самую длительную поездку нужно брать лишь то, без чего абсолютно нельзя обойтись. Поэтому мы купили палатку, четыре больших кожаных мешка для нашего багажа и плетенные из ивовых веток баулы, покрытые кожами, чтобы перевозить в них наши растения... Что касается кухонных принадлежностей, то они состояли из шести тарелок, двух больших мисок, двух котелков и двух чашек — все из луженой меди; двух кожаных бутылок для воды, большого фонаря и нескольких деревянных ложек с длинными черенками»¹¹⁸. Путешествие с такой только экипировкой должно было быть заполнено неудобствами и забавными эпизодами.

Морские путешествия

Примерно то же самое может быть сказано и о морских путешествиях, с тем только отличием, что они не открывают перед странствующим столь великого разнообразия пейзажей да к тому же подвергают его опасности встречи не с разбойниками, а с корсарами берберийского побережья Средиземного моря*, которые из принципиальных соображений нападают лишь на европейские суда. У Османской империи нет государственного торгового флота, но в Константинополе фрахтуют множество торговых судов, которые бороздят турецкие моря — Черное, Мраморное, Эгейское, Восточное Средиземноморье. Самый распространенный тип судов — это *шайка* в Эгейском и Мраморном морях, *карамюрсель* (*карамуссали* в западном произ-

ношении) в Мраморном море, *галион* в восточной части Средиземного моря, где эти большие суда идут караванами из Александрии в Стамбул; *кирлангич* (ласточка), *шайка* и *забун* в Черном море. Эти суда предназначаются для больших путешествий с выходом в открытое море лишь в виде исключения. По большей же части они используются в каботажном плавании между Константинополем и портами либо Эгейского, либо Черного морей. Напряженный трафик связывает между собой османские порты как в Европе (Текирдаг или Родосто, Эрегли), так и в Азии (Мудания, Бандырма, Эрдек) на берегах Мраморного моря. Эти транспортные суда отличаются сравнительно высокой быстроходностью: из Константинополя в Синоп можно доплыть за 4—6 дней, в Трапезунд — за 7—8 дней (для сухопутного каравана требуется 40 дней), до устья Дуная — за 3—4 дня, до Каффы в Крыму — менее чем за неделю; но навигация на Черном море часто затрудняется сильными ветрами и не столь уж редко зимой (с ноября по март) полностью прерывается по причине неистовых бурь и отсутствия удобных бухт, дающих возможность переждать непогоду. В самом деле, черноморские порты плохо защищены от штормов, зато в восточной части Средиземного моря навигация продолжается круглый год, однако и здесь зимой она менее интенсивна. Из Александрии до Константинополя можно добраться за две недели, со стоянками в портах включительно, или за 8 дней плавания без заходов в порты¹¹⁹. Вместе с тем плавание может затянуться намного дольше. «Караван, называемый “Каирским”, но снаряжаемый в Александрии, прибыл в этот город (Константинополь) после пятимесячного перехода. Столь долгое плавание имело причиной не только плохую погоду, но и чуму на борту судов, а также страх перед европейскими корсарами, который загнал караван в порт острова Родос и долго удерживал его там»¹²⁰. Это «внутреннее» мореплавание имеет чисто османский характер, то есть осуществляется только турецкими и греческими судами¹²¹.

* Под этим термином подразумевается побережье Марокко, Алжира, Туниса и Ливии. — *Прим. пер.*

Зато на «международных» рейсах не видно ни одного османского судна. Вся внешняя торговля Османской империи — в руках англичан, голландцев, французов, венецианцев и, в меньшей степени, генуэзцев и рагузинцев. Связанные с ней перевозки товаров производятся на тех же судах и теми же капитанами, которые обслуживают всю вообще международную торговлю в бассейне Средиземного моря, следуя традиционными маршрутами. О Средиземном море эти капитаны знают всё, и единственный для них момент неопределенности заключается в постоянной угрозе со стороны пиратов с «берберийского берега». Для ее устранения с середины XVII века систематически применяется практика соединения судов в большие караваны и их конвоирование. Такой способ эффективен, но имеет и свои большие недостатки: движение этих караванов крайне замедленно, а прибытие их в порт назначения сопровождается выбрасыванием на местный рынок массы товаров, что сразу сбивает цены¹²².

Эти дальние рейсы сопряжены со множеством случайностей и рисков. Так, длительность перехода из Венеции или Марселя в Константинополь редко бывает меньше 30 суток, обычно же переход занимает от 40 до 60 суток, так как предполагает неизбежный заход в порты по маршруту следования. Суда западных стран отплывают, как правило, в мае, чтобы прибыть в Константинополь примерно в июле; они стоят в стамбульском порту от 60 до 80 дней, начинают обратное плавание в сентябре—ноябре и возвращаются в порт приписки (Венецию или Марсель) в октябре—декабре. Зимой и в начале весны морские путешествия предпринимаются разве что в виде исключения¹²³.

Маршруты определены раз и навсегда. Пройдя Гибралтарский пролив, английские и голландские суда держатся испанских берегов, проходят мимо Болеарских островов, достигают Ливорно либо, оставляя его в стороне, проходят Мессинский пролив, затем, после Мальты, заходят в Модон или Корон — первые на их пути османские порты на юге Мореи. Там они берут на борт переводчика и лоцмана и ожидают попутного ве-

тра, который позволит им обогнуть мыс Матапан и выйти в проливы Киферы¹²⁴. Марсельцы выходят на англо-голландский маршрут вблизи берегов Сицилии, венецианцы проходят по Адриатике, заходя в порт Рагузы, а затем в Корфу или Занте, и встречаются с прочими европейскими мореплавателями в Модоне или Короне. Выйдя в море из этих последних портов, суда вскоре проходят проливом между мысом Мале и островом Кериго, а потом те из них, которые направляются в Константинополь, проходят мимо Кикладских островов, причем французы заходят в Милос, Нио или Тенос, а венецианцы — в Негропонте; пути тех и других вновь сходятся в Тенедосе, откуда совместный маршрут ведет через Дарданеллы в Константинополь. При входе в Дарданеллы каждый корабль должен быть опознан, а потому он поднимает флаг державы, имеющей разрешение на ведение торговли в столице. По прибытии в Стамбул капитан и ведущий судовой журнал должны выполнить множество формальностей для того, чтобы получить право на разгрузку товаров с судна. То же самое происходит и перед отплытием из Стамбула: нужно уплатить местные налоги, таможенные пошлины на выходе, консульские сборы и получить от турецких властей разрешение на отплытие, которое предъявляется при проходе через Дарданеллы, причем проход этот облагается особым налогом.

Все эти операции производятся при посредничестве евреев, которые представляют либо судно перед турецкими властями, либо турецкие власти перед капитаном судна, либо выполняют обе эти функции одновременно, но в разных лицах. При их проведении открывается широкое поле для вымогательства бакишиша, а порой и мошенничества, что, в свою очередь, нередко становится поводом для споров и предлогом для затягивания формальных процедур. Так, один венецианский капитан жалуется на то, что получил разрешение на отплытие лишь с большим запозданием, а запоздание это объясняет тем, что все таможенные чиновники справляли какой-то еврейский праздник¹²⁵.

Роль иностранцев и религиозных меньшинств

Скорее обходной тропинкой торговли, нежели прямым политическим давлением, иностранцы сумели встать твердой ногой в делах Османской империи: сначала они привозят туркам совершенно необходимые для них товары и вывозят из Империи другие товары, которые османам нужно во что бы то ни стало продать, чтобы избежать экономического удушения. Если в XVI веке иностранная торговля в Стамбуле занимает сравнительно скромное место, а европейские купцы играют, как кажется, лишь второстепенные роли и больше всего боятся продемонстрировать чрезмерную, по местным критериям, предприимчивость, то параллельно с ослаблением Империи в следующем столетии и по мере того, как западные послы шаг за шагом добиваются льгот для своих соотечественников, неспособность османского чиновничества к выполнению возложенных на него обязанностей и его неутолимая жажда наживы делают все более очевидными, а иностранцы тем самым получают возможность действовать с полной непринужденностью, высокомерием и даже наглостью, несмотря на репрессии, которые они еще могут на себя навлечь. Османская империя после Критской войны и особенно после поражения под стенами Вены в 1683 году — это уже не та держава, которая еще в недавнем прошлом заставляла дрожать весь мир.

Люди Запада опираются в своих предприятиях на греков-горожан, с которыми сотрудничают в посольствах и, что важнее, в своих коммерческих делах — завязывают связи, а в их числе и связи матримониальные. Общность религии играет во всем этом некоторую роль, но, главное, это общность позиции по отношению к турку, мусульманину. Контакты с евреями имеют несколько иной характер: о религиозной общности здесь не может быть и речи, но между людьми Запада и евреями устанавливаются очень тесные деловые отношения на основе торговли. Уже сам факт, что евреи заняли столь видное положение в финансах и таможенной службе, показывает европейцам бреши в управлении Империей и ее структуре. Используя в своих целях представителей религиозных меньшинств, люди Запада тем

самым расширяют едва обозначившиеся щели, навязывая свое присутствие в экономической сфере, содействуя обесценению турецкой монеты, выступая в качестве посредников и умиротворителей в политических и военных конфликтах между османами, с одной стороны, и австрийцами, русскими или венецианцами — с другой. Султан больше не диктует свои законы Европе — напротив, он учится выполнять те, что Европа предписывает ему. В XVIII веке такое положение вещей еще едва намечается, чтобы проявиться с полной очевидностью во второй половине XIX века. В изучаемую нами эпоху выражение «больной человек» еще не появилось. Для того чтобы пустить его в оборот, не хватает многого, но элементы породившего его состояния уже налицо: в XVI веке внешняя торговля европейских стран, за исключением Венеции, еще не испытывала на себе организующего воздействия государства, но в XVII веке международная торговля обретает принципиально иной характер, так как ведется большими компаниями, за которыми стоят западные правительства, и может постоянно рассчитывать на эффективную и отнюдь не бескорыстную помощь со стороны посла и консулов, чем достигается гармония между политикой и экономикой. Завоевание османского рынка воплощает в жизнь старинную мечту об установлении контроля над всеми торговыми путями, ведущими на Восток — как Ближний, так и более далекий. Это также своего рода реванш, одержанный христианством над исламом, доселе победоносным и еще в XVI веке сеявшим панику в Западной Европе. К тому же подъем Запада, находящий свое выражение здесь, в Стамбуле, в неудержимом росте влияния и авторитета, которыми пользуются послы великих держав, — этот подъем сопровождается и дополняется апатией турецких правителей, их непониманием тех преобразований, которые переживает Европа, склерозом политических, экономических, социальных институтов и комплексом превосходства, который скрывает от турок подлинное положение вещей. Тем не менее престиж османской столицы остается громадным и европейцы продолжают восхищаться царящим в ней порядком или, точнее, царящей в ней дисциплиной.

СРЕДА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Невозможно составить себе представление о турке XVI—XVII веков по персонажам «Мещанина во дворянстве» Мольера. Нельзя сказать, чтобы автор создал их «из ничего»; скорее всего они, были навеяны мемуарами шевалье д'Арвье. Французский путешественник неплохо знал османский мир, но при его описании явно злоупотребил перцем и солью. Отсюда — и буффонада Мольера. В действительности же турки, жители Стамбула в частности, очень мало походят или, вернее, совсем не походят на свои изображения во французских комедиях и драмах¹ на «турецкий сюжет», ставший немаловажной составной частью литературной моды в XVII веке². Повседневная жизнь Стамбула куда более строга, чем о ней сообщают бесконечные истории о сералях и гаремах.

Мусульманская религия и шариат гораздо менее либеральны в вопросах семейной и общественной жизни, чем христианство. Не следует забывать того, что они рождены в социальной среде, где практически вся власть и весь авторитет принадлежали мужчине. Хотя с момента их возникновения прошли века и мусульманское общество за временной отрезок, отделивший его от эпохи Мухаммеда, претерпело разнообразные изменения, хотя мусульмане приходили в соприкосновение со многими немусульманскими народами, — не-

смотря на все это, предписания Корана сохраняют и поныне всю свою силу, а турки, в большей своей части убежденные сунниты³ и, следовательно, сторонники строгой мусульманской ортодоксии. Они остерегаются отступать от своего боговдохновенного закона — во всяком случае, в своем повседневном поведении, социальных и семейных отношениях. Из сказанного вроде бы следует тот вывод, что семейное окружение, это средоточие человеческой среды в более широком смысле, оставалось в изучаемое время таким же, каким оно было в первые века ислама. Это, однако, не совсем так. Прежде всего во внимание следует принять тот факт, что турки, приняв ислам, не отказались (во всяком случае, не отказались целиком и полностью) от своих прежних форм, традиций и унаследованного от предков понимания основ семейной жизни. Хотя тюркские семейные порядки и обычаи все больше с течением времени отодвигались на задний план общемусульманским стандартом, они все же сохраняются в некоторых актах повседневной жизни, в жилищном строительстве и развлечениях.

Семья

Реалии семьи в западном понимании, то есть ячейки, объединяющей отца, мать и детей, остается для Турции в XVI веке еще сравнительно недавним нововведением.

В довольно близком прошлом турки жили племенами. Племенные структуры служили для них организационными формами их совместных действий, их общественной жизни. Племя и род представляли собой человеческие общности, включавшие в себя все семьи, имевшие общего предка. Среди этих семей некоторые первенствовали относительно других, обладали большей силой и более высоким престижем, что позволяло им возглавлять свое племя. Из одного из таких семейств, которое встало во главе уже не одного, а нескольких племен огузов, вышла династия османских султанов.

С течением времени роль, а с нею и само понятие племени в большой мере стерлись. Это произошло в

силу многих причин, из которых упомянем здесь две: возрастание политической и религиозной власти султанов и включение в состав правящей элиты множества самых различных в этническом отношении элементов. Сами султаны разрывали племенные связи огузов, беря себе в жены нетурчанок. Если в начальный период османского государства и до середины XIV века выходцы из огузских племен составляли основное окружение султанов, то позднее они буквально растворились в аморфной массе примкнувших к ним. Более того, представители знатных огузских родов — таких, как Эвренос, Джандырлы, Михалоглу, а позднее, в XVII веке, Кёпрюлю, — лишь время от времени занимают руководящее положение в политической жизни Империи.

Переходя от политической жизни к социальной, отметим, что оседлый образ жизни вообще, поселение в городах в особенности, в высокой степени способствует разложению племени, а по мере его разложения именно семья превращается в основную ячейку общества. В XVI веке племенное сознание и племенное чувство покидают различные слои городского населения, оставляя после себя лишь смутные воспоминания, легенды, сказания и, может быть, религиозные обряды в некоторых неортодоксальных мусульманских сектах. Семья, особенно в зажиточных слоях городского общества, должна рассматриваться как довольно крупное объединение индивидов патриархального типа. Такому объединению способствует владение просторным особняком (*конаком*), в котором под началом *«pater familias»*, отца семьи, живут его сыновья, женатые и неженатые, мать семьи, снохи, внуки, наложницы, домашние слуги и рабы. Вследствие влияния мусульманской религии эта совокупность индивидов делится на две различные и изолированные группы — мужчин и женщин, так как разделение полов — признанный закон, действие которого усиливается наличием *гарема* и «женской половины» дома, в которой он размещается. Здесь всецело главенствует мать семейства, всемогущая в отведенной ей области. Разделение дома на две «половины» соблюдается очень строго, и только

отец семейства имеет право беспрепятственно переходить в любое время из одной в другую. В редких случаях и в точно обусловленных формах тем же правом пользуются другие входящие в семью мужчины. Это одно из основных правил турецкой семейной жизни. Мужчина, глава семьи, имеет на нее, казалось бы, все права, однако права эти здесь все же четко определены, причем определенность эта вырабатывалась усилиями многих поколений мусульманских правоведов⁴. Его власть к тому же имеет свои неформальные пределы в его великодушии и умеренности, в добродетелях, рекомендуемых исламом. Если глава семьи превышает полномочия, дарованные ему Кораном, его жена не так уж и редко обращается к кади с тем, чтобы тот освежил в памяти ее мужа предписания священной книги.

Коранический закон разрешает мужчине иметь четыре законные жены и неопределенное число рабынь-наложниц. Однако разрешение это сопровождается важным условием: он должен содержать их достойно. Таким образом, наслаждаться полигамией могут лишь богатые турки — крупные вельможи, негоцианты, зажиточные коммерсанты. Так, Жан Палерн пишет: «Мало мужчин, имеющих более одной жены, если они не богаты»⁵. В самом деле, турки в подавляющем большинстве практикуют моногамию, и их семейная жизнь, если не считать некоторые обычаи, очень походит на жизнь скромной семьи на Западе.

В зажиточных и богатых семьях хозяин дома распоряжается более или менее многочисленным штатом прислуги либо непосредственно, либо через своего управителя, под контроль коего ставится, помимо прочего, и гарем. Как сообщает Белон, «мужчины ведают домашним хозяйством, не подпуская к этому занятию своих жен, которые обязаны заботиться только о детях, да еще жить в мире. Это прямо противоположно порядкам, принятым у латинян, чьи жены или матери не только распоряжаются по своему усмотрению всем, что имеет отношение к домашнему хозяйству, но командуют и слугами, а это делает их подлинными хозяйками и господами в доме»⁶.

Тесные рамки, в которых протекает жизнь не только женщин в Стамбуле, но и всех мусульманок вообще, предопределены кораническими предписаниями, уходящими корнями в обычаи аравийских бедуинских племен. Турки восприняли эти традиции, которые к тому же подкреплялись тем, что они нашли у византийцев *гинекей*, имеющий много общего с мусульманским гаремом.

Можно было бы предположить, что женщины, запертые в отведенной специально для них части дома, вообще не играют никакой роли в семейной жизни или эта их роль сведена к минимуму. Ничуть не бывало. Султанские жены, к примеру, иногда воздействовали из своего гарема даже на государственные дела. Так, влияние Роксаланы на ее супруга Сулеймана Великолепного столь велико, что султан предаст смерти своих собственных сыновей от других жен, чтобы сын именно Роксаланы стал единственным его наследником⁷. В XVII веке энергичная султанша — мать Кёсем, практически правила Империей через своего слабохарактерного и неспособного сына султана Ибрагима. Можно найти и другие, пусть менее выразительные, примеры такого же рода; однако примеры эти, даже взятые в их совокупности, все же являют собой исключения из общего правила. Зато влияние жен не на политику, а на семейную жизнь следует принимать скорее за правило.

Хотя «семейный очаг» и разделен, так сказать, на две части, мужскую и женскую, хотя отец семейства теоретически и сосредоточивает в своих руках всю полноту власти над «фамилией» (в латинском значении термина), управление домом практически осуществляется матерью семейства. Ей в качестве первой супруги подчиняются все, собирающиеся около этого очага, кем бы они ни были — сыновьями, дочерьми, невестками, домашними слугами. К званию супруги добавляется со временем и титул матери. Если ей при этом посчастливилось подарить своему господину и повелителю радость стать отцом сына, то она достигает вершины, так как в представлении мусульманина, турка в особенности, нет такого блага, которое могло бы быть равным счастью утвердить себя в мужском потомстве.

Мусульманская полигамия знает множество примеров того, как супруге, первоначально старшей по рангу среди других жен, не удастся родить именно сына, а потому она должна уступить свое высокое положение одной из более счастливых соперниц. На имперском уровне султанша, мать правящего султана, носит титул *валиде султан*, который дает ей первенство перед всеми женщинами сераля. Вообще говоря, мать семейства поистине *царит* в гареме, который охватывает собой не только всех женщин в доме (жен, дочерей, наложниц, служанок и т. д.), но и сыновей, пока они не достигнут возраста семи-восьми лет. Исключение составляют некоторые аристократические семьи, в которых попечение над мальчиками еще до достижения этого возрастного порога передается их наставникам (*лала*, позднее *ходжа*) под контролем отца; в этом случае дети мужского пола покидают гарем и живут в особых комнатах; однако это перемещение производится далеко не всегда и к тому же в любом случае мальчики дошкольного возраста находятся в более тесной зависимости от матери семейства, нежели от отца. Эта зависимость от матери продолжается, впрочем, и позднее — и тогда, когда ребенок становится подростком, и тогда, когда подросток превращается в юношу, и даже тогда, когда молодой человек женится. Именно его мать подыскивает ему супругу, которая и останется в ее подчинении, пока живы она и ее муж. В случае смерти отца семейства хозяином в доме становится его старший сын и, соответственно, его жена занимает место хозяйки, причем, как правило, и он, и она сохраняют уважение к вдове и продолжают оказывать по отношению к ней прежние знаки почтения — если только между двумя женщинами не вспыхивает долго таившаяся ревность и не просыпаются старые обиды; в последнем случае старая хозяйка уединенно доживает свой век где-нибудь в отдаленном от домашнего очага помещении. Примерно так же вдовы султана сразу же после смерти августейшего супруга переезжают в Старый сераль, уступая место в Новом серале женам царствующего монарха. Впрочем, было бы неверно усматривать в таком порядке смены поколений

какую-то особенность, характерную только для Османской империи.

Что касается детей, то они — предмет надежд и источник радости для всякого мусульманина, для всякого турка, живущего соответственно принципам Корана. Он — на вершине счастья, когда его жена (или одна из его жен или наложниц) дарит ему сына, который сможет продлить его род по мужской линии, прославить его имя, защитить его честь и честь всей семьи. И это не пустые слова, поскольку всякий ребенок мужского пола носит не только личное имя, но и имя своего отца — например Мехмет сын Сулеймана или Мустафа сын Османа. Когда речь идет о какой-либо видной или знаменитой фамилии, имя содержит, кроме того, упоминание об этническом происхождении рода, прозвище, указание на какую-либо его особенность и т. д. Развернутое имя носят представители знатных турецких семейств — таких, к примеру, как Кёпрюлю, Заганос, Михалоглу, Джандарлы.

Поскольку сыновья представляют потомство, они с самого рождения становятся предметом забот и ласки своих родителей — прежде всего своей матери, около которой проходят первые годы их жизни. Их нежат, их балуют — часто за счет девочек, куда менее интересных для отца. В гареме мальчики и девочки в течение двух лет, а иногда и дольше, фактически доверены попечению кормилицы, *нине (сют-нине)*, после чего возвращаются под прямую опеку матери. Если мальчику посчастливилось появиться на свет в хорошей стамбульской семье, его, как только ему исполнится шесть или семь лет, передоверят заботам наставника (лала), который будет его обучать началам турецкого языка и основам мусульманской религии; позднее он продолжит свое обучение уже у учителя (ходжи). Что касается девочек, то образование, хотя бы только в этих пределах, они могут получить разве что в виде исключения. Правило же требует от них не глубоких знаний, а лишь того, чтобы они со временем стали хорошими супругами и особенно хорошими матерями. И поскольку им предстоит покинуть семью, отец проявляет по отношению к ним довольно мало внимания. Пока они только

девочки, но еще не девушки, им дозволяется с открытым лицом выходить на улицу (разумеется, только вместе с мальчиками) и даже заходить в *селямик*, то есть на мужскую половину дома, куда их время от времени зовет отец. Но как только девочка превращается в девушку, с этими вольностями покончено! Она обязана соблюдать все правила женского поведения, которое предполагает отдельное от мужского общества существование, отказ, до самого замужества, от всякого общения с мужчинами и, при выходе на улицу, обязательное ношение покрывала. Мальчики пользуются несравненно большей свободой. После обрезания они переходят под непосредственную власть отца, который решает вопрос об их будущем — разумеется, соответственно своему социальному положению. В семьях высокого статуса мальчик получит прекрасное образование в лучших медресе и высших школах. Если ребенок из буржуазной семьи, то его направят в русло чиновничьей карьеры или он унаследует дело отца — станет негочинтом, коммерсантом или, наконец, ремесленником, получив для этого необходимую подготовку. В корпорациях общепринят обычай передачи ремесла, а иногда и мастерской или лавки по наследству от отца к сыну. Что касается «свободных профессий», то и там наблюдается подбор новых членов в замкнутом для посторонних круге. Известны, например, семейства, в нескольких поколениях передающие от отца к сыну должности шейх-уль-ислама⁸, улемов, высокопоставленных чиновников, даже великих визирей. Примером последней преемственности в XVII веке может служить судьба семьи Кёпрюлю, представители которой трижды, причем один за другим, занимали этот почетный и очень опасный пост. Впрочем, подобная передача власти от отца к сыну на столь высоком уровне — скорее исключение.

Дочери овладевают вниманием родителей по мере приближения срока их выдачи замуж. Собственно, об этом важнейшем событии в жизни женщины задумываются с самого дня ее рождения, мало-помалу собирая приданое, состав и величина которого меняются в зависимости от зажиточности семьи и ее социального

статуса. Постепенно девочек обучают быть подлинным украшением гарема, а эта сложная наука включает в себя разнообразные навыки и умения. Если девушка из высокогородной и вообще из хорошо обеспеченной семьи может быть и не посвящена в таинства кухонного искусства (на это есть служанки и рабыни), то она к моменту замужества должна уметь развлекать, завлекать и увлекать своего супруга, то есть петь, играть на музыкальных инструментах и искусно вышивать⁹. Все эти достоинства будут наглядно показаны в тот судьбоносный час, когда два существа, которые не знакомы друг с другом и даже никогда не видели друг друга, будут выбраны одно для другого сначала посредниками, а в конечном счете их матерями. И тут роль матери оказывается решающей: именно она дает своему сыну или своему мужу словесный портрет возможных «кандидатов».

Как только отец семейства находит, что его сын созрел для женитьбы, он оповещает о том свою супругу. Если к этому времени она — через родственников и знакомых — уже успела сделать выбор, то называет мужу имя своей избранницы. Но, как правило, она прибегает к посредникам или, вернее, к посредницам, так как женщины из разных семей имеют возможность между собой общаться, а впечатления от увиденного и услышанного становятся потом предметом для обсуждения уже с другими знакомыми, и, таким образом, достоинства и недостатки возможных невест отнюдь не представляют собой непроницаемой тайны. Помимо этой бескорыстной и бесцельной болтовни случаются и расспросы с заранее поставленной задачей и с надеждой на вознаграждение: бродячие продавщицы специфически «женских» товаров, сбывая их, ходят из дома в дом и уж заодно переносят из одного в другой все местные женские новости. Итак, хозяйка дома чаще всего неплохо осведомлена по жгучему для нее вопросу о том, где лучше всего присмотреть для сына невесту. Как правило, разносчица новостей затем выступает в роли посредницы, облегчая контакт между двумя семьями в лице их главных представительниц. Одной хозяйке дома она говорит, что нашла для нее превосходную не-

стку, а другой сообщает о том, что знает о наличии достойного «претендента». После чего мать «претендента» в сопровождении посредницы и какой-нибудь из своих родственниц или приятельниц (их может быть и две-три) отправляется с визитом в дом возможной невесты, чтобы оценить ее лично по достоинству. Гости (*гёрюджю*), после того как объявили о цели своего посещения, вводятся в самую просторную и богато обставленную комнату гарема, где мать девушки принимает их со знаками самого глубокого уважения и внимания, делает им всевозможные комплименты, которые тут же возвращаются ей с лихвой. Хозяйка велит служанкам принести кофе, прохладительные напитки или шербет. Затем в гостиной появляется девушка, ради которой наносится визит. Она входит, одетая в самые прекрасные из своих нарядов, целует посетительницам руки, лично подносит им кофе или другие напитки, приличествующие торжественному случаю, затем садится напротив *гёрюджю*, которые, деликатно отхлебывая маленькими глотками кофе, осматривают ее с ног до головы. После того как дамы выпивают свой кофе и завершают экзамен, девушка собирает чашки, устанавливает их на блюдо и выходит. Только тогда можно приступать к решающим дискуссиям. Если девушка понравилась ее будущей свекрови, то последняя высказывает свое одобрение; и тогда наступает черед для другой стороны справиться о молодом человеке, его возрасте, положении, его отце и т. д. Если стороны приходят к согласию, мать девушки говорит, что должна известить ее отца; подобное же заявление делает и мать юноши, так как именно отцу семейства в таких вопросах принадлежит последнее слово.

На этом хозяйка дома и ее гости расстаются. Часто посещение только одного семейства матери молодого человека кажется недостаточным, и тогда следует другой визит или целый ряд визитов, при каждом из которых с точностью воспроизводится вышеописанный церемониал. Собрав всю информацию, необходимую не только для суждения, но и для окончательного решения, мать молодого человека дает отчет о своих посещениях мужу и сыну, описывая во всех подробностях

увиденных ею девушек. Затем между «кандидатками» делается окончательный выбор¹⁰.

Одновременно мать девушки со своей стороны ставит в известность отца о нанесенном ей визите, а отец, если ничего не знает или знает мало о возможном зяте, собирает о нем сведения. Если сведения благоприятны и никаких препятствий не возникает, отец молодого человека в сопровождении двух родственников или друзей направляется в дом девушки и ведет с ее отцом переговоры с целью достичь окончательного решения. Молодой человек посылает своей незнакомой красавице традиционные подарки — такие, как кофе, драгоценные украшения, зеркала, предметы туалета, духи и пр., и получает в обмен табакерку в драгоценной оправе, ценные ткани и пр. Вместе с тем будущему тестю уплачивается *агырлык*, то есть более или менее значительная сумма, представляющая собой, вообще говоря, вклад в расходы на свадьбу (*дютюн*). Через несколько дней происходит подписание брачного контракта (*никах*) в присутствии имама. Эта важная церемония разворачивается в доме невесты. Ее отец принимает молодого человека и его друзей в селямнике, мужской «половине» дома, где жених вручает ему оговоренную в ходе переговоров сумму, которая должна остаться у его будущей жены в случае развода с ней. Вот тогда-то и появляется имам: он составляет брачный контракт, регистрирует уплату «означенной» суммы и принимает от молодого человека трижды произносимое согласие на брак. После чего имам направляется к двери гарема, за которой стоит девушка в окружении своих родственниц и подруг. Он ей сообщает, что относительно суммы по брачному контракту достигнуто согласие и деньги уже уплачены. Затем спрашивает ее, согласна ли она на брак с таким-то (имярек). Вопрос и ответ также повторяются три раза. Тогда имам поворачивается к молодому человеку и извещает его, что согласие невесты получено и договор скреплен подписями. Брак тем самым заключен, но молодожены еще не получают разрешения видаться и говорить друг с другом. Они получают его только после того, как будут совершены и отпразднованы все свадебные церемонии, что иногда

требует многих месяцев. Сама свадьба длится неделю, в течение которой обе семьи соревнуются между собой как в роскоши женских туалетов, так и в угощении гостей, родственников, друзей жениха, подруг невесты и просто хороших знакомых. Каждый день свадебной недели посвящен выполнению особого традиционного сложного ритуала: так, вторник — это банный день для невесты; среда — день (или, вернее, ночь) хны, которую втирают в пальцы и ладони невесты, иногда золотой монетой (на счастье); эта церемония сопровождается как у мужчин, так и у женщин развлечениями, песнями, танцами и пр. Четверг — день смотрин невесты: в самых дорогих нарядах и украшениях она предстает перед приглашенными женщинами, которые преподносят ей подарки; на прием является и жених, и это первый раз, когда молодожены впервые представлены друг другу лично; затем, после очень короткого пребывания, жених удаляется, и увеселения в гареме возобновляются. Вечером того же дня в селямликке для мужчин, включая имама, устраивается праздничное угощение; затем все присутствующие совершают общую вечернюю молитву (*ятси*), после ее завершения молодой человек приветствует имама, отца и тестя, получает от них поздравления и пожелания и идет к двери гарема; за ней жениха ожидают его обитательницы, которые ведут его в комнату невесты. После обычной для такого случая церемонии жених и невеста остаются вдвоем, и она впервые снимает перед ним вуаль, скрывающую лицо.

Пятница — еще один день приема и особенно день свадебного пира, разделенного, разумеется, на две части: мужчины пируют в селямликке, женщины — в гареме, но молодая супруга к ним не выходит. Празднества завершаются в понедельник еще одним пиром, который на этот раз устраивается родителями молодого супруга для свяжков и для друзей обеих семей¹¹.

Войдя в новую семью, молодая жена попадает под власть свекрови, и эта власть может оказаться как мягкой, так и суровой. В богатом и просторном доме ей выделяют комнату, даже целую квартиру, с обслуживающим персоналом. Днем она редко видит своего мужа и

проводит время либо в болтовне с другими обитательницами гарема, либо занимаясь музыкой, пением, вышиванием, либо принимая гостей — подруг из других домов. Вообще говоря, женщины, стремясь выйти из гаремной изоляции, расширяют круг своих знакомств, завязывая приятельские отношения с женщинами из других семейств и других домов. Посещение дома торговкой ценными тканями и дорогими безделушками — это тоже небольшое событие. Наконец, по определенным дням недели совершается коллективный поход в *хамам*, то есть баню, если она в *конаке* (особняке) отсутствует. Хамам — излюбленное место встречи женщин из различных домов, как правило, они в нем проводят целый день, и это, наверное, основное развлечение в их жизни.

Другое важное событие в жизни турецкой семьи — рождение ребенка. На шестом или седьмом месяце беременности принято звать на помощь повивальную бабку (*эбе кадин*), которая перед родами должна приготовить все необходимое для их принятия и для новорожденного, согласно традиционной практике. Незадолго до ожидаемого момента рождения повивальная бабка велит внести в комнату роженицы особую мебель. Это род большого кресла, сиденье которого наполовину вырезано в форме полумесяца; оно так и называется — *догум искемеси* (стул для рождения). Когда долгожданный момент наступает, в это кресло садится роженица, где ей в ее усилиях помогает повивальная бабка. Новорожденного акушерка моет, произнося над ним молитвы, и завертывает в пеленку и в особую, предназначенную для этой цели ткань. После чего она укладывает его в колыбель — *бешик*. Колыбели в более или менее богатых домах разнятся между собой орнаментом, но они всегда — одной и той же конструкции. Это — деревянная кроватка, опирающаяся на две изогнутые в форме полумесяца дощечки, причем выпуклой округленной стороной они покоятся на полу, что и позволяет качать колыбель, укачивая ребенка. Часто к пеленке новорожденного прикрепляется жемчужина — чтобы отвести от него дурной глаз. Молодую мать кладут на парадную кровать, покрытую дорогими

тканями, в которой она на следующий день после родов будет принимать визиты родственников и друзей¹². Что касается главы семейства, то он приступает к важному делу — к наречению новорожденного, причем немедленно. Как только перерезана пуповина, ему дается его первое имя: глава клана, прочитав приличествующие данному случаю стихи из Корана, трижды произносит в левое ухо малышки формулу *басмала* («Во имя Бога милостивого и милосердного») и имя ребенка. Чаще всего имя это — «историческое», то есть имеющее отношение к Пророку или к главным персонажам истории исламской или турецкой (Мехмет, Исмаил, Ибрагим, Сулейман, Селим, Осман и т. д.).

На седьмой день роженица встает из постели, и окружающие ее поют *мавлуд* — религиозный гимн, исполняемый в годовщину рождения Пророка. Сороковой день — это день очищения: молодая мать приступает к ритуальным омовениям либо у себя дома, либо идет в хамам вместе с повивальной бабкой, родственницами, подругами, соседками, где эта церемония становится поводом для веселого праздника; приглашенные подносят виновнице торжества подарки.

Может сложиться впечатление, что празднества занимают видное место в семейной жизни турок. Это не совсем так: события такого рода относительно редки, и хотя считается хорошим тоном выставить напоказ в торжественных случаях свое богатство и свою щедрость, связанные с ними расходы высоки. Не следует забывать при этом, что некоторые религиозные праздники также дают место приемам и обменов подарками, что поднимает уровень расходов еще выше. Однако традиции повелевают, чтобы все так и было; и добрый турок не может позволить себе уклониться от них. Это хорошо видно на приведенном выше примере: отцы двух семейств безусловно обязаны взять на себя и поровну разделить между собой колоссальные затраты, связанные со свадьбой. Никакой лазейки, позволяющей хоть в какой-то мере снизить их сумму, не существует. Отношения между семьями, родственниками, друзьями способствуют поддержанию этих традиций, в том же направлении действует и вездесущее влияние

ислама: нельзя идти против того, что с течением времени превратилось в обычай, в котором мирское и религиозное сплелись воедино. Нарушение обычая влечет за собой проклятие, чего всякий добрый мусульманин желает избежать во что бы то ни стало.

Дом

Бедна ли семья или богата — ее жизнь всегда протекает в отдельном доме, хотя и различных размеров. В Стамбуле нет домов, разделенных на квартиры, в которых поселены различные семьи. Жилищный фонд столицы, по свидетельству Велера и многих других путешественников, в большинстве своем состоит «из небольших низких домов, построенных из дерева и глины, а лучшие из них сложены из плохо обтесанного камня»¹³. Другой европеец пишет: «Дома частных лиц построены плохо и не очень удобны. В большинстве своем они двухэтажные, и это по той причине, что часто в качестве наследника недвижимости выступает Великий Господин; таким образом, турки строят их только на свою жизнь, накапливая деньги, которые смогут оставить детям и родственникам в наследство более легко, нежели дом»¹⁴. Иностранцы путешественники, столь очарованные местоположением османской столицы и ее архитектурными памятниками, с любопытным единодушием отрицают художественную и практическую ценность обычных турецких домов. Это происходит, возможно, оттого, что они не желают принимать в расчет традиции и жизненные условия турецкой семьи. То, что дом построен кое-как и из дешевых строительных материалов, легко объясняется тем обстоятельством, что частые пожары, этот бич Стамбула, вовсе не поощряют столичных жителей возводить свои жилища на века из дорогих материалов, а камень слишком дорог и требует помимо собственной цены еще и оплаты труда каменотеса; такие затраты могут позволить себе только султан да правительственные чиновники, имеющие большие доходы. Прочие домо-

владельцы — зажиточные ремесленники либо простые торговцы и рабочие — должны прибегать при строительстве к более доступным по цене материалам: дереву, кирпичу (обожженному или сырцу), саману (глиносоломе), побеленному известкой.

В зависимости от своих размеров и внешнего вида дома носят названия: *сарай* (сераль, дворец), *конак* (особняк, дом зажиточного горожанина) или *эв* (дом). Серали относительно малочисленны, и самый главный из них принадлежит, естественно, султану¹⁵. Маленькие дома (эвы) не привлекают к себе большого внимания путешественников вследствие их небольшого размера, бедности, отсутствия оригинальности. Зато конаки представляют собой четко выраженный тип турецкого дома, соответствующего долгой национальной архитектурной традиции. Они состоят, смотря по достатку их владельцев, из одного или двух строений. В последнем случае одно из них — селямлик, то есть помещение для мужчин, второе — гарем, предназначенный для женщин, при этом между двумя корпусами или, вернее, между их вторыми этажами имеется подвесной крытый проход. Очень часто, однако, гарем и селямлик находятся под одной крышей, и разделение между ними проходит внутри одного здания. Здание это двухэтажное: на первом этаже живут домашние слуги и рабы, иногда там же находится и кухня; второй этаж предназначен для господ, он, как правило, имеет закрытые балконы, опирающиеся на внешнюю стену посредством деревянных подпорок, установленных наискось. Конак покрыт двускатной крышей, которая нависает над балконами, давая защиту от солнечных лучей и дождя. Навесная кровля характерна, впрочем, для всей турецкой гражданской архитектуры.

Пройдя через ворота или калитку во внешней стене, посетитель попадает во двор, в середине которого высятся конак. В глубине двора обычно располагается сад, но на переднем плане, в непосредственной близости от конака, находятся всякого рода хозяйственные и служебные помещения — в частности кухня, баня, цистерна для воды, иногда конюшня. Семьи домашних слуг размещаются, как правило, не только в комнатах

первого этажа, но и в отдельных строениях и пристройках вокруг главного здания. В конак ведет широкая дверь, около которой нередко можно увидеть каменную или мраморную скамью, называемую *бинек таши*. Ее ставили — реже в XVI веке, чаще в XVII — лишь у входа в такой конак, владелец которого был одновременно и обладателем верховой лошади. Дело в том, что скамья эта предназначена не для отдыха, а для того, чтобы служить господину опорой, когда он садится в седло или, напротив, спешивается.

Миновав входную дверь, мы оказываемся в просторном зале, вокруг которого группируются служебные помещения; в конце его, противоположном входу, имеется лестница, ведущая на второй этаж. Поднявшись по ней, мы опять попадаем в зал, подобный в некоторых отношениях нижнему. В стенах верхнего зала тоже проделаны двери, но ведут они, за двумя исключениями, в жилые комнаты членов семьи или, точнее, мужской ее части. Исключения же эти таковы: одна из двух вводит в гостиную, а другая открывается в коридор, упирающийся в запертую дверь, дверь гарема; ключ от нее — всегда у *харем кахъяси*, хранителя гарема. Так сказать, «материальное» общение между мужской и женской половинами дома осуществляется посредством *долана* или вращающегося на оси шкафа, полки которого нагружаются, например, блюдами на одной половине, а разгружаются на другой, причем передающий и получательница не видят друг друга¹⁶.

Зал для приема гостей (гостиная), квадратной или прямоугольной формы, выходит окнами в сад (если таковой имеется), во двор или на улицу; внутренние его стены покрыты фаянсовыми квадратными плитками, которые доходят до нижнего уровня окон; невысокий помост иногда делит зал на две половины. Вдоль стен установлен низкий многоместный диван с подушками, устланный ковром, это — *софа*, на которой хозяин во время приема беседует с гостями. «Та часть комнаты, которую они считают наиболее почетной, занята по всей своей длине большим деревянным помостом, приподнятым над полом как раз на высоту удобного сиденья; она полностью покрыта ковром и уставлена

подушками, на которые приятно откинуться, прислонившись спиной; на этом месте, которое они называют софой и которое может служить сиденьем для многих персон, хозяин дома ведет разговор с гостями или занимается делами, или, когда он один и хочет отдохнуть, ложится и спит...»¹⁷ Другой путешественник сообщает нам дополнительные подробности: «Весь пол покрыт ковром, по которому ходят; а со стороны окон возвышается помост, называемый софой; помост этот устлан другим ковром, гораздо более дорогим, чем тот, что на полу. Софа обложена кругом матрасами в два три фута шириной, которые покрыты еще одним ковром, еще более богатым, чем два вышеупомянутых. Турки сидят на этих коврах так, как это делают во Франции портные, то есть на скрещенных и поджатых под себя ногах; они при этом опираются на прислоненные к стене большие четырехугольные подушки, покрытые бархатом, атласом и другими, смотря по сезону, ценными тканями»¹⁸. В самом деле, софа соответствует приподнятой части гостиной, а банкетки в совокупности составляют то, что принято называть *диваном*; прежде чем забраться на софу, гости снимают обувь, чтобы не запачкать ковер, сидя на нем со скрещенными ногами. В более фешенебельных домах самое почетное место отмечено «прикрепленным над ним на стене изделием из фаянса, размером в ширину этого места для сиденья или, может быть, немногим более его; почетное место несколько приподнято над уровнем прочих мест, расположенных рядом с ним; фаянсовое же украшение имеет форму аркады, что придает почетному месту некое подобие трона. Место это предназначено для самой достойной персоны ... и турки не перестают его выделять из ряда прочих»¹⁹. Этот зал приемов — почти единственное помещение, которое западные путешественники могли обстоятельно рассмотреть в турецком доме: о посещении гарема, разумеется, не было и речи. Описания гарема обязаны своим существованием либо пламенному воображению путешественника, либо, в лучшем случае, пересказу того, что им довелось услышать от греческих женщин. Те редкие путешественники, которым удалось

все же проникнуть в комнату хозяина или другого жильца на мужской половине дома, отмечают ее сходство с приемным залом — отличаются же они только размерами да менее изысканным и дорогим декором. В принципе же — все одно и то же: те же софа и диван под окнами. Еще одно отличие состоит в наличии шкафов, в том числе стенного шкафа в углу, куда обычно утром складываются постельные принадлежности. Турок, за редким исключением, пренебрегает кроватью и спит на матрасе или циновке, которые днем убираются с глаз долой. Кровать в качестве мебели и, более того, в качестве парадной мебели входит в употребление лишь в XVIII веке — причем только в самых знатных и самых богатых семьях.

Гарем чаще всего построен по тому же плану, что и селямлик. Там тоже имеется главная комната, достаточно просторная для того, чтобы служить и в качестве гостиной (если в дом пожалуют гости), и в качестве своего рода домашнего клуба, куда время от времени сходятся поболтать обитательницы гарема. Главное отличие от селямлика — в том, что здесь жалюзи (*кафес*) всегда берегут окна от нескромного взгляда извне²⁰. Для того чтобы в комнате, несмотря на кафес, днем все же было светло, над окнами с жалюзи пущен еще один ряд маленьких окон, обычно застекленных. Стоит, впрочем, заметить, что, в отличие от арабского дома, чьи окна всегда выходят во внутренний дворик, турецкие дома своими окнами смотрят не только на двор, но и на улицу, что позволяет их жильцам, а в их числе и женщинам, наблюдать за всем происходящим. В некоторых случаях (например, в *ялы*, расположенных по берегам Босфора) перед окнами, выходящими на пролив и на высящиеся за ним горы, открывается чудная панорама, и турки дают своим женам возможность ею наслаждаться²¹.

Комнаты женщин располагаются вокруг гостиной, этого средоточия гарема, причем самая лучшая из них находится, естественно, в распоряжении матери семейства. Но меблировка даже и ее комнаты от роскоши весьма далека.

Впрочем, нельзя сказать, что интерьер турецких домов лишен декора и из-за почти полного отсутствия мебели оставляет впечатление пустого помещения. Напротив! Насколько внешний их вид отпугивает взгляд западных наблюдателей, настолько же их внутреннее убранство его притягивает. «Дома больших сеньоров снаружи не привлекают внимания, зато они великолепны внутри. Жилые помещения просторны, украшены позолотой и имеют все, что может способствовать удобству и удовольствию их обитателей»²². А Пети де ла Круа отмечает: «Обычно дома, какой бы неприглядный вид они ни имели снаружи, довольно хорошо украшены внутри; по меньшей мере, некоторые комнаты в них декорированы позолотой, застелены прекрасными коврами и в них много удобных подушек»²³.

Меблировка, как мы помним, сведена к необходимому минимуму и состоит в основном из софы и дивана — идет ли речь о зале для приема гостей или о столовой, или о спальнях комнатах. Часто упоминаются стенные шкафы, дверцы которых украшены расписным орнаментом (в нем преобладают растительные мотивы — например цветы и фрукты). В таких шкафах днем обычно хранятся постельные принадлежности — матрасы и одеяла. Стоит отметить также более или менее разукрашенные сундуки, заставленные разными безделушками этажерки из расписного дерева и еще один особый вид этажерок (*кавузлук*), функция которых строго специализирована: на них ставят тюрбаны. В стенах нередко проделаны ниши для ваз и для кувшинов с водой. Стены обычно расписаны, а потолок (часто кессонный) украшен помимо росписи еще и позолотой. Пол покрыт ковром, более или менее дорогим в зависимости от ранга дома. В самых бедных домах вместо ковров употребляются просто аккуратно разложенные по полу соломенные циновки. Некоторые домовладельцы украшают комнаты особняка венецианскими зеркалами и каллиграфически выписанными стихами из Корана.

Во время еды турки обходятся без стола. Когда наступает час приема пищи, слуги вносят большой круглый медный поднос, который они ставят на особое

небольшое возвышение. Поднос уставлен всевозможными блюдами и всеми видами приправ. Как только еда закончена, поднос и посуда исчезают. Однако небольшие столики-табуреты все же существуют, и служат они подставкой для чашечек кофе. Таким образом, проблема мебелировки упрощена до предела.

А как обстоят дела с другой проблемой — отоплением? Зимы в Стамбуле порой бывают довольно суровыми, и нет, конечно, и речи о том, чтобы стоически переносить холода, которые иной раз длятся несколько месяцев подряд. В солидно построенном конаке главные комнаты обычно обогреваются камином с колпаком традиционной формы (полуцилиндр, заканчивающийся конусом), топятся каминны дровами. В прочих комнатах, а также в менее богатых домах используется также *мангал* — медная или бронзовая жаровня, отделанная с большим или меньшим художественным вкусом. В мангале жгут древесный уголь, постоянно поддерживая жар. Вот, собственно, и все способы обогрева помещения. Они иногда оказываются недостаточными, но жители Стамбула, во-первых, привычны к холоду, а во-вторых, если могут, носят меховую одежду, — что доступно, впрочем, далеко не каждому: ввозимые из России меха и пушнина весьма дороги. Кроме того, стамбульцы имеют в своем распоряжении меховую одежду, одеяла, покрывала местного производства. Так, одеяла из козьей шерсти тяжелы, но превосходно греют.

Помещения для прислуги, расположенные на первом этаже конака, лишены, конечно, удобств, коими пользуются обитатели комнат на втором этаже. К тому же в каждом из таких помещений поселено несколько слуг. Но и здесь, на первом этаже, разделение между его обитателями по половому признаку проводится вполне последовательно. На одной стороне дома, под селямником, проживает прислуга только мужского пола: *ушак* (слуги в тесном смысле слова), *айваз* (подавальщики блюд)²⁴, *ашчи* (повара), *кул* (рабы) и т. д. На другой, под гаремом, поселены служанки, *джарийе* (рабыни) и т. д. Особые комнаты предоставлены хранителю гарема и евнухам, которые имеют право

доступа в гарем. Фактически евнухи встречаются только в самых богатых домах и, конечно, в Серале.

Кухни ради удобства господ обычно располагаются вне жилого здания, на некотором удалении от него, в особой постройке: запахи и шумы не должны достигать второго этажа конака. На кухне занят особый персонал, и особые слуги обязаны переносить приготовленные блюда в селямлик и в гарем. Приготовление пищи происходит на сложенном из кирпича очаге, который топится древесным углем. В менее богатых домах в этих целях используют маленькие печи или мангалы. И те и другие бывают причиной ужасных пожаров, время от времени опустошающих столицу.

Зажиточные семьи имеют собственную баню, которая строится тоже несколько поодаль от здания конака и полностью воспроизводит хамам с его тремя залами — холодным, теплым и горячим. Кроме того, как в селямлике, так и в гареме имеется зал для совершения каждодневных омовений. Семьи среднего достатка за отсутствием бани довольствуются залом для омовений. Самые бедные семьи используют с этой целью какую-нибудь клетушку в доме, называемую *гусульхане*. Проблема воды находит то или иное решение в зависимости от того, насколько дом богат, и от местных условий — например, от наличия колодца, цистерны или просто больших кувшинов, вкопанных неглубоко в землю во дворе вблизи стены, отделяющей двор от улицы. В последнем случае труба, подающая воду в кувшин, выходит наружу через специально проделанное отверстие в стене; отверстие это со стороны улицы прикрыто маленькой дверцей с висячим замком. Водовоз (или водонос), обслуживающий жильцов дома, не имеет нужды входить во двор: он просто-напросто открывает дверцу доверенным ему ключом и выливает доставленную им воду в трубу²⁵.

Во дворе или, точнее, в саду при большом и богатом конаке нередко имеется водоем (*хавуз*), иногда даже с фонтаном. Есть и конюшни. По свидетельству Пьетро делла Валле, «их конюшни, кухни и другие службы при доме находятся в хорошем состоянии — быть может,

даже в гораздо лучшем, чем у нас, потому что стремление поддерживать все в порядке доходит у них до рвения»²⁶.

Резиденции важных персон — настоящие дворцы, окруженные почти крепостными стенами, идущими по периметру участка. На территории резиденции помимо жилого дома и расположенных в непосредственной близости от него разного рода служб разбиты обширные сады, а в зелени садов то здесь, то там прячутся декоративные деревянные строения; на самых высоких точках владений сооружены беседки и смотровые площадки, позволяющие любоваться живописным ландшафтом. Эти маленькие изящные строения называются *кёшк*; отсюда — французское (и, соответственно, русское. — Ф. Н.) слово «киоск». Киоски строились великими визирями и другими знатными лицами первого ранга в подражание тому типу изысканных архитектурных безделушек, который был введен в моду султанами во дворце Большого Сераяля. «Всем туркам очень нравится этот архитектурный жанр, и, наверное, нет таких сералей, где бы отсутствовали киоски — одни из них запрятаны в глухих уголках парков, чтобы их посетители могли предаться уединению, другие построены на берегу (если есть берег), третьи венчают собой кровли домов. Все они отвечают склонности турок погрузиться время от времени в призрачный мир мечтаний. Турки располагаются в них со всеми удобствами — на софе, с кальяном и несколькими *флинджанами*²⁷ (маленькими чашечками) кофе и проводят там пару часов в одиночестве или в компании»²⁸. Велер сообщает нам некоторые подробности: «Обычно киоски бывают квадратной формы, широкие навесы защищают их от лучей палящего солнца, с какой бы стороны они ни падали. Здесь хорошо наслаждаться тенью, свежестью воздуха. Поднявшись по четырем-пяти ступеням, попадаешь на площадку, мощенную керамической плиткой и мрамором, покрытую несколькими циновками или коврами, окруженную со всех сторон балюстрадой. Плафон киоска покрыт разноцветной росписью»²⁹. Эти киоски, или беседки, или даже небольшие особнячки служат главным образом местом отдыха для

гуляющих и предназначаются одни для мужчин, другие для женщин. В функциональном отношении они не имеют ничего общего с теми павильонами и «охотничьими домиками», которые были в большой моде во Франции XVIII века на землях придворной знати. Впрочем, отнюдь не исключено, что турецкие киоски послужили оригиналом, а французские загородные домики в стиле барокко стали их достаточно отдаленными копиями. Во всяком случае, орнамент в турецком вкусе вошел составной частью в декор стиля Людовика XV. Достаточно примечательно и то, что один из киосков Большого Серая, а именно султана Мустафы III (1757—1773), вполне выдержан в стиле рококо (Людовика XV); таким образом, западная копия смогла, в свой черед, оказать обратное воздействие на свой восточный прототип.

Конечно, человеку Запада кажется удивительной такая концепция жилого дома, столь отличная от его собственных представлений. Не нужно, однако, забывать, что она соответствует религиозному императиву, а именно — жесткому разделению полов, а это требование религии влечет за собой многие сложные последствия в отношениях между членами одной и той же семьи. В первую очередь это разделение ее на две части и фактическое господство отца над мужской ее половиной, а матери — над женской. Такой образ жизни не способствует духовному общению или хотя бы даже разговорам между мужчинами и женщинами, но в то же время — по крайней мере в «хороших» буржуазных домах — предотвращает споры и ссоры, оставляя, Впрочем, женщинам в гареме полную свободу выяснять отношения между собой. Можно было бы сказать, что такие порядки имеют конечной целью обеспечить отцу семейства, хозяину дома, невозмутимый покой — с тем чтобы позволить ему насладиться вдали от любых забот прекрасным, но мимолетным мгновением. Эта жизненная философия, получившая позднее (в Италии) название *dolce vita* («ничегонеделанья», «сладкой жизни»), возобладала в Стамбуле с XVI века, в ту эпоху, когда османы, обогатившись в ходе завоеваний, пожела-ли вкусить прелестей легкой жизни и принялись вопло-

щать свои желания в материальную ее область, то есть в быт, в повседневность, в обстановку своего жилища. Здесь они весьма преуспели в совершенствовании уже существовавших элементов житейского комфорта, приведя их в соответствие со своим собственным стилем жизни и создав тем самым материальную основу для комфорта морального. Вполне возможно, что эта тяга к комфорту заставила их в конце XVI и в XVII веке забыть о самом главном, утратить свою былую энергию и погрузиться в полудрему сладостного стамбульского бытия — в ущерб величию Империи.

Религия

Жизнь всякого доброго мусульманина (а турок, без сомнения, добрый мусульманин, истово правоверный) подчинена ритму отправления религиозных обрядов, причем ритму как каждодневному, так и годовому. Ритуальные предписания обязывают его творить молитвы ежедневно, а также совершать большое пятничное коллективное моление, отмечать религиозные праздники, рассыпанные по страницам мусульманского календаря. Множество повседневных актов не только окрашено религией, но, более того, проникнуто религиозным духом. Преподавание основывается на принципах Корана, и первое, что ребенок заучивает наизусть даже еще не в начальной школе, а в кругу семьи, это — стихи Корана.

С отрочества благочестивый мусульманин обязан читать молитву (*намаз*) ежедневно пять раз в четко установленные сроки: *сабах* (утро) — на заре, когда еще невозможно отличить черную нить от белой; *ёгле* или *ойле* (полдень); *икинди* (послеобеденная) — три часа спустя после предыдущей; *акшам* (вечер) — перед заходом солнца; *ятсы* — когда день полностью переходит в ночь, то есть спустя один или два часа, в зависимости от времени года, после захода солнца. О том, когда мусульманин должен приступить к молитве, его извещает *зан* (призыв к молитве) муэдзина с балкона минарета. Упомянутые молитвы служат для мусульман как бы вехами, делящими течение дня на примерно

равные части. Молитвы сабах, акшам и ятсы обычно читаются дома: небольшой молитвенный коврик с вытканым на нем изображением *михраба* (внутренней ниши в мечети, указывающей направление к Мекке) расстилается по полу так, чтобы это изображение действительно было направлено к Мекке; правоверный, предварительно разувшись, становится на нем на колени и произносит соответствующую времени дня молитву. Молитвенный обряд может совершаться как индивидуально, так и коллективно. В последнем случае все мужчины данного дома собираются вместе в селям-лике (и, соответственно, женщины в гареме) для его выполнения. Ёгле (ойле) и икинди читаются, как правило, по месту работы или в ближней к нему мечети. Иногда ремесленники, входящие в одну и ту же корпорацию, сходятся для совершения молитвы сабах на ближайшей к месту их работы площади или в соседней с ним мечети. Не существует предписания, безоговорочно требующего чтения всех пяти молитв: обычный мусульманин обычно читает в течение дня только три из них — сабах, икинди и акшам, и лишь наиболее благочестивые правоверные выполняют свой молитвенный долг полностью.

В отличие от этих ежедневных молитв, совершаемых индивидуально или коллективно в любом ритуально чистом месте (на подметенной площади, в пустыне и т. д., включая, конечно, и мечети), главная пятничная молитва (то есть читаемая по пятницам) требует присутствия всех верных именно в мечети, причем это коллективное молебствие происходит под руководством имама. Эта молитва сопровождается комментариями стихов Корана и иногда проповедью, в ходе которой *хатиб* (проповедник) в особой ее части (*хутбе*) должен молить Всевышнего излить свои милости и щедроты на султана. Присутствие на пятничной молитве для всех мусульман обязательно. Перед тем как войти в священное здание, верующий должен очистить себя посредством омовений — омовения лица, кистей рук, предплечья и ступней ног. Этой цели служат фонтаны, большие и маленькие, во дворе мечети или вдоль ее стены. Мусульманин, оставив свою

обувь у двери, входит в молитвенный зал, становится на колени лицом к михрабу и произносит молитвы, сопровождая их ритуальными изменениями положения тела (*рик'а*)³⁰.

Женщины могут принимать участие в упомянутых молитвах, совершаемых в мечетях. Они входят в мечеть (разумеется, под покрывалом), но не смешиваются с мужчинами, для которых срединная часть пространства святылища, собственно, и отведена. Женщины становятся по сторонам молитвенного зала, отделенным от основного пространства невысоким барьером (*максура*), или занимают места на трибунах второго этажа (если таковые имеются, а имеются они только в больших мечетях). Немусульмане лишены, естественно, права входить в мечети, как и проникать в прочие священные для мусульман места; если для некоторых европейцев и делалось исключение, то это вследствие благорасположения к ним какого-либо влиятельного турка, при этом они должны были облачаться в традиционную мусульманскую одежду³¹.

Истовость благочестивых мусульман производит большое впечатление на западных наблюдателей: «Они гораздо более ревностно отдают долг их лжепророку и гораздо прилежнее являются в их мечети, чем мы, христиане, ходим в наши церкви, чтобы почтить Бога»³². «Те, кто увидит, с какой скромностью и почтением посещают они свои мечети, в каком глубоком молчании внимают своим проповедникам, должны испытать великий стыд, припомнив, что наши церкви служат удобным местом для болтовни прихожан во время богослужения»³³. Подобные отзывы для западных путешественников вполне обычны, так что не приходится сомневаться в том, что турки — мусульмане искренние, набожные и твердо следующие заветам своей религии.

Среди этих предписаний имеются и такие, которые налагают на верующих исполнение весьма тяжелых обязательств — тяжелых, но тем не менее для всякого мусульманина совершенно неизбежных. Одно из них — строгое соблюдение дневного поста в месяц рамадан. Известно, что в течение всего этого месяца му-

сультанин должен полностью воздерживаться от еды и питья от восхода солнца до его заката: испытание, столь же тяжкое зимой, как и летом, имеет значение очищения и жертвы. Всякий мусульманин старше 14 лет должен соблюдать этот пост, за исключением больных такими недугами и страдающих такими увечьями, которые делают его опасным. Исключение делается и для тех, кто совершает длительное и тяжелое путешествие. Дю Луар, однако, замечает, что «во время марша османской армии, когда всё, казалось бы, позволено и когда занятие войной должно было бы потеснить, если не вытеснить, религиозную практику, — во время этого марша турецкие солдаты, преодолевая на своем пути пески Аравийской пустыни в пик летней жары, соблюдают пост столь же неукоснительно, как и те, кто отдыхает в собственном доме»³⁴. Тяжкое испытание постом турки переносят с замечательной силой характера, к великому удивлению и восхищению людей Запада: «Ни высокое положение тех или иных персон, ни долгие и знойные летние дни, ни усталость от тяжкого труда не освобождают их от этого воздержания; им совестно ссылаться на недомогание, чтобы избежать исполнения обязанности; строгость, с какой они пост соблюдают, должна бы заставить покраснеть едва ли не большую часть христиан, а именно — тех, кто во время Великого поста выдумывает для себя такую болезнь, от которой никогда не страдал, и использует мнимую немощность как предлог, чтобы скрыть действительное отсутствие благочестия»³⁵.

По поводу мусульманского поста много злословили, утверждая, что его соблюдают днем для того, чтобы поесть в свое удовольствие ночью. Говорить так — значит с легким сердцем забывать то, в чем мусульманин отказывает себе в долгие летние дни. А отказывает он себе даже в стакане воды — в Стамбуле, где жара царит с июня по октябрь! И в чем он отказывает себе зимой, когда приходится переживать холода на пустой желудок!

Хотя пост переносить тяжело, он все же включает в себя некоторые элементы компенсации. Задолго до наступления священного месяца каждая турецкая семья обзаводится съестными запасами и, более того, дели-

катесами и лакомствами. Все заранее накопленное постепенно потребляется как после захода солнца, так и в течение ночи, когда разговение служит предлогом для обмена визитами между семьями и знакомыми, причем в ходе совместных трапез принцип разделения полов, разумеется, сохраняет свою силу. Первый день поста — это тот, который следует за ночью, когда на небе после новолуния впервые появляется тонкий серп месяца: как только два свидетеля заявляют, что видели новорожденный месяц воочию, шейх-уль-ислам торжественно провозглашает начало месяца рамадан. Если небо покрыто облаками и наблюдение за ним затруднено, начало месяца переносится на следующий день. Перерыв в посте, или *ифтар*, объявляется каждый вечер, после того как устанавливается, что дневное светило покинуло небосклон. Этот торжественный момент оповещается грохотом барабанов, между тем как минареты освещаются гирляндами ламп, а муэдзины выкликают нараспев эзан. Всякий добрый мусульманин сначала читает молитву захода солнца и только потом разговляется. Ночь посвящается развлечениям³⁶, в число которых входит и повторная трапеза, а также последующему сну, из которого правоверный выходит при новом барабанном бое, возвещающем, что солнце вскоре взойдет; тогда он съедает легкий завтрак, читает молитву — и вот он снова готов выдержать с приходом дня суровое религиозное испытание.

Вечером двадцать седьмого дня празднуется Ночь Предопределения (*кадир геджеси*), годовщина той ночи, когда Пророку был явлен Коран, Божественное откровение. В эту ночь, согласно народному поверию, предопределяется жизнь правоверного на грядущий год. В начале ночи проходят торжественные моления в больших мечетях Стамбула, которые заполнены толпами верующих. После этой ночи остается всего два-три дня до окончания рамадана. Как и при его начале, появление на небе лунного месяца знаменует собой наступление нового месяца на земле — на этот раз *шевваля*: два очевидца должны подтвердить это появление. Часто эта ночь называется Ночью Сомнения, так как атмосферные условия могут ведь и воспрепятствовать лице-

зрению новой луны на ясном небе; в последнем случае, к великому сожалению мусульман, провозглашение окончания рамадана переносится на двадцать четыре часа. Празднование этого торжественного момента в Турции называется *шекер байрамы* (праздник сладостей), а у арабов — *'ид аль-фитр* (праздник разговения), или *аль-'ид ас-сагир* (малый праздник). Празднества продолжаются три дня, сопровождаются совместными молитвами, раздачей милостыни, увеселениями, обменом подарками — главным образом разнообразными кондитерскими изделиями — и опять-таки взаимными посещениями между родственниками и знакомыми.

На десятый день месяца зу-ль-хидджа падает великий праздник жертвоприношения (*курбан байрамы* или по-арабски *аль-'ид аль-кабир*, большой праздник): в каждой семье ее отец точно так же, как это делают паломники в Мина (недалеко от Мекки), приносит в жертву барана ритуальным способом, то есть повернув голову жертвы в сторону Мекки. В богатых семьях мясо барана раздается бедным, в бедных семьях оно съедается. Празднование курбан байрамы длится четыре дня — как и в ходе паломничества в Мекку, которым оно, кстати, и завершается³⁷.

Среди прочих традиционных для Турции религиозных церемоний нужно прежде всего отметить *ашуру*, десятый день месяца *мухаррема*, который суннитам, или ортодоксальным мусульманам, служит напоминанием о том дне, когда Ной вышел из ковчега и изготовил из семи компонентов, которые смог найти, блюда, называемые ашура. Что касается шиитов, или неортодоксальных мусульман, то они вместе с этим праздником отмечают совпавшую с ним скорбную дату гибели двух сыновей Али, Хасана и Хусейна, причем особо выделяется убийство Хусейна при Кербеле в 672 году; шииты в этот день готовят двенадцать яств — в память о двенадцати имамах шиитской общины.

Верующий должен также праздновать день рождения Пророка (двенадцатого числа месяца *раби'эввель*): это праздник *мевлид-и шериф*, сопровождаемый коллективными молебствиями и чтением стихов из Кора-

на, а также (иногда) поэм, сочиненных, чтобы почтить это событие. Мы особо не задерживаемся на таких обязанностях мусульманина, как раздача милостыни, паломничество и участие в священной войне. Милостыня входит в общее число налогов, уплачиваемых турками. Что не мешает мусульманину раздавать милостыню сверх того и от себя лично или жертвовать более или менее значительные суммы в пользу своей религиозной общины, или делать вклады в благотворительные фонды, или такие фонды создавать. Паломничество теоретически обязательно для каждого мусульманина, но практически осуществляется только теми, кто имеет на то средства; впрочем, Коран позволяет любому мусульманину соучаствовать духовно в паломничестве в Мекку иного лица, которому он оказывает материальную помощь в совершении этого богоугодного дела. Возвращение из Мекки становится причиной праздника *хаджи байрамы*, в ходе которого вернувшийся паломник получает поздравления от своих друзей и соседей. Наконец, вопрос о священной войне (тема, по которой теологи продолжают дискутировать) решается султаном практически в том смысле, что это — война против неверных, безразлично, против христианского ли государя или же против главного еретика, персидского шаха³⁸.

Религиозная жизнь турка не ограничивается чтением молитв и участием в больших мусульманских церемониях. Религиозным духом проникнута вся его повседневная деятельность и, по сути, вся его жизнь. Он не сможет прожить и дня, не повторяя молитв в назначенные сроки. Он не примется ни за какую работу, не сотворив перед тем молитву — чаще всего простую формулу *басмала*. Случайная встреча на улице с другом, приветствие хозяином дома гостя не обходятся без упоминания Аллаха. Но, самое главное, религией отмечены важнейшие события в лоне семьи: выше речь уже шла о браке и о рождении ребенка. Практика обрезания, хотя и не предписывается Кораном, тем не менее превратилась в религиозный обряд: только ребенок, прошедший его, становится настоящим мусульманином. Эта практика, семитская по происхождению,

была воспринята от арабов и турками. Довольно долго было принято подвергать обрезанию не только мальчиков, но и девочек, но позднее операция над девочками постепенно вышла из употребления. Операция над мальчиками производится либо на седьмой день от рождения, либо на сороковой, либо по исполнении седьмого или восьмого года жизни. От раннего срока, в семь дней, турки, чем дальше, тем больше отказываются — отчасти и потому, что следует он еврейской традиции. Нужно, однако, отметить, что обрезание не сопровождается никакой религиозной церемонией, никакой особой молитвой. Это всего-навсего хирургическая операция, которую производит пришедший в дом «цирюльник-обрезатель»³⁹, или *сюннетджи*, специалист; делающий свое дело быстро и ловко отточенной бритвой. Рана молодого пациента затем прижигается самыми примитивными способами — часто древесной золой. После чего выдержавший с честью операцию принимает поздравления своей семьи и друзей дома, соответствующие торжественному событию подарки, причем его стараются рассмешить, чтобы заставить забыть о своей боли. С этого момента (если ему семь-восемь лет) он покидает гарем, чтобы перейти в мужскую половину дома; и это обстоятельство наполняет его сердце чувством гордости⁴⁰. В любой семье обрезание — повод к празднеству, но обрезание сына султана — это повод к грандиозному государственному празднеству, которое разворачивается на Ипподроме, между тем как молодой принц получает подарки от столичных корпораций. Размах увеселений по случаю обрезания сына султана Мурада III Мехмета (будущего Мехмета III) в июне 1582 года или принцев Мустафы и Ахмета, сыновей Мехмета IV, 6 июня 1674 года вообще превосходил всякое воображение, и эти празднества остались в памяти жителей Стамбула надолго.

Похороны представляют собой религиозную церемонию, выраженную, пожалуй, наиболее ярко и с наибольшей силой. Обычай требует, чтобы голову умирающего повернули в сторону Мекки и над ним и ему в ухо читали *шахаду*, символ мусульманской веры, «свидетельство». После смерти тело покойного обмывают;

ватными тампонами затыкают уши, ноздри, рот и облачают в саван из единого куска ткани, без швов. Похороны совершаются не позднее следующего дня после кончины: труп возлагается на особые носилки, покрытые тканью с надписями из стихов Корана, и мужчины на руках несут его до ближайшей мечети. В нее его не заносят, но оставляют тело либо перед ней, либо во дворе на особом камне, *мусалла таши*; там имам или родственник усопшего читает над ним молитвы за упокой, некоторые стихи из Корана, иногда произносит прощальную речь⁴¹. После чего опять-таки на руках мужчин (многие мужчины по очереди сменяют один другого, так как такая помощь — дело благочестия) останки доставляются к месту погребения — либо на одно из больших кладбищ Стамбула, расположенных вдоль городской стены, либо на большое кладбище в Ускюдаре (если покойный еще при жизни выбрал это место), либо на маленькое кладбище в квартале (таких кладбищ много в старом Стамбуле), либо, наконец, в Эюб, где по соседству с гробницей знаменитого святого хоронят отличившихся благочестием мусульман. Могила делается по возможности просторной, и мертвый укладывается в нее с правой стороны, головой по направлению к Мекке. Сверху могильного холма ставят в вертикальном положении плитку и два камня — один в ногах, другой над головой — с надписью, состоящей из коранического стиха, имени и титула покойного. Если усопший при жизни занимал важный пост, то камень, установленный в голове, отмечается каменным тюрбаном, знаком его должности. Некоторые высокие персоны, особенно султаны, обретают вечный покой в *тюрге* — шестигранной или восьмигранной гробнице, увенчанной куполом и украшенной внутри либо изразцами (как, например, тюрге Сулеймана Великолепного), либо растительным орнаментом.

Турок, как и всякий мусульманин, не испытывает чрезмерного горя перед лицом смерти; напротив, он радуется тому, что усопший достиг рая, «садов Аллаха». Что не мешает ему молиться на могиле о ниспослании покойнику райского блаженства. Впрочем, этим заняты в основном женщины, которые по пятницам часто

посещают кладбище. Кладбище помимо основной своей функции представляет собой приятное место для прогулок: оно обычно засажено высокими красивыми деревьями — особенно кипарисами, как в Ускюдаре.

Воспитание

С рождения и примерно до семи лет ребенок живет в гареме под попечением либо матери (если семья бедна), либо кормилицы; несколько повзрослев, он переходит под надзор «гувернантки» (если семья занимает достаточно высокое социальное и имущественное положение). Так или иначе, основная ответственность за его первоначальное воспитание лежит на матери: именно она следит за тем, чтобы ее ребенок, мальчик или девочка, был почтительным по отношению к своим родителям и усвоил элементы вежливости, столь высоко ценимой турками в общественных связях. С пяти лет он обучается некоторым молитвам и тому, как совершать ритуальные омовения. Мать или бабушка рассказывают ему традиционные турецкие сказки, истории, легенды, иногда басни. Он обычно сопровождает женщин, когда те отправляются в хамам или на кладбище; и прогулки эти — для него развлечение, вылазки во внешний мир из тесного мирка гарема и не столь уж просторного семейного сада. Но больше всего ребенок любит праздники, когда он, одетый во все новое, получает подарки и принимает участие в общем веселье.

Мальчик в гораздо большей степени привлекает к себе внимание и заботы, нежели девочка: ведь это именно на него возлагаются надежды и с ним связываются чаяния семьи. Вот почему он делает все, чего только ни пожелает, и все проказы сходят ему с рук. Его не наказывают — самое большее, поjureт, причем не слишком сурово. Если он по какой-либо причине плачет — это большое событие, и все бросаются его утешать, произнося известные только женщинам заклинания. Таким образом, мальчик превращается в избалованное капризное дитя, которое смотрит на весь

гарем как на свою прислугу. Это, очевидно, не лучшая система воспитания: в любом случае она взращивает в маленькой головке мысль о том, что женщины созданы лишь для того, чтобы со всей возможной преданностью и полной готовностью выполнять желания мужчины. Из этого общего жизненного правила он делает все же одно исключение — для своей матери, которая научила его чтить себя; и это чувство почтения он сохраняет, пока она жива.

Что касается девочек, то заботятся о них меньше и их вовсе не балуют. Впрочем, до периода полового созревания они не знают и обычных для женщин запретов. До поры до времени они не носят вуали. В наименее обеспеченных семьях именно на них ложится обязанность делать мелкие каждодневные покупки, а для этого они, естественно, выбегают на улицу. Но с момента, когда в девочке начинают видеть девушку (а это случается иногда даже в десятилетнем возрасте), с прежней относительной свободой ей приходится проститься, и она отныне входит, без каких бы то ни было изъятий, в общую жизнь женщин дома.

Общепринято обучать девочек молитвам и основным принципам мусульманской веры, но на этом чаще всего и останавливается их умственное и духовное развитие. Только в богатых семьях воспитание девочек (а позднее и девушек) продолжается уроками музыки, пения, декламации избранных стихов и поэм. В семьях же среднего достатка и ниже их учат исключительно тому, как решать разнообразные задачи по ведению домашнего хозяйства, и вырабатывают у них соответствующие навыки. О том, чтобы девушка обучалась в школе или иных учебных заведениях, в описываемую эпоху не могло быть и речи. Если историки и летописцы той поры и отмечают появление нескольких образованных женщин, то эти редчайшие исключения лишь подтверждают общее правило. Женщины эти либо вышли из знатных семей, почерпнув образованность из «частных уроков», либо речь идет о невольницах европейского происхождения, которые в новой для них среде проявили знания, накопленные в годы юности на Западе.

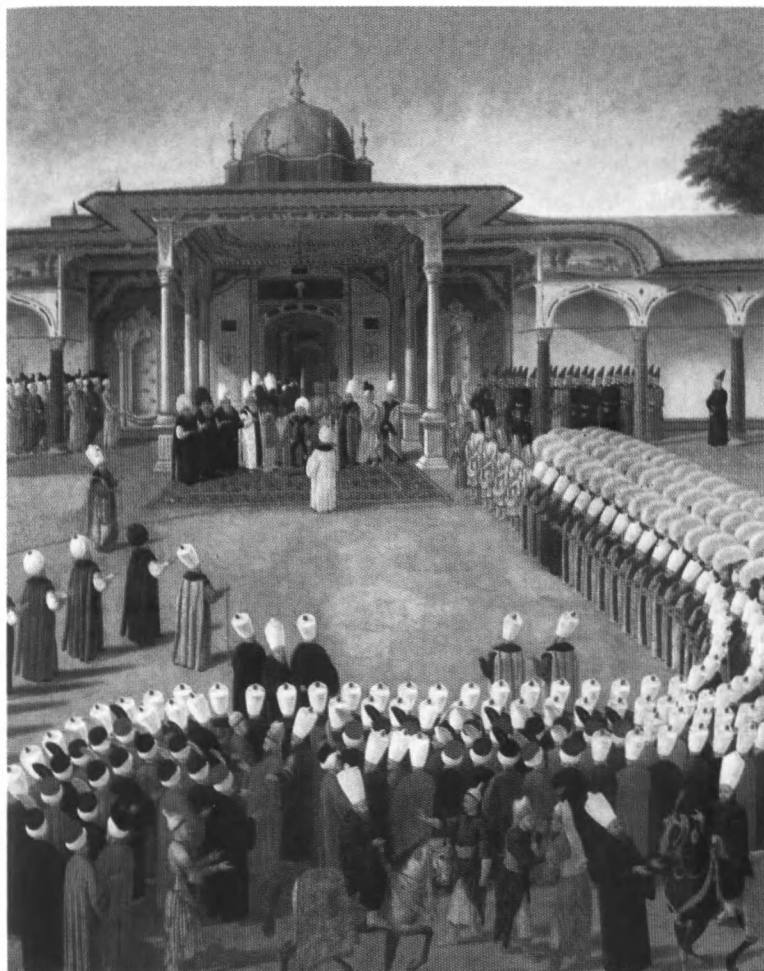
От матери и бабушки ребенок познает все местные

суеверия, узнает, где практически проходит рубеж между тем, что допустимо, и тем, что запрещено; заучивает формулы, которые следует произносить при таких-то и таких-то конкретных обстоятельствах. Так он обучается, с одной стороны, традициям, которые полагается уважать и соблюдать, а с другой — «умению жить», которое как раз и включает в себя следование неписаным, но действующим обычаям и правилам, знание которых каждому турку и в особенности столичному жителю совершенно необходимо для того, чтобы не выглядеть в своем родном городе «варваром», то есть иностранцем. Существует, без всякого сомнения, «социальное воспитание»: обычно оно лишь с трудом различимо, но тем не менее вполне реально. Такое воспитание позволяет, пусть иногда в устаревших и упрощенных формах, усвоить самую суть турецкой цивилизации — цивилизации, которая несет с собой как воспоминания о далеких предках, пришедших из глубин Средней Азии, так и наследие исламской культуры.

Выходя из-под опеки матери и расставаясь с женским окружением гарема, турецкий мальчик оказывается на перепутье. Впрочем, выбора дальнейшего жизненного пути, по сути, не существует, или, точнее, выбор этот заранее предопределен фактом принадлежности к определенной семье. Если отец мальчика занимает скромное общественное положение рабочего, подмастерья или мелкого торговца, то и перед мальчиком открывается лишь перспектива повторения того же жизненного пути (если, конечно, его вдруг не свернет в сторону какое-либо непредвиденное событие). Зато если его отец занимает видную должность на государственной службе или принадлежит к достаточно высокому слою столичного общества, то и мальчику предстоит более или менее длительное и углубленное обучение, которое даст ему доступ на первую ступень либо юридической, либо административной карьеры.

Если он не пользуется услугами частного воспитателя, то в возрасте от пяти до семи лет становится учеником «начальной» школы (*мектеб-и сыбьян* — «школы

для отроков») в своем квартале — школы, которая чаще всего располагается по соседству с мечетью и которая своим существованием обязана щедрости какого-нибудь благочестивого дарителя. Обычно школы эти строятся из камня и состоят из одного только учебного помещения, в народе их так и называют — *таш мектеб*, «каменная школа»⁴², может быть, для того чтобы отличить их от классов, которые действовали в здании той же мечети, когда еще не было таш мектеба. Обстановка в ней предельно проста: ковер (иногда скамья) для учителя, который сидит на нем, скрестив ноги и поджав под себя пятки; в такой же позе сидят и его ученики — кто на циновке, кто на коврикe, а кто и прямо на земле. Учитель (*му'аллим*) — обычно человек уже в годах, он знает Коран и умеет писать — чем его знания и ограничиваются; но от него для обучения мальчиков ничего больше и не требуется. Школьный реквизит сводится к минимуму. Для самых маленьких или самых посредственных учеников это деревянная дощечка, обмазанная глиной или разжиженным мелом, и заостренная палочка для письма. Те, кто успел проявить прилежание и способности, вознаграждаются листом бумаги и тростниковым каламом, при помощи которого пишут чернилами. Метод обучения предполагает мобилизацию памяти в большей степени, нежели интеллекта: учитель велит своим ученикам заучивать наизусть стихи Корана, смысл которых мальчики еще не понимают, так как священная книга мусульман написана по-арабски. Ученики повторяют эти стихи хором, скандируя их столько раз, «сколько необходимо для того, чтобы они остались в памяти и никогда не покидали ее»⁴³. На решение этой важнейшей задачи уходит львиная доля всего учебного времени. Кроме того, учитель сначала учит мальчиков писать арабскими буквами, а затем — переписать один из тех коранических стихов, что они заучили наизусть: на упражнение уходит столько времени, сколько нужно, иногда (первоначально) — несколько дней. Это вступительное изучение Корана дополняется заучиванием молитв и тех жестов и поз, которые следует принимать при их чтении наизусть. К этому-то и сводится вся миссия учителя

Прием подданных в связи с вступлением на престол султана Селима III.
Турецкий рисунок XVI в.

Придворные. Турецкий рисунок XVI в.

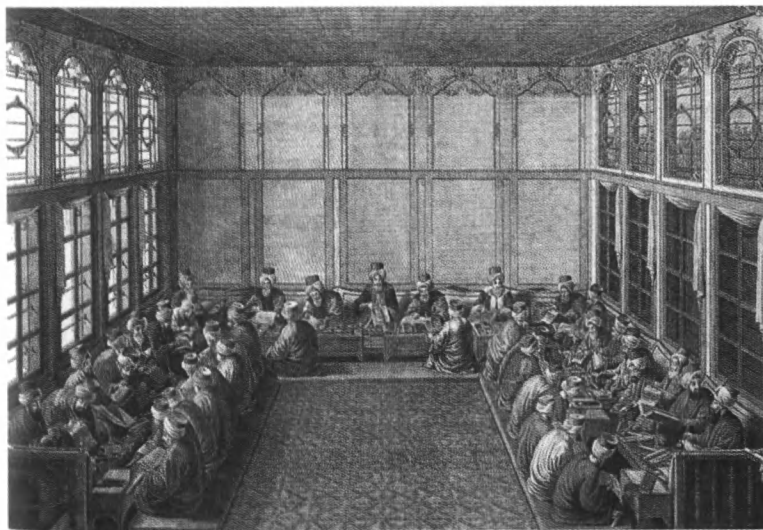
Вид султанского дворца. Вдали — Айя София. Современное фото.

Султан Мехмед IV
на троне.
Турецкая рукопись XVI в.

Турецкие чиновники
за работой.
*Французская гравюра
XVIII в.*

Стамбул — центр ислама. *Современное фото.*

Мулла читает Коран. *Турецкий рисунок XVI в.*

Мусульманские
духовные
авторитеты,
участвующие
в дворцовом
приеме.
Турецкий рисунок
XVI в.

Мусульманские
похороны.
Европейская гравюра
XVI в.

Пахота и сев под охраной армии. *Турецкий рисунок 1720-х гг.*

Переворачивание сена. *Европейская гравюра XVIII в.*

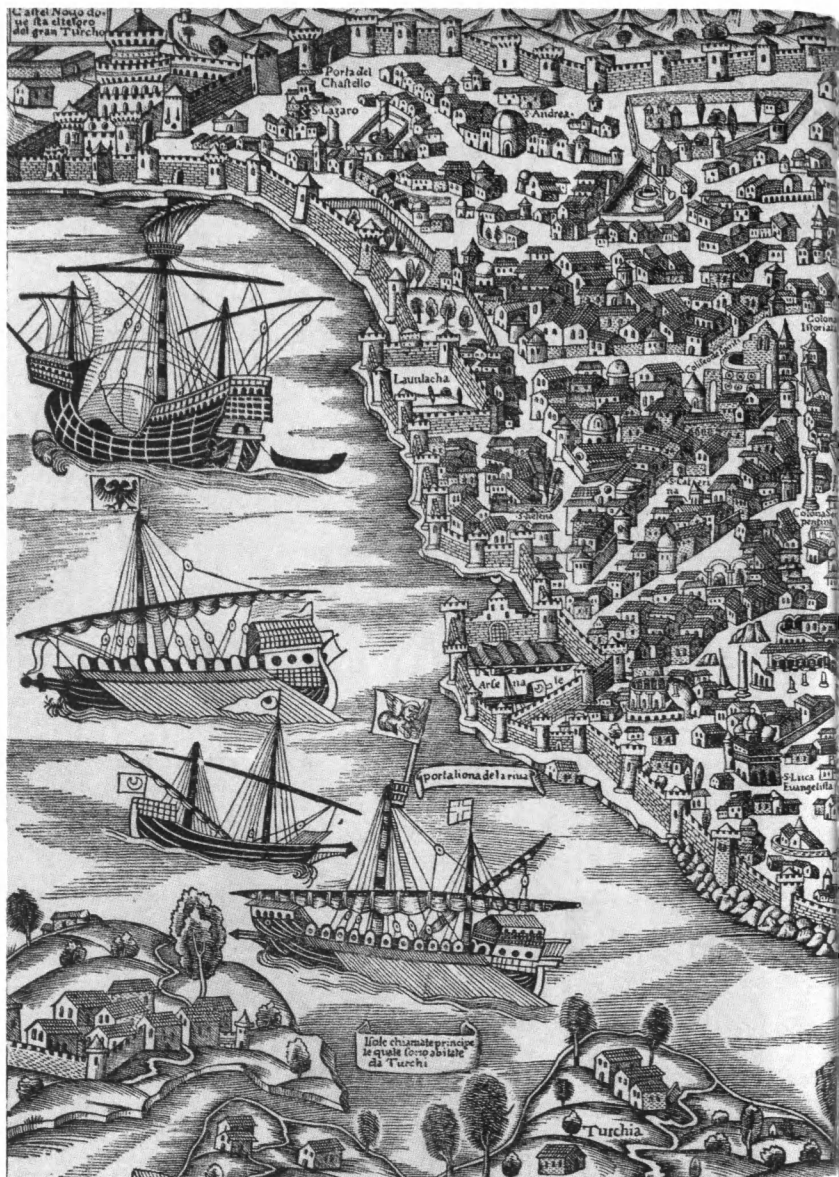
Имя султана на турецкой монете.
XVI в.

Сборщик налогов.
Турецкий рисунок XVI в.

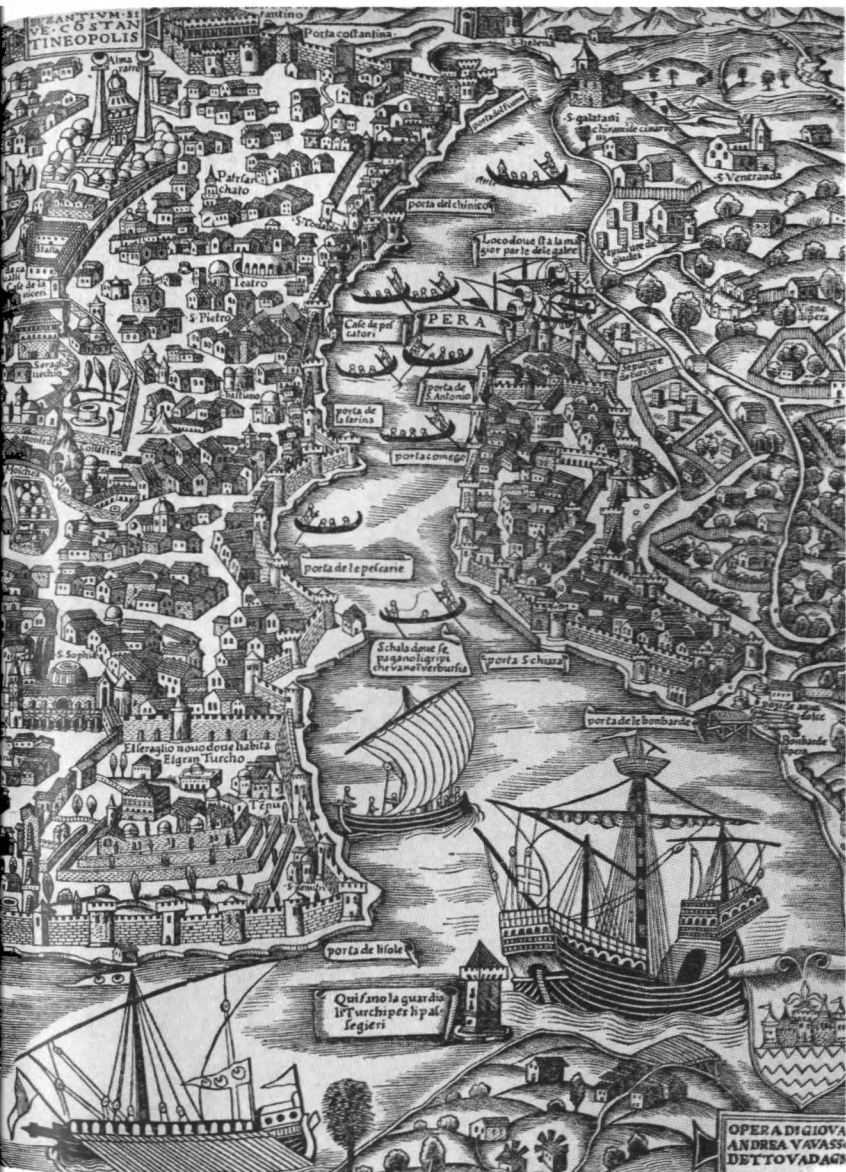

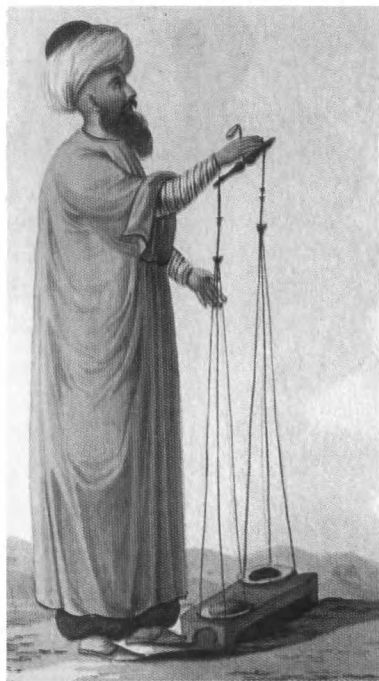
Выпас скота.
Турецкий рисунок XVI в.

Вид Стамбула. Европейская гравюра середины XVI в.

Торговец с весами.
Турецкий рисунок XVI в.

Мясники за разделом
бараньих туш.
Турецкий рисунок XVI в.

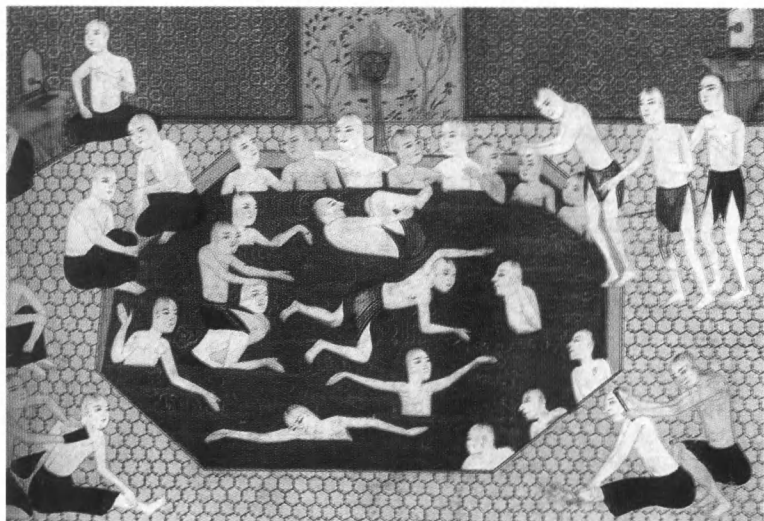
Оптовые
торговцы.
Немецкая
гравюра.
1572.

Цирюльник
за работой.
Турецкий рисунок
XVI в.

Женщина
на улице Стамбула
в сопровождении
евнуха.
*Европейская гравюра
XVI в.*

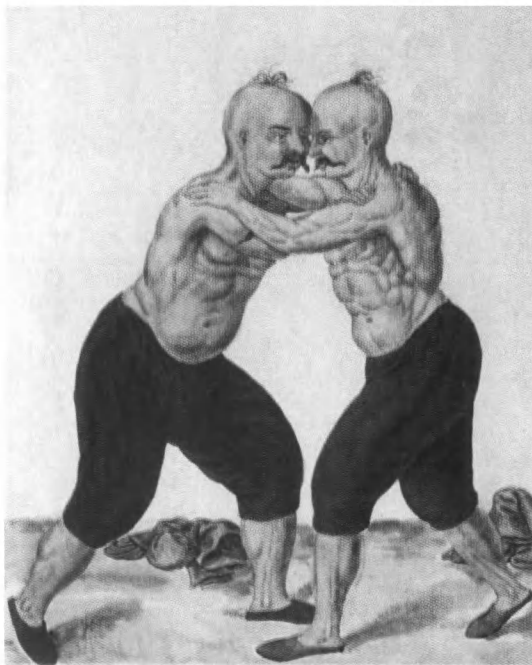
Бассейн в бане.
*Турецкий рисунок
XVI в.*

Повар
за работой.
*Турецкий
рисунок
XVI в.*

Стамбульский караван-сарай. *Английская гравюра. 1839.*

Борцы.
Турецкий рисунок
XVI в.

Музыканты.
Турецкий рисунок
XVI в.

Площадь с цирковым представлением. *Турецкий рисунок XVI в.*

Святая София —
символ вечного
Константинополя-
Стамбула.
Современные фото.

ля, который, к слову сказать, обычно вовсе не отличается широкой эрудицией. Если его образованность все же выше среднего уровня, то он дает своим питомцам некоторые элементарные сведения из области грамматики, несколько доступных их пониманию литературных произведений, а также учит их считать и производить четыре основных арифметических действия. Но, во всяком случае, он гораздо сильнее в пересказе старинных легенд, сказок, притчей, необыкновенных и славных историй из жизни предков ныне царствующего султана. От него не требуют большего, да и сам он на большее не способен. Часто му'аллим присваивает это довольно почетное звание по собственному почину, опираясь на сумму более или менее случайных знаний, которую ему удалось накопить; однако в некоторых школах учителя выбирают из нескольких претендентов после ознакомления со степенью их компетенции в тех вопросах, которые они собираются освещать перед учениками. Впрочем, знание Корана и умение переписывать из него стихи по-арабски оказываются вполне достаточным условием того, чтобы родители с полным доверием передали ему для обучения своих сыновей.

Несомненно, подростки, посещающие мектеб-и сыбьян, усваивают в нем лишь элементы мусульманской религии. Что касается умения переписывать по-арабски коранические стихи, то оно само по себе отнюдь не равнозначно умению, пользуясь арабской графикой, писать по-турецки. Арабский алфавит не может передать особенностей турецкого произношения, так что при приложении его к турецкому языку возникают проблемы с чтением. К тому же заученные наизусть коранические стихи не дают ничего или почти ничего при изучении турецкого языка — за исключением заимствованной арабской лексики, — так как по своей грамматике и по своему синтаксису язык этот в корне отличен от арабского. Таким образом, подросток, более или менее долго посещавший мектеб-и сыбьян (соответственно желанию и материальным возможностям своих родителей), выносит из него в качестве основного плода обучения в высокой степени изош-

ренную и обширную память: она вмещает в себя большое количество формул, которые для ее владельца окажутся, конечно, весьма полезными в его религиозной практике и в его общественной жизни, но которые сами по себе не служат стимулом для умственной деятельности и, следовательно, для дальнейшего развития умственных способностей.

Тем не менее учитель пользуется достаточно высоким авторитетом, особенно в бедных кварталах. К нему проявляют внимание, о нем заботятся, ему помимо подарков на праздничные дни преподносятся и денежное вознаграждение — в том, впрочем, случае, если он не получает материального содержания от благотворительного фонда. Он может также играть роль «общественного писца» при составлении разного рода жалоб и прошений и в таком качестве оказывать важную помощь людям своего квартала. К тому же он облечен довольно широкой властью над учениками, которую и употребляет, наказывая нерадивых и шумных ударами тросточки по ладоням, а в случае серьезных проступков — по подошвам ног. Занятия проводятся по утрам во все дни недели, за исключением пятницы. Впрочем, перерывы в их мерном течении все же происходят — по поводу праздников и религиозных, и государственных, и корпоративных, а также по разным непредвиденным причинам.

Помимо таш мектеб иных школ не существует. Впрочем, основатели медресе строят, как правило, по соседству с ними и начальные школы, уровень преподавания в которых обычно выше, нежели в «школе квартала». Это потому, что учителя для них подбираются из бывших студентов тех же медресе, которые либо не смогли пройти весь университетский курс, либо не обзавелись связями, позволяющими рассчитывать на более завидное место работы. В этой скромной должности они как-никак зарабатывают себе на хлеб насущный, несмотря на скудость жалованья, идущего с доходов благотворительного фонда. Теоретически эти начальные школы с хорошей репутацией открыты для всех детей, без какого-либо различия и дискриминации. В действительности же их преимущественно по-

сещают дети преподавателей медресе да отпрыски «хороших семей». Впрочем, справедливости ради следует отметить и присутствие среди учеников нескольких сирот и детей из беднейших семей: таково требование благотворительного фонда. В целях благотворительности же основываются начальные школы в пристройках к некоторым дервишеским обителям, обучение в них ведется на уровне аналогичных школ при медресе.

Короче, в столице начальное образование могут получить все дети без исключения. Однако социальные условия, насущные потребности повседневной жизни накладывают на это общее правило свои ограничения, которые позволяют такой возможностью воспользоваться лишь детям из «буржуазной» или «аристократической» среды. Если дети из беднейших классов общества время от времени и поступают в начальную школу, то они там задерживаются ненадолго.

То же самое следует сказать и о религиозных меньшинствах. И здесь базовое образование дается священниками и раввинами весьма ограниченному кругу детей, из которого в дальнейшем лишь незначительное меньшинство продолжит обучение на более высоком уровне, в семинариях или талмудических школах, в перспективе стать священниками или раввинами.

Молодые мусульмане, желающие углубить образование, если проявляют в этом направлении заметные способности и располагают достаточными денежными средствами, действительно получают такую возможность, поступив в *медресе* и слушая курсы, читаемые квалифицированными преподавателями — *мударрисами*.

Медресе — не османское нововведение. Первые учебные учреждения такого рода появились в восточном Иране еще в конце X века, но лишь великий визирь Низам аль-Мульк создал в Багдаде (1065) такое медресе (названное его именем «Низамийе»), которое послужило образцом для всех прочих в течение веков. Вслед за ним Сельджукиды Ирана, Ирака, Анатолии, а потом династии, правившие в Сирии и Египте, соревновались друг с другом в строительстве множества медресе. Некоторые из этих великолепных построек сохранились

до наших дней — например, в Сивасе (Анатолия). Османы продолжили традицию своих предшественников. Ряд султанов из этой династии внесли видный вклад в ее развитие строительством медресе сначала в Бурсе, затем в Адрианополе и Стамбуле. Если ограничиться только последним городом, то самые знаменитые медресе в нем — это медресе Мехмета Завоевателя, Святой Софии (Айя Софья), Баязида II, Сулеймана Великолепного и Ахмета I⁴⁴.

Эти большие медресе хотя и соседствуют с большими мечетями, хотя и подчинены им в административном отношении, представляют собой все же не пристройки, а отдельные здания средних размеров. Все они построены по одному и тому же плану: все стороны прямоугольного двора обрамляются портиком; в портик выходят двери комнат — или, скорее, келий, — в которых живут студенты, а также дверь лекционного зала, который служит также залом для совместной молитвы. Келий редко бывает более двадцати, что ограничивает, конечно, число проживающих в них студентов (одна комната дает приют самое большее четырех-пяти). Возможности расширения существующих медресе практически не существует, а потому султаны делали выбор в пользу их умножения. Так, Мехмет Завоеватель велел построить вокруг своей мечети восемь медресе, Сулейман Великолепный — семь. К тому же занятия могут посещать не только проживающие в самом медресе, но и студенты, приходящие из городских кварталов. Однако студенты-пансионеры, в отличие от второй категории, полностью содержатся за счет благотворительного фонда и освобождены от всякой платы, в том числе и от платы за питание, отопление и освещение.

Прочие медресе — как правило, гораздо более скромные, причем не только по размерам — располагаются либо в пристройках к мечетям, либо в самих мечетях. Так, к примеру, в мечети Соколлу Мехмет-паши три из четырех сторон внутреннего двора отведены для студенческих келий и для лекционного зала. Всего же в Стамбуле, по подсчетам Эвлия Челеби, 65 медресе⁴⁵.

Существует определенная иерархия среди этих

учебных заведений, которые мы вправе квалифицировать как «высшие». Самое престижное из всех (только его выпускники могут претендовать на сколь-либо видный пост в государственном аппарате) — это медресе султана Баязида, в котором лекции читает (или, по меньшей мере, должен читать) сам шейх-уль-ислам⁴⁶. За ним следуют три медресе Айя Софьи, Мехмета Завоевателя и Сулеймана Великолепного, дипломы которых признаются равноценными. Что касается прочих, то за некоторыми исключениями они не претендуют на большее, чем дать своим выпускникам несколько более углубленное, сравнительно с обычным уровнем, понимание религиозной проблематики. Приобретенной в их стенах эрудиции достаточно для того, чтобы успешно выполнять обязанности имама и хатиба (проповедника), но не для того, чтобы стать одним из улемов — ученым в области исламского богословия (‘ильм).

В административном подчинении у больших медресе при больших мечетях обычно находится целая «гроздь» учреждений. Одну из таких «гроздей» упоминает Эвлийя Челеби: «К северу и к югу от мечети султана Сулеймана расположено семь медресе, для описания великолепия которых еще не найдено достойного пера. Кроме того, при них имеются: школа по изучению Корана; школа по изучению сунны (религиозной традиции); медресе, в котором обучают благородной медицинской науке; отапливаемое помещение для больных — *табхане*; больница; бани; столовая; гостиница для путешественников; конюшня; начальная школа и много других полезных учреждений»⁴⁷. А вот что он пишет о медресе при мечети Мехмета Завоевателя: «Направо и налево от высокой внешней ограды мечети, к северу и к югу от нее расположены восемь медресе... которые были основаны ради обретения знаний в религиозных науках к чести тех, кто посвятил жизнь свою этой благородной задаче. Около южных ворот этой большой ограды построена для мусульманских детей школа по изучению Корана, а к юго-востоку от этих медресе возведена больница... К северу и к югу от них же находятся

жилища студентов, насчитывающие в целом 300 комнат; в каждой комнате живут четыре или пять студентов религиозных наук, причем на каждую комнату приходится по слуге; что касается улемов, то в их распоряжение отдано особое здание, которое служит им для принятия пищи. Имеется при нем также и кухня с 70 плитами для готовки пищи. Дважды в день кухня эта готовит еду как для богатых, так и для нищих и нищих. В окрестностях мечети есть также караван-сарай для путешественников с конюшней, которая может вместить до трех тысяч верховых и вьючных животных»⁴⁸.

В этих медресе преподаются чтение и разъяснение Корана, включая и более пространные к нему комментарии, а также изучаются *хадисы*, предания о словах и действиях Мухаммеда, затрагивающие различные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины. Изучение хадисов ведется в рамках принятой у турок доктрины *ханефитов*. Хадисы в своей совокупности образуют сунну («традицию», «пример») — пример жизни Мухаммеда как образец и руководство для всей мусульманской общины и каждого мусульманина. Знание Корана и сунны и есть *'ильм*, то есть наука по преимуществу, из коей как из источника следуют богословие и изучение коранического права — *фикх*. Изучение и преподавание этой науки ведутся главным образом на основе работ арабских авторов, часто переведенных на турецкий язык. Сами турки не любят самостоятельно углубляться в богословскую науку: будучи традиционалистами, они остерегаются вносить какое-либо новшество в область, где царит авторитет классиков. Большое место отводится изучению коранического права и его приложению в пределах Османской империи. Его преподавание ставит перед собой задачу дать образование будущим кади (судьям), которые одновременно выступают и в роли администраторов, ответственных как в провинциях, так и в Стамбуле за применение правительственных регламентов — регламентов, всегда имеющих под собой религиозно-юридическую основу⁴⁹.

За пределами базового образования находятся лекции профессоров по логике (*мантык*) или искусству рассуждения, по математике, геометрии, астрономии, музыке, естественным наукам, медицине. «Гуманитарные дисциплины» представлены грамматикой, лексикологией, риторикой и литературой. Обучение проводится в форме чтения более или менее древних произведений, сопровождаемого комментариями мударриса, который переходит от них к ответам на вопросы студентов, а затем сам ставит перед ними вопросы, чтобы выяснить, правильно ли ими усвоено содержание пройденного материала. Студенты должны при этом заучивать наизусть целые книжные страницы и выписывать из сочинений великих авторов основные положения. Занятия завершаются экзаменом, и если выпускники выдерживают испытание с честью, то получают право в свою очередь преподавать в медресе (первоначально в должности младшего мударриса) или поступить на государственную службу. В принципе, всякий кандидат на сколь-либо видную должность в любом правительственном ведомстве может быть лишь выпускником одного из больших столичных медресе или, по крайней мере, большого медресе в Бурсе или Адрианополе⁵⁰. К тому же соискатель занимает вожделенный им пост на государственной службе далеко не сразу после окончания медресе. Нет, он должен успеть в том же или в другом медресе получить многолетний преподавательский стаж в должности мударриса. Если к этому стажу прибавить еще долгие студенческие годы, становится понятным, почему соискатели на посты в высшем эшелоне государственного аппарата получают доступ к ним лишь в весьма солидном возрасте — от 40 до 45 лет. Далеко не всем хватает настойчивости и материальных средств на то, чтобы пройти этот длинный путь до счастливого завершения. Зато те, кто его проходит, составляют «интеллектуальную элиту» османского общества. С той, впрочем, оговоркой, что элита эта рекрутируется почти полностью в замкнутом социальном круге, в среде мулл, улемов и кадиев больших городов, в среде, где господствует неписаное правило: высокая должность,

занимаемая отцом, — сильнейший довод в пользу того, чтобы ее же со временем занял его сын. Так административная каста воспроизводит себя из поколения в поколение⁵¹.

Помимо практической цели, состоящей в том, чтобы подготовить знающих свое дело кадиев и вообще компетентных государственных «чиновников», медресе решают и более широкую задачу — задачу формирования и воссоздания в Империи слоя образованных людей. Они его в самом деле формируют, но — в столь традиционалистском духе (причем отнюдь не в духе традиций собственно турецкой культуры), что такой способ формирования не может послужить импульсом к интеллектуальному или духовному возрождению. Многовековое торжество конформизма в системе и методике религиозного образования, отсутствие гуманитарных дисциплин, практическое отсутствие «прикладных» наук и, наконец, «язык медресе», то есть принятый в преподавании и в общении между мударрисами и их студентами язык, настолько пронизанный арабизмами и иранизмами, что за этими заимствованиями трудно различить тюркскую основу, — все эти действующие в одном направлении факторы, складываясь, обуславливают, с одной стороны, склероз этой культуры, а с другой — ее отрыв и все большее удаление от древних тюркских основ, от духовного наследия предков, которое продолжает жить в народной среде. И наконец, эта элита, вполне невежественная, за самыми редкими исключениями, относительно достижений Запада и проникнутая в то же время гордым сознанием ценности ее науки и культуры, — эта элита противится малейшему нововведению. Вследствие чего то образование, которое она предлагает молодому поколению, являет собой бледный отблеск идей, высказанных много веков назад. Подбор преподавательских кадров в узком замкнутом кругу «своих» способствует этой интеллектуальной стагнации и находится в соответствии, особенно в XVII веке, со стагнацией политической, художественной и духовной, которая характеризует эту эпоху османской истории.

То, что принято называть «золотым веком Османской империи» или «веком Сулеймана», совпадает не только с пиком политического величия и военных побед, который приходится на царствование Селима I (1512—1520) и Сулеймана Великолепного (1520—1566), но также и со временем необычайного расцвета литературы и в особенности искусств. Этот расцвет в значительной степени обусловлен личной политикой в области культуры султана, который щедрой рукой рассыпает награды среди литераторов, архитекторов и артистов. Щедрость царственного мецената имеет своим источником казну Империи, которая в эту пору очень богата. Пополняется же она за счет добычи, захваченной в ходе османских завоеваний в Персии, Сирии, Ираке и Центральной Европе. Завоевания сказочно обогащают, впрочем, не только султана, но и слой придворной знати, высших государственных сановников. Отсюда — распространение меценатства, причем образцом для подражания в этом отношении выступает сам монарх. Именно эта эпоха отмечена появлением нескольких очень крупных литературных талантов (поэтов в первую очередь), публикацией капитальных трудов в области истории и географии. Именно тогда возводятся, особенно в Стамбуле, те «большие мечети», которые и поныне определяют облик столицы и поднимают ее престиж в глазах как Востока, так и Запада. Именно тогда творил великий зодчий Синан. Именно тогда и «малые искусства» достигают вершины своего совершенства — например искусство керамики, производимой в мастерских Золотого Рога и Никеи.

Этот интеллектуальный и художественный порыв заметно теряет свою силу после смерти Сулеймана Великолепного. В архитектуре период высокого творчества приближается к своему завершению в строительстве мечети Ахмета I (начало XVII века); в литературе он длится в течение еще целого столетия, но, так сказать, опускается «по нисходящей кривой», если взять в качестве критерия величину талантов и продуктив-

ность литературного труда. Такой упадок (в первом случае «крутой», во втором — «пологий») находит себе объяснение прежде всего в том, что «потенциальные меценаты» султаны Ахмет I и Мурад IV так и остались покровителями искусств всего лишь в потенции: искусства занимали их воображение очень мало, зато поиски плотских наслаждений — очень много. Не следует, впрочем, упускать из вида и того обстоятельства, что Османская империя больше не знает блистательных побед, одержанных на полях сражений, эпоха завоеваний подходит к концу и сменяется эпохой военных неудач, а вместе с ней наступает пора финансовых и экономических затруднений. Некогда обильный источник меценатства высыхает и лишь время от времени дарит наукам и искусствам тоненькую струйку живительной влаги, а вместе с ним исчезает и сильнейший стимул к интеллектуальному и художественному творчеству.

Но вот что необходимо отметить особо: даже в период интеллектуального и художественного подъема XVI—XVII веков, сам факт которого не вызывает сомнения, несмотря на появление именно в этот период ряда блестящих имен, — даже тогда подлинного возрождения, подобного европейскому, все же не произошло. Турецкий ренессанс не состоялся главным образом по причине господствующей системы образования и в силу литературных традиций, унаследованных от арабов и персов. Формализм мударрисов, опирающийся на богословие, не дает места никакому новшеству ни в методах преподавания, ни в области философии; в итоге турки оказываются вовсе не подготовленными к умозрению, к напряженному умственному труду: они довольствуются знанием старинных текстов и довольно старых комментариев к этим текстам, не стремясь осмыслить их по-новому или создать нечто новое. Преподавание литературы и филологии также поставлено в узкие рамки. Во-первых, потому что не чувствуется потребности сойти с пути, проторенного великими авторами прошлых веков, чтобы поискать новых путей. Во-вторых, по той причине, что литературная культура, вырабатываемая данной систе-

мой обучения, вовсе не содержит в качестве одного из своих неотъемлемых элементов обсуждение и критику этих великих авторов, но сводится всего лишь к усвоению методики подражания великим образцам. Культура эта включает в себя, помимо прочего, довольно обширный запас арабской и персидской лексики, а также множество заимствованных из того же источника образов и выражений, использование коих в разговоре отличает человека образованного от простолюдина. Таким образом, на протяжении жизни ряда поколений создается искусственный литературный — поэтический и научный — язык, или, скорее, все более заполняемый арабизмами и иранизмами литературный жаргон, в котором собственно турецкому языку отводится все менее и менее видное место и который от поколения к поколению становится все менее и менее внятным для турка «с улицы». Таковы плоды обучения методом усвоения текстов «наизусть». С другой стороны, турецким литераторам XVI—XVII веков удастся овладеть этим искусственным языком почти в совершенстве. Их искусство состоит в том, чтобы писать на нем элегантно, не делая свои сочинения предметом критики ни по форме, ни по содержанию. Что касается содержания, то тут собственный вклад равен исчезающей величине: темы, сюжеты произведений заимствуются у писателей прошлых веков. Но не будем все же солидаризироваться с позицией посла Франции де ла Ай, который, вообще говоря, турок не любил. «Что касается турецкой и персидской литературы, то я должен сообщить Вашему первосвященству, — писал он кардиналу Мазарини, — что на этих двух языках имеются только плохие романы да еще комментарии к Алькорану, которые хуже романов, но именно последние ценятся турками куда выше того, чего они в самом деле стоят»⁵².

Таким образом, литературный «классицизм» XVI—XVII веков при всем его формальном совершенстве склеротичен по сути своей. К этому следует добавить, что поле распространения этой литературы нешироко: распространяется она в рукописях, первая типография появляется только в 1729 году. Вследствие чего литературные произведения и научные труды остаются

ся в изучаемый период достоянием весьма немногочисленной читательской публики. Изустная передача сказаний и память хотя бы отчасти возмещают скудость книжного рынка...

Тем не менее в течение этого периода Стамбул пребывает интеллектуальным и художественным центром Империи: как бы то ни было, поэты, писатели, художники стекаются в столицу со всех концов османского мира. Во времена Сулеймана Великолепного они, снискав покровительство какой-либо важной персоны, проводят свою жизнь самым приятным образом, ведя умные беседы или в конаках своих патронов, или в городских парках, или в дервишеских обителях, а после того как в моду вошел кофе, то и в кофейнях — *кахвехане*, которые и становятся сразу после своего возникновения средоточиями литературных кружков в столице. Не забывают литераторы и люди искусства и таверны Галаты, как, впрочем, и иные значные места.

Два литературных жанра у турок в почете — поэзия и историография. Оба они требуют изложения на искусственном и усложненном языке, который позволяет лучшим авторам продемонстрировать виртуозность владения им. Поэзия, в свою очередь, включает в себя такие жанры, как *газель*, *касыда*, *мерсийе* или *месневи*. Газель — это короткая поэма (самое большое из 15 строф), в которой одна и та же рифма проходит через первую, вторую, четвертую, шестую и т. д. строфы. Она может быть написана на любую тему, но предполагает форму настолько совершенную, насколько возможно, исключает вульгарные или простонародные слова и, наконец, требует нигде не нарушаемого благозвучия. Обычно имя автора появляется в последней строфе. Поэма, вообще говоря, представляет собой как бы поле, на котором поэт упражняется в виртуозном владении ученым языком. Победителем в такого рода соревнованиях единодушно был признан Баки (родился в Стамбуле в 1526 году, умер в 1600-м), превосходный представитель турецкого классицизма, заслуживший еще при жизни лестный титул «султана поэтов». Касыда, в противоположность газели, — поэма довольно большого объема, через все ее строфы насквозь прохо-

дит одна и та же рифма, сложены они по одному метру, что придает всей поэме известную монотонность. Форма касыды хороша для эпических поэм, а также для стихотворных «романов» арабско-персидско-тюркской литературы.

Мерсийе — жанр гораздо менее распространенный. Это поэма элегическая вообще, поэма оплакивания покойного в особенности. Месневи более популярна, эта поэма — многообразной тематики: мистической, эпической, романтической и пр. Ее специфика состоит в том, что каждый стих представляет собой одну полную грамматическую фразу, а полустихия между собой рифмуются. В XIII—XIV веках месневи у поэтов и любителей поэзии — в большой чести, но затем интерес к ней явно утрачивается.

Эта ученая поэзия чем дальше, тем больше расходится с поэзией народной. Образованный слой третирует ее как низкий жанр, в чем следует примеру, который подается сверху. Султаны (такие, как Селим I и Сулейман Великолепный), выступая в роли стихотворцев, всегда следуют «классическим» образцам и тем самым укрепляют позиции ученой литературы. К тому же поэты, живущие на счет султанской казны, все как один представляют именно ученую, «классическую» литературу⁵³.

Самые большие имена в эпоху Сулеймана Великолепного — это Баки и Фузули. Но Фузули, автор прежде всего турецкой версии знаменитой поэмы *Лейли и Меджнун*, родился и умер (1494—1556) в Багдаде. Получая пенсию от султана, он тем не менее отказался покинуть свой родной город и переехать в Стамбул. Хотя он, таким образом, остался вроде бы «провинциальным» поэтом, его репутация исключительно высока⁵⁴. Зато Баки (1526—1600) — уроженец Стамбула и чистый стамбулиот. Сын муэдзина, он смог, несмотря на свое скромное происхождение, получить образование, очаровать своим талантом поэта Зати (ум. 1546), а затем и султана Сулеймана, которому он посвятил касыду после его победоносного возвращения из персидского похода. Блестящий ум, широко образованный, с легкостью и изяществом владеющий литературным «ученым» языком, Баки пользовался исключительно

высокой для своего времени поэтической репутацией. Можно, впрочем, поставить под сомнение искренность мистических чувств, которыми проникнуты его поэмы, — слишком известна его погруженность в плотские наслаждения, особенно пристрастие к вину и любовь к молоденьким мальчикам, что заставляет усматривать двойной смысл во многих его стихах⁵⁵.

Другие поэты XVI века ценятся менее высоко. Достойны, впрочем, упоминания Ревани (ум. 1523), автор *Ишретнаме* («Книги празднеств»), в которой он славит радости жизни; Зати (ум. 1546) и Хаяти (ум. 1556). Хаяти был соперником Баки, причем некоторые ставят его даже выше «султана поэтов».

В XVII веке поэты следуют той же литературной традиции. Наиболее выдающиеся среди них: шейх-уль-ислам Яхья (ум. 1643), автор мистико-эротических газелей, признаваемый общественным мнением в качестве преемника Баки; Неф'и (ум. 1635), наиболее, пожалуй, крупный из поэтов своего времени, знаменитый своим острым умом и не менее острым языком. За свои эпиграммы (иногда только устные) против высоких персон и за отказ отречься от написанного и сказанного он по повелению султана Мурада IV был предан смерти. В свое время Неф'и был лучшим автором касыд, в форме которых он сочинял панегирики, посвященные прославлению, в частности, и самого себя. Последний крупный поэт XVII столетия, Юсуф Наби, был другом великого визиря Кара Мустафа-паши и проявил себя как самый верный сторонник персидской литературной традиции.

На «ученом», причудливом языке слагаются не только стихи. Проза также в почете, причем большим читательским спросом (то есть относительно большим) пользуются исторические сочинения, или, точнее, хроники. Их авторы, вообще говоря, довольствуются изложением событий прошлого, выделяя из них подвиги, свидетельствующие о величии государей из османской династии: иными словами, перед читателем предстает не столько история в собственном смысле слова, сколько официальная историография. Перечислим главных представителей этого направления в XVI веке:

Кемаль-пашазаде (ум.1535), выходец из семьи военного, написавший *Теварих-и Ал-и Осман* («Хроники османской династии»), персонажи которой служат предлогом для литературных упражнений автора в области риторики и создания гиперболических образов⁵⁶; Са'ди, сын прозелита, автор *Селимнаме* («Книги Селима»), написанной в честь Селима I; Джемали (ум. 1550), шейх-уль-ислам и преподаватель, достойный продолжатель дела старых хронистов; Люутфи (ум. 1569), пресным, невыразительным языком рассуждающий в своей *Асафнаме* о функциях великого визиря; и, наконец, Саадеддин (Са'д эд-дин, ум. 1559), перс по происхождению, что не помешало ему стать в Стамбуле наставником будущего султана Мурада III. Мурад III по восшествии на престол осыпал милостями своего бывшего воспитателя, который, к слову сказать, остался в фаворе и при его преемнике. Са'д эд-дин составил *Тадж уттеварих* («Корону историй»), представляющую собой один из главных литературных памятников эпохи, но написанную донельзя вычурным языком — чрезмерные заимствования из арабского и персидского языков заставляют забыть, что язык этот — турецкий.

В XVII веке историография также отмечена несколькими яркими именами: это Кочибей (ум. ок. 1650), автор ценного исторического труда; 'Али (ум. 1600), крупный чиновник, занимавший видные посты как в провинциях, так и в столице; его основное сочинение *Кюнх аль-ахбар* («Сущность новостей»), своего рода всемирная история, особенно полезна при изучении событий XVI века, поскольку автор смог опереться на документы и попытался написать историю, настолько близкую к отражаемой ею действительности, насколько это только возможно, проявляя при этом незаурядный критический дар. Попытка 'Али была продолжена двумя выдающимися историками. Первый из них — Хезарфен (ум. 1691), большой эрудит, поддерживавший отношения с французским востоковедом Антуаном Галаном, автором перевода «Тысячи и одной ночи». Хезарфен написал Всеобщую историю, в рамках которой впервые на турецком языке была изложена история Древней Греции, Древнего Рима и Византии.

Второй — На'има (ум. 1716) по праву признается величайшим османским историком изучаемой эпохи. К слову сказать, он был первым среди тех, кто занимал учрежденную во второй половине XVII века должность *ваканювиса*, то есть историографа. Его «Хроника» — первый пример исторического труда, включающего в себя не только изложение фактов, но и их трактовку. Обсуждение исторических событий и исторических персонажей завершается уже в заключении работы тем выводом, что Османская империя нуждается в реформах. Другие хронисты — Ибрахим Печеви, Селаники, Солакзаде — хотя историки и меньшего калибра, но все же представляющие определенный интерес.

За пределами поэзии и историографии имеются и другие исторические жанры, также отмеченные достойными именами. В XVI веке османская экспансия в Европе, Северной Африке и на Востоке сопровождалась возрождением интереса к работам по географии: на турецкий язык переводятся старые арабские труды Казвини, Ибн аль-Варди, Абу-ль-Фиды, а с персидского — отчет о путешествии в Китай Али Экбера Хитаи. Теперь турецкие авторы берут на себя труд написания географических трактатов, составляют на основе итальянских и португальских портуланов (компасных карт) свои собственные карты с описанием портов и берегов. Так, Пири Ре'ис (ум. 1554) публикует свою знаменитую *Китаб-и бахрийе* («Книгу моря»), замечательный труд по Средиземноморью⁵⁷, а Сеиди Али (ум. 1582) пишет *Мухит* («Океан»), курс по навигационной астрономии, содержащий также описания морей и берегов Индии, хорошо ему известных, так как там он сражался с португальцами. Он же составляет *Мир'ат аль-Мамалик* («Зеркало стран») — отчет о своем обратном путешествии из Индии в Константинополь⁵⁸. Другой географ, Маджар Али Ре'ис, публикует атлас Средиземноморья. Перевод под названием *Тарих-и Хинд-и Гарби* («История Западных Индий»), — перевод фрагмента, извлеченного из какого-то европейского труда по географии, — пущен в обращение в 1582 году. Можно, следовательно, констатировать по-

пытку открыть для себя новую науку о новых странах.

В XVII веке два писателя выступают особенно успешно в одном нетрадиционном литературном жанре. Это — Кятиб Челеби и Эвлийя Челеби. Кятиб Челеби (1609—1656), известный также под именем Хаджи Хальфа, был удивительно многосторонним автором. Скромный служащий в администрации финансов, он достиг глубоких знаний во всех областях интеллектуальной деятельности исключительно благодаря единственной в своем роде научной любознательности. Среди прочих его работ одна *Кешф юль-зунун* («Открытие идей») представляет собой библиографический словарь, дающий сведения о более чем 1500 книгах на арабском, персидском и турецком языках; предисловие к этому внушительному компендиуму знаний написано составителем по-арабски. Другая его работа *Джихан нюма* («Образ мира») — описание стран Азии. *Тухфет уль-Кибар* («Подарок великих...») — история морских сражений эпохи Сулеймана Великолепного. *Мизан аль-хакк* («Весы истины») — богословский трактат, чрезвычайно любопытный для исследователя, который пытается воссоздать картину идейной жизни эпохи. С помощью одного прозелита он переводит *Малый Атлас* Меркатора и Хондиуса. Одним словом, Кятиб Челеби был энциклопедистом еще до того, как энциклопедисты приступили во Франции к своему грандиозному труду⁵⁹.

Эвлийя Челеби (1611— ок. 1684) родился в семье придворного сановника, получил великолепное образование, но первые тридцать лет своей жизни провел, не совершив ничего примечательного. Став «чиновником для поручений» при Мелике Ахмет-паше, который должен был занять пост великого визиря, Эвлийя принялся безудержно путешествовать вдоль и поперек Османской империи, заезжая попутно и в сопредельные страны. Отчет об увиденном и услышанном составил 10 томов *Саяхатнаме* («Книги путешествий»), которая при жизни автора считалась развлекательным чтением, годным даже для женщин в гаремах. Это суждение продержалось долго, и Эвлийя Челеби часто служил мишенью для «стрел остроумия» злопыхателей. Конечно, иной раз он слишком уж давал волю своему воображе-

нию, а иногда даже подробно описывал страну, в которой никогда не был. Однако если в его колоссальной работе отделить правду от вымысла, то в остатке остается солидная сумма знаний, имеющая большую документальную ценность. Его описание Стамбула, занимающее первый том его *Сеяхатнаме*, представляет собой первостепенной важности источник для познания жизни османской столицы в XVII веке⁶⁰.

К тому же Эвлия Челеби, в отличие от знаменитых литераторов своего времени, писал относительно простым языком, употребляя порой даже сочные выражения на местном диалекте или говоре.

Наряду с «ученой» литературой, которая все же как-никак дала ряд несомненно достойных произведений, существует другая литература, уходящая корнями в древнюю тюркскую традицию. Эта другая литература выступает в двух своих главных видах: в религиозном жанре и в произведениях народного творчества.

Литература по религиозной тематике, распространенная в сравнительно малообразованных слоях турецкого общества, отличается от своей «ученой» сестры тем, что пользуется народным разговорным языком; в ней меньше клише, меньше оборотов, заимствованных у арабов и персов. Ее источник — мистическое вдохновение, и в этом отношении она выступает продолжательницей традиции XIII—XIV веков, наиболее ярким выразителем которой был турецкий поэт Юнус Эмре. Для этой поэтической традиции характерно прежде всего то, что она основывается на силлабическом метре и на формах, свойственных народному стихосложению. Ее-то восприняли и развили дервишеские секты, которые смешивают свой неортодоксальный ислаимизм с древними пережитками тюркского шаманизма. Религиозная литература такого рода использует в качестве своих сюжетов либо «жития святых», либо повествования о чудесном (одно, впрочем, не исключает другого). Древние анимистские ритуалы Анатолии просвечивают сквозь исламскую оболочку в тех обрядах, что сопровождают всю жизнь человека, от его рождения до смерти.

Народная литература в собственном, то есть узком, смысле слова имеет ясно выраженный национальный характер, причем в двойном отношении — и в отношении чистого беспримесного турецкого языка, и в отношении поэтических форм, которые составляют особенность турецкого стихосложения с незапамятных времен. Наиболее распространенная из этих форм — *мани*, маленькое четверостишие из семи слогов, в котором между собой рифмуются первая, вторая и четвертая строки; иногда только рифма, которая делает возможной игру слов, служит связью между стихами. Темы мани чрезвычайно разнообразны: любовь, сожаления, красота, пожелания, пейзаж, человеческий образ, повседневные работы и т. д. Случается, что некоторые мани образуют между собой более или менее стройное единство. Такие мани чаще поются, нежели декламируются. Точно так же, как и другой вид народной поэзии, *тюрко*; это стихотворение более длинное, чем мани, причем связь между строфами иногда очень сокращена.

Народная поэзия породила и эпопею или, точнее, особый вид повествовательной поэзии (*дестан*), которая воспевает подвиги далеких предков, действительных и легендарных⁶¹.

Народная поэзия черпает свое вдохновение и в религиозном чувстве, особенно это наблюдение относится к таким формам, как мани и тюрко. В целом же она рассматривается образованными людьми и «учеными» поэтами как низкий, вульгарный жанр. Таким образом, расхождение между двумя ветвями турецкой поэзии, «ученой» и народной, с течением времени становится все шире, и только в конце XIX века, в эпоху появления турецких националистических течений, османские литераторы принялись изучать произведения, тематику, способы выражения, присущие народной поэзии, с тем чтобы на их основе воссоздать национальную турецкую литературу, освобожденную от арабских и персидских заимствований.

Наконец, гений народа нашел свое выражение еще в одной форме — в театре. В театре импровизации и, по большей части, фарса, где актеры черпают темы в повседневной жизни, в уличных эпизодах, в контактах

между людьми из различных социальных классов. Туркам особенно полюбилися два жанра: *ортаоуну* (игра актеров в окружении толпы) и особенно *карагёз* (театр теней), персонажи которого представлены фигурками из кожи или пергамена, приводимыми в движение импровизаторами⁶². Карагёз имел огромный успех не только в Стамбуле и в Турции, но и на всей территории Османской империи в регионе Средиземноморья: это, несомненно, главное развлечение простого народа, особенно в ночи рамадана⁶³.

Что касается наук, то основной интерес османского образованного общества XVI—XVII веков сосредоточивается, если не считать географии, о которой речь шла выше, на астрономии. Вначале он проявляется в переводе с арабского, но затем и сами турки вносят определенный вклад в развитие этой науки. В Стамбуле по повелению султана Мурада III воздвигается обсерватория (1578)⁶⁴, и турецкий ученый Такиеддин публикует ряд ценных работ по астрономическим наблюдениям. Все науки, вообще говоря, представлены переводами арабских философских трудов, придерживающихся, как правило, традиции, восходящей к Аристотелю. Следует отметить, однако, несколько оригинальных работ в области химии. Особый же успех выпал на долю медицины.

В медресе, построенных султанами, и в первую очередь Мехметом Завоевателем и Сулейманом Великолепным, ведется преподавание медицины, причем чтение лекционных курсов сочетается с практикой в больницах, соседних с медресе и находящихся на счете тех же благотворительных фондов, что и сами медресе. Говоря о медресе Мехмета Завоевателя, Эвлия Челеби отмечает по соседству с ним больницу, «в которой практикуют крупнейшие авторитеты в области медицины, замечательные специалисты по пусканию крови и виднейшие врачи»⁶⁵; среди семи медресе, сосредоточенных вокруг мечети Сулейманийе, одна «посвящена благородной медицинской науке», а рядом с ней имеется больница⁶⁶. В действительности же вплоть до царствования Селима II обучение этой благородной науке было весьма ограниченным, а ее уро-

вень довольно низким. В 1573 году Селим II повелел провести экзамен среди практикующих докторов, с тем чтобы отделить достойных этого звания от недостойных и учредить на постоянной основе экзамены для студентов-медиков по окончании их обучения. Несмотря на эти решительные меры, говорить о расцвете османской медицины значило бы грешить явным преувеличением: все написанное в эту эпоху по медицинской тематике сводится к переводам арабских трактатов и, гораздо реже, европейских. Османская медицина остается, следовательно, очень традиционной, то есть почти закрытой для каких-либо новшеств. Один документ (1704) приводит указ Ахмета III, в котором султан возбраняет применение новых лекарств, прописываемых «франкскими» врачами, и даже повелевает закрыть в Стамбуле и его окрестностях все лаборатории в принадлежащих «франкам» аптеках, где эти лекарства изготавливаются⁶⁷. Стоит отметить, что среди османских медиков преобладают представители религиозных меньшинств и особенно евреи, причем некоторые из последних занимали должности придворных врачей (*хекимбаши*).

В рассматриваемую эпоху не появилось ни одного заслуживающего упоминания юридического или, вернее, религиозно-юридического труда. Ни о каком развитии правовой мысли говорить, стало быть, не приходится, а ее закоснелость, пожалуй, наиболее наглядным образом иллюстрируется следующим историческим фактом: в XVI веке трое улемов, ученых в области богословия, а именно Кабиз-и Аджеми, Хамза и Надажли Сары Абдурахман, предстали перед судом по обвинению в проповеди взглядов, противоречащих исламскому вероучению, были признаны виновными, приговорены к смертной казни и казнены. Возможно, они были предвестниками мусульманского вольнодумства⁶⁸. Но в любом случае их пример не нашел подражателей: верующие и их духовные руководители не испытывали потребности выйти за пределы, очерченные концепциями, которые передавались из века в век от одного поколения образованных людей к другому; господство конформизма оставалось безраздельным.

Единственная область, в которой можно констатировать истинный ренессанс и в художественном замысле, и в технике исполнения, — это зодчество. Богатство Империи, порожденное завоеваниями, желание султанов XVI века связать свое имя с монументальными сооружениями, которые послужат символом победы ислама на этой в прошлом христианской земле и позволят постоянно растущему числу мусульман возносить молитвы в достойных зданиях — все это повлекло за собой настоящую строительную лихорадку, которая проявила себя в первое десятилетие XVI века и еще длилась в первое десятилетие следующего столетия. Если не считать мечеть Завоевателя, воздвигнутую в Константинополе на месте разрушенной церкви Святых Апостолов, все большие султанские мечети построены в XVI веке: мечеть Баязида II (1505), Селима I (Селимийе) (1522), Сулеймана Великолепного (Сулейманийе) (1550—1557), Шехзаде (1544—1548), Ени Валиде Джамии (ее строительство начато еще в XVI веке и завершилось только в 1665 году, что не помешало ей быть яркой представительницей стиля именно предыдущего столетия) и, наконец, мечеть Ахмета I (Голубая Мечеть), возведенная, правда, в первые два десятилетия XVII века (1609—1616), но продолжающая зодческую традицию своих предшественниц.

В этих мечетях поверхностные наблюдатели отказывались видеть что-либо иное, кроме откровенного подражания церкви Святой Софии, отвергая самую мысль о возможности творческой самобытности у турецких архитекторов. Столь категоричная позиция свидетельствует лишь о почти полном невежестве относительно основ мусульманской религии, о незнании турецких архитектурных традиций, которые сложились в Анатолии еще до завоевания Константинополя и о недостатке наблюдательности, который у профессиональных наблюдателей особенно плачевен. Нельзя, конечно, отрицать того, что турецкие зодчие вдохновлялись образцом Святой Софии, но между констатацией этого очевидного факта и утверждением того, что они просто-напросто рабски скопировали этот образец, имеется некоторая дистанция. Объективное изучение вопроса приводит к

тому выводу, что как в здании, взятом в целом, так и в деталях различие между двумя стилями выступает вполне отчетливо. Все же следует признать, что турецкие архитекторы восприняли византийскую идею обширного, под куполом, центрального зала. Однако, исходя из нее, они привнесли много нового и оригинального — прежде всего в концепцию здания мечети как единого целого. Первый пример такого творческого сочетания был подан архитектором, который сооружал уже мечеть Баязида II (построена в 1501—1505) и имя которого предположительно Якуб Шах. Именно за ним последовала через все столетие череда блестящих зодчих, из которых самым гениальным и самым творчески плодотворным по праву признан Синан (1486—1578). Некоторым очень хотелось бы видеть в Синане грека по происхождению, который отуречился еще в юности ради получения хорошего образования. В действительности же, как это можно ныне считать доказанным, он родился в турецкой семье неподалеку от города Кайсери. Он еще в молодости перебрался в Стамбул, где некоторое время был строительным рабочим, потом поступил в армию, где также был задействован в строительных работах; проявил себя в них с лучшей стороны, так что ему поручалось выполнение все более важных заданий. Он строил мосты, разнообразнейшие здания (мечети, медресе и пр.) в Румелии. Вызванный в Стамбул Сулейманом Великолепным, он приступил к сооружению больших мечетей; сам он говорил, что строительство Шехзаде — дело ученика, строительство Сулейманийе — дело подмастерья (рабочего), а вот строительство мечети Селимийе в Адрианополе — это уже дело мастера⁶⁹. «Своим» мечетям он смог придать неизъяснимую прелесть и благородство, найдя необходимые пропорции для увенчивающих их куполов, которые, несмотря на величину, никогда не кажутся тяжелыми. Расположение ярусами куполов и поддерживающих их полукуполов, устремление к небесам стройных минаретов еще более усиливают впечатление элегантности и легкости, которого редко достигают другие мечети, рассыпанные по всему мусульманскому миру. Энтузиазм, вызванный творениями Синана, был настолько велик, что во всех землях османского мира строились мечети, в

большей или меньшей степени воспроизводившие великолепные образцы, созданные великим мастером. Это увлечение таило в себе и серьезную опасность: последователи Синана, осуществляя свои собственные проекты, заботились лишь о том, чтобы последние находились в полном соответствии с раз заданным каноном. «Стиль Синана» стал тем самым главным препятствием на пути к возникновению новых архитектурных стилей. Мечеть султана Ахмета прекрасна, но это уже лебединая песня турецкого классического зодчества. Ее возведение отмечает собой окончание строительной лихорадки: экономические трудности, обеднение Империи приводят к тому, что строительство мечети Ени Валиде Джамии, начатое еще в XVI веке, затянулось на 70 лет. В течение XVII века было построено всего несколько больших зданий, но и они не имеют своего «лица», то есть лишены какого-либо своеобразия; все они в точности повторяют ту или иную, слишком хорошо известную, великую модель. Застой распространяется и на область искусства, после того как поразил правительственные круги.

То же самое нужно сказать и о прикладном искусстве, в частности декоративном. Селим I и Сулейман Великолепный, стремясь украсить свои резиденции, дворцы, мечети, дали мощный импульс возрождению и расцвету старинного керамического производства, которое и прежде знало в Турции периоды значительного подъема, — в XIII веке в Конье, в XIV—XV веках в Бурсе. Селим I, выведя ремесленников-гончаров из Тебриза, основал для них мастерские в Изнике (Никее) и Стамбуле, на побережье Золотого Рога. Именно эти мастерские прославили Турцию своей продукцией — фаянсовыми изразцами, украшенными роскошным и тонким декором в виде растительного орнамента и арабесок. Поражает чистота тонов росписи, в которой преобладают цвета — голубой, фиолетовый, желтый и в первую очередь знаменитый «красный как томаты», который вообще характерен для фаянсов той эпохи. Расписанная в таких тонах фаянсовая «ковровая» плитка украшает интерьер некоторых комнат в султанских дворцах, некоторых мечетей (Рустем-паши, Соколу Мехмет-паши, султана Ахмета и др.)⁷⁰. Однако как и

зодчество, керамическое мастерство кончило тем, что застыло в раз заданных формах, ограничившись тиражированием ряда заранее заданных образцов, успех которым гарантирован. С другой стороны, недостаток денежных средств препятствует набору и обучению новых ремесленников — вот так мало-помалу теряется не только тонкий вкус, но и высокая техника исполнения, а продукция некогда прославленных мастерских делается посредственной.

Среди прочих прикладных искусств нужно выделить каллиграфию в качестве традиционного искусства у мусульман. В нем турки дошли до высот совершенства, причем лучшие их каллиграфы пользовались репутацией великих художников — приблизительно такой, какую имели на Западе выдающиеся живописцы. Миниатюра также знала период своего расцвета, хотя поле проявления творческого начала в ней было стеснено подражанием персидским образцам, которые считались каноническими. Тем не менее некоторые турецкие миниатюры XVI—XVII веков, особенно принадлежащие кисти таких художников, как Баба Наккаш, Нигяри (ум. 1572), Хусейн Бали и другие, по праву считаются шедеврами.

Подводя итоговую черту под тем, что было сказано об интеллектуальной и художественной жизни в рассматриваемую эпоху, мы приходим к выводу: время Сулеймана Великолепного — это период замечательного подъема как литературы, так и в особенности художеств. Порыв продолжился и в начале XVII века, но затем наступает пора стагнации, когда на общем тусклом фоне выделяются лишь отдельные яркие имена — такие, как Кятиб Челеби и Эвлия Челеби. Имеет место поразительное на первый взгляд совпадение между этой стагнацией и ослаблением Империи в политическом и экономическом отношениях. Однако отмеченный феномен становится понятным, если во внимание принять следующие обстоятельства: в том мире, где меценатство является необходимым условием литературного или художественного творчества, политические смуты, произвольные конфискации имущества и, как их последствие, стремление утаить накопленные богатства, а главное, растущее безразличие вроде бы

образованных людей ко всему, что относится к области культуры, — все это, взятое в совокупности, не может способствовать раскрытию и расцвету талантов, не может содействовать творческим поискам, которые без такого содействия обречены в лучшем случае на неудачу. Тщетно было бы искать в последние два десятилетия XVII века хотя бы только одно достойное произведение в области литературы (в широком смысле этого слова) или искусства: вдохновение иссякло, и классический период завершается самым плачевным образом, подобно теряющейся в песках пустыни реке. Период подъема, другими словами, не стал преддверием подлинного возрождения. Пора для такого, умственного и художественного, возрождения придет позднее. Однако наступит оно как результат усвоения идей, привнесенных с Запада, — именно они послужат источником как литературного ренессанса, пик которого будет достигнут только в XIX веке, так и, несколько ранее, блистательного ряда художественных достижений в стиле барокко и рококо. При этом слово *однако* в данном культурологическом контексте становится ключевым: *однако* не в своей национальной традиции турки отныне будут черпать вдохновение.

Дворец как элемент культуры

В том огромном человеческом сообществе, которое называется Стамбулом, дворец султана занимает поистине особое место. Прежде всего потому, что он служит резиденцией государю и правительству, но также и по той причине, что он представляет собой целый мир со своим населением и своими стражами, мир, надежно изолированный от мира внешнего. «Дворец Великого Господина, называемый также Сералем или Великой Портой, представляет собой в плане фигуру, близкую к треугольнику, две стороны которого выходят на море, а третья — на город. Он окружен высокой крепостной стеной со множеством башен и куртин, на которой всегда бодрствует стража из большого числа аджемогланов... В нем так много придворных и слуг, что ими можно было бы заселить целый город»⁷¹.

Дворцовый комплекс состоит из нескольких частей, каждая из которых четко отделена от прочих. В нескольких охватываемых ансамблем зданиях располагаются различные правительственные ведомства, сгруппированные вокруг первого и второго двора. Это — первая часть. Вторая включает в себя внутренний сераль (*Сарай-и эндерун*), который, в свою очередь, слагается из резиденции султана и его гарема; это — личное владение султана, и вход в него заказан всем, кроме членов свиты падишаха. «Первое, что видит прибывающий морем в Константинополь путешественник, это — Сераль Великого Господина. На него приятно смотреть, потому что он утопает в садах, расположенных по побережью и доходящих до самой кромки берега. Однако здание, с точки зрения архитектуры, ничем особенно не примечательно — оно слишком простовато, чтобы служить резиденцией для столь могущественного государя»⁷². Внутри ограды дворца ведут монументальные ворота (что к северу от Святой Софии), называемые *Баб-и Хумаюн* (Имперские Ворота) — пройдя их, посетитель попадает в первый двор. Имперские Ворота охраняются отрядом в 150 *капыджи* (привратников), несущих службу денно и ночью посменно и вооруженных «всего лишь небольшой тростью, которую всегда держат в руке»⁷³. «На первом дворе оставляют своих лошадей тем, кто прибыл по делам в Диван или в Сераль; над воротами первого двора сооружен киоск (или павильон) по повелению султана Мехмета II, где он проводил несколько часов каждый день, взирая на море и на город; его преемники велели этот павильон закрыть, и он с тех пор служил складом для тех вещей, что остались от своих прежних владельцев, потому что они не имели наследников, то есть перешли в собственность Великого Господина. Ныне этот киоск нашел себе другое применение: в нем размещена пробирная палата для монет, поступающих в казну. Рузнамеджи Эфенди, ответственный за качество монет, каждый день, когда проводится заседание Дивана, отправляется в эту палату, чтобы своими глазами увидеть эти монеты, а затем велеть взвесить их, заполнить ими мешки, мешки запечатать и отправить в хранилище, расположенное вни-

зу этой палаты, за дверью, ведущей в сокровищницу... Рядом с этим имперским хранилищем находятся помещения для ичогланов и зулуффли балтажи (это санчасть, медпункт для обитателей дворца. — *Р. М.*)... Слева от первых ворот — Зеб Хане (точнее, Джейхане — оружейный склад; речь идет о здании бывшей церкви Святой Ирины. — *Р. М.*) и прежнее хранилище монет»⁷⁴. Примерно то же самое пишет и Дю Луар: «Слуги и лошади тех, кто прибывает по делам в Сераль, пропускаются сюда, но слугам предъявляются требования вести себя прилично и с должной скромностью — убирать конский навоз и не оставлять после себя отбросов и мусора, не ссориться между собой, не говорить слишком громко, не пускать без надобности лошадей в галоп. В случае несоблюдения этих правил виновные подвергаются наказанию палками, чтоб впредь соблюдали покой и порядок в резиденции государя»⁷⁵.

Из первого во второй двор проходят еще через одни большие ворота — *Ортакапы* (срединные врата). Среди искусственно взращенной рошцы возвышаются здания правительственных учреждений: «По правую руку (от ворот) расположен особняк исполнителей правосудия — туда отправляют великих визирей и других знатных людей, которым предстоит казнь; под галерсей, которая нависает вдоль той же стороны двора, видны двери кухонь, других служб и комнат для гостей (*мусафир хане*)... затем до третьих ворот расставлены караулы капыджибаши... С другой стороны, то есть по левую руку, виднеется здание казначейства, куда доставляются деньги на жалованье ополчению, и здание Дивана под двумя куполами, между которыми имеется киоск, или кабинет, откуда Его Высочество, оставаясь невидимым, наблюдает за заседаниями своего правительства сквозь жалюзи, опущенные над головой великого визиря. Канцелярия, где хранятся все правительственные постановления, находится между этим залом и дверью, ведущей в женское отделение Сералья, а через нее и в комнаты *зулюфли балтаджи*, то есть внутренней стражи»⁷⁶. По словам Ла Мотрея, «второй двор очень приятен. Дорожки через него вымощены мрамором, остальное пространство занято зеленым газоном с деревьями и фонтанами. Двор обрамлен галере-

ей, выдержанной в довольно хорошем архитектурном вкусе, но все же слишком низкой. Она зиждется на ряде прекрасных мраморных колонн»⁷⁷. Между вторым и третьим дворами имеются еще одни ворота, именуемые *Баб-и Сеадет* (Врата счастья), которые дают доступ в частные покои Сераяля, включающие в себя резиденцию султана и его гарем. Сразу же за этими воротами на третьем дворе находится небольшое квадратное здание под крышей с большим навесом, которое служит местом аудиенций, даваемых султаном: именно здесь он и принимает иностранных послов; отсюда и название павильона — *Арз одасы* (зал для приемов). Далее этого павильона могут пройти только те, кто входит в штат личной прислуги государя. По периметру третьего двора располагаются жилые помещения для обслуживающего персонала и здание личной казны султана. Наконец, на четвертый двор выходят окнами султанская резиденция и здания гарема. Украшением этого двора служат несколько павильонов (киосков) — например Багдадский киоск, Эриванский киоск. За этими зданиями до самого моря тянутся сады Сераяля: «Со стороны порта, напротив Галаты, прямо на самой набережной выстроен невысокий павильон, или, как здесь говорится, киоск с прекрасной мраморной колоннадой, куда приходит Великий Господин насладиться свежим морским воздухом; здесь же он иногда садится на галиот, чтобы совершить морскую прогулку»⁷⁸. Около этой набережной установлены артиллерийские батареи, чтобы воспретить проходящим мимо судам слишком приближаться к сералю. Ворота к этим батареям называются *Топкапы* («Пушечные ворота»), откуда происходит название и Сераяля: *Топкапысарай* («дворец вблизи Пушечных ворот»). Не нужно смешивать их с другими, носящими то же имя, но расположенными рядом с Адрианопольскими, со стороны которых во время осады Адрианополя в 1453 году турки проделали брешь и через нее ворвались в город.

Множество зданий, составляющих в совокупности этот дворец, демонстрируют полное отсутствие единства стиля, что не позволяет назвать Топкапысарай архитектурным ансамблем. Ведь строился он многими султанами, начиная с Мехмета Завоевателя: «Это

скорее скопление дворцов, домов, корпусов, кое-как собранных вместе в зависимости от потребностей или причуд различных властителей, нежели один дворец»⁷⁹. Почти по единодушному мнению иностранных путешественников, если «в архитектуре дворца нет ничего примечательного», если «с внешней стороны он довольно неказист», то зато внутри эти образующие дворец здания «украшены с такой роскошью, что ничего более великолепного себе невозможно и представить»⁸⁰.

Именно скрытый за третьими воротами комплекс зданий и представляет собой постоянную резиденцию султана, его «дом», состоящий персонально из его гарема, личных служителей, слуг и рабов. Если поверить на слово Эвлии Челеби (что сделать, признаться, довольно трудно), то персонал Сералья насчитывает 40 тысяч солдат и воинов, вооруженных алебардами, служителей и рабов, поваров, пирожников и хлебопеков, аджемиогланов, обойщиков и ковровщиков, евнухов (черных), привратников (белых и черных), палачей, конюхов, а также — 12 тысяч садовников⁸¹. Приведенные цифры явно преувеличены. Один документ конца XVII века⁸² упоминает иную численность дворцового персонала: 14 500 «служителей, аджеми, садовников, аг Сералья, пенсионеров, лиц, занятых на кухне, в арсенале и в конюшнях, музыкантов, привратников, секретарей и лиц, занятых на бойнях». Последнее число более правдоподобно и к тому же согласуется с финансовыми ведомостями. Как бы то ни было, «Сераль — это подлинное государство, отделенное от города своими законами и совершенно особым образом существования: порядок в нем поддерживается легко, так как его обитатели знакомы лишь между собой, знают лишь то, чему их здесь обучили, и не догадываются о том, что на свете есть свобода»⁸³. Действительно, Великий Господин и его слуги живут в почти полной изоляции, и, таким образом, как замечает Пьетро делла Валле, «внутренние слуги — это те, кто почти всегда остается за третьими воротами; те, кто видит Великого Господина воочию и служит ему, живут, как и он, вне какого-либо общения с внешним миром. Вот почему вне стен Сералья очень мало достоверно известно о том, что происходит в них»⁸⁴. Дошедшие до нас

описания Серая (*Сарай-и эндерун*) в XVI—XVII веках являются либо полной выдумкой от начала и до конца, либо пересказом свидетельств тех немногих турок, которые могли не только входить в Серай, но и выходить из него. Первое более или менее точное представление о Серае европейцы получили только в XIX веке, когда султаны покинули его, и еще позднее, в XX веке, когда он, уже при Республике, был преобразован в национальный музей, открытый для посетителей.

Выяснилось, что дворец, как и частный турецкий дом, состоит из двух «половин»: это — селямлик, где обычно пребывает султан в его мужском окружении, и гарем, настоящий «женский квартал», находящийся под надзором черных евнухов. Селямлик представляет собой совокупность комнат и строений, разраставшихся довольно-таки стихийно по мере роста потребности в жилье у увеличивающейся численно свиты и челяди. Другими словами, основное здание дворца в годы правления череды султанов делилось перегородками, около него возникали пристройки, а затем и отдельные (в территориальном, но не в функциональном отношении) строения и здания. Все эти работы проводились, разумеется, без всякой заботы о сохранении единства архитектурного стиля⁸⁵.

Среди множества комнат и иных помещений своей роскошью выделяется гостиная, обязанная своим возникновением, вероятно, Сулейману Великолепному: она полностью облицована изразцами. В ней султан развлекался, иногда и в присутствии гарема. В подобных случаях подбирали лишь слепых музыкантов, а весь персонал, не имевший права входить в гарем, выпроваживался вон. По степени помпезности к этому салону приближаются спальни некоторых султанов — Мурада III, Ахмета I и Мехмета IV, например. Комната Мурада III также облицована изразцами. По соседству с ней Ахмет I устроил свою библиотеку — единственную во всем селямлике; позднее, правда, султан Ахмет III отвел для своей большой библиотеки отдельное здание в третьем дворе. На месте дошедшей до нас обеденной залы с очаровательной по стенам и плафону росписью (она была построена по повелению

Ахмета III) существовала, должно быть, ее предшественница, но от нее не осталось и следа.

В противоположность Селиму I, Сулейману Великолепному в XVI веке и Мураду IV в XVII, которые вели деятельный образ жизни и часто возглавляли походы своих армий, почти все султаны XVII века оставались, так сказать, узниками своего Серая, влача в нем жизнь без событий. По замечанию одного наблюдательного француза, «султан освобождается от бремени ведения самых важных государственных дел, возлагая его на великого визиря; он проводит день за днем в окружении своих детей, жен, евнухов, немых и карликов, которые обожают его как бога и трепещут, едва завидев его тень»⁸⁶. Однако вести в своем гареме такую тихую размеренную жизнь, без заботы и печали, становится со временем занятием весьма затруднительным: селямлик не раз заполняется бунтующими янычарами, которые не только не трепещут перед тенью султана, но и присваивают себе право свергать его с престола и предавать смерти, как это в XVII веке было с Османом II и Ибрагимом I. Вообще надо сказать, что султаны, начиная с Селима II, махнули рукой на свои государственные обязанности: Селим II, по прозвищу Пьяница, проводил жизнь в мужском обществе, предаваясь развлечению, которое оправдывало его прозвище. Ибрагим I Безумец находил удовольствие в разврате и в поистине безумных тратах на меха, невольниц и амбру. Мехмет IV полностью подпал под влияние своей матери, которая держала его как пленного в его же селямлике.

Одно помещение в этой части дворца получило в XVII веке мрачную известность, а именно *кафес* — клетка. Начиная с Баязида I, многократно случалось так, что новый султан предавал смерти своих братьев, чтобы устранить возможных претендентов на престол. Утверждалось, что Мехмет III, приняв власть, велел умертвить девятнадцать своих братьев и семь наложниц своего отца Мурада III. Всего у Мурада имелось 103 ребенка, из которых в момент воцарения Мехмета, его первенца, оставались живы 20 сыновей и 27 дочерей⁸⁷.

Бывало, однако, что некоторые султаны колебались прибегнуть к этой радикальной мере, особенно если

речь шла о жизни или смерти их единоутробных братьев. В этом случае их помещали вместе с их наложницами в «апартаменты» с зарешеченными не только окнами, но и дверью — короче, сажали в клетку (кафес), к которой приставлялась неусыпная стража. В 1640 году Ибрагим, который уже немало лет провел в кафесе, успев свыкнуться со своей клеткой, однажды ночью проснулся от страшных ударов в дверь, которую он все-таки успел забаррикадировать изнутри. Причиной этого ужасающего грохота стало то, что Мурад IV был низложен и умерщвлен, и вот теперь заговорщики ломились в камеру Ибрагима, чтобы провозгласить его султаном. Лишь после того, как дверь удалось взломать и Ибрагиму была предъявлена голова его брата, принц успокоился и согласился покинуть кафес.

В другом крыле дворца Сарай-и эндерун располагался гарем, где жили супруги и наложницы султана под началом султанши-матери (*валиде султан*) и под надзором бдительной стражи из чернокожих евнухов, которыми командовал *кызларагасы* (ага девушек). Кызларагасы — персонаж, вообще говоря, довольно важный. В XVII веке, когда султанши-матери, случалось, захватывали фактическую власть в Империи, лица, занимавшие эту должность, приобретали вместе с ней и значительное влияние на ход дел в государстве.

Как и селямлик, гарем состоит из многих зданий, помещений и комнат, сооруженных в разное время и при разных обстоятельствах. В него можно пройти лишь через одну строго охраняемую дверь, которая ведет во двор валиде султан. На другой стороне двора находятся апартаменты султанши-матери, которая заведует гаремом в прямом смысле этого слова. Гарем размещался в нескольких трех- и четырехэтажных зданиях, населенных женами и наложницами султана. Женщины гарема подразделялись на несколько категорий. Во главе его, как упоминалось выше, стояла мать государя. Далее следовали законные наложницы султана (*хасеки*), которым посчастливилось подарить султану сына и число которых не должно было превышать четырех. Начиная с Баязида I (1389—1402), султаны, вероятно, не заключали браков «официально». Временные наложницы стояли на треть-

ей ступени иерархии — это *икбаль*, выбираемые время от времени из нескольких сотен *одалисок*⁸⁸, чтобы разделить ложе с султаном. Одалиски, еще не удостоенные этой высокой чести, — обитательницы гарема четвертой категории. И, наконец, «подножие» женской иерархической пирамиды составляли рабыни (*джарийе*).

О гареме писали многие и часто, а в написанном легенда, в огромном большинстве случаев, преобладает над реальностью. Одно из первых повествований на эту волнующую тему принадлежит перу Теодора Спандужино, который в «Генеалогии Великого Турка» (1519) писал: «Вне двора, в особом месте, окруженном высокой крепостной стеной, собраны со всех концов страны самые красивые женщины для удовольствия императора числом чуть более или чуть менее трех сотен. Те из них, которые, разделив ложе с императором, становятся беременными и рожают детей, остаются в Серале и пользуются там особым почетом. Тех же женщин, которые после соития с ним оказываются бесплодными, он, насладившись ими вдоволь, выдает затем замуж. Таким образом, чуть ли не каждый день кто-то из женщин прибывает в Сераль, а кто-то покидает его»⁸⁹.

Султан располагал, разумеется, всеми возможностями для того, чтобы периодически обновлять состав своего гарема. Некоторые из одалисок не имели ничего против того, чтобы сменить роскошь Сералья на более скромную обстановку. Зато другие шли на все, чтобы остаться в фаворе у господина, и даже лелеяли мечту сделаться со временем валиде султан. Для того же, чтобы занять высшее положение в гареме, мало родить султану сына — нужно было, что самое трудное, сделать его престолонаследником. Решение этой задачи требовало долгих усилий, плетения сложных интриг, в которых кызларагасы играет важнейшую роль.

В XVII веке после смерти султана Мурада IV (1640) мать нового султана Ибрагима I султанша Кёсем, приняв в свои руки бразды правления, предоставила своему развратному и неспособному ни на что, кроме разврата, сыну получать все удовольствия, какие он ни пожелает. Сама же она из гарема самовластно вершила дела Империи, опираясь на кызларагасы и замещая

должность великого визиря своими часто меняемыми любовниками. С 1640 по 1648 год на этом высоком посту успели побывать тринадцать человек. В конце концов положение в Империи и в столице стало для большинства подданных настолько нетерпимым, что разразился бунт, во время которого Ибрагим I потерял и престол, и жизнь; однако Кёсем, главная виновница всеобщего возмущения, посредством ловкого маневра все же сумела удержать власть в своих руках, воспользовавшись несовершеннолетием своего внука, нового султана Мехмета IV (ему тогда было семь лет). Впрочем, торжествовать ей осталось недолго: против нее составилась заговор, во главе которого встала мать султана, желавшая занять принадлежащее ей по праву место валиде султан. В одну из ночей Кёсем была с особой жестокостью убита евнухами⁹⁰.

В предшествующем столетии, при Сулеймане Великолепном, другой яркий пример женского честолюбия был воплощен знаменитой Хуррем султане, известной на Западе под именем Роксаланы. Это была невольница откуда-то с Кавказа (существует, впрочем, мнение, что она итальянка), которая в иерархии гарема занимала лишь третье место, будучи второй из «законных наложниц». После смерти матери Сулеймана Хуррем, опираясь на великого визиря Ибрагим-пашу, постаралась выжить первую «законную наложницу», султаншу Босфор. Босфор интригу встретила интригой, маневр — контрманевром, атаку — контратакой, но в конце концов потерпела поражение. Сама она была отправлена в ссылку, а ее сын умерщвлен, дабы устранить препятствие на пути к трону сына Хуррем. Ибрагим-паша за участие в интриге получил плохую награду: его также вскоре казнили. Тогда-то Хуррем и обрела решающее влияние на Сулеймана; многие даже полагали, что это именно она руководит всей политикой Османской империи. Так это или не так — вопрос спорный. Зато нет сомнения в том, что своей роскошью гарем обязан именно султанше Хуррем, которая получала от супруга огромные средства. Справедливости ради надо заметить, что тратила она их не только на украшение женской половины Серая, но и на сооружение мечетей и строительство больниц⁹¹.

Несколько позднее венецианка Баффо, захваченная на море османским корсаром, стала украшением гарема Мурада III под именем Сафийе султан. Ей удалось завоевать в нем первенство, но мать султана Нур Бану перешла в контрнаступление. Она приобрела для сына прелестных невольниц, ласки которых заставили его охладеть к Сафийе. Но и Сафийе (которая, к слову сказать, поддерживала тогда тайную переписку с Екатериной Медичи) не теряла времени даром. Она шаг за шагом прокладывала путь к престолу для своего сына, будущего Мехмета III. Когда же вожделенный миг настал (1594), она стала фактической руководительницей имперской политики, но при этом нажила себе столько могущественных врагов, что однажды ее нашли удушенной⁹².

Во всех этих интригах кызларагасы играл ключевую роль, занимая положение связующего звена между валиде султан и женщинами гарема, а с другой стороны, между ними и султаном. Очень часто именно он обращал внимание султана на прелести той или иной одалиски, способствуя ее возвышению в гареме, а тем самым и своему возвышению в масштабе всего Сералья. Все это делалось при соучастии султанши-матери и поставщиков в гарем юных невольниц, которые среди возможных кандидаток отбирали таких, которые помимо красоты были бы еще достаточно смышлены, чтобы послужить орудием их интриг. Те одалиски, которые не проявляли готовности отблагодарить своих благодетелей, из гарема исчезали — либо скоропостижно и без видимой причины скончавшись, либо потому, что их отсылали с государевых глаз долой в Старый сераль (что у мечети Баязида I), где доживали свой век наложницы бывшего султана, а также не прижившиеся во дворце султана правящего.

Итак, Сераль был совершенно обособленным от жизни столицы миром, а гарем играл в нем особую роль. Роль эта, в зависимости от того, являл ли собой султан личность сильную или слабую, варьировалась в широком диапазоне, причем иногда она доходила до того, что оказывала влияние на судьбы Империи.

ДЕНЬ СТАМБУЛЬЦА

Повседневные дела

Кем бы ни был житель Стамбула — богатым или бедным, высоким чиновником или мелким ремесленником, мусульманином или неверным — в любом случае он видит свою жизнь упорядоченной, подчиненной заданному ритму в течение всего трудового дня. Ритм же задается молитвой или, вернее, призывами муэдзина к пяти ежедневным молитвам, из которых три отмечают восход солнца, апогей светила на небосклоне и закат. Призывы эти именно и формируют как у мусульманина, так и у немусульманина чувство времени, позволяя соотносить с ними свои разнообразные занятия. Вторая половина дня молитвой икинди делится к тому же на две четверти, а это повод для кратковременного отдыха.

Стамбульцы практически не прибегают к помощи часов. Имеется, правда, несколько солнечных циферблатов — по большей части на стене мечети, но погода не всегда позволяет ими пользоваться. Зато мечети и медресе располагают водяными часами, которые достаточно точно указывают время различных молитв. Эвлиия Челеби писал, что из всех часов в Стамбуле самыми верными считаются те, что установлены в мечети Баязида II¹. Таким образом, религиозная функция муэдзина удваивается практической пользой в обыденной жизни. Но вследствие того, что его призывы связа-

ны с положением солнца на небосводе, рабочий день стамбульца летом длиннее, чем зимой, так как всякая деятельность ежедневно возобновляется вместе с солнечным светом и гаснет вместе с ним же. Это разумеется само собой: средства освещения еще примитивны. Масляные лампы, свечи или факелы — у кого как, в зависимости от материального достатка, — могут, конечно, в какой-то мере возместить отсутствие дневного света, но с наступлением ночи каждый возвращается к себе домой, и долгие бодрствования случаются редко. После захода на улицы не выходят, разве что ради ночной молитвы в одной из соборных мечетей. Впрочем, и полиция со своей стороны возбраняет всякое хождение по ночным улицам.

Нужно заметить, что для мусульманина сутки начинаются и кончаются не в полночь, а в момент захода солнца. Так, ночь на пятницу соответствует той, что по нашим представлениям заключена между заходом солнца в четверг и его восходом в пятницу². Названия дней недели отличаются, за исключением пятницы, от тех, что приняты в арабском календаре, — частично они заимствованы у персов. Священный для мусульман день пятница называется *джума* (собрание), так как в этот день верующие собираются после полудня в соборной мечети, *джами*. Суббота — *джумартеси* (*джу-ма эртеси*), что означает «следующий за пятницей день». Воскресенье — *пазар*. Понедельник — *пазартеси* (*пазар эртеси*) — «следующий за воскресеньем день». Вторник — *сали*. Среда — *чаршамба*. Четверг — *першембе*. Месяцы у турок — это месяцы лунного года, состоящие, как и у всех мусульман, попеременно из 29 и 30 суток; всего же в лунном году 354 дня. Этот отрыв от солнечного года в одиннадцать суток приводит к тому, что в каждом солнечном году рамадан приходит на одиннадцать суток позже, чем в предыдущем.

Ритм рабочего дня нетороплив. Никто никуда не спешит, всё, напротив, делается с разумной медлительностью, которая проявляется и в долгом обмене приветствиями между друзьями, соседями, коллегами; и в деловых переговорах — например при заключении коммерческих сделок. Все идет своим ходом, спокой-

но, без напряженности, и все приходит к своему естественному завершению вовремя. Такова, говоря коротко, жизненная философия турка. Если на улице и встретится кто-либо, идущий торопливой походкой или чем-то явно возбужденный, то это либо янычар, который часто бывает от выпивки навеселе, либо некто, желающий придать себе в глазах окружающих больше веса, а потому подражающий европейским манерам. Вообще-то, турецкая медлительность вовсе не равнозначна ни безразличию ко всему на свете, ни лени: турок умеет довести свое дело до конца, когда берется за него. Прибегая к метафоре, можно сказать: у него подметки из свинца — зато он твердо стоит на земле и уверенно ступает.

Итак, день начинается с протяжного призыва муэдзина, который будит жителей квартала, напоминая им, что пора совершить утреннюю молитву. Стамбулец встает со своего более или менее удобного ложа, обычно состоящего из соломенного тюфяка, скатывает его и укладывает вместе с одеялом в стенной шкаф или же оставляет уборку постели жене или кому-либо из домашних (среди последних числятся и слуги). Перед тем как приступить к утренней молитве, он совершает недолгие омовения, которые состоят в следующем: он чистит зубы, полощет рот, затем промывает нос, втягивая в него воду из пригоршни; проводит мокрой рукой по лицу и голове и старательно моет кисти рук и предплечья. Это — туалет, так сказать, «в общих чертах», и он должен, в принципе, повторяться в течение дня пять раз, перед каждой молитвой. С большим тщанием он проводится перед входом в мечеть, где с этой целью установлены фонтаны; полностью же, обстоятельно он совершается в «банный день» недели или в «банные дни» недели — в хамаме³.

Умывшись, он начинает одеваться. Этот процесс варьируется в зависимости от социального положения, ранга и достатка. В частности, он может служить выставлением напоказ роскоши. Костюм турка всегда вызывал у европейских путешественников удивление, как, впрочем, и наоборот: «Наша манера одеваться им кажется столь же странной, насколько их одеяния

представляются нам необычными»⁴. О подробностях этих «одеяний» мы можем узнать из описания, оставленного одним из наших реалистически мыслящих путешественников: «Их одежда гораздо более приспособлена к тому, чтобы скрыть недостатки фигуры, нежели наша со всеми ее вычурными округлостями и рюшами, которые ныне во Франции в моде. На голое тело они надевают кальсоны (*дон*) и ниспадающую на кальсоны нижнюю рубаху (*гёмлек*), рукава которой такой же длины и таким же разрезом, как у наших женщин. Поверх рубахи они надевают *долиман*, который, подобно сутане, покрывает все тело до пят, имеет узкие рукава с закруглениями около кистей рук. Долиман шьется из полотна, тафты, атласа и других дорогих и изысканных тканей; зимой же к нему подстегивается материя из хлопка. По талии, сверху долимана, принято подпоясываться, причем пояс, при нужде, может служить и тюрбаном — в последнем случае он обматывается не вокруг талии, а вокруг головы. Иногда же тюрбаном служит особый ремень из кожи шириной в два-три пальца, украшенный золотыми или серебряными пряжками... За пояс они затыкают два больших платка, по одному с каждого бока, а также подвешивают большой табачный кисет, в котором помимо табака носят и деньги, и множество разных вещей, а иногда даже и важные бумаги, используя кисет примерно так, как мы наши карманы. Туда же, в кисет, кладут они и свои платки, как только те сомнутся или загрязнятся. На долиман они надевают *фередже*, одежду, напоминающую наш домашний халат. У нее широкие и длинные, в длину руки, рукава, хотя в эти рукава руки они, по большей части, не вдевают, и, таким образом, фередже оказывается родом плаща. Зимой фередже подстегиваются богатым мехом. Турки, располагающие денежными средствами, из всех мехов предпочитают *самур* — соболя. Для того чтобы соболиным мехом подбить фередже, требуется от четырех до пяти сотен пиастров, и они сумму эту тратят охотно. На ноги они надевают чулки (как раз в длину ноги), а ступни обувают в легкие первосортной работы туфли из мягкой кожи желтого или красного цвета. Называют они эти туфли *мест*»⁵.

Описанную Турнефором фередже часто еще называют *кафтан*. Кафтану турки стремятся придать самый роскошный вид, если имеют к тому возможность: «Они (кафтаны) шьются из английских, французских и голландских сукон различных цветов — ярко-красного, цвета мускуса, кофейного цвета, цвета зеленых оливок. Они ниспадають до пят, подобно одеяниям древних»⁶. Когда Великий Господин желает удостоить чести кого-либо, например удачливого военачальника, то одаряет его роскошным кафтаном, обычно в таких случаях подбитым дорогим мехом. Турки вовсе не пренебрегают парадной функцией своего костюма: «Что касается разнообразия в одежде, то оно здесь (в Турции), как и везде, определяется в первую очередь различием в ранге и достоинстве носящих эти одежды персон — начиная с птиц самого высокого полета и кончая теми, кто на самом низу. Однако каким бы ни было положение турка, он стремится одеваться в сукно и меха. Я говорю о сукне, так как хотя его цена высока, я не видел другой такой страны, где бы простой народ был лучше и чище одет, чем в Турции»⁷. Сукна, в Стамбуле столь востребованные, в течение долгого времени оставались одним из предметов фактической венецианской монополии на ввоз в Османскую империю дорогих тканей (бархата, атласа, парчи и др.). Однако мало-помалу монополия Венеции подтачивалась конкуренцией: англичане, голландцы и французы научились производить «сукна для Леванта», то есть отвечающие тамошним потребностям. Все они, независимо от страны-производителя, назывались «лондонскими сукнами» — *лондринами*. «Франкские» негоцианты в Стамбуле вели между собой жесткую конкуренцию за захват и удержание рынков сбыта, что предполагало приведение европейской продукции в соответствие турецким вкусам. Именно эта тема обсуждается в письме (апрель 1686), которое было направлено обосновавшимися в Стамбуле французскими купцами руководству Средиземноморской компании⁸. Существуют и турецкие суконные фабрики, которые работают как на государство, так и на свободный рынок. К тому же далеко не все турки столь богаты, чтобы покупать дорогое импортное сукно.

Султан носит, разумеется, самую дорогую одежду: «Великий Господин был одет во все белое, как почти всегда. К сожалению, мне не удалось как следует рассмотреть ткань его одежды, но меня уверили, что долиман, или камзол, выткан серебряной нитью, а фередже, род плаща, сшит из атласа и подбит соболиным мехом»⁹. По Тевено, «Великий Господин был одет в долиман из атласа телесного цвета и в камзол почти такого же цвета, на его тюрбане были две черные эгретки, украшенные алмазами»¹⁰.

Обычно турки обуваются в бабуши (*папучи*), «которые можно снять, не нагибаясь и не прибегая к помощи рук...». «Вместо каблуков эти туфли снабжены всего лишь маленькой подковкой толщиной в полторы линии*, шириной примерно в четыре линии. Подковка эта в форме лошадиной подковы служит тому, чтобы туфли не снашивались в задней своей части. Носок у бабушей заострен наподобие готической аркады, а сшиты они с таким тщанием, что превосходят нашу обувь. Хотя у них простая подошва, носятся они долго, так как выкроены — по крайней мере те, что продаются в Константинополе, — из лучшей и самой легкой в Леванте кожи»¹¹. У мусульман эти бабуши желтые, а неверным запрещено носить бабуши такого же цвета, за исключением тех, кто на службе у какого-либо посла. Христиане, евреи и прочие неверные могут носить бабуши красные, фиолетовые и черные. Впрочем, пришлось повторять этот запрет на ношение желтых бабушей и вообще характерной для мусульман одежды многократно¹².

Помимо бабушей турок может носить и другие виды обуви — ботинки (*пашимак*), сапоги (*чизме*), сапожки из кожи (*мест*) или из сафьяна (*терлик*). Корпорации изготовителей обуви числятся в ряду самых активных в столице и находятся под самым строгим надзором: на качестве товара нельзя обманывать клиента.

Тюрбан (*сарык*) — это безусловно та часть одеяния, которая вызывает у европейцев наибольшее удивление и самое острое любопытство, так как именно этот

* Линия — мера длины, равная 2,25 миллиметра. — *Прим. пер.*

головной убор «служит у турок способом различать между собой положение, занятия, ранг и степень достоинства»¹³. Вспомним еще раз описание тюрбана у Тевено: «Их голову покрывает шапочка без полей из темно-красного бархата с подкладкой из хлопчатобумажной ткани — вокруг нее-то они и наматывают *тюрбан*¹⁴, белый или красный. Тюрбан — это полоса ткани из полотна или из шелка длиной в большое число локтей, ее обертывают вокруг головы многократно, причем разными способами, так что положение и ранг человека распознаются по тому, как его тюрбан обернут»¹⁵. Тюрбаны крупных сановников отличаются от прочих высокой тульей, их форма, вообще говоря, разнообразна, но знаком принадлежности к этому слою служит «султан» (эгретка). «Султан» Великого Господина, как мы видели, украшен бриллиантами. Чиновники государственного аппарата, служители Сераля, янычары, военнотружущие других армейских корпусов и т. д. — все носят тюрбаны строго определенной формы, которая указывает на их функцию. Иллюстрации в некоторых книгах, написанных путешественниками XVI—XVII веков, и особенно надгробные камни на кладбищах Стамбула дают нам представление о том, насколько многообразны и сложны были эти формы. Впрочем, за рядом тюрбанов определенной формы закрепились особые названия: *муджевезе*, *селими*, *калави*, *перишани*, *кабади*, *кятиби*, *азами*, *ну'мани* и т. д. Немусульманам вообще, иностранцам в особенности, разумеется, воспрещалось носить тюрбаны — они могли покрывать голову лишь колпаками или камилавками (тюбетейками).

Чаще всего турки бреют голову, иногда оставляя чуб. Ношение бороды отнюдь не обязательно — это, скорее, отличие людей благочестивых или ученых, а также высокопоставленных чиновников. Янычары и моряки отпускают усы, по возможности, самого воинственно-го вида.

Что касается женщин, то «все они носят, с рубашкой навыпуск, шаровары, доходящие по длине до пят; в зависимости от времени года шаровары бывают из бархата, сукна, атласа с вышивкой или из простого полот-

на. Круглый год они также надевают на себя блузку (*жюпон*)¹⁶ из стеганой ткани (пике), в которой всегда ходят дома и которая служит им повседневной одеждой. Дамы из высокого общества надевают поверх жюпон еще *симар* (нечто вроде куртки, скроенной из легкой ткани по персидской моде), которая спускается чуть ниже талии и там перехватывается роскошным поясом из позолоченного серебра или из золота, унизанного к тому же драгоценными камнями; пояс проходит по нижней части живота, подчеркивая тем самым гибкость талии. Когда они (женщины) выходят на улицу, то надевают, как и мужчины, верхнюю одежду, рукава которой такой длины, что из них выглядывают только кончики пальцев. На улице одна пола этой одежды нахлестывается спереди на другую. Их волосы спрятаны под белым покрывалом, закрывающим частично и лоб; другое покрывало закрывает нижнюю часть лица и доходит до носа, при этом пожилые женщины вправе оставить нос неприкрытым, а молодые могут оставить незакрытыми только свои глаза. Сверху они носят еще черную накидку, изготовленную из конского волоса»¹⁷.

Турчанки, как и вообще все женщины во все времена, обожают дорогие украшения и дорогие наряды — в той мере, разумеется, дорогие, в какой позволяют средства их супругов. Представительницы религиозных меньшинств не отстают в этом отношении от турчанок, как, впрочем, мало отличаются от них и в других отношениях, поскольку религиозные различия оказывают на мужчин, на их поведение и образ жизни куда более сильное воздействие, чем на женщин.

Самый большой спрос на предметы роскоши предъявляют, естественно, женщины из Сералья. Достоинно упоминания вот какое обстоятельство: в годы войны между Турцией и Венецией в середине XVI века импорт в Османскую империю венецианских товаров несколько не уменьшился. В самый разгар боевых действий на рынок прежде всего Стамбула продолжали поступать венецианские дорогие ткани (бархат, парча, атлас), зеркала венецианские, венецианские ювелирные изделия и пр.

Этот неиссякаемый поток предметов роскоши несколько, правда, изменил свое обычное русло, направившись в столицу Турции через нейтральные страны и через склады османских негодантов — преимущественно евреев и греков. Возросшие транспортные и комиссионные расходы были покрыты — нет, не «из карманов», а «из кисетов» конечных потребителей или, точнее, супругов конечных потребительниц всего этого великолепия. Однако сами эти «потребительницы», в большинстве своем именно женщины из Серая, имеют возможность похвастаться удачной покупкой, нарядиться, продемонстрировать элегантность и тонкий вкус — всего лишь в своем гареме или, самое большее, во время визита в гарем своей подруги. «Им (женщинам) запрещено показывать на улице любую неприкрытую часть тела... Они блистают золотом и бриллиантами, но их никто, кроме других женщин да их собственных супругов, не видит. Они скидывают с себя фередже и предстают во всей своей естественной прелести, а также в сказочных украшениях своих нарядов — в рубинах, жемчугах и других драгоценных камнях своих кулонов, своих браслетов, своих поясов и своих причесок, но — лишь в своих собственных апартаментах»¹⁸.

Женские головные уборы просто изумительны: «Дамы, особенно когда они в парадном наряде и при всех своих драгоценностях, имеют вид неприступного величия и великолепия. Их *тарпу*, под которые убираются волосы, держатся на голове посредством разноцветных платочков, вытканых золотом и серебром, и украшены драгоценными камнями всех видов — в зависимости от меры богатства. Помимо них для той же цели применяются и цветы... Тарпу представляет собой большой шестигранный или восьмигранный чепец, сделанный из золотой парчи или какой иной дорогой ткани... Однако дома они предпочитают покрывать головы более простым чепцом из красного сукна, в чем-то сходным с нашими ночными колпаками, но он все же превосходит их размером и отличается от них четырехугольной формой, а также рядом жемчужин, пущенным посередине, или

каким-либо иным украшением, которое им больше нравится»¹⁹.

Женщины обычно обуты в бабуши, или туфли без задника из покрытой орнаментом кожи; выходя же из дома, они надевают своего рода ботинки. Сказанное, впрочем, относится только к женщинам сравнительно высокого социального положения. Те же, кто принадлежит к более низким слоям общества, одеваются куда скромнее. Если у них и имеется весь вышеперечисленный набор (рубаша, жупон, шаровары и куртка), то изготовлен он из более грубых тканей. Когда они выходят из дому, то закрывают себе лицо широким черным покрывалом, один конец которого покрывает голову, а другой завязывается на талии, причем они придерживают покрывало перед своим лицом одной рукой. Некоторые носят *баишлык*, который покрывает их волосы и конец которого они поднимают, чтобы закрыть лицо. Этот выходной костюм придает им очень суровый вид.

Переходя к такому важному делу в жизни, как еда, следует констатировать: турок из простонародья, как и янычар в ходе военной кампании, к еде неприхотлив — он довольствуется простыми, недорогими яствами, которые можно легко и быстро приготовить. «Без страха погрешить против истины, берусь утверждать, что еды, которую фламандец поглощает за день, турку хватило бы дней на двенадцать... Турки не посвящены в тайны кулинарии, они очень в еде умеренны и не требуют от нее изысканных наслаждений. Если у турка есть хлеб, соль, чеснок, луковица и немного кислого молока — он не потребует чего-либо еще. Часто они довольствуются смесью кислого молока с холодной водой — такая смесь одновременно утоляет и жажду, эту вечную спутницу большого похода, и чувство голода»²⁰. Это мнение Бюсбека, высказанное в середине XVI века, согласуется с взглядом Дю Луара, выраженным столетием позже: «Они воздержанны в еде: едят мало и неприхотливы относительно качества, к примеру, потребляемого ими мяса, и хотя им можно было бы поставить в упрек некоторый недостаток опрятности во время еды, этот недостаток простителен при сопостав-

лении с излишествами, которым предаются христиане, в большинстве своем, за обеденным столом... Здесь что-то не видать памятников, воздвигнутых для прославления подвигов обжорства»²¹. Эта воздержанность находится в прямой зависимости от скудных доходов среднего стамбульца, «которому бочонок риса, горшок топленого масла да сушеные фрукты служат средствами пропитания всей семьи в течение года»²². Те, кто работает и вообще занят делами вне своего дома, обычно отправляются обедать в маленькие ресторанчики (*баххане*), где их ждут блюда из бараньих голов и ножек с небольшой порцией риса, блюда, высоко ценимые на всем Востоке, или к *ишкембеджи*, продавцу потрохов, или к *мухаллебеджи*, где подают легкие кушанья, приготовленные на основе молока, сливок и манной крупы, но где можно съесть и вареного цыпленка²³.

Ужинают, как правило, дома: хозяина в его комнате или иногда в главном зале селямлика обслуживает в первом случае его жена и во втором — домашние слуги. Приготовленные блюда расставляются в оловянных, глиняных, фаянсовых, даже фарфоровых (где как) тарелках на большом медном подносе, *тепси*. Есть принято без вилок, прямо руками, но имеются ложки, *кашик*, необходимые для еды бульонов и жидких блюд. Из риса, этой основы питания, сотрапезники делают катышки и отправляют их в рот; мясо, преимущественно отварное, разрывают на части руками. Кувшин с водой и таз всегда в распоряжении тех, кто желает вымыть руки до еды, во время еды и после еды. Обычный напиток — чистая вода.

Хотя в Эминёню и Галате имеются богатые рыбные рынки (особенно в Галате, где, по свидетельству иностранных путешественников, находится «самый прекрасный из всех рыбных рынков в мире»), турок не любит рыбы; ее едят главным образом греки. Что касается мяса, то оно состоит преимущественно из баранины, которая, в свою очередь, подразделяется на несколько сортов — в зависимости от овечьих пород, разводимых в Анатолии и Румелии: *тюркмен*, *кывырджык*, *караман*, *кыртчан*. У всех этих баранов большой курдюк, сало из которого употребляется как при при-

готовлении пищи, так и в производстве свечей. Говядина обычно коптится с чесноком и становится, таким образом, *пастырмой*; приготовление лучшей пастырмы — кулинарная тайна армян. Из баранины же готовятся различные виды *кебабов* — *шишкебаб* (на шампурах), *дёнержебаб* (тонко нарезанные ломти, медленно вращаемые при жарке перед огнем жаровни), *тиделикебаб* (мясо, запекаемое с хлебом) и, наконец, *кефте* или мясные шарики. Хотя известны и овощи (лук-порей, шпинат, капуста и пр.), они редко появляются в меню. Зато рис — не только неизменный гарнир ко всем важным блюдам, но даже скорее неизменная их составляющая, так как эти основные блюда объединяются названием плова (*тилава*). Плов же есть «слегка поджаренный рис в мясном бульоне или с водой и маслом, и это самое вкусное из их блюд»²⁴. Салат-латук едят в сыром виде с солью. Летом отдается должное дыням и арбузам.

Не пренебрегают и молочными продуктами, а *йогурт* — это турецкий вклад в мировое кулинарное искусство. Он готовится на основе молока буйволицы, коровьего или козьего молока, а легкие блюда на основе сливок весьма разнообразны — они вместе с фруктами завершают прием пищи. Впрочем, фрукты, сочные и вкусные, поедаются в большом количестве и между такими приемами в течение дня. Некоторые лавочки, специализированные на продаже *каймака*, пользуются известностью (особенно их много в Эюбе)²⁵ и служат местом встреч добрых знакомых. На званых обедах перед основными блюдами подаются в большем или меньшем числе закуски (*мезе*), среди которых нужно отметить прежде всего *бёрек*, жареный пирог с начинкой из мяса (его принято есть с сыром и шпинатом), *япрак далмасы*, обернутый в виноградные листья рис, кусочки сердца и печени ягненка, приправы из огурцов и корнишонов (*турушу*) и т. д. Хлеб, как пресный, так и на дрожжах, довольно высоко ценится европейцами. Кроме того, булочники и кондитеры производят великое множество сортов бисквитов и пирожных — *чёрек*, *геврек*, *гурабийе*, *симит* и т. д. Самые известные из них готовятся на основе меда — *ка-*

дайиф, локма, гюзельме, баклава. Нельзя забыть и *халву*, тесто на основе меда, и *рахат лукум*, столь распространенные и столь высоко ценимые на всем Востоке.

Султанский дворец, подобно бездонной бочке, поглощает уйму пищевых продуктов. И не только потому, что нужно сладко кормить его обитателей, которыми можно было бы населить целый город. Но и по той причине, что счету этим продуктам не знают. Вот, к примеру, описание одного из султанских пиршеств, которое мы находим у Пети де ла Круа²⁶: «Салаты — из маслин, из каперсов, из редиса, из свеклы, из молодого чеснока, огурцов, лепестков розы и многого еще, соответственно времени года. Мясо приносят в больших глиняных тазах, называемых здесь мартабанами. Здесь и мясо ягнят, и жареные цыплята, разрезанные на части, и баранина, тушенная с маслом и луком, и голуби, сначала обжаренные, а затем поставленные в печь тушиться в сливках с сахаром и розовой водой. Рыба — жареная и в желе (заливная), разных видов. Цыплята — фаршированные рисом и луком, подаваемые в бульоне с распущенным яйцом. Фрикадельки — из мяса, нарубленного с луком и рисом, и завернутые в листья орешника летом и в листья мальвы зимой. Гусиная печень — нарубленная с яйцом, петрушкой, миндалем, луком, мускатным орехом, гвоздикой и политая сверху соусом из красного лука. Слоеные пирожки с бараньим мясом. Круглый пирог с голубятиной. Плов из риса с миндалем и корицей. Супы из пюре зеленого горошка на курином бульоне и, вместо хлебных супов, жаренные в масле и яичных желтках ломтики хлеба, обмакиваемые в бульон. Еще одно блюдо — салат-латук с курицей и густым насыщенным бульоном. И еще одно — куриный бульон с разными нарезанными очень мелко травами, отбеленный яйцом, разведенным в лимонном соке.

Затем следует деликатес, который собой представляет бланманже, приготовленный из белого мяса каплуна, сахара, молока и рисовой муки, амбры и мускуса. Другой готовится из фиников, варенных в молоке, крахмала, сахара, мускуса и амбры. Рецепт третьего —

смешать сок вишни с крахмалом, сахаром, розовой водой, прокипятить все это вместе, процедить полученную жидкость сквозь сито и добавить мускуса и амбры. Необходимо также упомянуть мармелады, сваренные из различных фруктов в сахарном растворе с мускусом и амброй; пирожные с миндалем, компоты из различных фруктов; яблоки, груши, жаренные в сахаре; розовую воду, сваренный в сахаре миндаль.

Наступает очередь напитков, разносимых в небольших, но глубоких вазах; они готовятся из абрикосов, груш, яблок, фисташек, дамасского винограда, персиков, причем каждый сорт варится отдельно, а фрукты, не потерявшие своего естественного вида, остаются на дне вазы, откуда их достают ложкой на длинном черенке».

В одном регистре (май 1528) содержатся сведения о закупках кухней Сералья продуктов на один месяц: меда — 64 кантара (кантар = 55 кг), кур — 544, риса — 28 мюддов (мюдд = примерно 500 кг), гусей — 61, шафрана — 19 окк (окка = 1,280 кг), устриц — 116, креветок — 87, рыбы — 400 штук, мускуса — 12 мискалей, перца — 10 окк, оливкового масла — 11 окк, пекмеза (род вина) — 3 шиника (шиник = 6 кг), соли из Валахии — 84 окк, крахмала — 13 окк, бузы (род пива из ячменя или проса) — 51 бутыль, бараньи головы — 616, требухи — 180 наборов, яиц — 649, водяных кур (куликов) — 229²⁷. Это не считая овощей, хлеба, сливок, йогурта, кондитерских изделий и фруктов. Другой документ (1674) сообщает, что за год на бойни Стамбула было приведено и забито 199 900 голов крупного рогатого скота, 3 965 760 овец (из последних 230 тысяч для Сералья и 96 тысяч для янычар), а также — 2 877 400 ягнят²⁸.

В том, что касается напитков, стамбулец, как всякий добрый мусульманин, довольствуется водой. Ею Стамбул богат с момента постройки Сулейманом Великолепным акведуков и сооружения множества фонтанов, снабженных кранами, дабы вода не пропадала даром, смешиваясь с почвой и образуя грязь. Впрочем, имеются и дозволяемые напитки. Прежде всего это боза (буза), близкая к пиву; она изготавливается из ячменя или проса и доступна по цене и бедным людям. В Стамбуле

есть даже государственная фабрика по производству бозы, но частные предприятия снабжают ею рынок в большем количестве и лучшего качества. Лавочки, торгующие бозой, в Стамбуле весьма многочисленны: по словам Эвлии Челеби, их более 300. За бозой следующий по степени популярности напиток — *мюселес*. Это род «вареного вина», то есть добытого прямо из сусла (отпрессованного сока винограда) посредством его тепловой обработки. Еще один вид того же рода — *пек-мез*. *Балсую* — это жидкий мед или, точнее, напиток из меда, сиропа и хмеля. *Оржад* (миндальное молоко) был распространен менее других напитков. *Шербеты* бывают двух сортов — как напитки и как сласти в твердом виде. *Ракия* или *арак* получается путем возгонки спирта из мастики мастикового дерева, растущего на Хиосе; эта по вкусу напоминающая анис жидкость может служить и прохладительным напитком, если ее сильно разбавить холодной водой, и средством к опьянению, если пить ее в неразбавленном или слабо разбавленном виде. В Стамбуле производство и потребление ракии в принципе запрещено, но армяне, большие специалисты в этой области, гонят ее в Чорлу (Фракия). Ракия пользуется большим спросом в кабачках Галаты и Касим-паши²⁹.

Употребление вина мусульманам, как известно, возбраняется, но султан Мурад IV и позднее Мехмет IV нашли необходимым запрет этот своими указами напомнить. Тем не менее вина — «море разлитое» не только в тавернах и кабачках, но и в домах таких важных персон, как султаны Селим III «Пьяница» и Мурад IV, знаменитый поэт Баки (это только для примера). Представители религиозных меньшинств и иностранцы имеют право его пить, но на него налагаются высокие ввозные пошлины, за исключением тех вин, которые поставляются в посольства. Вина производятся и в самой Османской империи — например во Фракии, в области Смирны, в Архипелаге, на острове Тенедос, — но больше все же в моде вина иностранные: французские, итальянские, венгерские, немецкие и испанские³⁰. Что было бы, если бы не запрет вина?!

Кофе в Турцию впервые ввезен в середине XVI века, а первое кафе (*кахвахане*), первоначально предназначенное исключительно для дегустации этого напитка, открывает свои двери для посетителей при Сулеймане Великолепном в 1554 году³¹. Начиная с этой даты кофе входит в моду, а кафе превращаются в наиболее посещаемые заведения. Мурад III велит закрыть кафе, опираясь на убеждение улемов в том, что употребление кофе греховно, поскольку он влияет на состояние ума пьющих его. Однако запрет продлился совсем недолго или, вернее, не действовал вовсе в силу того, что кафе размножились настолько, что закрыть их все не было никакой возможности; таким образом, понятие кофе как греховного напитка не успело укорениться в сознании верующих... Кофе, потребляемый в Стамбуле, производится в Йемене и транзитом через Египет попадает в столицу. Именно в Стамбуле люди Запада приобщились к употреблению этого животворного напитка и перенесли его в Европу³².

Пристрастие к табаку распространяется в Турции к концу XVI века, при султানে Мехмете III, и очень скоро все — как мужчины, так и женщины — принимают курить трубку (*чубук*): «Оба пола курят, обычно каждый сам по себе, с юности. Их табак, особенно во дворце, более приятен, чем тот, который в Европу ввозится из Вест-Индии: женщины добавляют в него мастику от мастичного дерева, а также частицы древесного алоэ — для благоухания»³³. Приведем еще замечание по этому предмету Пьетро делла Валле: «Они взяли за обычай курить табак чуть ли не каждый час в дружеской компании в качестве развлечения... Развалясь в живописных позах, они курят одну трубку за другой, причем выпускают дым даже из носа, что мне представляется отвратительным, а им — верхом искусства»³⁴. Этот табак доставляется в Стамбул с Балкан, в особенности из области Салоники, из Малой Азии и Сирии, где он возделывается в области Латакия. Табак вначале не встретил в Турции единодушного признания: некоторые противники курения возлагали на курильщиков ответственность за пожары, которые в Стамбуле не редкость. Султан Мурад IV даже воспользовался боль-

шим пожаром в квартале Джибали (1637) как предложением для запрета и курения, и кафе одним указом; в некоторых мечетях читались проповеди против табака, но ничего из этого не вышло, и Мехмет IV снял с курения все запреты и ограничения и ввел государственную монополию на торговлю табаком, которая немало обогатила казну³⁵.

Как упоминалось выше, кварталы в Стамбуле имеют достаточно четкое деление на жилые и деловые — именно в деловых кварталах сосредоточены ремесла и торговля. Выйдя из дома, стамбулец направляется пешком к месту работы, проходя улицами, застроенными деревянными домами и, как правило, небогатыми. За исключением, впрочем, нескольких, признанных основными, — они-то не только замощены, но даже более или менее тщательно и более или менее регулярно убираются муниципальными работниками — *калдырмаджилчарами*. Но исключение остается исключением, а правило правилом, так что на работу приходится идти большую часть пути, смотря по времени года, либо по пыли, либо по лужам и грязи, обходя груды мусора и перепрыгивая через ручейки помоев и нечистот. Улицы довольно безлюдны — лишь иногда можно встретить бродячего торговца овощами, фруктами или йогуртом или водоноса, причем встречу эту легко предугадать заранее: каждый из них оповещает обитателей о своем появлении и о своем товаре зычным криком. В фешенебельных районах города важные персоны (великие визири, к примеру) отправляются на работу верхом, даже если приходится проехать не более одного квартала. Чаще всего за сановным всадником следует свита, более или менее многочисленная — это уж зависит от его ранга.

В ремесленных и торговых кварталах в утренние часы, напротив, царит оживление, так как именно сюда вливаются людские потоки со всего города. Здесь можно встретить не только торговцев, ремесленников, рабочих, писцов — короче, всех тех, кто зарабатывает трудом на хлеб насущный, но и тех, кто приходит в эту часть города за продуктами и товарами, которые имеются только в специализированных магазинах или де-

лаются на заказ в ремесленных мастерских. Здесь увидишь прежде всего караваны верблюдов, мулов, ослов, прибывшие в Стамбул из близких и отдаленных стран Востока и Восточной Европы. Все они разгружаются в хане кварталов Мехмет-паши, Базара, Эминёню; здесь поразишься видом грузчиков (*хаммал*), несущих на своих плечах и спинах невероятные по величине тюки с палуб судов, приставших к берегу между Эминёню и Балат. Все центральные городские кварталы буквально бурлят от переполняющей их человеческой энергии: во всеобщем шуме сливаются грохот молотов котельников, жужжание ткацких станков, перестук плотников и столяров, звон из мастерских медников, крики и призывы торговцев, зазывающих к себе покупателей.

Красочности этой картине не занимать. Прежде всего это разноцветие одежд, так как сдержанность тонов отнюдь не в моде. Далее, это оформление лавок, которое к тому и предназначено, чтобы бросаться в глаза. Некоторые кварталы просто роскошествуют своей цветовой палитрой. Так, например, квартал красильщиков развешивает поперек своей главной улицы и выходящих на нее переулков окрашенные здесь ткани в качестве образцов работы. Когда по средам великий визирь отправляется в свой традиционный объезд торговых и ремесленных кварталов, они являют собой незабываемое для иностранного наблюдателя зрелище: визиря сопровождают не только сановники, ответственные за экономическую жизнь столицы (кади, мухтесиб и др.), но и янычары, а за ними огромная толпа — празднично разодетая, то есть в нарядах самых ярких цветов.

Если характер занятий стамбульца призывает его на северную сторону Золотого Рога, он садится в *перем* (барку), уплачивает за перевоз несколько аспер — и вот он уже в Галате или Касим-паше. Остановимся, однако, немного на переправе. Каждый пассажир вправе взять перем для одного себя или занять его вместе с попутчиком. Если он не очень торопится, а денег у него в обрез, то он предпочтет перему суденышко несколько большей вместимости — *клик*. Каик перевозит за один рейс

до десятка пассажиров и должен быть полон для того, чтобы отчалить. Такой порядок называется *долмуш* (буквально: полный); его придерживаются ныне и некоторые шоферы такси, которые едут по определенным маршрутам. В известном смысле акватория Золотого Рога оживлена не менее, чем улицы Стамбула. По заливу взад и вперед снуют перемы, каики, однопарусные скоростные лодки; среди них, подобно великанам среди карликов, время от времени проходят в Галату и выходят из нее большие торговые суда, изредка появляются большие боевые галеры и другие военные корабли Османского флота, порт приписки которых — арсенал Касим-паши.

Итак, уличная жизнь живописна и разнообразна, особенно в таких районах, как Баязид, Большой Базар, Мехмет-паша, Эминёню, Галата и Касим-паша. Именно здесь в течение рабочего дня сосредоточивается в наибольшей степени экономическая деятельность. В самом деле, именно на этой относительно небольшой площади находится большая часть всех ремесленных мастерских и торговых лавок, что и порождает вечное движение ремесленников, торговцев, покупателей, зевак.

Рабочий день не имеет точных временных границ в том смысле, что нет определенного часа, когда бы он начинался и заканчивался. Иными словами, он длится столько, сколько светит солнце. Он начинается после утренней молитвы и заканчивается с молитвой вечерней, и, таким образом, рабочий день летом длиннее, чем зимой. И это прекрасно согласуется с тем, что в подавляющем большинстве мастерских и лавок отсутствует искусственное освещение. Ремесленники занимаются своим делом в условиях слабой оснащённости мастерских сложными и специализированными орудиями труда, но тем не менее они нередко достигают, по свидетельству иностранных путешественников, достойных результатов. Однако же все их достижения находятся в области так называемых «малых ремесел», то есть именно тех, где терпение и прилежание могут принести плоды. Зато продукция, вырабатываемая большими фабриками, как государственными, так и частными, слишком часто оказывается низкого качества и не мо-

жет выдержать сравнения с импортируемыми европейскими товарами, — например с сукнами. В XVI веке опыт привлеченных к работе в Турции иноземных мастеров (евреев, грузин, персов, сирийцев, египтян) привел к совершенствованию ряда технологий в обработке тканей, железа, камня и пр. Однако в конце того же столетия процесс технологического развития останавливается, и в дальнейшем работа ремесленников продолжается лишь на этом однажды достигнутом уровне. Причина стагнации отчасти кроется в корпоративном устройстве ремесленного производства: корпорации не терпят конкуренции и стремятся ограничить ее любой ценой. Отчасти — в том обстоятельстве, что клиентура, обеднев, делается менее взыскательной. Сила традиций препятствует новшествам.

Следует признать также, что профессиональное образование турецкого ремесленника далеко не достаточно: ученик, конечно, видит, как работает подмастерье, как работает мастер, как работает, в частности, его отец. Он видит и из увиденного извлекает практические уроки. И все же турецкий работник в огромном большинстве случаев — «рабочий неквалифицированный» или, самое большее, «рабочий малоквалифицированный». Самое печальное в том, что он не способен сменить профессию или внести какое-либо новшество в избранную или, точнее, унаследованную им. И опять-таки традиция играет свою роль.

Долог ли короток рабочий день, он всегда делится обязательными перерывами — молитвами, полуденной и *икинди*, а также завтраком. Впрочем, завтрак, будучи весьма скромным, чтобы не сказать — скудным, занимает мало времени. Завтракают обычно либо на месте работы, либо в ближайшей к нему харчевне.

Выходной день — пятница, но в году помимо него разного рода праздники прерывают работу: праздники религиозные, праздники по поводу восшествия султана на трон, обрезания принца, отправления армии в поход, празднование военных побед, а также корпоративные праздники, продолжающиеся неделю и более. Таким образом, время производительного труда в значительной мере сокращается.

Поденные нормы заработной платы для работников обычно низки и не превышают нескольких десятков аспер; выходные и праздничные дни, разумеется, не оплачиваются. Лишь незначительная часть стамбульцев получает месячную зарплату, или, вернее, месячное жалованье — это прежде всего государственные служащие. В некоторых областях (например, в строительстве) работники помимо зарплаты обедают в полдень за счет администрации, но такого рода практика не имеет обязательного для работодателя характера. Как мы уже знаем, в каждой корпорации имеются фонды социальной взаимопомощи. Однако фонды эти предназначаются, как кажется, скорее для мастеров, чем для рядовых рабочих: во всяком случае, отсутствие подробной регламентации не позволяет нам с уверенностью судить о том, как они использовались. Служащие некоторых категорий в государственных, по большей части, учреждениях при выходе в отставку получают пенсии: это, по крайней мере, явствует из некоторых документов ихтисаба³⁶, но вряд ли такое правило распространяется за пределы государственного аппарата.

Вечером торговые кварталы пустеют, лавки закрываются, а по улицам ходят лишь дозоры ночных сторожей, которые останавливают всякого встречного и задерживают его, если он оказался здесь без уважительной причины. Каждый из работающих возвращается домой еще до захода солнца, завершая свой день ужином и молитвой. Наступает ночь, которая несет с собой отдых и возобновление сил, необходимых для следующего рабочего дня.

Если стамбулец располагает свободным временем и хочет употребить его на некую экстраординарную покупку, он направится либо на Большой Базар, либо в один из двух бедестанов. Там он наверняка найдет все, что только душа его пожелает. Пока он созерцает панораму тысяч и тысяч выставленных напоказ товаров, каждый из которых краше и удивительнее своего соседа, у него появляется единственный в своем роде шанс вот тут, у прилавка, потереться плечом или коснуться локтем какой-нибудь важной персоны, к кото-

рой в другой обстановке и приблизиться-то нельзя. Если же он все же решится распустить шнурок на своем кисете, то как покупатель получит право на более или менее обстоятельную дискуссию с продавцом относительно качества товара и цены на него, так как тот процесс, который выражается словом «поторговаться» (*пазарлык*), представляет собой для иностранца некий таинственный ритуал (впрочем, профана днем с огнем не отыскать по всему Леванту).

Для закупок будничных товаров существует в каждом квартале свой рынок, который открыт в один какой-то определенный день недели: пятница — это день для Эдирнекапы, Коджи Мустафа-паши, Кучук Мустафа-паши, Эюба, Касим-паши, Ускюдара; суббота — для Али-паши (около мечети Завоевателя) и Кулаксиза (в окрестностях Касим-паши); воскресенье — для Авретпазары; понедельник — для Маджунджу; вторник — для местечка, расположенного между Галатой и Топхане, которое так и называется — «Рынок по вторникам» (Салыпазары); среда — для Чаршамбапазары («Рынок по средам»), что у мечети Фетхийе; четверг — для Першембепазары («Рынок по четвергам») в Галате³⁷. Все эти рынки главным образом продуктовые, обслуживаются они как ярмарочными торговцами (прямо с телег), так и лавочниками. Но, возможно, на них можно купить еще какие-то товары помимо снеди. Рынки эти, к слову сказать, предмет особого внимания мухтесиба и его подручных.

В зажиточных домах для закупок на рынках продуктов питания посылают обычно слуг или рабов. В домах более скромных решение этой задачи по большей части лежит на хозяине или его сыновьях; жена же, как правило, имеет дело только с бродячими торговцами.

Таковы каждодневные занятия стамбульца. Непредвиденные события редки, но все же время от времени происходят — это то пожар, то внезапно объявляемый праздник по тому или иному поводу, который следует отметить немедленно и торжественно (победа османской армии, восшествие на престол султана), то мятеж янычар или (что бывает гораздо реже) восстание корпораций. Типичный турок — личность спокойная, он

не любит ни мятежей, ни восстаний, ни прочих потрясений, глядит на них как на буйство солдатни и перепившейся в тавернах черни. Он предпочитает мирную семейную жизнь, отвечающую предписаниям Корана. Он безмерно набожен, усердно посещает мечеть — не больше чем нужно, но и не меньше, так как опасается навлечь на себя гнев мухтесиба, который имеет право наказывать плохих мусульман за нарушения поста в рамадан и за отсутствие на пятничной молитве в мечети. Его честолюбие крайне ограничено, так как он знает, что Бог избрал для него такое положение в обществе, которое ему подходит больше всего, и что для него выйти из его общественной и профессиональной среды просто невозможно. Он довольствуется тем, что имеет, и стремится жить в соответствии с тем, что отпущено ему судьбой, и в добром согласии со своими товарищами и коллегами по ремеслу — даже если они немусульмане. Он не фанатик — и в самом деле ни одного антихристианского погрома в XVI и XVII веках отмечено не было. Евреи, греки и армяне со своей стороны остерегаются всякого действия, которое могло бы выглядеть провокацией против мусульман. В целом человеческий и общественный климат в городе благоприятный, хотя изменение политических и экономических условий столичной жизни иногда сопровождается некоторыми преходящими трудностями.

Развлечения

Обязанности жителя Стамбула четко очерчены как в области его профессиональной деятельности, так и в сфере религии. И он выполняет свои обязательства всегда, каждый день честно и серьезно. Но помимо труда и выполнения религиозного долга имеются еще и развлечения, а также места, где можно отдохнуть и развлечься, — и в самом Стамбуле, и в его окрестностях³⁸. А Эвлия Челеби приводит, со своей стороны, названия мест отдыха, которые особенно любимы стамбульцами: площадь Ипподрома (Атмейданы), Ага чайири (лужайка аги) вблизи ворот Силиври, Ени Бахче (Новый сад) около Пушечных ворот

(Топкапы), Барутхане близ Золотого Рога, Вефа недалеко от мечети Завоевателя, Баязид по соседству с мечетью Баязида II, а также эспланады (открытые пространства внутри изгородей) мечетей Селима, Сулеймана, Мехмета Завоевателя, Шехзаде, Валиде в Аксараяе, Святой Софии, Кадырга Лимани на берегу Мраморного моря, место для морских купаний Ланга, площади Эминёну, Самотии, Давуд-паши и т. д.³⁹

Вне города, за земляными валами и вдоль них простираются: равнина Сулеймана, сады монастыря мевлеви Еникапы, луга Топчулар и Отакчилар, а за воротами Топкапы и Эдирнекапы — Эюб. Самое известное и наиболее посещаемое горожанами место отдыха на лоне природы расположено там, где Золотой Рог врезается в сушу наиболее глубоко. Оно называется Сладкие воды Европы (Кагитхане), наверное, потому, что здесь бьет источник прекрасной питьевой воды, а рожденный им ручей, пересекая луга, впадает в залив. Охраняя луга от потравы и желая сохранить их для прогулок стамбульцев в первоизданном виде, правительство запретило выпас на них скота — даже мелкого рогатого, не говоря уже о крупном. Один из султанов построил здесь павильон (киоск), и пространство, находящееся в общем пользовании, было ограничено.

На берегах Золотого Рога всякий сколь-либо видный османский сановник старался возвести свой собственный киоск или конак — разумеется, в окружении более или менее обширного частного парка. Все же на северном берегу залива остались и свободные от застроек пространства, особенно на склонах холмов, возвышающихся над долинами Хаскёй и Касим-паша. На одном из этих холмов разбита площадка для стрельбы из лука по мишеням, Окмейдани, где тренируются янычары и другие солдаты. В глубине долины Касим-паша, между холмами, высится мечеть Пиале-паши, ближайшие окрестности которой служат излюбленным местом для прогулок стамбульцев, так же как и высоты Бейоглу (Перы), откуда открывается величественная панорама Золотого Рога, Стамбула, Ускудара, Принцевых островов и Босфора.

Для любителей более долгих и отдаленных прогулок, переходящих в небольшое путешествие, особую привлекательность представляют берега Босфора. Их можно обследовать на *сандале* (лодке-плоскодонке, рассчитанной на одного гребца) или на каике с несколькими гребцами. Можно из Балыкпазары (Эминёню) добраться до Бешикташа посредством долмуша за 2 аспра или, наняв каик с четырьмя гребцами, за 4 аспра; до Истинийе или до Еникей (деревни, основанной Сулейманом Великолепным) — за 25 аспров в каике с шестью гребцами, но при этом полагается сверх платы и накормить их. Во времена Селима II наиболее посещаемым местом с «туристскими», говоря нынешним языком, целями была деревня Тарабия (Терапия) на европейской стороне Босфора⁴⁰. Далее по европейскому берегу Босфора тянется Белградский лес, названный так по двум причинам. Во-первых, в честь завоевания Сулейманом Великолепным Белграда, а во-вторых, потому что он поручил пленным сербам поддерживать в должном состоянии запруды, которые были реставрированы или сооружены архитектором Синаном для водоснабжения Стамбула посредством акведуков. Рассказывают, что впервые иностранные послы стали строить свои резиденции вблизи Белградского леса, спасаясь от чумы, которая свирепствовала в Стамбуле в середине XVII века. Их примеру последовали османские столичные сановники, и лес постепенно превратился в зону отдыха и развлечений (охоты в особенности). Позднее, в XVIII и XIX веках, летние резиденции иностранных послов появились и в окрестностях Тарабии.

От деревни Сарыер путь ведет к знаменитому источнику Кастанесу, вода из которого по целебным свойствам приравнивается стамбульцами к воде, почерпнутой из Чамлыджы.

На азиатской стороне Босфора у подножия горы Чамлиджа расположился Ускюдар с его великолепным, в сени величественных кипарисов, кладбищем. С вершины Чамлыджи можно обозреть и Стамбул, и Принцевы острова, и весь Босфор вплоть до Черного моря. Здесь же находится водный источник, самый

известный в окрестностях Стамбула. Азиатский берег Босфора усеян *ялы*, обширными домами, построенными у самого уровня воды среди парков и садов. Обладание *ялы* — верный признак принадлежности владельца к высшему слою столичной сановной знати. Сам султан обзавелся здесь рядом дворцов, выдержанных все в том же «загородном», почти «деревенском» стиле, и время от времени наезжает сюда восстановить силы и развлечься в окружении своих фаворитов. Отсюда принято совершать морскую прогулку, в барке или *каике*, к Сладким водам Азии, что находятся около Анадолу Хисар. В XIX веке восточное побережье Босфора все еще считалось в высшем стамбульском обществе наиболее фешенебельным местом летнего отдыха.

Весной, когда ярким цветом цветут бугенвиллии и иудино дерево, берега Босфора — сущее очарование. *Ялы* многочисленны, но все же не до такой степени, чтобы заслонять собой прелестный пейзаж; напротив, их архитектура как нельзя лучше с ним гармонирует. Уже с этого времени великие визири и другие важные персоны Империи начинают время от времени навещать эти места. При каждом *ялы* — свой *каикхана*, стоянка собственных лодок и мелких прогулочных судов, а морская прогулка по Босфору — излюбленное развлечение владельца *ялы* и его гостей. Такие прогулки, однако, сопряжены с известной опасностью — со стороны бостанджибаши, главы телохранителей султана. Ему и его людям доверено наблюдение над водами Босфора вообще, над дворцами султана и прилегающими к ним парками и садами в особенности. Бостанджибаши может наложить тяжелый штраф на каждого, кто в состоянии опьянения или в галантной компании застигнут на прогулке в запретной зоне султанских садов. Еремия Челеби сообщает, что бостанджибаши рассматривает каждого задержанного нарушителя как своего пленника и на этом основании требует за его освобождение выкуп. Дело доходит якобы даже до того, что «если он настигает *каик* с веселой компанией из мужчин и женщин на море, то безжалостно и без колебаний пускает его ко дну»⁴¹.

Другое излюбленное место отдохновения и развлечений — хамам. Их много в Стамбуле — роскошных и не очень, одни имеют многочисленную клиентуру, другие предназначены для избранных. Стамбулец в хамам приходит прежде всего для того, чтобы вымыться (или быть вымытым), чтобы ему был сделан массаж и чтобы с его тела удалили волосы. Некоторые хамамы предназначены исключительно для христиан и иудеев, в другие ходят только мусульмане, третьи открывают свои двери — в разные дни недели — и перед правочерными, и перед неверными. Точно так же есть мужские, и есть женские дни посещения бани — где как. Однако эти посещения преследуют не только гигиенические цели (хотя на первом месте стоят, разумеется, именно они) — они одновременно решают и сверхзадачу человеческого общения: именно в хамамах происходят встречи друзей, по предварительной договоренности или случайно, именно в них завязываются новые знакомства. После массажа принято всласть поболтать с приятелями — в зале для отдыха за несколькими чашечками крепкого ароматного кофе и с чубуком во рту. Некоторые хамамы пользуются сомнительной репутацией пристанищ разврата — и это, несмотря на неусыпный надзор над ними мухтесибя, который выполняет обязанность по поддержанию нравственности в общественных местах. Случается также, что пьяницы и вообще лица, потерявшие стыд и совесть, взламывают двери хамамов, когда там моются женщины. Следует, однако, признать, что такие скандалы, во-первых, чрезвычайно редки и, во-вторых, происходят они только в тех банях, о которых как раз и идет дурная молва. Вообще же говоря, существует тесная связь между моральным уровнем «верхов» и в первую очередь султанов, с одной стороны, и нравственностью средних слоев и простонародья — с другой. Если во времена Селима I и Сулеймана Великолепного пристойность была неукоснительным правилом всего турецкого общества, то уже при Селиме II и Мураде III в том же веке и при Ибрагиме I и Мехмете IV в следующем столетии безнравственность широко разлилась сверху вниз как среди мусульманского населе-

ния, так и среди представителей религиозных меньшинств.

Кафе, кабачки и таверны — тоже места отдыха и развлечений. С тем, однако, отличием первых от вторых и третьих, что в кафе пьют только кофе и что эти заведения не бросают вызова общественной нравственности. Известно, что кофе был завезен в Стамбул двумя друзьями сирийцами (один из Алеппо, другой из Дамаска) в середине XVI века. Мода на этот напиток и на кахвехане (кафе) распространилась с быстротою эпидемии. Вскоре к дегустации кофе во многих кахвехане добавились и иные развлечения: игра в триктрак, шахматы, музыка. Но самое главное в том, что кафе стали обычным местом встречи поэтов, литераторов и вообще представителей мира искусства. «В этих местах могут общаться люди различных религий и общественного положения — посещение их не наносит ущерба ничьей репутации. Вне помещения кахвехане, на свежем воздухе, нередко устанавливаются каменные скамьи, устланные циновками. На них именитые посетители любят посидеть, посмотреть на уличных прохожих и себя им показать. Обычно в кахвехане выступают скрипачи, флейтисты, другие музыканты — их нанимают владельцы заведений, чтобы они играли и пели для привлечения публики»⁴². Этим «кафешантанам» удалось даже потеснить отчасти трактиры, особенно в фешенебельных кварталах столицы, где кафе строились в тени парков, среди цветущих садов, по соседству с красивыми фонтанами. Что не помешало их закрытию, когда поднялась волна борьбы с питьем кофе. Впрочем, гонения на кафе не были ни серьезными, ни продолжительными.

О тавернах, напротив, с самого их возникновения идет дурная слава. Их держат только немусульмане, и в мусульманских кварталах их, в принципе, быть не должно. Запрет на их существование вблизи мечетей оформлен даже и в соответствующих документах. Эвлия Челеби, даром что мусульманин, был, судя по всему, одним из усердных их посетителей, знал их досконально, а потому и оставил потомству ценные сведения о них: «Их мерзкие заведения, числом в

1060, имеются во всех четырех основных районах города, а число их самих, продавцов вина, неверных и нечестивцев, достигает 6000... В наибольшем количестве кабаки сосредоточены у ворот Саматии, в Кумкапы, в Ени Балыкпазари, Ункапани, Джибаликапысы, Айякапысы, в Фанаре, Балате и напротив него (то есть на другом берегу Золотого Рога) в Хаскёй. Что касается Галаты, то сказать: “Галата” — это все равно что сказать: “таверны”... Вдоль по Босфору, вплоть до самого Черного моря, что ни деревня — то таверна»⁴³. Достоин внимания то обстоятельство, что кабачки группируются главным образом около портовых причалов, то есть там, где клиентура, состоящая из моряков, грузчиков и всех тех, кто имеет отношение к заморской торговле, делает такого рода заведения прибыльными наверняка. Однако это заслуга не только моряков и всех, кто с ними, — свою широкую дорогу протоптали, несмотря на все запреты, и янычары, обнаружив в них однажды неисчерпаемый источник наслаждений, иногда и противоестественных: «Несколько янычар в одной из портовых таверн за чертой города, приведя с собой женщин и мальчиков, после того, как изрядно, по обычаю, напились и пресытились всеми видами разврата, принялись курить и заснули со своими трубками, не вынимая их изо рта. Горящий табак посыпался из трубок на цинковки — они загорелись, и вскоре вся таверна запылала»⁴⁴.

Худшие из таверн служат местом встречи для всего «дна» Стамбула, и требуется особая бдительность полиции, чтобы эти подонки и пьяные янычары после «хорошо проведенного вечера» расходились по домам и казармам более или менее мирно, без очередного ночного буйства. Пьяницы на ночных улицах — вовсе не редкость. Среди них немало женщин (легкого поведения и немусульманок, по большей части). Наверное, именно такого рода «социальный элемент» как раз и устраивает всяческие бесчинства в хамамах и мирных кварталах столицы.

Проституция Стамбулу хорошо известна, а в некоторые эпохи она выставляет себя напоказ не только по

вечерам, но и среди бела дня. При Селиме II некоторые проститутки достигали известности, сравнимой с той, какой пользовались крупнейшие тогдашние поэты. Действуют публичные дома, персонал которых регулярно обновляется путем набора среди гречанок, евреек, армянок, черкешенок, даже европейских женщин. Есть среди них и мусульманки — сирийки, персиянки, даже турчанки. Одни проститутки (и их большинство) избирают в качестве поля деятельности таверны, другие слегка вуалируют свою истинную профессию, выступая в роли продавщиц каймака в лавках *каймакчи*. В конце XVI века кварталы с наихудшей репутацией в этом смысле — Галата, Топхане и Эюб. В Эюб проститутки слетаются как мухи на мед, потому что гробница святого привлекает к себе множество паломников, немало из которых не в силах устоять перед соблазном. Неверные устроили там и кабаки, и лавки по продаже каймака, которые выполняют функцию домов свиданий. Мурад IV пытался суровыми мерами остановить распространение проституции в святом месте: множество проституткок было арестовано, неверные изгнаны из Эюба, лавки, избалованные как гнезда разврата, закрыты. Однако султан не мог предвидеть всех последствий своих решительных мер: теперь уже в разных кварталах собственно Стамбула как-то вдруг и сразу стали одна за другой открываться прачечные. За этой благонамеренной вывеской скрывались все те же дома свиданий, дома терпимости, по отношению к которым столичная полиция проявляла терпимости больше, чем нетерпимости; и эта ее высокая толерантность не оставалась, конечно, без вознаграждения⁴⁵.

Личные встречи, даже частные собрания, весьма распространены. Стамбульцы народ общительный: они любят ходить в гости и принимать у себя гостей, любят за чашкой хорошего кофе, покуривая свой чубук, поболтать о том и о сем, а заодно уж и решить все вопросы мироздания. На свои собрания они часто приглашают поэтов, а если хозяин дома принадлежит к высшему обществу и располагает достаточными средствами, то он созывает гостей на спектакль с музыкой, пением и танцами. По словам Эвлии Челеби, в

Стамбуле середины XVII века было более шести тысяч музыкантов⁴⁶, среди которых следует выделить «музыкантов на государственной службе», размещенных по казармам вблизи Сераля. Их обязанности состояли, во-первых, в исполнении утренних серенад, посвященных падишаху и видным особам после их вступления в новую, еще более высокую должность, и, во-вторых, в том, что они должны были в урочный час будить весь дворцовый персонал, дабы он успел приготовиться к утренней молитве. Эти музыканты объединены в особый корпус *мехтеров*. Принадлежность к нему почетна, и его члены хорошо вознаграждаются. Однако он не входит в состав городских корпораций и корпорацией не является. Другие музыканты распределяются на группы соответственно тем инструментам, на которых играют. Они находятся в подчинении у своего шефа, *сазендебаши*. Всего же этот видный персонаж культурной жизни столицы руководит 71 музыкальной корпорацией исполнителей на струнных, духовых и ударных инструментах.

Именно музыкантов второй категории приглашают давать частные концерты в конаках. Часто — совместно с танцовщицами, черкешенками и цыганками. Не столь уж и редко эти концерты с танцовщицами перерастают в оргии. В этом отношении высший свет следует малопоучительным примерам, которые в свое время были даны Селимом II и Ибрагимом I.

Среди корпораций имеются и такие, которые объединяют тех, кого Эвлийя Челеби определяет как профессиональных «забавников» и развлекателей. Этот разряд деятелей искусства подразделяется, согласно одной турецкой хронике, на комедиантов, шутов и фокусников. Среди них есть турки, арабы, евреи, армяне, цыгане. По словам Эвлийи Челеби, все они — повесы и негодяи с твердо установившейся репутацией распутников, а праздничные вечера с их артистическим участием непременно заканчиваются оргиями тоже с их участием, но уже в качестве партнеров для гостей⁴⁷.

Имеются развлечения и более пристойные. Турки очень любят играть в триктрак (*тавда*), игра эта особенно распространена в кафе. Они играют также в

шахматы (*сатранч*). Те из них, кто привычен к спорту, в большинстве своем предпочитают борьбу (*гюреш*), которая имеет глубокие корни в национальной турецкой традиции. Этот вид спорта подразделяется на вольную борьбу и на борьбу, перед вступлением в которую противники обильно смазывают свои тела оливковым маслом, чтобы затруднить захват. В борьбе второго рода особенно отличаются дубильщики из Касим-паши. Стамбульцы увлекаются также борьбой верблюдов, баранов и петушиным боем⁴⁸. Плавание и легкая атлетика пользуются гораздо меньшей популярностью. Зато подлинно национальным видом спорта следует признать стрельбу из лука: первоначально она входила неотъемлемой частью в общую тренировку воина и лишь потом превратилась в общенародное развлечение. В соревнованиях по стрельбе из лука нередко принимают участие самые высокие сановники Империи. Обычное место этих состязаний — *Ожмейдан*, площадка, разбитая на вершине холма, возвышающегося над Касим-пашой; по краям этой площадки установлены стелы с высеченными на них именами победителей соревнований.

Другой тоже традиционный вид спорта — это охота. Все султаны, за малым исключением, развлекались охотой, но у некоторых из них это увлечение переросло в подлинную страсть. Как, например, у Мехмета IV, который в историю вошел как Авджи (Охотник). Охотничьи угодья располагаются либо на землях, находящихся в личной собственности султана, либо во Фракии; охотятся либо с луком, либо с копьем, иногда с рогатиной; султан преимущественно охотится с соколом и с собаками. Некоторые придворные и слуги в свите падишаха отвечают за обучение охоте и за содержание соколов (*доганджибаши*), и за натаскивание на дичь собак (*самсунджубаши*). Некоторые территории в окрестностях Стамбула выделены в качестве угодий для охоты исключительно султана, на других дозволено охотиться всем мусульманам, но — не «франкам», которым отводятся для этого особые участки. Вообще говоря, удовольствия от занятий охотой — счастливый удел лишь стамбульцев, причем немногих.

Если какой-нибудь крестьянин из окрестных деревень и вздумает иной раз поохотиться, то возьмет лук в руки не ради забавы и развлечения, а для того, чтобы продать дичь на одном из столичных рынков. Впрочем, турок, как правило, не очень-то и ценит в качестве яства дичь, которая идет на приготовление лишь изысканных блюд, подаваемых в Серале или в домах «франков» в Галате.

Однако имеется еще один вид охоты, он доступен для людей из простонародья и любим ими. Речь идет о ловле силком птиц, особенно певчих. В самом деле, есть в Стамбуле очень многочисленная корпорация ловцов птиц, которая насчитывает до 600 членов⁴⁹ и 500 лавок, считая торговцев соловьями, которые «продают первоклассных соловьев-певцов»⁵⁰. Сам султан располагает огромным вольером с большим количеством разных птиц⁵¹. Вольер сооружен в Ахыркапы, недалеко от Серала. Падишаху же принадлежит и расположенный неподалеку зоологический сад, где властелин время от времени любит дикими зверями — львами, тиграми, пантерами и пр. Для горожан вход в зверинец закрыт.

Зрелища

Помимо развлечений, которым стамбулец может предаваться как в городе, так и за его пределами, его вниманию предоставляются и зрелища разных типов: народные, религиозного содержания и, наконец, «официальные».

Самым простым и в то же время наиболее любимым простым народу зрелищем, пожалуй, придется признать вождение медведя. В роли вожаков медведей выступают, согласно Эвлии Челеби⁵², цыгане, обосновавшиеся в квартале Балат общим числом в 70 человек. Со своими медведями они ходят по столичным улицам, а на площадях главным образом народных кварталов устраивают представления — заставляют медведя плясать под звон бубна, — после чего обходят зрителей с шапкой для пожертвований.

На площадях народных кварталов можно встретить и публичного рассказчика (*меддах*), повествующего всякого рода захватывающие или комические истории. Меддах пользуется очень простыми средствами: «он представляется слушателям и зрителям, сидя на стуле и держа на коленях довольно широкий платок. К этому платку он прибегает всякий раз, когда, устав от рассказа и желая перевести дыхание, переходит к пантомиме, длящейся обычно две-три секунды. Однако главное употребление этого платка состоит все же в том, что оратор время от времени подносит его ко рту, чтобы изменить голос, так как говорит он разными голосами своих персонажей. Эта имитация речи и действий разных лиц как раз и составляет “соль” представлений как этого театра одного актера, так и вообще турецкого народного театра. Вот так рассказ меддаха переходит в диалог и даже в обмен репликами трех или более лиц, причем каждое из них говорит на свой манер, употребляя характерные именно для данного типажа обороты речи и его акцент»⁵³.

Эти рассказы не только диалоги. Есть и другие — посвященные чудесам. В них герой и героиня преодолевают тысячу препятствий «в мире, населенном феями и чудовищами, колдунами и принцессами. Принцессы обитают в заколдованных дворцах среди предметов, имеющих скрытый магический смысл»⁵⁴. В репертуаре меддаха встречаются персонифицированные животные — так же, как и в европейских баснях, и так же, как и у нас, животные эти обычно выступают выразителями морали басни. Здесь, однако, эти говорящие человеческими голосами звери явились из старинных турецких сказок. Наконец, меддах, как и народный поэт (*ашик*), излагает — только не в стихах, а в прозе — содержание древних тюркских легенд, воспоминания о прародине тюрков, о миграции тюркских племен, о их давнем пребывании в Центральной Азии, Иране и других странах. Тюркский эпос расцветивается рассказами о подвигах таких более или менее мифических и менее или более реальных деятелей, как Огуз-хан, шах Исмаил и прежде всего Сеид Баттал Гази. Все эти герои, выходящие победителями из самых невероятных приключений, очень

напоминают персонажей средневековых рыцарских романов на Западе. Совершенно особое место в этой галерее героических образов занимает Ходжа Насреддин, «улыбающееся воплощение в одном человеке всего тюркского простонародья с его невообразимой смесью наивности и пронырливости». Этот Ходжа Насреддин действительно существовал — либо в XIII веке, либо, что более вероятно, в начале XV, так как ряд анекдотов рисует его беседующим с Тамерланом, когда тот захватил Анатолию. Наряду с чертами, роднящими Ходжу с персонажами из фольклора других стран, в нем ярко выступают национальные особенности тюркского, скорее даже турецкого, типажа: ведь Ходжу домысливали, по своему образу и подобию, несколько поколений именно анатолийских турок. И вот он перед нами как живой. «Слегка образованный», то есть вовсе не обремененный грузом знаний представитель самой неимущей части мусульманского духовенства, Ходжа постоянно испытывает нужду, а потому ищет работу; но при этом не очень-то любит работать, а потому меняет профессии с великолепной легкостью. Он — то имам, то кади, то школьный учитель, а уж когда совсем нечего есть, то и крестьянин. У него не редкость нелады с женой, зато, на зависть, самые лучшие отношения с ослом, который выступает в роли верного спутника и даже соучастника всех анекдотических приключений своего хозяина. Наделенный от природы здравым смыслом, чувством юмора и не испытывающий потребности лезть за словом в карман, Насреддин прославился действительными или только приписываемыми ему остроумными и тонкими репликами в адрес властей предержавших и, наконец, ответами, данными самому Тамерлану. По словам Эдмона Соссея, «турецкий народ придал свои собственные характерные черты Насреддину и, завершая автопортрет, поставил выбранного им в качестве национального символа и идеала простого и доброго человека лицом к лицу с ужасным Тамерланом и тем самым показал, чего может достичь улыбающаяся смелость, если сочетает в себе спокойную настойчивость, достоинство и чувство меры в противостоянии грубой силе и жажде завоеваний»⁵⁵.

Особую категорию народных поэтов составляют *саз шаирлер*, сказители, сопровождающие чтение нараспев своих поэм игрой на *сазе*, довольно примитивном струнном инструменте; они имеют и другое наименование — *ашик* (влюбленный). Эти стихотворцы, музыканты и исполнители собственных произведений организованы в корпорации, близки по духу творчества к дервишам и одеваются, как дервиши. Обычно они выступают в кафе, где поют свои поэмы, после чего задают внимающей публике загадки. Загадки эти по большей части литературного свойства и строятся на игре слов, акростихах и прочей поэтической эквилибристике. В этом жанре литературы и литературных развлечений, хотя он обращен к более или менее образованной публике, традиция народной поэзии все же сильна. В XVI и XVII веках литература ашиков создала ряд произведений, художественная ценность которых вне сомнения. К тому же она обладает тем историческим достоинством, что в противовес ученой поэзии выступила защитницей как традиционных турецких форм стихосложения, так и турецкого языка, не zagrożенного арабскими и персидскими заимствованиями. Если ученая литература находила своих поклонников во дворцах, то благодарная аудитория ашиков состояла главным образом из представителей городского «среднего класса». Столичные жители охотно направлялись в кахвехане, чтобы послушать поэтов и принять участие в предлагавшихся ими играх⁵⁶.

И все же самые популярные формы турецкого зрелищного искусства представлены *орта оюну* и *карагёзам*.

Орта оюну — площадной театр, в переводе «игра посередине»⁵⁷, в самом деле представляет собой игру не на сцене, а посреди публики, в пространстве, границей которому служит простая натянутая веревка. Декорации таковы: ширма, к которой приклеены бумажные двери, окна, деревья и пр.; торговая лавочка (*дукян*), представленная маленьким полукруглым столиком; и пара соломенных стульев. На фоне этих декораций и играют актеры, иногда относительно многочисленные, особенно если среди них есть музыканты и тан-

цовщики. Этот жанр характеризуется противостоянием двух основных персонажей: *Пишекяра* («того, кто играет вначале») и *Кавуклу* («того, кто носит огромный тюрбан — *кавук*»). Пишекяр — личность степенная, представляющая собой тип городского «буржуа»; он воспитан и образован, говорит ученым языком, предпочитает маленькие невинные удовольствия и боится скандалов. Кавуклу — человек из народа, он ленив, болтлив, любопытен, любитель совать нос в чужие дела, изъясняется на жаргоне и мало понимает из того, что ему говорит Пишекяр; это и становится источником всех недоразумений. Помимо этих двух актеров в спектакле выступают: *зенне* (женщины), жена Кавуклу и дочь Пишекяра; пьяница, часто наделяемый чертами хвастливого албанца; лаз, с ужасным произношением; еврей, армянин, араб; Зейбек, плохо воспитанный, едва затронутый культурой левантиец. Все роли исполняются мужчинами, а их суть сводится к пародии на представляемые типы. Роли не заучиваются заранее, происходит импровизация по традиционно заданной канве. Представление всегда начинается с *текерлеме*, пролога, в котором Пишекяр и Кавуклу встречаются и принимаются потчевать друг друга самыми невероятными историями. Затем разворачивается собственно действие условной пьесы, в котором принимают участие все прочие артисты и в котором Пишекяр оказывается жертвой женщин и Кавуклу, но и сам Кавуклу получает много ударов в ходе представления. Темы спектаклей черпаются или из повседневной жизни, или в легендах, или даже в исторических сюжетах, обработанных в стиле фарса таким образом, что игра слов и комизм положений составляют главную пружину действия.

Орта оюну, менее древнее, чем карагёз, народное развлечение, требует совсем немного времени для подготовки. Это зрелище собирало толпы зрителей в XVI и XVII веках, но ныне совершенно забыто.

Куда более знаменит *карагёз* (буквально «черный глаз»), получивший широкое распространение во всех средиземноморских провинциях Османской империи⁵⁸. Ошибочно называемый «китайским театром те-

ней», карагёз предполагает манипулирование фигурками из тонкой кожи или из окрашенного пергамена; фигурки сочленены из подвижных частей и имеют отверстие, в которое исполнитель вводит палочку, служащую для приведения фигурки в движение и позволяющую ею манипулировать. Состоящий из свечей источник света позволяет проецировать создаваемые фигурками образы на экран.

Фигурками представлены как персонажи действия, так и элементы декорации — дом, фонтан, сад, судно, мебель и т. д.; даже экран может выполнять функцию декорации, изображая, например, стены и потолок комнаты⁵⁹.

У спектакля карагёз — древняя история, упоминания о нем встречаются еще на заре XV столетия. Быть может, он и в самом деле пришел из Китая через Туркестан? Согласно иной гипотезе, карагёз — это модификация игры теней, которая получила широкое распространение среди арабов в Средние века⁶⁰. Как бы то ни было, этот жанр театрального искусства стал вполне турецким по своей форме и породил персонажей вполне турецких по своему характеру. Среди последних следует выделить два наиболее популярных — Хадживата и особенно Карагёза. Хадживат, подобно Пишекяру в орта оюну, личность серьезная, уважаемая; он уважает традиции и правильную литературную речь. В противоположность ему Карагёз, аналог Кавуклу, — это человек из народа, то есть болтун, распутник, хвастун, но зато — всегда в духе, полон выдумок и фантазий, неисчерпаем по части грубоватых шуток и проделок и в силу всего этого являет собой прямую противоположность по отношению к Хадживату. На противостоянии этих двух антагонистов основывается весь комизм спектакля, а задача *хаялы* (артиста) в том и состоит, чтобы донести до зрителей комизм этот как можно более выразительно. Решение же ее есть пробный камень его таланта, так как хаялы не только оживляет фигурки, не только говорит «их» голосом, но и комментирует события, развертывающиеся в рамках пьесы. Он должен доказать прежде всего свою способность доводить имитацию до карикату-

ры, столь ценимой турками, причем делать это с присущим тем же туркам простодушием. Действие пьесы развертывается по обычной, раз заданной канве, зато оно с каждым новым спектаклем импровизируется заново. По ходу пьесы в ее действие вовлекаются как другие персонажи, сравнимые с теми, что играют в орта оюну, так и животные, чудовища, драконы, феи, джинны и т. д. Иными словами, хаялы постепенно оживляет все фигурки, имеющиеся у него. Иногда хаялы пародирует лиц, хорошо известных в том квартале, где ведется представление, и в таком случае оно превращается в сатиру. Но по большей части он довольствуется показом либо фарсов, либо невероятных приключений, изобилующих смешными эпизодами.

Орта оюну и карагёз привлекают особенно много публики по ночам месяца рамадана и во время праздников *шекер байрам* и *курбан байрамы*.

Помимо описанных развлечений стамбульцы становятся зрителями представлений и иного характера — представлений, которые следовало бы условно обозначить как «религиозные» и «официальные».

Примером сочетания двух этих родов зрелищ может служить наиболее часто повторяющееся и, пожалуй, наиболее красочное из них — кортеж султана, отправляющегося на еженедельную пятничную молитву. В этот день султан выходит из дворца в окружении всех своих слугителей и стражи и торжественно направляется либо в мечеть Святой Софии, либо, если шествие развертывается в XVII веке, в мечеть султана Ахмета. Зрелище на всякого, кто оказывается его свидетелем, производит настолько яркое впечатление, что не было, кажется, ни одного иностранного очевидца, который удержался бы от его описания. Вот как его описывает Пьетро делла Валле:

«Вчера, поскольку это была пятница, я был свидетелем того, как Великий Господин направляется в мечеть Святой Софии с большой торжественностью, сопровождаемый большим и блестящим эскортом, как это обычно и бывает в подобных случаях... Главные придворные сановники ехали верхом впереди него, причем строго соблюдался порядок их чинов: чем ближе

всадник к султану — тем выше его положение при дворе и тем больше его заслуги перед государем. Позади султана, тоже на лошадях, ехало несколько самых любимых им пажей, которые прислуживают ему во внутренних покоях дворца. То, что это именно пажи, было видно по тому, что они без бород и выбриты, а также по их прекрасным ливреям. По обе стороны от кортежа маршировали солдаты, одетые по-разному: одни из них походили на оруженосцев, другие — на гвардейцев, вооруженных луками и стрелами. Были там, наконец, и курьеры-сороходы, обычно разносящие распоряжения государя, — ходят они с замечательной быстротой, а одеты они в короткое платье, причем полы одежды заткнуты за пояс, так что ноги у них наполовину голые. Распределены они между различными службами, а потому и носят разного цвета ливреи (впрочем, все ливреи, без различия, разукрашены богатой вышивкой и драгоценностями); головные уборы украшены у всех великолепными перьями»⁶¹.

Религиозные праздники также дают повод к разнообразным зрелищам или, по меньшей мере, к торжественному внешнему убранству города. Так, в месяц рамадан специалистами сооружается *махия*: речь идет о масляных светильниках на веревке, протянутой между минаретами большой мечети, которые напоминают о молитвах, возносимых верными Богу и его Пророку. В некоторые мечети отправляются главным образом для того, чтобы послушать по случаю очередной годовщины рождения Пророка (Мевлюд) чтение Корана знаменитыми столичными певчими. Танцы вертящихся дервишей, приходящих таким способом в состояние экстаза, сами по себе род спектакля; однако дается он почти исключительно для посвященных, то есть для ассоциированных членов дервишского братства: на эти радения посторонние лица приглашаются крайне редко.

Исконно религиозный характер имеют и большие праздники корпораций, регулярно проводимые в таких закрепленных обычаях местах, как луга Кагитхане или Агачайири. Эти празднества длятся иногда по неделе, и члены корпорации получают при этом повод не только собраться, совершить обряд солидарности

своей общины, но также и выставить напоказ своим гостям и просто любопытным зрителям образцы своего искусства или своих товаров. Эти праздники выполняют, следовательно, функцию промышленной и торговой выставки, которая для данной корпорации — эффективная форма рекламы, а для гуляющих стамбульцев — занятное зрелище.

Однако среди жителей Стамбула все же наибольшим успехом пользуются те зрелища, которые имеют, так сказать, «официальный» характер. Они всегда связаны с какими-то значительными событиями — такими, к примеру, как выступление армии в большой поход, празднование побед, одержанных османским воинством, рождение или обрезание принца, отправление в Мекку очередного дара султана (*махмал*)⁶² и т. п. К такого рода событиям можно причислить и торжественные кортежи иностранных послов, наносящих первый официальный визит султану. Участниками этих официальных церемоний выступают армия (в первых двух из перечисленных случаев), но также и корпорации, делегации от которых шествуют организованными группами; посреди каждой из таких групп движется платформа на колесах, своего рода живая картина, дающая представление о деятельности корпорации; члены группы раздают зрителям подарки — продукты, которые корпорация производит, или товары, которыми она торгует. Кроме того, каждая корпорация должна поднести свой дар султану, а также принцу, — в том случае, если праздник посвящен его обрезанию. Эти шествия огромны и длятся не один день; для описания одного из них Эвлие Челеби понадобилось примерно две сотни страниц в его *Сейхатнаме*. Помимо корпораций в торжественных шествиях принимают участие и религиозные организации (тоже своего рода корпорации) — такие, как корпус улемов, корпус кадиев, братства дервишей и т. д. Шествие же в своей совокупности служит манифестацией единства общества, составленного из множества автономных единиц, между которыми распределено практически все мужское население столицы. Впрочем, такого рода демонстрации социального единства чрезвычайно

редки. По очевидной причине: они слишком дороги — как для правительства, так и для корпораций.

В июне 1582 года по повелению султана Мурада III, который пожелал отпраздновать обрезание своего сына (будущего Мехмета III) со всей возможной помпой, развернулось одно из самых знаменитых шествий (именно оно запечатлелось в народной памяти с особой силой). Жан Палерн так описал прохождение религиозных организаций перед киоском, в котором султан сквозь жалюзи смотрел на шествие:

«На следующий день (после обрезания) в высоком паланкине, установленном на спине верблюда, явился муфтий; он держал в руке книгу, которую время от времени перелистывал; за ним следовало великое множество странствующих дервишей и иного магометанского духовенства с книгами в руках, среди них были и паломники, которые собираются отправиться в Мекку в этом году; все они были обряжены по-разному — головы одних покрывали капюшоны, другие были в митрах или коронах, а одеяние многих состояло из звериных шкур с хвостами, которые свешивались то спереди, то сзади... Еще не дойдя до места (где находился султан. — *Ф. Н.*), они принялись скакать, резко поворачиваться, крутиться и свистеть, держа в руке колокольчики и медные чаши, ударяя последними один в другой и сопровождая это музыкальное выступление своими обычными воплями: пока они не подошли поближе, можно было спорить, идет ли это караван ослов, побрякивая бубенчиками, или же устроен великолепный кошачий концерт; они, подобно волчку, вертятся, не останавливаясь, так быстро, что число оборотов сосчитать трудно: наверное, оно достигает пяти сотен.

Таким-то образом, то есть волчком, прошлись они три раза вокруг площади и, остановившись наконец перед Великим Господином, который смотрел на них сквозь жалюзи, сотворили молитву, после чего три или четыре дервиша, обнажив свои большие ножи, стали наносить ими удары по своим рукам и верхней части ног; закончив это жестокое занятие, они посыпали зияющие раны каким-то порошком (может быть, просто пылью) и вернулись в толпу; другие тут же принялись

клеймить свои щеки раскаленным железом; все это делалось во славу Магомета, их пророка, и во славу их государя, которого святой и почитаемый муфтий благословил и, войдя к нему, одарил, после чего удалился вместе со всей своей чудовищной компанией»⁶³.

Что касается XVII века, то известия о шествиях такого рода мы, прежде прочих, встречаем у Эвлии Челеби (1637); у Еремии Челеби подобное же описание относится к отправке турецкой армии на Крит (1657)⁶⁴; секретарь посольства Франции в Стамбуле Пети де ла Круа сообщает любопытные подробности, связанные со всенародным ликованием по случаю обрезания сразу двух принцев — Мустафы и Ахмета (6 июня 1674 года)⁶⁵. Можно составить для себя достаточно достоверное зрительное представление об этих шествиях благодаря двум миниатюристам того времени, оставившим их реалистические и, в высшей степени, поучительные изображения⁶⁶.

Эти большие празднества дополняются увеселениями по повелению султана и за его счет — представлениями шутов, акробатов, канатных плясунов и т. п., которые демонстрируют свои таланты одновременно на нескольких площадях Стамбула, но главным образом на Ипподроме. Некоторые из канатоходцев пользуются широкой популярностью, и Эвлия Челеби говорит о них с восхищением; по его словам, это — турки, арабы, персы, греки, индийцы и йеменцы, общим числом примерно в 200 человек⁶⁷. Самый знаменитый из них — Мехмет Челеби из Ускюдара, который выступил с огромным успехом на Ипподроме перед самим султаном, за что и был им назначен главой корпорации акробатов.

Короче, стамбулец не испытывает недостатка в развлечениях, они предлагаются ему в весьма широком диапазоне — от уличных выступлений отдельных «забавников» до представлений хорошо организованных трупп. Нужно думать, он из них извлекает немало удовольствия, так как повседневная жизнь его однообразна, наполнена заботами, а главное, трудом, даже если она в материальном отношении более или менее обеспечена. Иначе и быть не может в мире, где для огромного большинства людей будущее так похоже на прошлое.

В эпоху Сулеймана Великолепного и его ближайших преемников, примерно до середины XVII века, стамбульское общество представляется историку весьма упорядоченным — в том смысле, что всякая власть в нем на любом уровне пользуется авторитетом и уважением. Это уважение, доходящее до высшей точки искреннего, задушевного почитания, имеет своим предметом, конечно, султана, но оно распространяется также, пусть в гораздо меньшей степени, и на местные власти, и на руководство корпораций, и на отцов семейств. Оно оставляет впечатление четко иерархических структур, где каждый занимает вполне определенное место и не помышляет об ином. За исключением перемен служебного положения и смещения с должностей, которые касаются узкого слоя крупных гражданских чиновников, военного командования и верхушки религиозно-правовой пирамиды, для огромного большинства стамбульцев сколь-либо значительное изменение их социального статуса и невозможно, и даже нежелательно. Из этого вовсе не нужно делать вывода, будто такая психическая установка прямо следует из пресловутого мусульманского фатализма. Нет, это не так. Солидарная позиция большинства — не результат смирения; она определяется здравым расчетом. Стамбулец живет так, как он и хочет жить. Как в семейной жизни, так и в профессио-

нальной деятельности он чувствует себя под опекой и под защитой целого ряда законов и регламентов, он их соблюдает сам, причем делает это по своей доброй воле, а если потребуется, то готов принудить к их соблюдению и власти. Власти, со своей стороны, стараются избегать мер чрезвычайных или неожиданных — они вовсе не заинтересованы вызвать, хотя бы непредумышленно, волнения в столице Империи. Таким образом, *status quo* держится на основе взаимного уважения законов. В этой безмятежной обстановке, которая сохраняется более века, стамбулец живет-поживает себе изо дня в день тихой мирной жизнью, не зная ни особых забот, ни непреодолимых трудностей. Богатство государства и роскошь султанского Серая полезны в конечном счете для всех горожан, а развитие и украшение столицы дают им, сверх того, и чувство гордости за нее.

Стамбул и стамбульцы переживали тогда эпоху действительного процветания, «золотой век» Османской империи, нашедший свое выражение во всех областях — политической, экономической, социальной, духовной, интеллектуальной.

Однако процветание влечет за собой стремление к легкой жизни, забвение необходимости усилий, расслабленность, высокомерное отношение к другим нациям и, как следствие, незнание или игнорирование успехов, достигнутых европейскими конкурентами. К этим общим недугам добавляются личная слабость, неспособность, некомпетентность султанов XVII века, а также первые военные поражения. Государственные расходы и личные расходы султана более не возмещаются достаточными денежными поступлениями как в государственную, так и в султанскую казну — разражается финансовый кризис, за которым следует ранее небывалое обострение социальной напряженности, первым проявлением которой становятся янычарские мятежи. Янычары бунтуют первыми, потому что им не платят или платят нерегулярно жалованье, а также потому, что они сознают, что представляют собой основную вооруженную силу Империи. Вот тогда-то и начинается упадок престижа власти — престижа, столь

высокого в предыдущем столетии. Процесс этот нарастает со скоростью сходящей с горной вершины лавины и завершается тем, что волнения и мятежи потрясают столицу, взбунтовавшаяся солдатня низлагает и убивает султанов, а взяточничество и фаворитизм вытесняют правосудие и мораль. Корпорации, застывшие в своих архаичных структурах, не в состоянии оказать сколь-либо серьезного сопротивления иностранным конкурентам, которые находят в немусульманах корыстных помощников. Политическая и экономическая жизнь переживает глубокие и мучительные перемены.

Зато жизнь общественная продолжает, кажется, течь так, как она текла веком ранее. Повседневная жизнь стала, правда, труднее, но ненамного, и стамбулец продолжает пользоваться преимуществами столичного жителя, среди которых не последнее место занимают накопленные в Стамбуле духовные и интеллектуальные ценности.

На Западе возобладала тенденция смотреть на турка как на яростного, жестокого, кровожадного варвара. Однако, если внимательно прочитать отчеты европейских путешественников, побывавших в Османской империи в течение двух столетий (XVI—XVII), — в них не отыскать аргументов в пользу такого воззрения. Подчеркиваются, напротив, отсутствие фанатизма в отношениях с иностранцами, эстетический вкус, стремление познать тихие радости жизни. Картина, конечно, идиллическая, а следовательно, вряд ли полностью соответствующая действительности. Однако ее не следует и недооценивать, особенно если сравнить жизнь стамбульцев с жизнью их современников в Париже, Лондоне или любом другом большом городе Запада. Она, картина эта, отражает цивилизацию, пусть еще и малоизученную, но все же способную превратить Константинополь-Стамбул в первый город Старого Света.

ГЛОССАРИЙ

Ага — титул, обозначающий чаще всего армейского командира, но иногда и высокого сановника на гражданской службе.

Агырлык — приданое.

Аджемиоглан — подросток, взятый рекрутом в османскую армию по системе *девширме*.

Акче (аспр) — серебряная монета, основная денежная единица в Османской империи до конца XVII века.

Акшам — вечер.

Алтун — золото, золотая монета.

Арабаджи — владелец повозки.

Аршин — мера длины, локоть.

Арзухалджи — составитель жалоб, прошений.

Ашчи — повар.

Ашура — десятый день месяца мухаррам. В этот день сунниты празднуют годовщину выхода Ноя из ковчега, для шиитов же — это скорбная дата гибели Хусейна, сына халифа Али.

Бакчи — ночной сторож.

Бакиши — чаевые, взятка.

Балтажи — вооруженный топориком янычар из охраны султана.

Барутхане — пороховой завод.

Баш — голова, глава учреждения или корпорации.

Башидефтердар — главный казначей, глава казначейства.

Башихане — лавка, торгующая бараньими головами.

Башилык — покрывало на голове.

Бёджекбаши — шеф полицейских «в гражданском платье».

Бекташи — члены дервишского братства *бекташийе*, тесно связанного с янычарами.

Бёлюк — рота янычар.

Бёрек — пирожок с мясом или сыром.

Бешик — колыбель.

Бирун — внешняя часть дворца.

Бостанджи — янычар, член охраны султанских садов.

Вакаф (мн. ч. эвакаф) — земля и другое имущество, переданное мусульманами на религиозные или благотворительные цели.

Великий визирь — глава султанского правительства.

Визирь — высший государственный сановник, министр.

Гедик (усталык) — право заниматься каким-либо видом ремесла или торговли на основе патента.

Гёмлек — рубашка.

Гёрюджю — посредница при заключении брака, сводница.

Гурабийе — сорт бисквита.

Гуруш — пиастр.

Гусульхане — комната для омовений.

Гореш — борьба.

Девширме («кровный налог») — принудительный набор детей христиан в Османской империи для пополнения рядов *капыкулу*.

Дёнеме — еврей, принявший ислам.

Дервиш — приверженец мусульманской религиозной секты, странствующий или живущий в обители, ведущий аскетический образ жизни.

Дефтер — реестр.

Дефтердар — высший чин в столичном или провинциальном финансовом ведомстве, казначей.

Джадде — широкая улица, широкая дорога.

Джаизе — подарок, дар.

Джами — большая мечеть.

Джарийе — рабыня.

Джебеджи — оружейник.

Джелеб-кешан — оптовый торговец, поставщик скота в столицу.

Джемаат — собрание, воинская часть янычар.

Джизье — один из основных шариатских налогов, подушная подать с немусульман.

Джума — пятница.

Джума дивани («пятничные советы») — разновидность султанских советов, на которых в присутствии высших религиозных чинов рассматривались судебные дела.

Джуматреси — суббота.

Диван — совещательный орган при султানে, великом визире или провинциальном наместнике.

Доганджи — сокольничий.

Долмуш — полный, заполненный.

Дуаджи — настоятель.

Дюкян — мастерская ремесленника или лавка торговца.

Завие (*текже*) — дервишеская обитель.

Зимми — немусульманские подданные исламского государства.

Имам — 1) духовный глава мусульманской общины; 2) титул духовного лица, руководящего богослужением в мечети.

Имарет — мусульманский религиозно-культурный центр, включающий мечеть, духовное училище, кухню, больницу и другие учреждения, существующие за счет дохода от вакфа.

Ихтисаб-агасы — заведующий рынками.

Ичоглан — паж на службе султана.

Ишкембеджи — продавец потрохов и супа из потрохов.

Йигитбаши — представитель корпорации.

Кади, кадий — мусульманский судья, занимающийся уголовными и гражданскими делами.

Кадияскер — второе лицо в иерархии османского мусульманского духовенства, выполнявшее функции верховного судьи.

Кадилык — подвластный кади административно-судебный округ.

Каза — см. *кадилык*.

Каиш — род судна.

Каймакчи — продавец каймака, особым образом приготовленных сливок.

Калдырымджи — мостильщик улиц.

Канун — закон.

Канунаме — свод султанских законодательных установлений.

Капитуляции — (от лат. *capitul* — «статья») — торговые договоры между Османской империей и европейскими государствами, предоставлявшие иностранным торговцам односторонние привилегии во владениях султана.

Катудан-паша, катудан-и дерья — командующий всеми морскими силами Османской империи.

Каты агасы — глава белых евнухов султанского дворца.

Катыджи — привратник.

Катыджибашии (глава привратников) — титул дворцового служащего, выполнявшего обязанности фельдъегеря и поручения по важным делам.

Катыкулу (государевы рабы) — общее название лиц, состоявших на дворцовой службе или записанных в реестры постоянного войска.

Карагёз — театр теней.

Кахвехане — городская кофейня.

Кашиш — ложка.

Кетхуда, кяхья — управляющий делами богатого или знатного человека, деревенский или квартальный староста, старшина ремесленников.

Кёшк — киоск, летняя резиденция богатого или знатного лица, беседка в саду.

Кологланлары — агенты мухтесиба, отвечавшие за сбор ихтисабийе.

Конак — просторный дом для большой семьи.

Коятук — лавка, ларек.

Куббе алти — зал заседаний Дивана, совета министров.

Курбан байрамы — праздник жертвоприношения.

Куруш, гуруш (от славян. *грош*) — турецкая серебряная монета, равная в XVIII веке 120 акче.

Кылавуз — посредница.

Кырлангыч — род морского судна.

Кызлар-агасы (господин девишек) — глава черных евнухов султанского дворца.

Кяхья — см. *кетхуда*.

Максура — барьер, отделяющий в мечети мужчин от женщин.

Мевлид-и шериф — годовщина рождения пророка Мухаммеда.

Мевлид — религиозное песнопение на тему рождения пророка Мухаммеда.

Медресе — учебное заведение правового и религиозного профиля.

Меkteб-и сыбьян — начальная школа.

Месджид — мечеть.

Мимарбаши — главный архитектор.

Му'аллим — учитель в начальной школе.

Мударрисы — преподаватели в медресе.

Мухаллебеджи — торговец сладкими блюдами.

Мухаррем — первый месяц мусульманского календаря.

Мухзир-ага — глава военной полиции.

Мухтесиб — чиновник, осуществляющий контроль и надзор за городскими рынками.

Муфтий — мусульманский богослов-законовед, имеющий право выносить свои суждения в виде фетвы; муфтий Стамбула считался главным муфтием Империи (см. также *шейх-уль-ислам*).

Мюджевезе — вид тюбана.

Наиб — заместитель кади, его представитель в данном городе или округе.

Нахие — судебнo-податная единица в составе кадилыка, объединяющая несколько деревень.

Нишанджи — глава канцелярии, один из высших султанских сановников, хранитель султанской печати и свода султанских законоположений.

Оджак — общее название основных частей янычарского корпуса, иногда использовалось для обозначения всего корпуса.

Окха — мера веса, равная 1,282 килограмма.

Орта — группа солдат, живших в одном помещении; рота.

Орта оюну — народный театр.

Орф, урф — обычай, традиция.

Падишах — монарх, государь, официальное наименование главы Османской империи.

Патуш (бабуши) — туфли без задника.

Пашиа — титул высших военных и гражданских сановников в Османской империи.

Пашмак — башмак, ботинок.

Перем — переправа, лодка.

Перемеджи — лодочник, перевозчик.

Першембе — четверг.

Пиастр — европейское название куруша.

Сазендебашии — главный музыкант, начальник над музыкантами.

Самсунджубашии — главный псарь.

Сандалджи — лодочник.

Сантранч — шахматы.

Седжжаде — молитвенный коврик.

Селямлик — мужская половина дома.

Сипахи — воины придворной конной гвардии.

Субашии — начальник у янычар, ответственный за порядок в дневное время суток.

Суйюлу (су юлу) — акведук.

Суназири — чиновник, ведающий водоснабжением.

Сюннетджи — цирюльник, выполняющий операцию обрезания.

Тахир субаши, чёллук субаши — начальник над мусорщиками.

Текке — большие дервишские обители.

Топчубаши — командующий артиллерией.

Топчу — артиллерист.

Туришу — маринованный огурец.

Тюрбе — мавзолей.

Улемы — высшая группа мусульманского духовенства, получившая специальное богословское образование.

Уста — цеховой мастер.

Ушак — домашний слуга.

Фанариоты — жители квартала Фанар, богатые стамбульские греки.

Фередже — вид женской одежды.

Фетва — письменное заключение по различным юридическим вопросам, вынесенное на основе шариата шейх-уль-исламом или другим муфтием.

Фирман — султанский указ.

Хавуз — бассейн.

Хадж — паломничество в священные для мусульман города Мекку и Медину.

Хаджи — почетный титул мусульманина, совершившего хадж.

Халиф — первоначально титул светского и духовного главы всех мусульман; позже — титул правителя, претендовавшего на роль главы всех мусульман в мире.

Хамам — турецкая баня.

Хаммал — носильщик.

Хане (хан) — гостиница.

Харадж — налог на всех подданных Османской империи.

Хатиб — проповедник.

Хизметчикыз — служанка.

Хутбе — пятничная проповедь.

Хункяр имам — личный духовник султана.

Хюмаюн — имперский, султанский.

Чауш, чауш — привратник в султанском дворце.

Чарши — рынок.

Чаршамба — среда.

Челеби — почетный титул образованных и знатных людей.

Чешме — фонтан.

Чёрек, чурек — лепешка.

Чифрак — ученик в ремесленной корпорации (цехе).

Чорбаджи — командир орта янычар.

Чухадар — полицейский инспектор.

Шаир — поэт.

Шариат — свод мусульманского права и теологических норм.

Шахада — «свидетельство», мусульманский символ веры.

Шахи — золотая монета.

Шевваль — один из месяцев мусульманского календаря.

Шейх — глава религиозного ордена.

Шейх-уль-ислам — глава османских улемов и высший авторитет в вопросах богословия и религиозного права.

Шекер байрамы — праздник окончания поста в месяце рамадан.

Шерифи, шерифи алтун — золотая монета.

Шишкебаб — шашлык из баранины.

Эбе кадин — повивальная бабка.

Эв — дом.

Эзан — призыв муэдзина к молитве.

Эндерун — внутренние покои султанского дворца.

Эснаф — корпорация торговцев или ремесленников.

Эфенди — форма обращения к духовным лицам, образованным людям и иностранцам в Османской империи.

Яглигюреш — турецкий вид борьбы.

Языджи — писарь, составитель прошений.

Янычары — солдаты постоянного (пехотного) войска в Османской империи, пользовавшиеся особым привилегированным статусом.

Ясакджи — янычар из султанской гвардии.

Ятсы — вечерняя молитва.

ПРИМЕЧАНИЯ

От научного редактора

¹ *Mantran R.* Istanbul dans la seconde moitié du XVIIe siècle, essai d'histoire institutionnelle, économique et sociale. Istanbul; Paris, A. Maison-neuve, 1962.

² *Mantran R.* La Vie quotidienne à Constantinople au temps de Soliman le Magnifique et de ses successeurs (XVI et XVII siècles). Paris, Hachette, 1965.

³ *Lewis B.* Istanbul and the Civilization of the Ottoman Empire. University of Oklahoma Press, 1963.

⁴ *Mantran R.* Préface // *Bernard Lewis.* Istanbul et la civilisation ottomane. JC Lattes, 1990. P. III.

Предисловие

¹ Город, называвшийся сначала Византием, затем Константинополем, был переименован турками в Истанбул. Начиная с 1932 года он носит единственное официальное наименование — Истанбул, которое во французском (и русском. — *Ф. Н.*) произношении звучит как *Стамбул* — им-то мы и будем пользоваться в дальнейшем.

О Стамбуле можно говорить в узком и широком топонимическом значении слова. В узком он применяется к части города, заключенной между заливом Золотой Рог и Мраморным морем. В широком — охватывает также пригороды, расположенные севернее Золотого Рога, из которых Бейоглу составляет самую сердцевину бывших пригородов Старого Константинополя. Самые большие из них, Галата и Пера, расположены к северу от Золотого Рога.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

¹ *Du Cange.* Constantinopolis christiana. Т. I. P. 16 («Конфликты между мидийцами и греками» — это, конечно, греко-персидские войны: греческие историки предпочитали называть персов «мидийцами», и Р. Мантран следует классической традиции. На самом же деле мидийцы, предки современных курдов, лишь входили составной частью в державу персидских царей, но не были в ней «державным народом». Что касается «конфликтов греков между собой», то это, столь же несомненно, Пелопоннесская война, морские сражения в ходе которой развертывались и на Босфоре. — *Ф. Н.*).

² *Brebier L.* Constantin et la fondation de Constantinople // *Revue Historique.* Т. CXIX. 1915. P. 248 et suiv.

³ Крепостные стены, построенные Феодосием II в 414—447 годах, тянутся от Золотого Рога до Золотых ворот и Мраморной башни; ими можно любоваться донныне в почти первозданном виде: лишь небольшие их участки были реставрированы позднее.

⁴ Как утверждает предание, латиняне в своей жажде грабежа дошли до того, что увезли с собой даже бронзовые плитки, которыми был покрыт обелиск Константина Порфиrogenита, установленный на Ипподроме.

⁵ Речь идет о Флорентийской унии, заключенной в 1439 году.

⁶ Сельджукиды, которые установили свое господство над большей частью Малой Азии в конце XI века и достигли вершины могущества в начале XIII столетия, потерпели поражение от монголов около 1250 года, в результате чего восточная часть Малой Азии оказалась под контролем монголов, но в ее западной части эмираты Сельджукидов довольно скоро вернули себе независимость.

⁷ О начале державы Османов см.: *Köprülü M. F. Les Origines de l' Empire Ottoman. P., 1935.*

⁸ Переправа турок на Галлипольский полуостров и утверждение их там были в значительной степени облегчены землетрясением, которое, частично разрушив город, сделало невозможным его оборону.

⁹ Мехмет II, по примеру своего предка Баязида I, предал смерти брата Ахмета, который мог бы стать ему опасным соперником. Он же положил начало традиции щедро одаривать янычар при восшествии на престол.

¹⁰ *Barkan Ö. L. Mouvements de colonisation et peuplement d'Istanbul // Revue de la Faculté des Sciences économiques d'Istanbul. T. XI. 1949—1950.*

¹¹ В 1924 году Мустафа Кемаль упразднил Халифат. Султаны фактически стали исползовать свой титул халифов лишь в XVIII веке, когда возросла военная угроза со стороны христианских держав. Но и до того Стамбул играл роль первого города в мусульманском мире, поскольку Османская держава простиралась от алжиро-марокканской границы до Персидского залива.

¹² Первыми иностранными послами в Стамбуле были представители Генуи и Венеции. Франция и Англия обзавелись там посольствами в XVI веке, а голландцы — в XVII.

¹³ См. «Книгу путешествий» («*Сияхатнаме*») знаменитого турецкого писателя XVII века Эвлии Челеби. Первый том этого сочинения посвящен исключительно описанию Стамбула и представляет для нашего исследования особую ценность.

¹⁴ В арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки здания, возводимые в описываемую эпоху, воспроизводят общепринятый в Империи османский стиль, характерные образцы которого можно обнаружить и в Багдаде, и в Алеппо, и в Дамаске, и в Каире, и в Тунисе, и в Алжире, не говоря уже о Балканских странах.

¹⁵ Описания европейскими путешественниками Стамбула являют собой первостепенный по важности источник изучения столицы Османской империи XVI—XVII веков.

¹⁶ Это ему обязана своим появлением на свет одна из самых больших и самых прекрасных мечетей Стамбула, часто называемая «голубой мечетью» по преобладающей тональности фаянсовой облицовки внутренних стен. Ахмет I царствовал с 1603 по 1617 год.

¹⁷ Мустафа, низложенный в 1618 году; Осман II, низложенный и казненный в 1622-м; Ибрагим I, низложенный и казненный в 1648-м; Мехмет IV, низложенный в 1687-м.

¹⁸ Если европейское засилье в Османской империи стало очевидным только в XIX веке, то его предпосылки начали возникать примерно около 1650 года. См.: *Mantran R. Istanbul dans la second moitié du XVII siècle.*

ГОРОД

¹ *Pietro della Valle. Il Pelligrino... Scritte dell'anno 1614 sin al 1626. Rome, 1650 — Traduction française: Voyage de Pietro della Valle, gentilhomme romain ... Paris, 1661—1664. T. 1. P. 20.*

² *Grelot. Relation nouvelle d'un voyage de Constantinople. P., 1680. P. 91, 92.*

³ *Le Bruyn. Voyage au Levant, trad. franç. Delft, 1700. P. 225 et suiv.*

⁴ *Evlîya Çelebi. Seyahatname. P. 56, 57.*

⁵ «Аль-Махруса» («Хранимая») — эпитет, который обычно присваивается большим мусульманским городам.

⁶ *Evlîya Çelebi. P. 392, 393.*

⁷ Там принял смерть Осман II, первый султан, погибший от рук янычар (1622). Многие европейцы, дипломаты и военные на личном опыте познакомились с казематами этой крепости-тюрьмы.

⁸ По преданию, в первую же ночь после взятия Константинополя один шейх из окружения Мехмета II видел сон, в котором ему явился Эюб Ансари, сподвижник Пророка, павший в бою при первой осаде города мусульманами (арабами) в 670 году. Эюб открыл шейху место своей могилы. Мехмет II предпринял ее поиски, которые увенчались успехом: могила с останками святого в указанном месте была обнаружена. Султан повелел соорудить над ней надгробие, а позднее рядом с ним была возведена мечеть. Именно в этой мечети, в силу ее особой святости, султаны при восшествии на престол подпоясывались саблей, которая символизировала их могущество. Тот же сакральный характер места побуждал мусульман искать возможности обрести свой вечный покой близ гробницы святого. Мало-помалу в предместье возник пышный погребальный комплекс, а вместе с ним и ряд религиозных учреждений (мечетей, медресе, суфийских орден). Неверным запрещалось селиться в Эюбе.

⁹ *Evlîya Çelebi. P. 396—408.* Автор приводит любопытную легенду, объясняющую, почему предместье Эюб вообще и мечеть святого Эюба Ансари в особенности столь полюбили аистам. Дело было так. Однажды некий аист пожелал было свить гнездо на одной из стамбульских мечетей, но его спугнул необычайно громкий голос муэдзина. Тогда она (то была, говоря точнее, самка аиста), оскорбленная в материнских чувствах, на хорошем турецком языке, которым она, как немедленно выяснилось, владела в совершенстве, заявила, что отныне и впредь ни одна семья аистов не совет себе гнезда в Стамбуле! И действительно в Стамбуле аистов нет.

¹⁰ *Le Bruyn. P. 171.*

¹¹ *Pétis de la Croix. Journal. T. 1. P. 170.*

¹² *Evlîya Çelebi. P. 432.*

¹³ *Ibid. P. 663.*

¹⁴ С конца XV века турки называют Перу *Бейоглу*, что означает «сын принца»: один из принцев династии Комненов (по Трапезундской линии), обратившись в ислам, обосновался там.

¹⁵ *Le Bruyn*. P. 172.

¹⁶ *Gontaut-Biron, Jean de*. *Ambassade en Turqui...* Paris, 1888—1889. T. 1. P. 91.

¹⁷ Турецкое присутствие в Пере в последней четверти XVII века еще более сократилось вследствие того обстоятельства, что дворец Ибрагим-паши (Галатасарай) был закрыт, а молодые пажи переселены в один из стамбульских дворцов в окрестностях Ипподрома.

¹⁸ *Evlîya Çelebi*. P. 445.

¹⁹ *Arvieux, Louis-Laurent d'*. *Mémoires du chevalier d'Arvieux, recueillis et mis en ordre par J.-B. Labat*. 6 vol. P., 1735. T. IV. P. 493.

²⁰ *Tournefort*. *Relation d'un voyage au Levant*. Paris, 1717. T. II; De même *Du Loir, voyages du sieur du Loir...* P., 1634. P. 68.

²¹ *Thévenot*. *Voyages de M. Thévenot au Levant et en Asie*. P., 1664. P. 68.

²² *Tournefort*. T. 1. P. 464—465.

²³ *P. della Valle*. P. 41—42.

²⁴ *Thévenot*. P. 35.

²⁵ *Tournefort*. T. 1. P. 464.

²⁶ *Quiclet*. *Les Voyages de M. Quiclet à Constantinople*. P., 1664. P. 164.

²⁷ *P. della Valle*. P. 42; *Braudel*. *La Méditerranée*. P. 275.

²⁸ *Uzunçarsili I. H.* *Merkez ve Bahriye teskilâtî* («Центральное правительство и государственный османский флот»). Ankara, 1948. P. 254.

²⁹ Например, казармы янычар (но не те, что располагались рядом с Ипподромом).

³⁰ «В этом городе нет ни парка, ни фруктового сада» (*Evlîya Çelebi*. P. 433).

³¹ *Eremya Çelebi Komürçüyan*. *Istanbul tarihi, XVII asirda Istanbul* (publ. par Hrand D. Andreasyan). Istanbul, 1952. P. 2.

³² *Tournefort*. T. 1. P. 475.

³³ Cf. Hrand D. Andreasyan, notes in *Eremya Çelebi*. P. 164.

³⁴ См. об этом в следующем разделе.

³⁵ *P. della Valle*. P. 23.

³⁶ *D' Arvieux*. T. IV. P. 470.

³⁷ *Thévenot*. P. 50.

³⁸ *Wheler G.* *A Journey in Greece...*; trad. franç.: *Voyage de Dalmatie, de Grece et du Levant*. Amsterdam, 1689. T. II. P. 150.

³⁹ *Tournefort*. T. 1. P. 473.

⁴⁰ *Quiclet*. P. 167.

⁴¹ *Ibid*. P. 166.

⁴² *P. della Valle*. P. 23.

⁴³ См. указы по этому вопросу: *Abmed Refik*. *Istanbul hayati*. I et II, *passim*.

⁴⁴ *Wheler*. P. 150.

⁴⁵ *Fermanel G.* *Le voyage d'Italie et du Levant*. Rouen, 1664. P. 45.

⁴⁶ *Pétis de la Croix*. T. I. P. 133.

⁴⁷ *Quiclet*. P. 167.

⁴⁸ *Thévenot*. P. 48.

⁴⁹ О внутреннем убранстве домов см. ниже, глава IV.

⁵⁰ *D'Arvieux*. Т. IV. P. 54.

⁵¹ *Osman Nuri*. Mecele — i umur — u Belediyé, 1058.

⁵² *Wheler*. P. 150.

⁵³ *P. della Valle*. P. 23, 24.

⁵⁴ *La Motraye (François Aubry de)*. Voyages de M. de la Motraye en Europe, Asie et Afrique. La Haye, 1727. P. 208.

⁵⁵ О больших пожарах XVI века в Константинополе имеется меньше сведений. Однако известно, что один из них, причем очень крупный, погубил большую часть Старого Серая.

⁵⁶ Archives nationales. BI, 29 mai 1683.

⁵⁷ *Osman Nuri*, 1168.

⁵⁸ *Abmed Refik*. Istanbul hayati. P. 32. Подобный же указ был издан касательно Галаты в 1559 году.

⁵⁹ *Ibid*, passim. Что касается запрета строить что-либо близ мечетей, то он остался лишь на бумаге. Так, известно, что в XVI веке торговцы строили свои лавки между контрфорсами Святой Софии.

⁶⁰ *Grelot*. P. 83—84.

⁶¹ *Turnefort*. Т. I. P. 475.

⁶² От слова *месджид*, произносимого в некоторых арабских странах как *масгид*, произошло французское слово *mosquée* (мечеть).

⁶³ *Evlîya Çelebi*. P. 509.

⁶⁴ Bibliothèque nationale. Fonds turc, supplément 116, f 25. Эту цифру нужно сопоставить с той, что приводит Грело для второй половины XVII века: «Мечетей — великое множество по всей Турции... В одном Константинополе насчитывается 4969 ...» (P. 351).

⁶⁵ *Thévenot*. P. 42.

⁶⁶ *Fermanel*. P. 54.

⁶⁷ Эвлийя Челеби упоминает 49 его творений среди самых замечательных памятников зодчества в Стамбуле. Недавно реставрированный дворец Ибрагим-паши превращен в музей турецкого и исламского искусства.

⁶⁸ *Wheler*. P. 170.

⁶⁹ Эвлийя Челеби приводит названия шестидесяти учреждений такого рода.

⁷⁰ Эвлийя Челеби упоминает по имени 17 таких «монастырей».

⁷¹ Эвлийя Челеби говорит о тридцати православных церквях в «большом Стамбуле», включая и деревни на берегу Босфора.

⁷² Сведя воедино сведения, почерпнутые из различных источников XVI—XVII веков, прихожу к выводу, что в тот период всего имелось девять армянских церквей: четыре — собственно в Стамбуле и еще пять — в его пригородах.

⁷³ В начале XVII века «франки» или, точнее, католики имели в «малом Стамбуле» две церкви, но начиная с 1640 года у них не осталось ни одной. В Галате число «франкских» церквей в течение XVII века колебалось от пяти до девяти.

⁷⁴ Жиль в XVI веке говорит о 30 синагогах, Мишель Бодье в начале XVII века — о 38 синагогах.

⁷⁵ *Du Loir*. P. 41.

⁷⁶ «Золотой Рог имеет по меньшей мере шесть миль по периметру и одну милю в ширину» (Тевено). «У него более двух лье по ок-

ружности и четверть лье по прямой с одного берега на другой» (Д'Арвье).

⁷⁷ «Не требуется много слов для характеристики вместимости порта; достаточно сказать, что он способен принять 500 больших судов и 500 галер одновременно» (*Gédoyn. Journal et Correspondance de Gédoyn «Le Turc»*, publié par A. Voppe. Paris, 1909. P. 123).

⁷⁸ *Le Bruyn; Tournefort*. Т. I. P. 492; *Quiclet*. P. 165.

⁷⁹ Их также называют *пермес* или *перамидия*.

⁸⁰ *Evlîya Çelebi*. P. 553.

⁸¹ *Tournefort*. Т. I. P. 503.

⁸² Имеется много упоминаний о каторге Касим-паши во всех рассказах западных путешественников.

⁸³ *Evlîya Çelebi; Mantran*. R. Arsenali di Istanbul dal XV al XVII secolo: Qasim Pascia e Top-Hare // Arsenali e città nell Occidente europeo. Roma, 1987.

⁸⁴ Не будем забывать о том, что все завоевания Османской империи в XVII веке свелись всего лишь к захвату Крита. Следовательно, нет возмещения расходов, мало добычи, мало рабов.

⁸⁵ Один регламент начала XVI века уточняет, что каждое из восьми судов с пищевыми продуктами направляется в Галату, остальные причаливают к пристаням на стамбульском берегу залива.

⁸⁶ В частности *Evlîya Çelebi*. P. 15—20.

⁸⁷ См. главу о международной торговле в Стамбуле.

⁸⁸ *Mantran* R. Istanbul dans la seconde moitié du XVII siècle.

ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА

¹ Современный турецкий автор, изучив источники, оценил численность населения Константинополя к моменту завоевания в 70 тысяч человек. Из них 50—60 тысяч были уведены из города в рабство, 10—20 тысяч остались на свободе и в городе (*Ayverdi E. H. Fatih devri sonlarında Istanbul*).

² Для турок и для других мусульман, живших в столице Византии, Баязид I в обмен на снятие осады с города выговорил ряд прав, среди которых — право иметь мечеть и право судиться между собой у шариатского судьи — кади.

³ Отметим, что турецкая рукопись, датированная 1478 годом, сообщает о наличии в Стамбуле и Галате 9486 домов мусульман и 6338 домов, принадлежащих неверным (из которых 647 еврейских домов). Эти сведения позволяют оценить численность населения в пределах 70—80 тысяч человек и приблизительно установить следующую пропорцию: 58,1% мусульман и 42,9% неверных.

⁴ *Barkan Ö. L. Essai sur les données statistiques des registres de recensement dans l'Empire Ottoman aux XV et XVI siècles* // JESHO. Т. I. 1. P. 20.

⁵ *Mamboury E. Guide d'Istanbul*. P. 100.

⁶ *Sandis G. Travels*. Londres, 1615. P. 60.

⁷ *Relazione di Alvise Contarini, dans Barozzi et Berchet* // *Relazioni... Turchia*. Т. I. P. 337.

⁸ Relazione di Pietro Civrano // Ibid. Т. II. P. 268.

⁹ Париж в 1800 году насчитывал 547 тысяч жителей.

¹⁰ *Mantran R. Istanbul... Documents de 1691.*

¹¹ А. N., В 300 (март 1689).

¹² Для сравнения заметим: плотность населения в Париже (внутри стен, исключая пригороды) в настоящее время равна 370 жителям на гектар.

¹³ Эти демографические структуры, имеющие своим основанием религиозную и/или этническую общность, заметны в Стамбуле и поныне.

¹⁴ Вполне возможно, что греческое население деревень по Босфору в большой, если не большей, части состоит из прямых потомков тех греков, что жили здесь еще в эпоху Византии. Во всяком случае, указ Мехмета II о депортации греков из Константинополя вряд ли коснулся босфорских греков.

¹⁵ Греки же служат в иностранных посольствах в качестве драгоманов и выполняют посреднические функции в отношениях между посольством и турецкой администрацией.

¹⁶ На пути евреев из Испании в Стамбул Салоники были столь важным этапом, что немалое их число там «бросило якорь» в двойном смысле этого речевого оборота. Сефарды, обосновавшиеся в Салониках и Стамбуле, говорят на особом еврейско-испанском языке.

¹⁷ Об истории еврейских общин в Стамбуле: *Galanté. A. Histoire des Juifs d'Istanbul. 2 vol. Istanbul, 1941—1942.*

¹⁸ *Eremya Çelebi*. P. 17—23, 36, 39, 41, 44—45, 52, 54.

¹⁹ *Febvre M. Théâtre de la Turquie.*

²⁰ В связи с этим отметим, что первая армянская типография была основана в 1567 году, первая греческая — в 1624 году и первая турецкая, печатавшаяся на арабском шрифте, — в 1729 году. *Selîm Nûzbet. Türkiye Matbaacılığı. Т. I. P. 27—29.*

²¹ *Febvre M. Op. cit.*

²² О дёнме и Шаббетае Цеви см.: *Islam Ansiclopedisi. Т. 3. P. 646—650.*

²³ *Hammer J., von. Histoire de l'Empire Ottoman. Paris, 1835—1843. Т. IX. P. 280.*

²⁴ *Baudier M. Histoire générale du sérail, 9; Nicolo Mussi. Relazione della citta di Constantinopoli. Bologne, 1675. P. 15.*

²⁵ *Abmed Refik. Istanbul hayati.*

²⁶ Джизье уплачивалась всеми мужчинами, главами семейств или холостяками. Старики и немощные от уплаты освобождались. Термин «меньшинство» входит в употребление довольно поздно и не упоминается ранее XVII века. В основном его применяют европейцы, имея в виду в первую очередь немусульманские этнические и религиозные общины в столице. (Сами турки при обозначении в масштабе Империи религиозных общин предпочитали другой термин — *миллет*. — Ф. Н.)

²⁷ Негоцианты или их представители время от времени имеют дело с турецкими таможенными или финансовыми чиновниками, но практически они в этих случаях вступают в контакт с евреями, которые и служат посредниками между ними и турками.

²⁸ Как это в XVII веке делает знаменитый граф де Бонневаль, ставший Ахмет-пашой и занявший видное место в османской армии и дипломатии.

²⁹ Вспомнить хотя бы долгие споры посла Нуантеля с *мимарбаши* (главным архитектором Стамбула) по вопросу о восстановлении церкви Святого Георгия в 1676 году (А. Н. В¹. 377).

³⁰ Кёпрюлю Мехмет-паша занимал пост великого визиря с 1656 по 1661 год; Фазиль Ахмет-паша — с 1661 по 1676 год. После них Мерзифонлу Кара Мустафа-паша оставался великим визирем семь лет (1676—1683), но его внешняя политика отличалась от той, что проводили Кёпрюлю, и привела к разгрому турок под Веной (1683), который для великого визиря стал фатальным.

³¹ *Ogier Ghislain De Busbecq. Turcicae Legationis epistolae quatuor. Paris et Anvers, 1581. P. 140—141, 153—155; ср. также: Geuffroy A. Briesve description de la court du Grand Turc. 2 edition. P., 1596.*

³² *Baudier M. Histoire générale du sérrail et de la cour du grand seigneur, P., 1624.*

³³ Мусульмане делятся на суннитов, то есть тех, кто следует Корану и традиции (сунне) Пророка, — это ортодоксы, правоверные, составляющие в исламе большинство; и на шиитов, — тех, кто также следует Корану, но не признает большую часть традиций, относимых к Пророку: это сторонники халифа Али (зятя и двоюродного брата Мухаммеда); шииты многочисленны в некоторых странах, например в Иране. Вслед за завоеванием Египта (1517) и подчинением шерифов Мекки Селим I был удостоен титула «покровителя и служителя Святых Городов». После завоевания Ирака Селим I, объединив под своей властью все святые мусульманские города на Ближнем Востоке, смог провозгласить себя халифом на достаточном основании, не претендуя при этом на своем происхождении от Пророка. Фактически его политическое и военное превосходство как раз и послужило фундаментом для его религиозного первенства относительно других мусульманских государей. Ему не было нужды ссылаться в целях обоснования своего титула на предшествовавших ему халифов — Омеядов и Аббасидов.

³⁴ *Anderson A.D. The structure of the Ottoman dynasty. Oxford, 1956. P. 26.*

³⁵ Убийство этих принцев нашло отражение в западной литературе (*Rouillard C. D. The Turk in French history, thought and literature*); принц Баязид сделался героем одноименной трагедии Расина.

³⁶ Этот род убийства совершенно исчезает уже в XVII веке, а его исчезновение позволяет полностью восстановить принцип наследования власти по старшинству, который применялся и ранее, но все же не носил характера абсолютного, не знающего исключений правила. Фактически избрание нового султана зависело от групп давления, явных или скрытых, причем поддержка его войсками, в первую очередь янычарами, оказывалась обычно решающим фактором. Вместе с тем роль такого фактора иногда переходила к дворцовым интригам. Так, Хуррем Султане, супруга Сулеймана, все свое влияние употребляла на то, чтобы добиться фавора для своих сыновей за счет сыновей от другой жены (например, Мустафы). Ее образ действий предвосхищает позднее господство гарема и непримиримые со-

перничества в нем в первой половине XVII века (см.: *Veinstein G.* в: *Histoire de l'Empire Ottoman / Dir. de R. Mantran.* P., 1989. Ch. VI. P. 167).

⁴⁷ Известны имена четырнадцати законных жен Ибрагима I.

⁴⁸ См. далее, в главе, посвященной дворцу султана. Осуществление во всех областях султаном своей власти сопровождается изданием указа (*фирмана*), скрепляемого султанской печатью — *тугрой*. Султан командует армией (Сулейман Великолепный принял личное участие в тринадцати военных кампаниях), заключает договоры, назначает на все должности. Однако его власть не распространяется на область религиозного закона, шариата, который он не вправе ни изменять, ни дополнять, ни толковать. Зато султан пользуется правом провозглашать светский закон, *канун*. Те, кто говорил сначала о тирании султана, потом о его деспотизме, имели в виду не только саму его власть, которую ошибочно полагали неограниченной, но и особую социополитическую структуру, в которой все агенты этой власти находились в собственности государя и господина в одном лице. Макиавелли писал: «Вся монархия Великого Турка управляется лишь им самим, поскольку все прочие лишь выполняют его волю...» Флорентиец подразумевал роль рабов в механизме государственного управления (*Veinstein G.* P. 171).

⁴⁹ *Belon P.* *Les Observations de plusieurs singularitez et choses mémorables... en Grèce, Asie.* P., 1553. В народных традициях воспоминания об уводе детей остались символом жестокости османской власти, тяжести османского ига. Но имеется и иная точка зрения на это явление: отпрыску большой и бедной семьи девширме обеспечивал восхождение по социальной лестнице, что, в свою очередь, приводило к улучшению материального положения той семьи, из которой он происходил. В XVI веке девширме поставлял административной системе до трети задействованных в ней рабов (*куль*). Характерная частность: в ряду великих визирей (1453—1623) только пятеро имели тюркское происхождение. В XVII веке девширме мало-помалу сошел на нет (*Veinstein G.* P. 173).

⁴⁰ *Baudier M.* *Histoire générale du sérrail.* P. 252—253.

⁴¹ 14 500, по бюджету на 1690—1691 годы.

⁴² О религиозных деятелях такого ранга см. ниже.

⁴³ См.: *Mouradgea D'Ohsson.* *Tableau général de l'Empire ottoman.* P., 1824. T. VII. Pt. I, 1; *Uzunçarsili I. H.* *Osmanli Devletinin Saray teskilâti.* Ankara, 1945.

⁴⁴ *Uzunçarsili I. H.* *Osmanli Devletinin Merkez ve Bahriye teskilâti.* Ankara, 1948.

⁴⁵ Вместо этого присутствуют кади Стамбула, Галаты, Эюба и Ускудара.

⁴⁶ *Evlîya Çelebi.* P. 120.

⁴⁷ Точнее, *везир-и азам*, или *садри-и азам*.

⁴⁸ *Ryscaut.* *Histoire de l'Etat présent de l'Empire Ottoman.* Trad. franç., par P. Briot. P., 1670. P. 137—139.

⁴⁹ *Tavernier.* P. 11—12.

⁵⁰ *Uzunçarsili I. H.* *Osmanli Devletinin Merkez... P. 249—255.*

⁵¹ Наименование «Высокая Porta» («Высокие Врата») появляется лишь в последней четверти XVII века.

⁵² Так, с января 1644-го по сентябрь 1656 года, то есть за двенадцать с половиной лет, сменилось 17 великих визирей, из которых только один умер естественной смертью да еще один добровольно сложил с себя свои полномочия; с 1683-го по 1702-й сменилось 12 визирей, из которых девять смещены со своей должности.

⁵³ Имущество Рустем-паши, исчисленное после его смерти, состояло из 1700 рабов, 2900 лошадей, 1106 верблюдов, 700 тысяч золотых монет, пять тысяч кафтанов, множества драгоценных камней, а также изделий из серебра и золота. Другой великий визирь Сулеймана, Ибрагим-паша, занимал этот пост в течение тринадцати лет (1523—1536) и исполнился за это время такой гордостью, что стал раздражать государя: однажды утром он был найден в своем дворце задушенным.

⁵⁴ О нишанджи см.: *Uzunçarsili I. H. Merkez ...* P. 214—227. Джелальзаде Мустафа (Коджа Нишанджи) выполнял свои обязанности с 1534 по 1567 год: он был одним из главных сотрудников Сулеймана Великолепного и деятельно участвовал в редактировании *кануннаме* (кодекса законов), продиктованного султаном. В ведение нишанджи входят, помимо прочего, и архивы (*дефтерхане*).

⁵⁵ *Kanounnamè de Abdurrahman Pasha, publié dans Milli Tetebbüler Mecmuasi.* № 3. P. 156.

⁵⁶ *Ryscaut.* Op. cit. О дефтердаре: *Uzunçarsili I. H. Merkez...* P. 325—334.

⁵⁷ У нас еще будет возможность вернуться к роли кади Стамбула, см. ниже.

⁵⁸ Когда великого визиря нет в столице, то есть когда он уходит в поход или сопровождает султана, проводящего лето согласно обычаю в Анатолии, его замещает *каймакам*, который берет управление делами столицы в свои руки.

⁵⁹ Эти детали приведены в регламенте 1676 года, опубликованном в *Milli Tetebbüler Mecmuasi.* 1. № 3, juillet-août. 1915. P. 503—505.

⁶⁰ Учреждение должности каймакама восходит к концу XV или к началу XVI века. В течение XVI—XVII веков он приобретает все большее и большее значение.

⁶¹ *Thévenot.* P. 123.

⁶² См. ниже главу, посвященную корпорациям.

⁶³ *Belon P. Les observations...* P. 411.

⁶⁴ *Stocbove. Voyage du Levant.* P. 148.

⁶⁵ *Du Loir. Voyages...* P. 79.

⁶⁶ Кади (кадий) имеет еще один почетный титул — *молла*, а его должность обозначается, тоже почетно, как *маалийет*.

⁶⁷ Галата насчитывает 44 нахии, Эюб — 26, Ускюдар — 5.

⁶⁸ *Фалака* — деревянная доска с двумя отверстиями, куда вставляются ноги присужденного к избивению палками.

⁶⁹ *Bebrnauer W. Mémoire sur les institutions de police chez les Arabes, les Persans et les Turcs // Journal asiatique.* 5 serie. T. XVI (1860). P. 115—116.

⁷⁰ *Thévenot.* P. 127.

⁷¹ *Evliya Çelebi.* P. 553.

⁷² *Actes de kadi d'Istanbul.* № 22. Cite par *Nuri O. Meccele.* P. 965. (Acte de 1107/1696).

⁷³ *Du Loir*. P. 186—187.

⁷⁴ *Tbévenot*. P. 197.

⁷⁵ *Evlîya Çelebi*. P. 517.

⁷⁶ *Gédoyn*. Correspondance. P. 130.

⁷⁷ *Du Loir*. P. 189.

⁷⁸ «Бѣджек» означает «насекомое». Ср. с фр. *mouchard* — «шпик» (слово — одного корня с «мухой». — *Ф. Н.*).

⁷⁹ Сооружение фонтанов и колодцев, жизненно необходимых в странах Востока, производится мусульманами в силу предписания, которое содержится в одном из стихов Корана (сура XXI, стих 31): «И из воды создали мы все сущее...»

⁸⁰ Невозможно принять на веру огромные цифры, приводимые в книге Эвлии Челеби: 4000 дворцовых фонтанов, 9995 частных и общих (публичных), 7989 водных кранов, 200 себилей.

⁸¹ *Evlîya Çelebi*. P. 513—515.

⁸² Акты, цитируемые Османом Нури в *Meccele* (август 1695 и май 1696).

⁸³ Касающиеся Стамбула регламенты (дошедшие до нас) могут быть выстроены в определенной хронологической последовательности. Их издавали следующие султаны: Баязид II (в начале XVI века), Сулейман Великолепный (середина XVI века), Мурад IV (около 1635) и Мехмет IV (1680).

⁸⁴ *Bebrnauer W.* Mémoires sur institutions de police... О функциях мухтесиб в арабских странах до XV века см.: *Pedro Chalmeta*. El Señor del zoco España. Madrid, 1973.

⁸⁵ Османский мухтесиб сохраняет некоторые черты своего арабского предшественника, выполняя некоторые обязанности и религиозного характера. Так, в регламенте, относящемся к началу XVI века, уточняются наказания, которые мухтесиб налагает на тех, кто отсутствует в мечети на пятничной молитве, не соблюдает пост в месяц рамадан и чьи животные попирают ногами могилы (*Mantran R.* La police des marchés d'Istanbul au début du XVI siècle // *Cahiers de Tunisie*. T. IV. № 14. 2 trim. 1956).

⁸⁶ Обо всех этих налогах и сборах см.: *Mantran R.* Istanbul dans la seconde moitié du XVII siècle. P. 310—323.

⁸⁷ О *девширме* см. выше.

⁸⁸ Более подробное описание военной организации см.: *Uzunçarsili I. H.* Kapikulu Ocaklari. T. I. Ankara, 1943; *Mouradgea D'Obsson*. Tableau général de l'Empire ottoman, t. VII: État militaire.

⁸⁹ О сипахах и других *оджаках*, родах войск, за исключением янычар, см.: *Uzunçarsili I. H.* Kapikulu Ocaklari. T. II. Ankara, 1944.

⁹⁰ *Tournefort*. T. II. P. 39.

⁹¹ *Uzunçarsili I. H.* Kapikulu Ocaklari. T. I. P. 147—150.

⁹² Упразднение (с появлением артиллерии) янычарского корпуса (1826) сопровождалось жестокими репрессиями и против ордена бекташей.

⁹³ *Evlîya Çelebi; Osman Nuri*. *Meccele*...

⁹⁴ *Mantran R.* Istanbul... P. 321—323.

⁹⁵ *Evlîya Çelebi*. P. 508.

⁹⁶ *Grelot*. Relations nouvelles d'un voyage de Constantinople. P. 351.

⁹⁷ B. N., Fonds Turc. Suppl. № 116, fol. 26.

⁹⁸ См. статью Darvish в Encyclopedia des Islam (MacDonald D. B.); а также: Gibb H. A. R., Bowen H. Islamic Society. Т. II. Ch. XIII.

⁹⁹ Описание танца как способа радения в текке мевлеви: Ritter H. Mevleviferien in Konya // Oriens. Т. XV. 1962.

¹⁰⁰ О бекташах см.: Birge J. K. The Bektashi order of Dervishes. L., 1937; а также в более кратком изложении см. статью *Bektasbiyya* в Исламской энциклопедии.

¹⁰¹ См.: Gibb H. A. R., Bowen H. Islamic Society. Т. II. P. 200. В 1527 году Сулейман Великолепный послал своего великого визиря в Анатолию с задачей подавить в Карамане мятеж под водительством дервиша по имени Календероглу, который утверждал, что ведет свой род от Хаджи Бекташа; другой мятеж, возглавляемый другим Календероглу, произошел в 1608 году. *Календеры*, вообще говоря, были бродячими нищенствующими дервишами; в Стамбуле их было мало, а влияние их невелико. Еще один орден проник в Турцию в конце XV века — орден *накшбенди* (*накшбендийе*), основавший тогда же свой первый «монастырь» в Стамбуле; накшбендийе вербовала своих сторонников, в частности, среди мусульманских интеллектуалов — особенно среди поэтов; накшбенди, выступавшие в роли ревнителей правоверного ислама, значительно расширили круг своего влияния в XVII веке. Орден *халватийе*, основанный в XV веке, появился в Стамбуле, кажется, сразу же после завоевания города; однако Мехмет II Завоеватель угрожал им изгнанием из него по причине независимой позиции относительно султанской власти и в вопросах религии; позицию эту они продолжали демонстрировать и при других султанах в XVI и XVII веках (Lewis B. Istanbul and the Civilization of the Ottoman Empire. Oklahoma, 1963. P. 154—159).

¹⁰² Арабское слово *вакф* (турецкое *вакиф*) имеет множественное число *авкаф* (турецкое *эвакф*). Два варианта этого слова — арабский и турецкий — применяются на Ближнем Востоке, на арабском же Западе (в Магрибе) имеется ему эквивалент — *хабус*.

¹⁰³ Tournesfort. Т. I. P. 487.

¹⁰⁴ Ricaut. P. 362.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

¹ Словом *эснаф* Эвлийя Челеби обозначает корпорации, перечисленные в его описании Стамбула. В архивных же документах корпорации называются иначе — *таифе*. Иногда встречаются и иные термины — *эхл-и хирфе* и *эхл-и санат*, «люди профессии», «люди ремесла». Все же слово *эснаф* более распространено — до такой степени, что оно стало обозначать не только сами корпорации, но их членов, ремесленников и торговцев разного рода.

² На турецком языке этот регламент был опубликован Омером Лутфи Барканом (Ömer Lütfi Barkan) в Исторических документах (*Tarih Vesikalari*. Т. I. Fasc. 5. Fév. 1942). Та часть из него, которая посвящена Стамбулу, была переведена на французский язык Робером Мантраном, см.: *Mantran R. La police des marchés d'Istanbul au début du XVI siècle*. P. 213—241.

³ *Evlîya Çelebi*. P. 511—512.

⁴ *Gibb H. A. R., Bowen H.* Islamic Society. T. I. P. 282.

⁵ Archives turques. Mühimme Defteri. T. 85. P. 226. Anne 1630.

⁶ Более подробно об этих двух должностях см. раздел «Влияние представителей религии».

⁷ Archives turques, Mühimme Defteri. T. 92. № 109. Mai 1657.

⁸ Известно, например, что в 1646 году корпорация торговцев муккой возглавлялась тремя кетхюдами мусульманами; не исключено, что имелись наряду с ними и кетхюды греки.

⁹ Термин *iyigün* восходит к старому тюркскому слову, имеющему значение «смелый, отважный человек». Оно было в употреблении в тех корпоративных организациях еще доосманской эпохи, что носили название *фютюввет*; соответствовало арабскому *фата* (от которого *фютюввет* и произошло) и обозначало активных членов организации.

¹⁰ О развитии этого образа мыслей см.: *Mantran R.* Istanbul...

¹¹ Статья 1 регламента, опубликованного Османом Нури: Mecele... P. 408 (*Mantran R.* Istanbul... P. 331—347).

¹² Точные детали всех этих предписаний можно найти в: *Mantran R.* Istanbul... P. 331—347.

¹³ *Ibid.* P. 348.

¹⁴ Ср.: *Behrnauer*. Op. cit.; *Colin G. S., Lévy-Provençal E.* Un Manuel hispanique de hisba. Publ. de L'Institut des Hautes Etudes Marocaines. T. XXI. P. 1931; *Gaudefroy-Demombynes M.* Sur quelques ouvrages de hisba // Journal asiatique. T. 230 (1936); *Chalmeta P.* Op. cit.

¹⁵ *Abülbaki Gölpınarlı.* Islam ve Türk illerinde Fütüvvet ve kaynakları (Фютюввет в мусульманских и тюркских странах и ее происхождение) // Revue de la faculté des Sciences économiques de l'université d'Istanbul. T. XI. № 14. Фр. резюме: с. 5—59; *Taeschner F.* Futuvva, et ceux de *Caben Cl.* Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane au Moyen Age // Arabica. T. V, VI. 1958—1959.

¹⁶ Одна из почетных обязанностей шейха состоит в предводительстве людей корпорации, когда они предпринимают паломничество в Мекку.

¹⁷ Армянин Еремия Челеби описывает подобное же шествие по поводу отправления армии на Крит. Пети де ла Круа, секретарь французского посольства, также присутствовал на шествии корпораций и оставил, в свою очередь, его описание.

¹⁸ А также в Эминнёю, в Мехмет-паше, Ункапане и Галате.

¹⁹ Archives turques. Mühimme Defteri. 85. № 491 (1630).

²⁰ *Ibid.* № 496 (1631).

²¹ *Ibid.* 93. № 207 (1659).

²² Люди корпораций, как правило, не принимали никакого участия в мятежах и восстаниях, которые поднимались янычарами: они вовсе не чувствовали себя задетыми тем, что заставляло янычар выступать против правительства с оружием в руках. Напротив, в 1688 году они поднялись против взбунтовавшихся янычар, потому что те производили в столице невиданные ранее бесчинства.

²³ *Evlîya Çelebi*. P. 551.

²⁴ О торговле кофе см. ниже и в: *Mantran R. Le Café à Istanbul aux XVI et XVII siècles // Le Café en Méditerranée. 1981. P. 17—30.*

²⁵ *Evlîya Çelebi. P. 617.* Эти негоцианты (*туджджары, базирганы*), мусульмане ли они, христиане или евреи, располагают значительным капиталом, среди вкладчиков коего имеются и представители высоких политических кругов (через окольный путь коммандитных договоров — *мудараба*). Будучи организованы в гильдии, они тем не менее не стесняются переходить их слишком узкие границы, предписанные регламентацией мужтесиба. Наиболее могущественные из них своим богатством обязаны торговле предметами роскоши (*Veinstein G. Op. cit. P. 221*).

²⁶ Их объединяют корпорации «моряки и капитаны Черного моря», «моряки и капитаны Средиземного моря».

²⁷ Эскиджи, в отличие от прочих бродячих торговцев, образуют корпорацию.

²⁸ A. N., B. 379, 14 août 1686 (*Lettre de l'ambassadeur Girardin*). Жирарден все-таки смог добиться некоторых отступлений от этого общего правила вследствие прошения государственного секретаря-ата, направленного в ведомство военно-морского флота. Разрешения на экспорт (в виде именно исключений) предоставляются обычно тогда, когда налицо известный излишек сверх необходимого данного товара (зернового хлеба, например). Впрочем, контрабанда тем же хлебом в бассейне Эгейского моря весьма активна.

²⁹ *Hammer. Op. cit. T. X. P. 71.*

³⁰ *Tbévenot. P. 48—49.* У путешественников XVII века можно найти и другие любопытные описания.

³¹ *Fermanel. P. 44.*

³² *Du Loir. P. 58.*

³³ *Braudel F. La Méditerranée... P. 145.*

³⁴ *La Motraye. P. 260.*

³⁵ *Quiclet. P. 179.*

³⁶ Ср. регламенты 1575 и 1604 годов, опубликованные Ахметом Рефиком: *Istanbul hayati. T. 1.*

³⁷ *Turnefort. T. I. P. 515.*

³⁸ *Fermanel. P. 53.*

³⁹ *Turnefort. T. I. P. 515.*

⁴⁰ Регламент Мехмета II от 1680 года: наказания, налагаемые на людей корпораций.

⁴¹ *Lithgow W. The Totall Discourse of the Rare Adventures and Painfull Peregrinations... Leith, 1814. P. 122—123.*

⁴² *Fermanel. P. 52.*

⁴³ *Eremya Çelebi. P. 62.*

⁴⁴ «В Стамбуле в любой день недели можно попасть на какой-нибудь рынок, но в пятницу открыты сразу три рынка в основных частях столицы» (*Mussi N. Relatione. P. 18*).

⁴⁵ *Baudier M. Histoire générale du serrail. P. 10.*

⁴⁶ B. N., Fonds turc, supplément, 881, f 13—15.

⁴⁷ *D'Arvieux. Mémoires... T. IV. P. 487.*

⁴⁸ Донеыне Большой Базар имеет и другое название: «Закрытый Базар» (*Капали Чарши*).

⁴⁹ Слово *бедестан* есть искажение слова *беззазистан*, которое, в свою очередь, происходит от слова *безестан*, означающего базар, специализирующийся на торговле полотном (*без*).

⁵⁰ *P. della Valle*. P. 35. Другие более или менее обстоятельные описания можно встретить практически у любого европейского путешественника.

⁵¹ *Vandal A.* P. 103—104.

⁵² Ср.: *Saint-Maurice*. La Cour ottomane. P. 23.

⁵³ *La Motraye*. P. 258.

⁵⁴ *Evlîya Çelebi*. P. 614.

⁵⁵ *Janin R.* Constantinople Byzantine. P. 95—100.

⁵⁶ *Philippe du Fresne-Canaye*. Voyage en Levant. P. 264.

⁵⁷ *Belon P.* Les Observations... P. 403, 451.

⁵⁸ *P. della Valle*. P. 46—47.

⁵⁹ *Saint-Maurice*. La Cour ottomane, dans Galland. T. I. P. 212, n. 2.

⁶⁰ *Tournefort*. Relations... T. II. P. 96—97, 103—104.

⁶¹ *Evlîya Çelebi*. P. 614.

⁶² Работы по строительству мечети Сулейманийе стали предметом исследования по архивным документам: *Barkan Ö. L. Süleymaniye camii insati*. 2 vol. Ankara, 1972—1979.

⁶³ *Долама*, от которой во французском языке произошел *dolman* (а в русском гусарский *доламан*. — *Ф. Н.*), представляет собой более или менее короткую куртку, надеваемую на нижнюю рубашу и под плащ или кафтан.

⁶⁴ Тюрбан состоит из двух частей: прежде всего, это колпак или шапочка различных форм и размеров, изготавливаемые, как правило, из фетра; затем на эту шапочку наворачивается лента муслина (*tülbent* отсюда и слово *тюрбан*) — наворачивается по-разному, в зависимости от титула и общественного положения владельца.

⁶⁵ *Evlîya Çelebi*. P. 565.

⁶⁶ Печатная книга на основе арабского алфавита в интересующую нас эпоху еще не существовала ни в Турции, ни где-либо в иной стране: первая типография для печатания книг с арабской графикой появилась лишь в 1729 году. Таким образом, книготорговцы продавали рукописи.

⁶⁷ *Abmet Refik*. Eski Istanbul. P. 58.

⁶⁸ Опубликован Ахметом Рефиком в *Istanbul hayati*. T. III. № 40.

⁶⁹ Этот французский хирург Пьер Жанти упоминается в турецком документе, опубликованном Ахметом Рефиком (см. предыдущую сноску), а также во французском документе: А. Н. (В. 376. P. 68 et suiv.): «Pierre Gentil, de la ville de Chastellero, chirurgien».

⁷⁰ Archivio dello Stato di Venezia, Archivio Proprio del Bailo a Constantinopoli, Busta I: juin 1672, janvier 1674, décembre 1674.

⁷¹ Эвлийя Челеби. Отметим, что соловей (*бюльбюль*) в восточной поэзии, особенно в персидской и тюркской, служит символом эгегических жалоб неразделенной любви.

⁷² *Evlîya Çelebi*. P. 330—332, 510.

⁷³ Ср. с полицейским регламентом городских рынков, изданным Мехметом IV (1680), параграф 53. Опубликован Р. Мантраном в кн.: *Istanbul...* P. 336.

⁷⁴ «У них нет своей лавки (парикмахерской. — Ф. Н.), а общее их число достигает 2000» (*Evlîya Çelebi*. P. 605).

⁷⁵ *Bertrandon De La Broquiere*. Voyage d'Outre-mer. Ed. Ch. Schefer. 1892. P. 96—97.

⁷⁶ *Desbayes De Cormenin*. Voyage de Levant. 1624. P. 110.

⁷⁷ *Nicolas De Nicolay*. Les Navigations, pérégrinations et voyages faicts en la Turquie. 1567. P. 105.

⁷⁸ *Du Loir*. Voyages. P. 191.

⁷⁹ *Heid W.* Histoire du Commerce du Levant au Moyen Âge. 2 vol. Leipzig, 1923; *Bratianu G. I.* Le Commerce génois dans la mer Noire au XIII siècle. P., 1929; *Thiriet F.* La Roumanie vénitienne, P., 1959.

⁸⁰ Важную главу по истории дипломатических отношений между Францией и Османской империей читатель найдет в книге: *Rouillard C. D.* The Turk in French history, thought and literature. P. 105—165. Кажется, капитуляции 1536 года не были ратифицированы. Капитуляции 1569 года, вступившие в действие, уточнили условия французского присутствия в Леванте.

⁸¹ *Hammer*. Т. IX.

⁸² *Debbasch Y.* La Nation française en Tunisie. Paris, 1957. P. 36—45.

⁸³ *Ibid.* P. 63.

⁸⁴ Пост драгомана (официального переводчика) вовсе не синекюра. Так, венецианский драгоман Грилло в 1649 году был повешен во время войны между Турцией и Венецианской республикой из-за Крита. Другие переводчики были биты палками.

⁸⁵ A. N., B¹, 376, f° 71—72.

⁸⁶ *Alvise Contarini*. Relazione... P. 386.

⁸⁷ *Hammer*. Т. III. P. 528.

⁸⁸ *Wood A. C.* A History of the Levant Company L., 1935. P. 126.

⁸⁹ *Ibid.* P. 224—225.

⁹⁰ С конца XIII — начала XIV века, то есть еще в эпоху Византии.

⁹¹ A. N., B¹, 377 (ann. 1678).

⁹² Le règlement du 25 décembre 1685; art. VII, XVI (A.N., B¹¹¹, 192).

⁹³ *Paris R.* Histoire du commerce de Marseille. Т. V. P. 89—90.

⁹⁴ *Hammer*. P. 528.

⁹⁵ *D'Avrieux*. Mémoires... Т. IV. P. 257—260.

⁹⁶ Секретарь — он же очень часто первый драгоман — непременно уроженец метрополии. Именно он выступает в большинстве случаев посредником между людьми своей колонии и турецкими властями. К тому же он глава канцелярии посольства.

⁹⁷ О драгоманах: *Masson P.* Le Commerce français au XVII siècle. P. 454—455.

⁹⁸ *Ibid.* P. 452—453; *Debbasch Y.* P. 258—272.

⁹⁹ *Debbasch Y.* P. 53—54.

¹⁰⁰ Письмо де ла Ай Кольберу (9 октября 1665).

¹⁰¹ Правительство заставляет уплачивать золотом часть причитающихся ему налогов. Золотом же уплачивают Порте дань ее вассальных государств: Трансильвания, Валахия, Рагуза и др. Первое место в этом ряду принадлежит Египту, главному поставщику золота в османскую казну.

¹⁰² *Chardin*. Voyages. Т. I. P. 15—16.

¹⁰⁴ A. N., B¹, 376, f° 2 (3 septembre 1668).

¹⁰⁴ *Baebrel R.* P. 307.

¹⁰⁵ См. материалы по вопросу об этих бюджетах в книге: *Mantran R.* Istanbul... P. 258.

¹⁰⁶ A. N., B¹, 376, f° 2.

¹⁰⁷ См. подробности снабжения Константинополя в книге: *Mantran R.* Istanbul... P. 185—210. «Документ о праве захода в порт Стамбула торговых судов» см. в: *Turcica.* T. V. 1975. P. 94—107.

¹⁰⁸ A. N., B¹¹, 234. Документ относительно экспорта кож и шкур из Константинополя.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ *Bergasse L.* Histoire du commerce de Marseille T. IV. P. 96.

¹¹¹ A. S. V. Archivio Bailo à Constantinopoli, Dispacci G. Morosini, f° 159, 6 mars 1677.

¹¹² Выдержки из писем, направленных господам из Левантийской компании их корреспондентами в Стамбуле по вопросу о недостатках посылаемых туда компаниями сукон (A. N., B¹, 380, avril-juin 1686).

¹¹³ *Braudel F.* La Méditerranée... P. 224.

¹¹⁴ A. N., B¹¹¹, 244, Mémoire sur l'Empire Ottoman, du 7 septembre 1669.

¹¹⁵ *La Boullaye — Le Gouz.* Les Voyages et Observations du sieur de la Boullaye — Le Gouz, gentilhomme angevin. P., 1653. P. 62—63.

¹¹⁶ A. N., B¹¹¹, 244.

¹¹⁷ *La Boullaye — Le Gouz.* P. 60—61.

¹¹⁸ *Tournefort.* Relation... T. II. P. 169.

¹¹⁹ *Braudel F.* La Méditerranée... P. 315.

¹²⁰ A. N., B¹, 376, Lettre du Nointel du 4 juillet 1872.

¹²¹ На маршруте Александрия—Стамбул османское правительство в виде исключения фрахтует иногда и иностранные суда — французские и венецианские, к примеру.

¹²² *Mantran R.* Commerce, courses et convois en Méditerranée orientale... au XVIIe siècle // FNRS, Athènes, 1985. P. 491—504.

¹²³ *Fasano-Guarini E.* Au XVIe siècle: comment naviguent les galères // Annales E. S. C., 16e année, № 2, mars-avril. 1961. P. 279—296.

¹²⁴ *Paris R.* Op. cit. P. 169.

¹²⁵ A. S. V., Archivio proprio busta 253 (21 oct. 1644).

СРЕДА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

¹ Именно в XVII веке турки толпой появляются на страницах многих романов (например, в таком, как *Ибрагим, знаменитый Паша*, принадлежащем перу М. Де Скюдери) и трагедий (например, в *Баязете* Расина).

² По этому вопросу см. замечательную книгу: *Rouillard C. D.* The Turc in French history, thought and literature.

³ То есть мусульмане, строго следующие предписаниям как Корана, так и *сунны* (традиции).

⁴ *Aly Mazabéri.* La vie quotidienne des musulmans au Moyen Âge. P.: Hachette, 1951.

⁵ *Palern J.* Pérégrinations. Lyon, 1606. P. 96.

- ⁶ *Belon. Les Observations...* P. 409.
- ⁷ См. ниже о султанском дворце.
- ⁸ *Mantran R. Istanbul...* P. 139.
- ⁹ *Musabipzade Celât. Eski Istanbul yasayisi. Ch. I.*
- ¹⁰ *Garnett L. M. Turkey of the Ottomans. N.-Y., 1914. P. 210.*
- ¹¹ Обо всех церемониях см.: *Musabipzade Celât. Op. cit.*
- ¹² *Musabipzade Celât. Op. cit.; Nicolas M. Traditions populaires turques: les naissances, P., 1972.*
- ¹³ *Wheler. P. 150.*
- ¹⁴ *Fermanel. P. 45.*
- ¹⁵ См. ниже.
- ¹⁶ См. по этому вопросу: *Djelal Esad. Constantinople. P. 242.*
- ¹⁷ *P. della Valle. P. 67.*
- ¹⁸ *Du Loir. P. 70.*
- ¹⁹ *P. della Valle. P. 67.*
- ²⁰ Они соответствуют *машрабуиё* в арабских домах.
- ²¹ Некоторые ялы (йали), поныне сохранившиеся на азиатском берегу Босфора, в Кандилли, Анадолу Хисаре или в Кандидже, дают представление о том, каков был дом зажиточного турка в XVII веке.
- ²² *D' Arvieux. T. IV. P. 459.*
- ²³ *Pétis de la Croix. T. I. P. 133.*
- ²⁴ Этими айвазами часто бывают армяне, реже — курды (*Zeki Pakalın M. Tarih ...Sözlüğü, s. v. Osmanlı*).
- ²⁵ *Djelal Esad. Constantinople. P. 244.*
- ²⁶ *P. della Valle. P. 28.*
- ²⁷ Правильно: *фунджан* (араб.).
- ²⁸ *Grelot. P. 102—103.*
- ²⁹ *Wheler. P. 195.*
- ³⁰ По вопросу о молитвенных обрядах см.: *Gaudefroy-Demombynes M. Les Institutions musulmanes. 3-e ed. P., 1946. Ch. IV. P. 73.*
- ³¹ В самом деле, турки, проявляющие широкую терпимость в этом отношении, в прошлом неоднократно позволяли немусульманам посещать их мечети. Сейчас же вообще не существует никакого запрещения на посещения такого рода.
- ³² *Le Pèlerin véritable (anonyme. P., 1615). P. 107.*
- ³³ *Postel G. De la République des Turcs (Poitier, 1560). T. I. P. 54.*
- ³⁴ См. ниже.
- ³⁵ *Du Loir.*
- ³⁶ См. об этом ниже.
- ³⁷ Об этих праздниках, а также об обрядах паломничества см.: *Gaudefroy-Demombynes M. Op. cit. P. 95—98.*
- ³⁸ *Gaudefroy-Demombynes M. Op. cit. Ch. VII. P. 119—123.*
- ³⁹ *Evlîya Çelebi. P. 605.*
- ⁴⁰ *Aly Mazzabéri. P. 47—48; Gaudefroy-Demombynes M. P. 165.*
- ⁴¹ *Ibid.*
- ⁴² *Musabipzade Celât. Op. cit.*
- ⁴³ *Belon. Les Observations...* P. 398.
- ⁴⁴ *Mantran R. Istanbul...* P. 135.
- ⁴⁵ *Evlîya Çelebi. P. 314.*
- ⁴⁶ *Op. cit. P. 315.*

- ⁴⁷ Op. cit.
- ⁴⁸ Op. cit. P. 314—315.
- ⁴⁹ *Mantran R.* Istanbul... P. 130—135.
- ⁵⁰ *Gibb H. A. R., Bowen H.* Islamic Society. T. I. Part 2. P. 83.
- ⁵¹ *Mantran R.* Istanbul... P. 139—140.
- ⁵² *Omont H.* Missions archéologiques. T. I. P. 2.
- ⁵³ О турецкой поэзии см.: *Gibb E. J.* A History of Ottoman Poetry. 6 vol. L, 1900—1909.
- ⁵⁴ *Alessio Bombaci.* Storia della letteratura turca. Milan, 1956. P. 241—256.
- ⁵⁵ Ibid. P. 337—346.
- ⁵⁶ Ibid. P. 360.
- ⁵⁷ *Adnan-Adivar A.* Osmanli Türklerinde İlim. Istanbul, 1943. P. 61—68.
- ⁵⁸ Ibid. P. 68—72.
- ⁵⁹ *Adnan-Adivar.* P. 105—132; *Bombaci.* P. 408—418.
- ⁶⁰ *Mantran R.* Istanbul... Introduction: *Adnan Adivar.* P. 132—133; *Bombaci.* P. 408—418.
- ⁶¹ *Saussey E.* La littérature populaire turque. P., 1936.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ См. ниже, в следующей главе.
- ⁶⁴ *Ахмет Рефук.* Жизнь в Стамбуле в X веке хиджры. Стамбул, 1935 (на турецком яз.). С. 53. Эта обсерватория была сначала закрыта, а затем и разрушена под давлением улемов, которые усмотрели в ней опасность для веры.
- ⁶⁵ *Evlîya Çelebi.* P. 314.
- ⁶⁶ Ibid. P. 315.
- ⁶⁷ *Ахмет Рефук.* С. 37—38.
- ⁶⁸ *Adnan-Adivar A.* Op. cit. P. 98—99.
- ⁶⁹ О Синане см.: *Abmed Refik.* Mimar Sinan. Istanbul, 1932; *Djela! Esad Arseven.* L'Art turc. Istanbul, 1939.
- ⁷⁰ *Migeon G., Sakisian A.* La Céramique d'Asie Mineure et de Constantinople du XIV au XVII siècle // Revue de l'Art ancien et moderne. P., 1923.
- ⁷¹ *Le Bruyn.* P. 135—136. Этот дворец первоначально назывался *Са-рай-и джедид* (Новый Дворец), в отличие от того, что был возведен вскоре после завоевания. Позднее ему дали другое имя: *Тонкану Са-рай* (Дворец с пушкой при входе), имя, которое он носит поныне. Он оставался резиденцией султанов до середины XIX века.
- ⁷² *Tbévenot.* P. 42. Более подробно о дворцовой администрации см.: *Veinstein G. v.* Histoire de l'Empire ottomane. Ch. V. P. 175—184.
- ⁷³ *Du Loir.* P. 44—45.
- ⁷⁴ *Pétis de la Croix.* P. 136.
- ⁷⁵ *Du Loir.* P. 44—45.
- ⁷⁶ *Pétis de la Croix.* P. 136.
- ⁷⁷ *La Motraye.* P. 218.
- ⁷⁸ *Tbévenot.* P. 43—44.
- ⁷⁹ *La Motraye.* P. 219.
- ⁸⁰ *Fermanel.* P. 63.
- ⁸¹ *Evlîya Çelebi.* P. 117. «Садовники» (*бостанджи*), упоминаемые здесь, составляют корпус телохранителей султана.
- ⁸² Опубликован в: *Mantran R.* Istanbul... P. 284.
- ⁸³ *Dechayes de Cormenin.* Voyage de Levant... Paris, 1624. P. 155.

⁸⁴ *P. della Valle*. P. 100.

⁸⁵ Здесь имеется в виду деление Серая на различные части лишь в течение XVI—XVII веков. Кроме того, в течение XVII века, при Ахмете III, Османе III, Абдулхамиде I, Селиме III разрастание дворцового комплекса продолжилось.

⁸⁶ *Deshayes de Cormenin*. P. 156.

⁸⁷ *Penzer N. M.* The Harem. L., 1936. P. 197.

⁸⁸ *Хас одалик* буквально означает: «те, кто допускается в личную комнату султана». Хуррем — исключение из общего для султанш правила, поскольку она была законной супругой Сулеймана Великолепного.

⁸⁹ *Spandugino. Th.* La Généalogie du Grand Turc, P., 1519. Ch. XIV.

⁹⁰ *Abmed Refik.* Kadınlar saltanati. Istanbul, 1924.

⁹¹ *Penzer N. M.* Op. cit. P. 175—176.

⁹² *Ibid.* P. 187.

ДЕНЬ СТАМБУЛЬЦА

¹ *Evlîya Çelebi*. P. 144.

² *Gaudefroy-Demombynes M.* Institutions musulmanes... P. 187.

³ См. выше.

⁴ *Busbecq.* Ambassads et Voyages. T. 1. P. 147.

⁵ *Thévenot.* P. 56—57.

⁶ *Tournefort.* T. II. P. 95.

⁷ *La Motraye.* P. 254.

⁸ A. N., В¹. 380. (См. текст этого письма выше.)

⁹ *P. della Valle.* P. 114.

¹⁰ *Thévenot.* P. 165.

¹¹ *Tournefort.* T. II. P. 96. Подробности, касающиеся бабушей и другой турецкой обуви, см.: *R. Mantran.* Un règlement de police des marchés d'Istanbul au début du XVI siècle // Cahiers de Tunisie. T. XIV. 1954.

¹² *Abmed Refik.* Op. cit. passim; *Hammer.* Histoire de l'Empire ottoman. T. XI.

¹³ *P. della Valle.* P. 102.

¹⁴ См. прим. 64 к главе о хозяйственной деятельности.

¹⁵ *Thévenot.* P. 56.

¹⁶ Точнее, *джуббе* (слово, производное от арабского «джубба»). От него произошли фр. *jupe, jupon* (то есть верхняя и нижняя юбка). (Арабская *джубба* благополучно перебралась через турецкий и французский языки, несколько изменив, правда, свое значение, в русский и в форме *юбка* прочно обосновалась в нем. — Ф. Н.)

¹⁷ *Du Loir.* P. 184—185.

¹⁸ *La Motraye.* P. 254.

¹⁹ *Le Bruyn.* P. 182, 418—419.

²⁰ *Busbecq.* Op. cit. T. I. P. 161—162.

²¹ *Du Loir.* P. 167.

²² *Grelot.* P. 368.

²³ Корпорации владельцев ресторанов, закусовых и подобных им заведений находятся под строгим надзором и детально регламентируются. См. подробности: *Mantran R.* Police des marchés ...

²⁴ *Grelot.* P. 366.

- ²⁵ *Evlîya Çelebi*. P. 396—408.
- ²⁶ *Pétis de la Croix*. T. I. P. 384—387.
- ²⁷ *Abmed Refik*. Eski Istanbul. P. 12—13.
- ²⁸ Приведен в: *Mantran R*. Istanbul... P. 196.
- ²⁹ О напитках см.: *Mantran R*. Istanbul... P. 205—210.
- ³⁰ *Evlîya Çelebi*. P. 667—668.
- ³¹ *Ibrahim Peçevi*. Tarih. T. I. P. 364; *Mantran R*. Le Café d'Istanbul...; *Hattox R. S.* Coffee and Coffeeshouses: the Origins of a Social Beverage in the Medieval Near East. Seattle, 1985.
- ³² *Leclant V. J.* Le Café et les Cafés à Paris, 1644—1693 // *Annales E. S. C.* janvier—mars 1951.
- ³³ *La Motraye*. P. 266.
- ³⁴ *P. della Valle*. P. 80.
- ³⁵ *Abmed Refik*. Eski Istanbul. P. 34.
- ³⁶ *Mantran R*. Un document sur l'Ihtisab d'Istanbul à la fin du XVII s. // *Mélanges Massignon*. T. III.
- ³⁷ *Eremya Çelebi*. P. 53.
- ³⁸ *Ibid.* P. 2.
- ³⁹ *Evlîya Çelebi*. P. 481.
- ⁴⁰ *Abmed Refik*. Eski Istanbul. P. 20.
- ⁴¹ *Eremya Çelebi*. P. 56.
- ⁴² *Tbévenot*. P. 63—64.
- ⁴³ *Evlîya Çelebi*. P. 664—665.
- ⁴⁴ *Le Mercure de France*. XIX. P. 748 (1633).
- ⁴⁵ *Abmed Refik*. Istanbul nasıl eğleniyordu? (Как Стамбул развлекался?). Istanbul, 1927. P. 19.
- ⁴⁶ *Evlîya Çelebi*. P. 635—645.
- ⁴⁷ *Op. cit.* P. 646—648.
- ⁴⁸ *Abmed Refik*. *Op. cit.* P. 79.
- ⁴⁹ *Evlîya Çelebi*. P. 585.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 587.
- ⁵¹ *Eremya Çelebi*. P. 5.
- ⁵² *Evlîya Çelebi*. P. 561.
- ⁵³ *Saussey E.* Littérature populaire turque. P. 74—75.
- ⁵⁴ *Ibid.* P. 41.
- ⁵⁵ *Ibid.* P. 72.
- ⁵⁶ *Köprülü M. F.* Türk saz sairleri.
- ⁵⁷ *Selim Nüzhet*. Türk temasasi. Istanbul, 1930; *Saussey*. P. 74.
- ⁵⁸ О карагөзе см. *Selim Nüzhet*. *Op. cit.*; *Ritter H.* Karagöz, türkische Schatenspiele. Hanovre, 1934; *Saussey*. *Op. cit.* P. 82.
- ⁵⁹ *Saussey*. *Op. cit.* P. 83.
- ⁶⁰ *Abmed Refik*. Istanbul nasıl eğleniyordu? P. 61.
- ⁶¹ *P. della Valle*. P. 68—79.
- ⁶² См. об этом выше.
- ⁶³ *Palerne J.* Pérégrinations... P. 458—459.
- ⁶⁴ *Eremya Çelebi*. P. 246—250.
- ⁶⁵ *Pétis de la Croix*. T. I. P. 112—117.
- ⁶⁶ См. рукопись «Surname»; *Taeschner F.* Alt-Stambule Hof- und Volrsleben... Ein türkisches Miniaturen Album aus dem 17 Jahrhundert. Hanovre, 1925.
- ⁶⁷ *Evlîya Çelebi*. P. 625—626.

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора	6
Предисловие	10
НЕМНОГО ИСТОРИИ	
От Византия до Константинополя и далее до Стамбула	13
Османский Константинополь	17
ГОРОД	
Общий вид	26
Три города	29
Городские районы	39
Улицы и дома	47
Основные памятники и здания	54
Порт	58
ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА	
Демография	67
Происхождение и количественная оценка населения	67
Распределение по этническому и религиозному признаку— меньшинства	71
Социальные категории: имперские чиновники	84
Султан и высшие сановники	88
Рабы Высокой Порты, или Как становятся чиновниками	95
Высшие сановники Империи	100
Муниципальные службы	109
Военные в городе	123
Религиозная жизнь: должности и деятели	128
ГОРОДСКАЯ СРЕДА: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Люди корпораций	137
Корпорации	137
Торговцы	154
Ремесло и промышленность	169
Представители «свободных» профессий	176
Иностранцы	184
«Нации»	184
Торговля местная и международная	202
СРЕДА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ	
Семья	221
Дом	234
Религия	244

Воспитание	253
Жизнь интеллектуальная и художественная	265
Дворец как элемент культуры	282

ДЕНЬ СТАМБУЛЬЦА

Повседневные дела	293
Развлечения	315
Зрелища	325
Заключение	336
Глоссарий	339
Примечания	345

Мантран Р.
М 23 Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана
Великолепного / Пер. с фр. Ф. Ф. Нестерова; Предисл.
М. С. Мейера. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 367[1] с.:
ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человече-
ства).

ISBN 5-235-02803-1

Книга посвящена самому загадочному городу, соединяющему Европу и Азию, — Стамбулу. Наследник древнего Византия, город стал преемником великого Константинополя — столицы самой большой православной империи Средневековья, превратившись в центр империи османов и притяжения мусульман всего мира.

Повседневность Стамбула в его блестящую эпоху, жизнь обитателей дворцов и янычар, деятельность купечества и заботы бедняков ярко раскрывает книга крупнейшего французского историка Робера Мантрана.

**УДК 94(560)“653”
ББК 63.3(5)4**

Мантран Робер

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТАМБУЛА
В ЭПОХУ СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редакторы **И. А. Тихонок, В. И. Ражева**

Художественный редактор **Н. С. Штефан**

Технический редактор **Н. И. Михайлова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. А. Мещерякова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

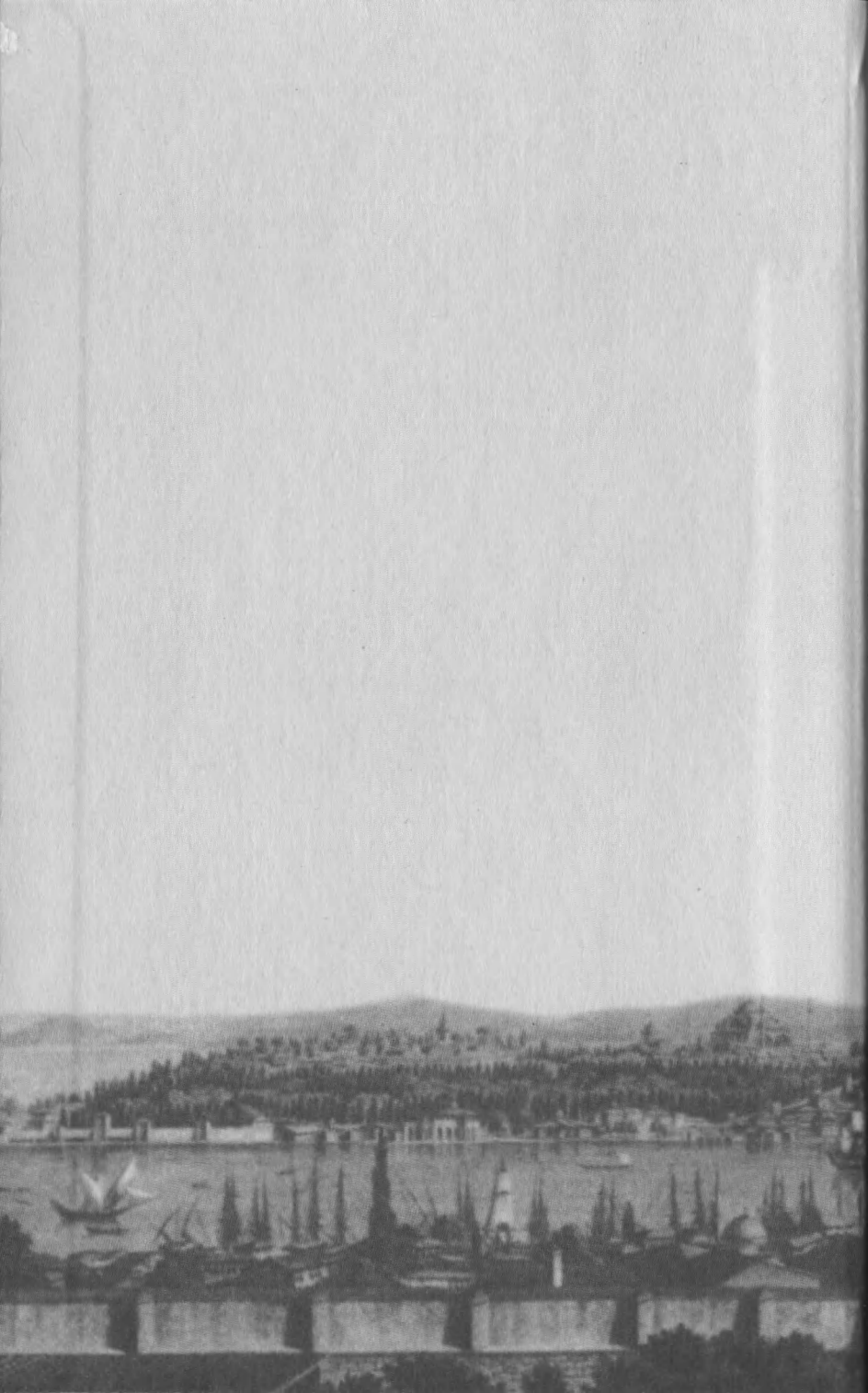
Сдано в набор 06.07.2005. Подписано в печать 13.10.2006. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л.
19,32+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 63366.

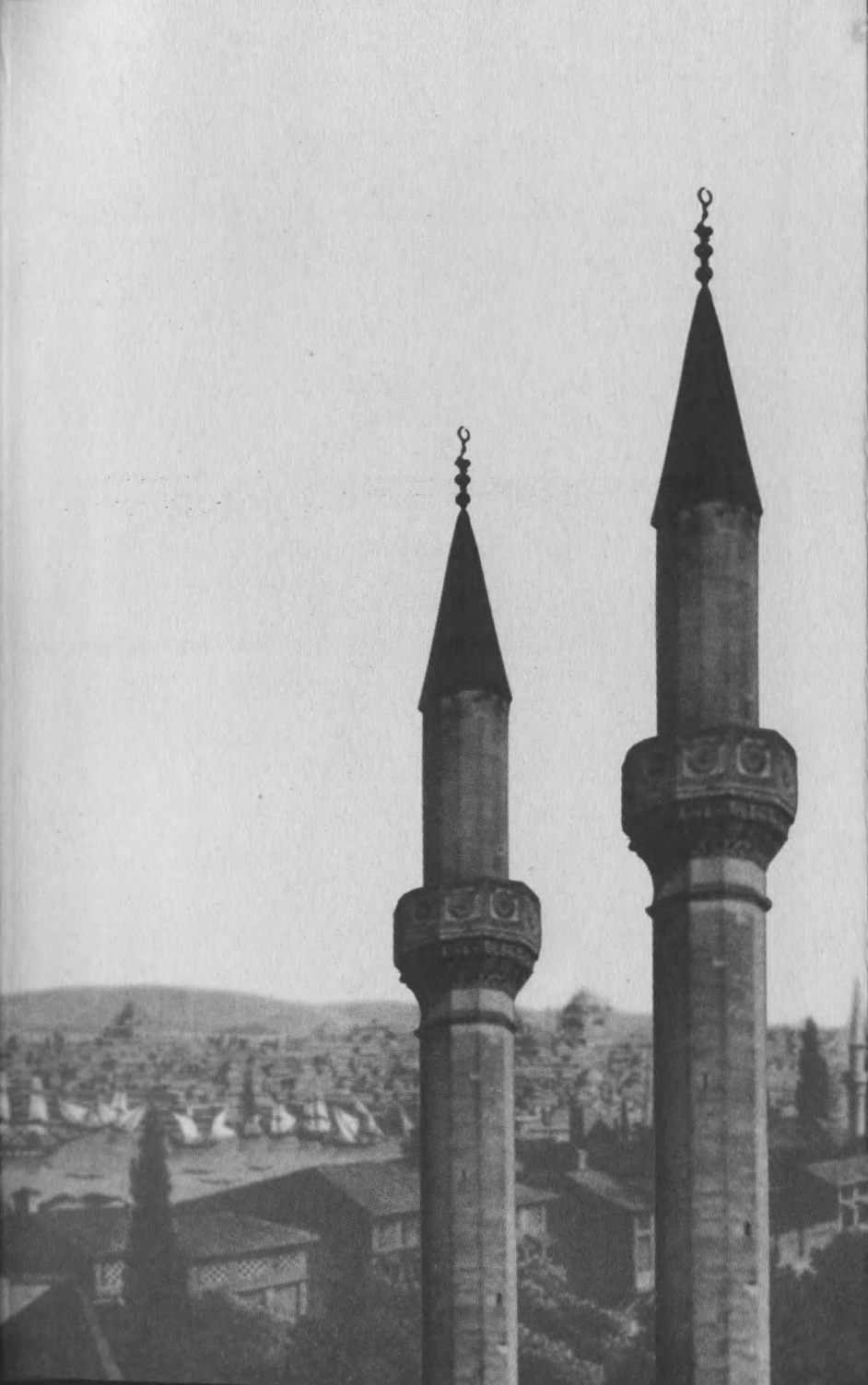
Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва,
Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02803-1

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

С. Охлябинин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ УСАДЬБЫ
XIX ВЕКА

А. Вульф

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

А. Иванов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРАНЦУЗОВ
ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Ш. Казиев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНОГО ГАРЕМА

Ж.-Н. Робер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
НАСЛАЖДЕНИЙ

Н. Старосельская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
«РУССКОГО» КИТАЯ

ISBN 5-235-02803-1

9 785235 028036 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ